

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Ледовская О. А.

**Япония и Турция:
долгий путь к взаимовыгодному
партнерству в XXI веке**

Москва
2022

УДК 327(075. 8)(5)«18/20»
ББК Ф4(5)+Т3(5Туц):Т3(5Япо)
Л39

Рекомендовано
Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственный редактор
Крупянка М. И., д-р полит. наук, ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты
Иванова И. И., канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН
Романова И. А., канд. ист. наук, ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова

Л39 **Ледовская, О. А.** Япония и Турция: долгий путь к взаимовыгодному партнерству в XXI веке : монография / О. А. Ледовская ; Ин-т востоковедения Рос. акад. наук, Центр исслед. общ. проблем соврем. Востока ; [отв. ред. М. И. Крупянка]. — Москва : ИВ РАН. — 2022. — 292 с.

ISBN 978-5-907543-67-6 (в пер.)

Монография посвящена комплексному анализу становления и развития японо-турецких межгосударственных отношений на протяжении конца XIX в. — XXI в. Рассматриваются основные этапы в японо-турецких отношениях, эволюция которых прослеживается в историческом контексте русско-японской войны, Первой и Второй мировых войн и других событий, оказавших влияние на двусторонние отношения между Японией и Турцией.

В исследовании нашли отражение современные проблемы отношений между двумя странами в политической, экономической и культурных областях в условиях трансформации постбиполярной системы мировой системы.

Книга адресована научным работникам, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, а также всем интересующимся современными тенденциями в международных отношениях.

УДК 327(075. 8)(5)«18/20»
ББК Ф4(5)+Т3(5Туц):Т3(5Япо)

ISBN 978-5-907543-67-6 (в пер.)

© Ледовская О. А., 2022
© ФГБУН ИВ РАН, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	7
Глава I. Главные вехи в японо-турецких отношениях в XIX — XXI вв.	19
Исторические параллели: мифология и реальность.....	19
Первые географические карты с изображением Японии	22
Проблема «неравноправных договоров» в японо- турецких отношениях и первые контакты на официальном уровне.....	23
Крушение фрегата «Эртугрул» — трагическая страница в истории японо-турецких отношений	36
Подготовка визита в Японию	36
Миссия в Японию	39
Крушение фрегата «Эртугрул» и спасательные действия	44
Инцидент с судном «Нормантон»	50
Решение об отправке в Стамбул японских корветов «Хизэй» и «Конго»	50
Важная роль Ноды Сётаро и Ямады Торадзиро в развитии отношений Японии с Турцией	53
Преподавание японского языка в военной академии Турции	58
Ямада Торадзиро.....	63
Встреча Ноды и Ямады	66

Деятельность японского посла в Германии Аоки Сюдзо по установлению японо-турецких дипломатических отношений	77
Русско-японская война 1905 г. и ее последствия для японо-турецких отношений.....	81
Лозаннская конференция и установление дипломатических отношений между Японией и Турцией	98
Глава II. Основные направления сотрудничества между Японией и Турцией	119
Курс на «экономическую дипломатию» и проблемы экономических отношений между Японией и Турцией	123
Значение политических контактов между двумя странами	132
Участие Турции и Японии в конференции в Мотрё	134
Особая роль тюркской общины в Японии в развитии двусторонних отношений	140
Противоречивые отношения между Японией и Турцией в годы Второй мировой войны	158
Глава III. Эволюция двусторонних отношений после Второй мировой войны:.....	165
Война в Корее и Сан-Францисский мирный договор	165
Расширение двусторонних связей и «дипломатия приглашений» в 50–60-е гг. XX в.	173
«Кипрский вопрос» в японо-турецких отношениях.....	181
Непростые пути решения проблем экономических отношений.....	186

Глава IV. Курс на установление стратегического партнерства в XXI в.	197
Активизация межгосударственных отношений между Японией и Турцией: углубление политического взаимодействия.....	197
Дальнейшее развитие экономического сотрудничества между Японией и Турцией в XXI в.	212
Взаимодействие Японии и Турции в экономических проектах в Центральной Азии.....	231
Глава V. Культурная дипломатия Японии как инструмент «мягкой» силы	243
«Век дружбы» между Японией и Турцией	246
Образовательные программы	249
Заключение	257
Примечания	262
Список литературы	288
Об авторе	291

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современные Япония и Турция являются крупными региональными державами, расположенными на западном и восточном рубежах Евроазиатского континента. Динамичное развитие обеих стран во второй половине XX — начале XXI вв. определило первостепенную роль, которую они играют в международных отношениях в целом и, особенно, в сопредельных регионах. В условиях биполярной системы международных отношений обе страны входят в мировую систему альянсов под лидерством США. Чтобы лучше понять их взаимный интерес друг к другу на современном этапе, необходимо обратиться к истории возникновения японо-турецких отношений. Эта малоизученная тема и является предметом исследования данной работы.

Структура работы основывается на предлагаемой автором периодизации этапов развития двусторонних связей между Японией и Турцией.

Автор уделил особое внимание наиболее важным и малоизвестным фактам зарождения и развития двусторонних отношений, начиная с 1890 г. К ним относятся, прежде всего, попытки установления дипломатических отношений между двумя странами: этот период занял более тридцати лет. Он завершился участием Японии и Турции в работе Лозаннской конференции 1922–1923 гг. Процесс установления дипломатических отношений между ними был тесно связан с основными событиями Русско-турецкой войны 1904–1905 гг. и Первой мировой войны 1914–1918 гг. Значительное место в работе отведено анализу такого специфического фактора, который оказал определенное воздействие на отношения между двумя странами, как место и роль тюркской общины в Японии.

Важное место в исследовании занимает период перед и во время Второй мировой войны, когда Япония и Турция находились в противоположных лагерях и отношения между ними были формально прерваны.

По окончании Второй мировой войны Япония, будучи в числе проигравших стран, оказалась экономически и политически в положении аутсайдера. После подписания Сан-Францисского мирного договора с Японией в 1952 г. отношения между двумя странами были восстановлены.

Послевоенный период развития двусторонних отношений отражен в монографии описанием поэтапных шагов, приведших Японию и Турцию к установлению стратегического партнерства между ними в 2013 г. Основным направлением двустороннего сотрудничества и перспективам сближения Японии и Турции в XXI в. автор уделил наибольшее внимание.

Тема японо-турецких взаимоотношений является предметом внимательного изучения зарубежными исследователями. В первую очередь, отметим книгу американского политолога Джорджа Фридмана “The Next 100 Years. A Forecast for the 21st Century”, в которой он не только подробно рассматривает отношения между Японией и Турцией, но и делает, по нашему мнению, неоправданно смелые прогнозы их дальнейшего развития. Подчеркивая «мощь Японии на побережье Тихого океана» и «распространение сферы влияния Турции в Средней Азии и западной части Китая», автор считает, что в середине XXI в. возникнет возможность, при условии сотрудничества Турции и Японии, создания панъевразийской силы, способной соперничать с США¹. Фридман исходит из того, что, в отличие от Балкан, Кавказа и арабского мира, Турция «представляет собой остров стабильности посреди хаоса. И по мере того, как будет расти мощь Турции (учитывая, что ее экономике и армии уже нет равных в этом регионе), ее влияние также будет усиливаться»².

С точки зрения Японии, как отмечает Фридман, Турция является той страной, которая позволит Токио войти в обширный район Ближнего Востока, где Турция в последнее время стала играть одну из ключевых ролей. При этом, учитывая потребности и географическое положение Японии, автор делает вывод, что для Японии главная и единственная цель — установление влияния в Восточной Азии. Фридман подчеркивает, что «Япония примечательна своей внутренней стабильностью, сохраняющейся в ходе крупных сдвигов в экономике и политике»³. Возрождение Японии как региональной державы, по его мнению, создает предпосылки для усиления глобальной мощи, что позволит ей наращивать свои военно-воздушные и военно-морские силы. Это, с точки

зрения Фридмана, противоречит интересам США и ведет к геополитическим изменениям, которые позволят Японии создать собственную коалицию на другом конце Азии в лице Турции. Являясь центром региональной торговли, Турция обладает собственной экономической мощью. В связи с этим автор высказывает точку зрения, что Турция «превратится в важный фактор, который японцам придется учитывать в своих стратегических планах, поскольку Япония издавна зависит от поставок нефти из Персидского залива. После того как Турция установит господство над Персидским заливом, у японцев появится заинтересованность в достижении взаимопонимания с Турцией. Обе эти страны к тому времени будут обладать мощными экономиками и начнут превращаться в сильные в военном отношении державы. Подчеркивая заинтересованность двух стран в безопасности морских путей от Ормузского до Малаккского пролива, Фридман считает, что интересы обеих держав могут в значительной степени совпадать, а точек трения между ними окажется совсем немного»⁴. Продолжая эту тему, Фридман прогнозирует, что становление Турции как региональной и морской державы совпадет по времени с укреплением мощи Японии. Это, по его мнению, вызовет особое беспокойство у США, так как в Персидском заливе господство Турции будет подавляющим, а в северо-западной части Тихого океана будет «доминировать» Япония. Такое сотрудничество станет еще одной причиной для беспокойства США. Кроме того, автор считает вероятной заинтересованность Турции и Японии в ограничении власти США, что толкнет эти страны к созданию естественного союза⁵. Основываясь на геополитических факторах, которые делают японо-турецкий союз «естественным», автор приходит к выводу, что в текущем столетии будет достигнуто соглашение, гарантирующее Японии и Турции собственные сферы влияния, и что «отношения между этими странами окажут огромное влияние на XXI век»⁶.

Исторические вехи развития отношений между Японией и Турцией нашли свое отражение в многочисленных зарубежных исследованиях.

Ранние контакты между двумя странами исследуются, в частности, в трудах Курта Сингера, Стэнфорда Дж. Шоу, Э. Эсина, Эдвина Райшауэра, Хориути Ё., Дж. Бисли, Найто Тисё, Ямады Торадзиро, Арыка Умута.

Исследователи находят много общего в древней истории Японии и Турции. Курт Сингер, немецкий экономист и философ, исследуя японский характер и историю страны, приводит в своих работах данные о том, что предки японцев и турок существовали на одних и тех же землях

в течение определенного времени, что оказало большое влияние на их традиции, язык и т. п.⁷ В работе российского востоковеда С. Ф. Орешковой «Османская империя: очерки истории» подробно исследуется формирование огузского этноса, процесс этнического синтеза тюркоязычных народов⁸.

Эдвин Райшауэр, известный американский ученый, специалист в области истории и культуры Японии и Восточной Азии, отмечает тесную связь японцев с китайцами и корейцами. В книге Эдвина Райшауэра и Джона К. Фэйрбанка «Восточная Азия» приводятся данные археологических раскопок, которые свидетельствуют о том, что народу, переместившемуся на японские острова 6–7 тыс. лет назад, не хватало знаний о керамике, но их каменные орудия полностью совпадали с найденными орудиями в Северо-Восточной Азии. Ранняя японская культура, распространившаяся на острова в III в. до н. э., известна как Дзёмон. Она была тесно связана с другими ранними культурами, характерными для лесистых местностей, простиравшихся от современной Финляндии, через Сибирь, до Северо-восточных районов США⁹.

Первые официальные контакты между двумя странами проходили на фоне их шагов на международной арене, которые совпадали по некоторым вопросам. Обе страны столкнулись с проблемой неравноправных договоров, которыми они были связаны с такими державами, как Великобритания, Россия, Германия, Франция и Соединенные Штаты. При помощи неравноправных договоров, а также секретной дипломатии и открытой агрессии, эти страны боролись за большее влияние в Турции и Японии.

Эти вопросы были подробно исследованы известным российским ученым-востоковедом Л. Н. Кутаковым в книге «Россия и Япония». Он подчеркивает, что «задача пересмотра неравноправных договоров, навязанных Японии в 1850-х и 60-х годах, стала главным приоритетом внешней политики государства»¹⁰. Автор анализирует значение «миссии Ивакура», направленной в Западную Европу и Америку в 1871 г. для ведения переговоров о пересмотре вышеназванных договоров.

В исследовании японского ученого Нагабы Хироси из Токийского института развивающихся экономик кратко анализируются основные исторические события в двусторонних японо-турецких отношениях на протяжении длительного периода времени — с XVII по начало XX вв., прослеживается исторический процесс, через который прошли Япония и Турция для установления дипломатических отношений¹¹.

Важное место в историографии японо-турецких отношений занимает трагическая история с фрегатом «Эртугрул». Японский историк Такахаси Тадахиса подробно описывает события, связанные с отправкой фрегата со специальной миссией из Турции в Японию, его кораблекрушением, спасением оставшихся в живых турецких моряков и отправкой их на японских корветах в Турцию¹². Эти события оказали большое влияние на дальнейшее развитие двусторонних связей и до сих пор находят отклик в современных публикациях, посвященных японо-турецким отношениям.

В то же время ряд исследователей довольно сдержанно относятся к значению миссии фрегата «Эртугрул». Так, например, Мисава Нобуо, японский историк, профессор университета Тойо, высказывает точку зрения, что «специальная миссия в Японию явилась не знаком уважения японскому императору, а желанием султана Абдулхамида II продемонстрировать мощь Османской империи всем мусульманам по дороге в Японию»¹³. В книге «Начало обучения японскому языку в Османской империи», написанной Мисавой Н. в соавторстве с турецким историком Гокуром Акадагом, подробно рассказывается об организации обучения японскому языку в Стамбуле, что имело место после прибытия выживших в кораблекрушении моряков¹⁴.

Британский историк У. Дж. Бисли подробно описывает события, предшествовавшие началу русско-японской войны, в частности, переговорам посла Японии при Сент-Джеймском дворе (английском правительстве) Британии Хаяси Тадасу и британского министра иностранных дел Лансдауном, которые завершились подписанием англо-японского договора 1902 г. Договор носил антирусскую направленность и был для Японии подготовкой к русско-японской войне¹⁵. Переговоры Хаяси и Лансдауна могли явиться одним из факторов, тормозивших японо-турецкие переговоры о заключении договора об установлении дипломатических отношений между ними, т. к., по мнению Верховной Порты, в тот период Япония не была заинтересована в установлении отношений на основе международного права.

В работах турецкого историка Нимета Акдес Курата подробно анализируется реакция Турции на русско-японскую войну 1904–1905 гг., а также позиция Турции в отношении закрытия прохода через черноморские проливы для российского Черноморского флота¹⁶. Автор также рассказывает о специальном посланнике султана Абдулхамида II, полковнике Пертев Демиркане, который в качестве наблюдателя был участником

военных действий в японской армии в Маньчжурии. Автор отмечает, что в Турции и Японии были сильны антироссийские настроения, что явилось мощным фактором, способствовавшим поиску схожести их позиций в отношении установления дипломатических отношений.

Большой интерес представляют малоисследованные данные о возможности заключения в 1906–1907 гг. «секретного» договора между Турцией с одной стороны и Британией и Японией — с другой. Противником возможного договора выступила Россия, т. к. имелись сведения о его антироссийской направленности. Японский историк Найто Тисо подробно описывает дипломатические шаги, предпринятые Россией для изоляции Турции от возможного заключения подобного договора, а также реакцию Японии в отношении этих событий¹⁷.

Важное место в исследованиях двусторонних японо-турецких отношений занимает рассмотрение их позиций в отношении Севрского договора, а также Лозаннского мирного договора, подробно проанализированных в работах российского востоковеда-турколога Н. Г. Киреева¹⁸, турецких исследователей Хикмета Баюра¹⁹ и Османа Олча²⁰. Американский историк Стэнфорд Дж. Шоу исследует позицию Турции на Лозаннской мирной конференции 1922 г.²¹.

Сеха Л. Мерай, турецкий ученый, профессор права, изучил в деталях ход Лозаннской мирной конференции, на которой представители японской делегации предлагали турецкой стороне пойти на компромисс и принять решения конференции. По итогам конференции был подписан мирный договор, а также ряд конвенций и протоколов, которые не только провозгласили мир между союзными государствами и Турцией, но и установили официальные дипломатические отношения между Японией и Турцией²².

Обмен дипломатическими представительствами Турции и Японии произошел в 1925 г., что подробно описано в исследовании японского ученого Такахаси Тадахисы «Краткий обзор турецко-японских отношений 1871–1945»²³. Важным событием в двусторонних японо-турецких отношениях явилось создание в 1925 г. турецко-японской торговой ассоциации. Первым президентом ассоциации явился Инабата Кацутаро, президент Осакинской торговой палаты, а посланник Турции Фуат Хулуси стал ее почетным президентом. В этой связи следует особо упомянуть одного из членов этой ассоциации — Ямаду Торадзиро, издавшего свои мемуары²⁴.

Следует отметить также работу японского историка Мураками Хё «Япония. Годы испытаний 1919–1952»²⁵. Автор подробно исследует обстановку в стране накануне Второй мировой войны, приводит данные о выходе Японии из Лиги Наций, о визите в Москву министра иностранных дел Японии Мацуока Ёсукэ и его переговорах со Сталиным.

Тюрккая Атаев, турецкий ученый, специалист по международным отношениям, в своих исследованиях подробно останавливается на основных факторах, оказавших влияние на двусторонние турецко-японские отношения, а именно: положение Турции перед Второй мировой войной, ее отношения с ведущими державами во время войны, а также анализирует Ялтинское соглашение и его значение для послевоенного устройства мира²⁶.

Дальнейшее развитие двусторонних отношений нашло свое отражение в работе Арыка Умута²⁷. На основе большого фактологического материала он выделяет основные этапы турецко-японских отношений, рассматривает факторы, повлиявшие на их развитие. Автор приходит к выводу о новых перспективах «особого партнерства» между Турцией и Японией в XXI в.²⁸.

Большой интерес представляет литература по достаточно малоизученной теме истории исламской общины в Японии. В работе Стэнфорда Дж. Шоу и Эзель Курал Шоу «История Османской империи и современной Турции» рассказывается о деятельности нескольких представителей «младотурок» в России после их приглашения в Москву, а затем об эмиграции некоторых из них в Монголию, Маньчжурию и Японию. В Японии, в частности, они принимали активное участие в политической жизни²⁹. В книге Моримото Абу-Бакара прослеживается создание турецкой общины в Японии³⁰.

Вопросы развития двусторонних японо-турецких отношений в конце XX — начале XXI вв. нашли свое отражение в ряде работ отечественных исследователей. Работы И. А. Свистуновой³¹, И. И. Ивановой³², И. Г. Зиновьевой³³ оценивают перспективы развития отношений между двумя странами как взаимовыгодные, способствующие сохранению стабильности в Азии. Так, в частности, в работе И. Свистуновой отмечается, что на «международном уровне Турция и Япония разделяют общие взгляды по таким вопросам, как реформирование Совета Безопасности ООН (выступают за расширение его состава), ядерное нераспространение (в частности, обе страны участвуют в Инициативе по ядерному нераспространению и разоружению), борьба с терроризмом, помощь

развитию стран третьего мира и др. Анкара и Токио стремятся решить вопрос развития политических отношений в условиях географической удаленности друг от друга за счет углубления сотрудничества на многостороннем уровне в рамках международных организаций»³⁴.

Из современных турецких исследователей привлекают внимание работы Сельчука Чолакоглу, посвященные политике Турции в Восточной Азии и, в частности, турецко-японским отношениям³⁵. Автор считает возможной поддержку политики Турции на Ближнем Востоке со стороны Японии, которая будет содействовать Турции в преодолении сирийского кризиса. Гокнур Акчадаг, профессор университета Йылдыз, подробно исследует экономические отношения между двумя странами и приходит к выводу о необходимости заключения соглашения о свободной торговле между ними³⁶.

Турецкий политолог, профессор Мехмет Озкан (Бахадир Пехливантурк) отмечает, что Япония занимает особое место во внешней политике Турции. Сравнивая отношения Турции с ее региональными соседями и другими государствами, для которых более характерен реалистический или прагматический характер, автор приходит к выводу, что государственные деятели Турции испытывают в отношении Японии определенную степень «сентиментальности» и «романтизма». Истоки этого автор находит в исторических повествованиях времен Османской империи³⁷. Тем не менее, по мнению автора, наряду с эмоциональной окраской в двусторонних отношениях присутствует также и рациональный расчет, что в социальном контексте способствует гармоничному сотрудничеству обеих стран, особенно по глобальным проблемам³⁸.

Следует также остановиться на вышедшей в 2003 г. (который был объявлен «годом Турции в Японии») работе «Восходящее солнце и турецкий полумесяц: новые перспективы в истории японско-турецких отношений» под редакцией турецкого историка Сельчук Эсенбель и японского историка Инабы Тихару. Исследование состоит из нескольких очерков, посвященных различным историческим темам. Один из авторов, Сельчук Эсенбель, представляет обзор турецко-японских отношений, охватывающих период между 1868 г. и зашедшими в тупик переговорами о заключении договора между двумя странами в 1920-х гг. Другой автор, Селим Дерингил, фокусируется на взглядах Османской империи в конце XIX в. на Японию как на «неизвестную страну». Дерингил также предполагает, что «Эртугрул» был послан

в Японию в первую очередь с целью «поднять Османское знамя в азиатских водах»³⁹. Это было связано с растущим интересом к Абдулхамиду II в странах на побережье Индийского океана и Ост-Индии в 1890-х гг.⁴⁰ Инаба Тихару подробно рассматривает вопрос о проливах Босфор и Дарданеллы во время русско-японской войны 1904–1905 гг.

Исторический очерк Кимуры Масато о «неправительственной экономической дипломатии» между Японией и Турцией рассказывает о Инабате Кацутаро, центральной фигуре в японском финансовом механизме в период между двумя мировыми войнами. Японский автор Сирайва Кацухико делает обзор литературы, связанной с Турцией в период с 1862 по 1912 гг., анализирует образ Японии у турецкого населения. Турецкий исследователь Назир Озбек подробно рассказывает об интеллектуальной и политической карьере исламского деятеля Абдурашида Ибрагимова, о его поездках в Японию в 1908–1909 гг., связях с политическими деятелями Японии в период с 1908 по 1912 гг. Японский историк Сакамото Цукому приводит данные о встрече Абдурашида Ибрагимова и Котаро Янаоки, первого японца, принявшего ислам на рубеже XX в., а также об их совместной поездке в Мекку. В очерке Мацунаги Акиры рассказывается о Гаязе Исхаки — деятеле национального движения волжских болгар, эмигрировавшем в Турцию в 1939 г., о его визите в Японию в 30-е годы XIX в. и деятельности турецкой общины на Дальнем Востоке. Определенный интерес представляет очерк Инабы Тихару о разведывательной деятельности России в Стамбуле во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Масару Икэй в своей статье останавливается на работе Ближневосточной торговой конференции в Стамбуле в 1926 г., на ее результатах и значении в двусторонних японо-турецких отношениях. Герхард Крепс и Рона Айбэй исследуют неизвестные аспекты японо-российско-турецких отношений в конце Второй мировой войны. В работе также приводятся две статьи, посвященные социальным и экономическим процессам в обеих странах: в статье Сахары Тэцую сравниваются муниципальные реформы в Японии периоды Мэйдзи и турецкие реформы времен Османской империи; статья Ибрагима Озтюрка посвящена экономическому кризису в Японии и Турции. Таким образом, названное исследование представляет собой первый всеобъемлющий научный труд, в полной мере отражающий основные события и тенденции в японо-турецких отношениях.

В 2017 г. был опубликован доклад Центра ближневосточных исследований (*Ortadoğu Araştırmaları Merkezi*, также известный как ORSAM) под названием «Япония — Турция. Диалог по глобальным вопросам»⁴¹. В этом исследовании японские и турецкие ученые, дипломаты и представители различных министерств отмечают объективную потребность двух стран в развитии отношений между двумя странами. Анализируется необходимость заключения соглашения о свободной торговле между Японией и Турцией с целью вывести политическую и геополитическую напряженность из двусторонних японо-турецких отношений. Авторы приходят к выводу, что при условии совпадения интересов и целей государственных и частных секторов экономик обеих стран, двусторонняя торговля и инвестиции являются первоначальной и наиболее важной основой для развития отношений между Турцией и Японией⁴².

Специального упоминания заслуживают изданные материалы симпозиумов 2014 и 2016 гг. в Анкаре, организованных правительствами Японии и Турции. Первый симпозиум был посвящен в основном двусторонним отношениям. Материалы второго симпозиума свидетельствуют о том, что и Япония, и Турция стремятся углубить свое сотрудничество путем вовлечения в такие мировые глобальные проблемы, как борьба с терроризмом; прямые иностранные инвестиции; комплексная безопасность и безопасность человека; деятельность Шанхайской организации сотрудничества как союза по обеспечению безопасности, а не военного союза; необходимость реализации экономической интеграции и развитие культурных связей между странами региона.

Далее следует остановиться на материалах международного симпозиума, проходившего 22–23 июня 2019 г. в университете Тойо в Токио под названием «Новое рассмотрение значения 100-летней годовщины Парижской конференции 1919 г.». В опубликованной исследовательской работе «Корни японской политики в отношении Среднего Востока и ислам» под редакцией профессора Мисавы Нобуо (университет Тойо) особое внимание привлекают статьи Гёкнур Акчадаг (университет Нишанташи), а также профессора Хироси Като (университет Хитоцубаси). В первой статье «Турецко-японские дипломатические и торговые отношения на фоне политических событий начала XX в.» автор приходит к выводу, что Первая мировая война явилась поворотным моментом в японской политике на Ближнем и Среднем Востоке: после Парижской конференции Япония начала активно продвигаться

в восточном Средиземноморье под контролем Британии, в частности, в Османской империи. Во второй статье «Японская экспансия в восточном Средиземноморье в период между Первой и Второй мировыми войнами с точки зрения статистических данных по Суэцкому каналу» рассматриваются политические, военные и торговые составляющие этого процесса, которые автор называет «желтой опасностью», приведшей к противодействию западных стран в отношении демпинга японских товаров⁴³.

Многие аналитики, подчеркивая большое значение Турции в регионе Ближнего Востока, в то же время считают необходимым повышение ее роли в международных отношениях на глобальном уровне. Так, например, по мнению Ямагами Синдзо, бывшего директора Японского Института международных отношений, «более значимая роль Турции в региональном и международном контексте необходима с точки зрения более четкого понимания роли Японии, при этом не недооценивая и не переоценивая ее, что, в свою очередь, позволит реалистично рассматривать перспективы японо-турецкого сотрудничества»⁴⁴.

По мнению ряда исследователей, «эти государства принадлежат разным географическим ареалам, но имеют схожие стратегии будущего. Их геополитический вектор все больше отдаляется от Вашингтона, изменяя курс в сторону Китая, России, Индии и Ирана»⁴⁵.

В то же время нельзя не отметить, по мнению ряда исследователей, «стремление США сохранить и укрепить свое господство в регионе Ближнего Востока и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где Вашингтон всегда старался поддерживать безупречные отношения с обеими странами и обеспечить себе, таким образом, постоянный контроль над делами в регионах»⁴⁶. Другие авторы ставят под сомнение этот тезис.

В этом отношении следует отметить мнение канадского исследователя индийского происхождения Амитавы Ачарии, который считает, что «американский мировой порядок, основывающийся только на США, подходит к концу. На смену ему приходит «мультиплексный мир», который, в отличие от многополярности в международной системе, делает мир более взаимосвязанным и взаимозависимым»⁴⁷.

В этой связи можно привести цитату турецкого исследователя Бахадира Пехливантюрка, что «существующий гегемонистский подход к решению мировых проблем недостаточен. Для таких стран, как Турция и Япония, более актуально «горизонтальное» сотрудничество»⁴⁸.

Все приведенные выше исследования отражают основные исторические события в двусторонних японо-турецких отношениях. Хотя некоторые из них носят фрагментарный характер, тем не менее, в основном, дают полную картину основных тенденций развития двусторонних отношений. Современные работы различных зарубежных и отечественных авторов свидетельствуют о том, что в настоящее время между Японией и Турцией разрабатываются различные подходы, способствующие росту и повышению доверия в отношениях между ними.

Глава I

ГЛАВНЫЕ ВЕХИ В ЯПОНО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ В XIX — XXI вв.

Исторические параллели: мифология и реальность

Японо-турецкие отношения прошли большой путь до установления между странами дипломатических отношений. В этой связи интересными представляются некоторые факты японской и турецкой мифологии, свидетельствующие о взаимных контактах в VIII в. до н. э. Существует мнение, что предки японцев и турок существовали на одних и тех же землях в течение определенного времени, что оказало большое влияние на их традиции, язык и т. п., и откуда состоялся их исход.

В одном из старейших письменных памятников Японии «Нихонги»*, составленном во второй половине VIII в., приводится история создания империи Ямато, связанная с императором Дзимму (Тэнно). «В возрасте 45 лет, когда на западных землях царили тьма, запустение и беспорядок, он призвал своих старших братьев и детей и обратил свой взор в сторону земли свежих рисовых колосьев и плодородных тростниковых равнин во славу Небесных предков и рассказал, что слышал от предков о «сказочной земле на Востоке, окруженной со всех сторон голубыми горами, где восходит Солнце. Именно туда император Дзимму направился со своей свитой»⁴⁹. В турецкой мифологии также есть упоминание «процветающей земли Отукен», где первоначально жили турки и откуда они мигрировали на Запад из-за засухи и климатических изменений. Согласно одной из версий правитель последовал за волком (который является турецким

* Нихонги, или «Нихон сёки» (яп.: «Анналы Японии») — один из старейших письменных памятников Японии, работа над которым была завершена в июле 720 г. Цит. по: Япония от А до Я. Популярная энциклопедия. М., 2008.

тотемом) и нашел выход к зеленым пастбищам на Западе. В другой версии он прошел через гору на Запад к плодородным землям. В третьей версии правитель велел своей свите направить стрелы туда, куда они хотели бы прибыть, и свита направила их на Запад, где садится солнце⁵⁰.

По мнению исследователей, эти факты находят свое подтверждение в символике флагов обеих стран. Если смотреть на турецкий флаг с турецкого угла зрения, можно увидеть величие заката солнца с растущим полумесяцем рядом со звездой. Для японцев, с их точки зрения, белый цвет флага символизирует величие утра, которое увенчано восходящим красным солнцем. «Очевидно, что можно представить, что обе нации находятся на одном и том же месте и смотрят — одни на Запад, другие — на Восток»⁵¹.

Кроме символических и поэтических совпадений существуют и исторические аналогии.

В многочисленных исследованиях зарубежных и отечественных авторов есть сведения об общих географических и этнографических корнях японского и турецкого народов.

Так, например, исследователи отмечают, что османские турки образовались из массы кочевников, которые передвигались по Алтайским горам к востоку от Евразийских степей и к югу от реки Енисей и озера Байкал, по территории теперешней внешней Монголии. Начиная со второго тысячелетия до н. э. в меняющихся политических, военных и климатических условиях на Алтае кочевники нападали на оседлые народы на границе степей. Те, которые двинулись на юг и запад в направлении Восточной Европы, Ближнего Востока и Центральной Азии, известны как турки-огузы, а те, на которых они нападали, — туркоманы или турки⁵².

Из китайских источников следует, что первые турки были известны как «туркофоны» (говорящие по-турецки) на землях, простиравшихся к северу от Китая, к западу от долины Яксарта, называемой так китайцами-динлинами⁵³. Японцы же, в основном принадлежащие к монголоидной расе, тесно связанные со своими соседями в Корее и Китае, как и все современные народы, являются продуктом обширного расового смешения. Археологические данные убедительно показывают, что большое число, если не большинство, ранних жителей Японии пришли на острова из Кореи и Северо-Восточной Азии, и есть неоспоримые исторические свидетельства, что значительный поток людей с Корейского полуострова продолжался до VIII в. до н. э. Исследователи ссылаются на источники начала XIX в., которые приписывают континентальное происхождение более чем трети аристократических семей при японском дворе⁵⁴.

Последние археологические раскопки свидетельствуют о том, что народу, переместившемуся на японские острова 6–7 тыс. лет назад, не хватало знаний о керамике, но их каменные орудия полностью совпадали с найденными орудиями в Северо-Восточной Азии. Ранняя японская культура, распространившаяся на острова в 3-ем тысячелетии до н. э., известна как Дзёмон. Она была тесно связана с другими ранними культурами, которые были характерны для лесистых местностей, простиравшихся от современной Финляндии, через Сибирь до Северо-восточных районов США⁵⁵.

Новая культура существовала до III в. до н. э. и называлась «культурой гробниц» из-за огромных глиняных тумулусов, а позже каменных погребальных камер, которые были свойственны этой культуре и напоминали древнюю Корею и ее северо-восточную глубинку⁵⁶.

Действительно, эти данные, по мнению исследователей, свидетельствуют о близости географических и этнографических корней турецкого и японского народов. Судя по историческим и археологическим находкам, они, скорее всего, происходят с урало-алтайских земель, из северных равнин Азии. Их ремесла, их язык, социально-антропологические обычаи также свидетельствуют об этом сходстве.

По мнению исследователей, урало-алтайские корни турецкого и японского языков повлияли на определенное лексическое сходство этих языков.

Таблица 1

Японские слова		Турецкие слова
katai	твердый)	kati
hai	(да)	hay, hay
moroku	(легко)	moruk
shaku-yaku	(пион душистый)	shaku-yik
kami	(желание)	kam
arimasu	(прибывать)	varsin
tepen	(пик)	tepe

Японская и турецкая грамматика и структура предложения одинаковы. Например, японская фраза “Nan desu ka?” и турецкая “Değil mi ki ne?” (что это?).

Музыкальные инструменты турецкого и японского фольклора копируют друг друга. Эта похожесть подкрепляется идентичными структурами музыкальных инструментов двух народов. Японский *сямисэн* похож на турецкий *копуз* и *уд*, японский *кото* — на турецкий *канун*, японский *сякухати* — на турецкий *кавал*.

Японская живопись X в. имеет много общего с турецкой живописью, так, например, японское «Цветение сакуры» перекликается с турецкими цветочными узорами. Предметы быта тоже схожи: турецкий *хазир* — с японским *татами*, японский *футон* — с турецким *досеком* или *ятаком*.

Турки, как и японцы, снимают обувь при входе в дом. Уважение старших, любовь и защита младших — общее для двух народов. Философия «буси»* в Японии совпадает с кодексом чести в Турции.

И японцы, и турки называют иностранцев «ябандзин» и «ябанджи».

Другими словами, схожесть в корнях прошла через века и тысячелетия и нашла отражение в современном японском и турецком обществе.

Первые географические карты с изображением Японии

На протяжении последующих столетий взаимное влияние двух стран продолжалось, оба народа продолжали контактировать друг с другом, несмотря на большое географическое расстояние между ними.

Западные страны получили первую информацию о Японии от Марко Поло (1254–1323), который в своих записях во время путешествий по Дальнему Востоку упоминал Бирму, Лаос, Сиам, Яву, Суматру, Цейлон и Японию. Первый западный географ, ученый и мореплаватель Мартин Бехайм указал расположение Японии на глобусе, который он создал в середине XV в.⁵⁷.

Однако турки к тому времени уже отображали Японию на карте мира благодаря Махмуду Кашгари, турецкому эрудиту, лингвисту, историку и географу. В книге, которую он закончил в 1070 г. «Диван лугат ат-турк» («Свод тюркских слов»), он изобразил в деталях на круглой карте мира Восток, Запад, Север и Юг. В ней были четко обозначены районы, населенные турками от Европы до Китая, а также некоторые моря и реки. Места, указанные на Западе, простирались до Итиля, где жили кипчаки и франки. На юго-западе — Эфиопия, на севере — Индия, на востоке были указаны Китай и Япония. Ну а в центре располагались тюркские

* Бусидо (яп.: «пусть воина») — неписаный кодекс поведения самурая. Основным принципом в нем была неограниченная верность сюзерену.

города Яркент, Кашгар, Барсган, Баласогун, Яфрук, Икиокус, Асбуали, Куми и Талас. Западная, северная и восточная части Азии не были начерчены, но, несмотря на то, что карта содержала географические неточности, данные о восточных регионах были правильные.

Махмуд показал Великую Китайскую стену на своей карте и подчеркнул, что эта стена и высокие горы служили естественным препятствием на его пути к изучению китайского языка. То же самое он говорил о Японии, так как она была островом в восточной части Азии.

Таким образом, официально карта Японии была начерчена в XIV в. и была впервые включена в мировой атлас в XV в. Однако, если принять во внимание информацию Махмуда Кашгари, первая карта Японии, пусть и представляла собой грубый чертеж с ошибками была создана им в XI в.⁵⁸

Позднее, во времена Сельджукской и Османской империи, и турки, и японцы продолжали влиять друг на друга через Шелковый путь. В музее Топкапы в Стамбуле представлены предметы из шелка, хлопчатобумажные вышивки, керамика, гончарные изделия, изогнутые стальные лезвия, доспехи, которые свидетельствуют об их взаимных связях.

Проблема «неравноправных договоров» в японо-турецких отношениях и первые контакты на официальном уровне

Первые официальные контакты между двумя странами проходили на фоне их шагов на международной арене, которые совпадали по некоторым вопросам. Обе страны столкнулись с проблемой неравноправных договоров, которыми они были связаны с такими державами, как Великобритания, Россия, Германия, Франция и Соединенные Штаты, которые при помощи секретной дипломатии, открытой агрессии и неравноправных договоров боролись за большее влияние в Турции и Японии.

К началу 70-х гг. XIX в. усилилась зависимость Турции от иностранных держав. Этому способствовал кризис Османской империи**.

Упадок Османской империи создавал благоприятную обстановку для проникновения иностранных колонизаторов. Французские, английские

* Главными причинами возникновения кризиса Османской империи были:

- 1) частые восстания балканских народов против турецкого владычества, начиная с начала XIX в. и в течение всего XIX в.;
- 2) Русско-турецкие войны 1828–1829 гг., 1854–1856 гг., 1877–1879 гг., в которых Турция имела большие потери и затраты на ведение войн;

и другие европейские купцы появились на этой территории еще в XVII в. В XVIII в. отношения Турции с европейскими державами начали принимать неправомерный характер. Важным орудием иностранного проникновения в Османскую империю явился режим т. н. капитуляций — документов, содержащих перечень привилегий, предоставляемых турецкими султанами иностранным купцам⁵⁹.

Иностранный капитал широко использовал неэквивалентную торговлю, неравноправные договоры, кабальные займы, режим капитуляций. Причем в их руках находился такой важный рычаг воздействия на экономику и политическую жизнь страны, как Оттоманский имперский банк. Пользуясь финансовой зависимостью Турции, иностранные державы получали различные выгодные концессии. Французские капиталисты владели железными дорогами в Сирии, англичанам и французам принадлежали железные дороги в районе Измира. Крупную концессию на строительство Багдадской дороги получил немецкий капитал. Железные дороги строились без учета потребностей турецкой национальной экономики, в зависимости от экономических и стратегических интересов колонизаторов. Иностранные фирмы приобрели ряд концессий и на эксплуатацию ископаемых богатств Турции⁶⁰.

В Османской империи были основаны новые иностранные банки: в Стамбуле открылся филиал крупнейшего французского банка «Лионский кредит», несколько западноевропейских банков совместно основали «Салоникский банк», был создан «Немецкий Палестинский банк» и т. д. Созданный в конце XIX в. единственный турецкий банк — Сельскохозяйственный — был крайне слаб⁶¹.

Одновременно капиталистические державы подчиняли себе Турцию и политически. В 1883 г. в Турцию прибыла германская военная миссия;

- 3) осложнение внутреннего положения, связанное с янычарским корпусом, который был ненавистен народу и оказался бессильным в войне против восставших греков и других балканских народов.

В 1826 г. по приказу султана Махмуда II мятежные янычары были казнены, а корпус ликвидирован. После этого султан начал создавать новую армию по европейскому образцу. В результате в период ухудшения международного положения Турции султан остался без старого войска и не сумел создать новое. В результате последовало поражение в 1829 г. в Русско-турецкой войне. Положение Турции в этот период времени осложнилось еще и выступлением египетского паши Мухаммеда Али, войска которого в 1832 г. в битве у города Конья разгромили наголову турок. Подробно об этом см.: Н. Г. Киреев. История Турции XX век. М.: ИВ РАН, 2007. С. 24–63.

вскоре ее глава, полковник генерального штаба фон дер Гольц, был приглашен на пост военного советника и начальника офицерской школы в Стамбуле. Иностранные советники появились также во флоте, жандармерии и других звеньях государственного аппарата Турции⁶².

Японцы столкнулись с похожей ситуацией, касавшейся специальных привилегий для иностранцев, в частности, при подписании «Ансэйских» договоров*.

В первую очередь это относилось к Канагавскому договору 1854 г., подписанному с США**. В том же 1854 г. был заключен аналогичный договор с Англией, в 1855 г. — с Россией (Симодский трактат***). В результате подписания договоров японское правительство утратило возможность привлекать иностранных граждан за преступления, совершённые в Японии, и наказывать их в соответствии с японским законодательством. Оно также лишалось таможенной автономии, то есть суверенного права самостоятельно устанавливать пошлины на импортные товары, и таким образом защищать национального производителя. Эти положения определяли неравноправный характер договоров⁶³. Прибывший в Японию в 1856 г. американский генеральный консул Т. Харрис при помощи угроз

* Неравноправные договоры, заключенные в 1854–58 США и др. державами с Японией в годы Ансэй (1854–1860). (Дипломатический словарь, том 1, 4-е изд. М. «Наука» 1985, стр 142–143).

** Канагавский договор (яп. 神奈川 条約 Канагава дзэ:яку, или 日米 和親 条約 Нити-бэй васин дзэ: яку, «Японо-американский мирный договор») — договор, подписанный 31 марта 1854 года между США в лице коммодора Мэттью Перри и Японией. Договор открыл японские порты Симода и Хакодате для американской торговли, гарантировал обеспечение безопасности лиц, потерпевших кораблекрушение, и позволил США создать постоянное консульство. Это положило конец политической изоляции Японии, которая длилась двести лет. В Симода был назначен американский консул. Япония предоставила США права наиболее благоприятствуемой нации. Такие же договоры были вскоре заключены Японией с Англией, Францией, Голландией и другими странами. Цит. по: <http://niv.ru/doc/dictionary/diplomatic/articles/212/ansejskie-dogovory-1854.htm>.

*** Симодский договор между Россией и Японией, или Симодский трактат (яп. 日露和親条約 Нити-ро васин дзэ:яку, «Японско-российский договор о дружбе») — первое дипломатическое соглашение между Российской империей и Японией. Было подписано в городе Симода вице-адмиралом Е. В. Путятиным и Тосиакирой Кавадзи 26 января (7 февраля) 1855 года. По договору русским судам были открыты порты Симода, Нагасаки и Хакодате. Договор подтвердил принадлежность Курильских островов России. Цит. по: А. Н. Панов, К. О. Саркисов, Д. В. Стрельцов. История внешней политики Японии 1868–2018. М.: Международные отношения, 2019. С. 23.

и шантажа добился заключения 17 июня 1857 г. нового, более выгодного для США, договора, а через год, 29 июля 1858 г., — кабального для Японии торгового договора. По его образцу были заключены договоры с Англией (26 августа 1858 г.), Францией (9 октября 1858 г.) и Россией (19 августа 1858 г.)⁶⁴.

Перечисленные выше договоры установили свободу торговли иностранных купцов с Японией и включили Японию в мировой капиталистический рынок, предоставили иностранцам право экстерриториальности и консульской юрисдикции, лишили Японию таможенной автономии, навязали низкие ввозные пошлины (сначала от 5 до 35%, в 1866 г. снижены до 5% на все товары)⁶⁵.

Задача пересмотра неравноправных договоров, навязанных Японии в 1850-х и 60-х гг., стала приоритетом внешней политики государства. В Японии отмечали, что наиболее непопулярными были условия, касавшиеся консульской юрисдикции, а также ограничений таможенных пошлин⁶⁶.

После падения токугавского режима в Японии в 1868 г. новое правительство страны сразу же выразило желание пересмотреть договоры, заявив, что в них имеется ряд положений, невыгодных для страны. Источником этого был указ императора Мэйдзи от 5 января, сделавший отмену неравных договоров условием отказа от неравноправной торговли⁶⁷.

В связи с этим правительство решило направить осенью 1871 г. в Европу и Америку специальное посольство во главе с полномочным послом Ивакурой Томоми для изучения всех аспектов современных наций, таких как государственные учреждения, суды, пенитенциарные системы, школы, вопросы импорта и экспорта, заводы, верфи, стекольные заводы, шахты и другие предприятия. В составе многочисленной делегации (48 человек) были наиболее выдающиеся деятели эпохи Мэйдзи: советник Кидо Такаёси, начальник департамента финансов Окубо Тосимити, начальник департамента промышленности Ито Хиробуми⁶⁸. Делегация отправилась из Йокогамы в США в декабре 1871 г.

Задачи делегации, как они были сформулированы Ито Хиробуми, сводились к пересмотру договоров с тем, чтобы «всемерно способствовать увеличению выгод для Японии в будущем». «Мы должны обсудить новые условия договора с каждым правительством, — писал он, — осветить истинное положение нашей страны <...> и ввести Японию в семью культурных народов»⁶⁹. Несмотря на то, что делегация встретила дру-

жеский прием сначала в Сан-Франциско, а затем в Вашингтоне, администрация США категорически отвергла пересмотр двусторонних договоров. Аналогичным образом негативные ответы были даны японской делегации в Лондоне в 1872 г. и в 1873 г. в Берлине канцлером О. фон Бисмарком.

Именно во время этой миссии за рубежом принц Ивакура Томоми поручил секретарю японского внешнеполитического ведомства Фукути Гэнъитиро отправиться в Турцию в 1871 г. Фукути уже ранее посещал Стамбул для подготовки доклада об общем положении дел в Османской империи. В одном из пунктов этого доклада он отмечал, что «Турция много раз участвовала в международной выставке в Вене, и изобилие ее товаров обращало на себя внимание, однако их конкурентоспособность проистекает скорее из их разнообразия, нежели из внешней привлекательности»⁷⁰.

Этот доклад был представлен в правительстве страны, в результате чего было принято решение о повторном визите Т. Ивакуры в Турцию. При этом подчеркивалось, что «принц Томоми Ивакура имеет большой опыт посещения многих зарубежных стран. Но в связи с тем, что между Японией и Турцией отсутствуют дипломатические отношения, невозможно получить достоверную информацию о Турции, а та, что имеется, является недостаточно подробной»⁷¹.

В июле 1875 г. кабинет министров одобрил предложение министра иностранных дел Японии Тэрасимы Мунэнори об установлении дипломатических отношений с Турцией. Получив одобрение кабинета министров, министр иностранных дел Тэрасима направил письмо японскому министру Уэно Кагэнори, который представлял Японию в качестве посланника при Сент-Джеймском дворе Британии. Это письмо содержало следующие инструкции: «Турция имеет сходство с Японией в некотором отношении. Если мы сможем отправить посланника или наблюдателя в эту страну, мы сможем извлечь много преимуществ, хотя у нас до сих пор нет торговых отношений с Турцией. Я хотел бы, чтобы Вы обратились к турецкому послу в Лондоне и очень тактично наметнули ему, что было бы желательно заключить соглашение о дружбе между нашими странами»⁷².

Получение данной корреспонденции заняло довольно длительное время из-за медленных средств коммуникации, и эти инструкции, по-видимому, за это время потеряли свою актуальность.

Почти в это же время к турецкому Великому Визирю Мидхат-паше (премьер-министру) обратились некоторые британские государственные деятели с просьбой установить близкие отношения с Японией. Как косвенное подтверждение этой идеи японский линкор «Сэйки» с гардемаринами на борту нанес 12-дневный визит в Стамбул, где ему были оказаны надлежащие почести. Это можно рассматривать как отражающие необходимость шаги со стороны Англии и Японии с целью привлечь Турцию на свою сторону, выступив против политики царской России, которая стремилась получить доступ к теплым морям Тихого океана за счет Японии и морям Индийского океана за счет Великобритании. Считая Турцию естественным союзником Англии и Японии, британские деятели обратились к канцлеру Германии Бисмарку за более глубокой оценкой действий России в отношении Турции и Японии. По мнению исследователей, Бисмарк совершил историческую ошибку, заявив, что «Балканы (Румыния, Болгария, Югославия, Греция и Турция) не стоят ни одной капли крови померанского солдата»⁷³.

Японская дипломатия была более дальновидна в этом вопросе, и японский посланник в Англии обратился к турецкому послу в Лондоне с предложением о начале переговоров об установлении дипломатических отношений.

Почти одновременно с этими шагами японское министерство иностранных дел создало специальную целевую группу для инициирования первых официальных переговоров с турецкой стороной. Группа, которую возглавил секретарь министерства иностранных дел Масахару Ёсида и состоявшая из 5 человек, 5 апреля 1880 г. покинула Йокогаму на борту линкора «Хиэй». Линкор двигался в направлении Индийского океана в Иран. Прибыв в Бушир, группа направилась в Тегеран и оставалась там в течение 20 дней. Затем миссия возобновила поездку, пересекла Кавказ в конце 1880 г. и достигла территории Османской империи в 1881 г. Группа провела детальное исследование ситуации в Турции и подготовила комплексный отчет, который был отправлен японскому посланнику в Санкт-Петербург Янагихаре Ёсимицу. Масахара был тепло принят в Стамбуле и получил аудиенцию у турецкого султана Абдулхамид II. Стороны согласились подписать договор о дружбе между Японией и Османской империей.

После получения доклада Масахары посланник Янагихара провел собственное исследование, подготовив специальный перечень вопросов для посла Турции в Санкт-Петербурге адмирала Шакир-паши по сле-

дующим темам: судебная система Турции; законодательные, административные, коммерческие правила и таможенный регламент; налоги и, в частности, положение о «режиме наиболее благоприятствуемой нации» в международной торговле.

Здесь важно подчеркнуть, что Япония, имея большой опыт заключения неравноправных договоров с другими странами, придавала большое значение положениям и пунктам возможного договора с Турцией, касавшимся консульской юрисдикции, а также ограничений таможенных пошлин.

Ответы, полученные от турецкого посла, представляют большой интерес, т. к. объективным образом отражают существовавшую административную и судебную системы в Турции.

Вопросы Янагихары:

- какие методы используются для принятия, изменения, отмены законодательства в Турции;
- существует ли конкретный Уголовный кодекс;
- меры наказания;
- определена ли мера наказания для определенных преступлений или в соответствии с прецедентами, или по решению суда в каждом конкретном случае;
- существуют ли пытки;
- принимаются ли показания свидетелей или только вещественные доказательства;
- являются ли суды независимыми или правосудие осуществляется через судебных агентов правительства;
- в случае преступления, совершенного иностранным гражданином, будет ли он немедленно задержан;
- являются ли европейцы на турецкой территории объектом юрисдикции смешанных судов или уголовно-гражданских судов;
- каковы ставки пошлин на импорт и экспорт в Турции; есть ли различия в стране происхождения и назначения товаров;
- существуют ли различные ставки пошлин для стран; каковы высшие и низшие ставки;
- используется в Турции «принцип наиболее благоприятствуемой нации»; существуют ли низкие ставки пошлин для одних стран, могут ли они распространяться на другие страны по договору; каким образом принимаются решения по этим вопросам и какие критерии могут быть применены.

Ответы Шакир-паши следующие:

- Подготовка турецкого законодательства ведется правительством и парламентом. Законопроекты рассматриваются Палатой представителей и Сенатом (Меджлис-и Мебусан и Меджлис-и Аян) и передаются султану для утверждения и обнародования.
- Турецкое законодательство кодифицируется в Турецком Кодексе (Дустуре) и публикуется на турецком и французском языках.
- Положения уголовного кодекса в Турции не отличаются от европейских стран. Они включают в себя денежные компенсации или штрафы, предварительное заключение, ссылки, лишение свободы, смертную казнь.
- Положения уголовного кодекса описаны в Уголовном кодексе и приговоры выносятся соответственно. Уголовные суды в Турции не применяют прецеденты или традиционные нормы.
- Гражданско-правовые процедуры в основном имеют сходство с французской системой. Принимаются вещественные доказательства и показания свидетелей.
- Судьи и суды независимы и автономны. Они полностью независимы от администрации и исполнительной власти. В каждой префектуре (эйалете) судьи независимы от власти местного губернатора (бейлербеи).
- Иностранцы подвергаются задержанию по факту совершения преступления таким же образом, как и граждане Турции. Об этом ставится в известность консульство страны иностранного гражданина.
- В Турции не существует смешанных судов. В случае проведения судебного процесса между двумя иностранными гражданами привлекаются консульские суды для принятия решения. Если один из иностранных граждан обращается в местный суд, тогда названный суд будет иметь полномочия по судебному разбирательству. Все спорные вопросы между гражданином Турции и иностранным гражданином рассматриваются местными судами. Если в судопроизводстве участвуют иностранные граждане, работникам консульств этих стран разрешено посещать суды для поддержки граждан своей страны, а также обеспечиваются переводчики для содействия в судопроизводстве.
- На импорт распространяется 8% таможенных пошлин «адвалор»*.

* Фиксированный процент от общей стоимости товара.

- Не существует норм закона, не позволяющих применение привилегий, предоставленных одной стране, ко всем другим странам. В этой связи следует подчеркнуть, что недавно принятое законодательство предусматривает отмену всех прежних специальных привилегий, и турецкое правительство инициировало переговоры с другими странами в отношении применения нового коммерческого закона ко всем иностранным коммерсантам, ведущим торговлю на территории Турции⁷⁴.

Доклад Масахары с благоприятным прогнозом в отношении японо-турецких отношений и замечания министра Янагихары были переданы министру Одзаки и представлены японскому правительству. Суть взглядов министра Янагихары на установление дипломатических отношений была приведена следующим образом: «Официальные и частные круги в Турции хотят принятия торгового соглашения между Японией и Турцией. Поэтому было бы целесообразно, чтобы японское правительство ответило на это согласием»⁷⁵. Министр Янагихара также предложил детальные шаги для инициирования переговоров для подготовки соглашения между Японией и Турцией.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что и Япония, и Турция были заинтересованы в развитии взаимных контактов для установления дипломатических отношений между ними, а в последствии и для подписания договора о дружбе.

Однако, по мнению японского историка Найто Тисю, прошедшего комплексный анализ турецко-японских отношений в своей монографии “*Nichi-To Kosho-Shi*” (Исследование японо-турецких отношений), опубликованной в Токио в 1931 г., турецкие и японские деятели того времени не могли полностью оценить их взаимные позиции. Найто считал, что несмотря на благожелательное отношение и усилия министра Янагихары, находившегося в Санкт-Петербурге и способствовавшего подготовке соглашения, министр Кагэнори Уэно, более ориентированный на Европу, и его коллеги из министерства иностранных дел, которые готовили переговоры по изменению неравноправных договоров Японии с другими державами, не могли принять соглашение на равноправной основе, которое требовала Турция⁷⁶.

Эти должностные круги Японии рассматривали Турцию не как европейское государство, а как азиатское, требуя уступки от нее в отношении положения о наиболее благоприятствуемой нации и в политическом,

и в экономическом отношении, тем самым обеспечивая Японию правами экстерриториальной юрисдикции.

Похожие требования японская сторона выдвигала при подготовке японо-цинского договора 1871 г. с Китаем, другой азиатской страной.

В этой связи необходимо рассмотреть этот принятый договор, который считается первым равноправным договором, заключенным Японией.

13 сентября 1871 г. в результате двухмесячных переговоров в Тяньцзине был подписан договор о мире и дружбе между Китаем и Японией⁷⁷. Китайская сторона отвергла требования Японии относительно режима наибольшего благоприятствования и положения о свободной торговле и добавила пункты о предоставлении взаимопомощи в случае агрессии третьей стороны. В результате, японское и цинское правительства признавали право экстерриториальности граждан государства-подписанта и соглашались на совместное определение размера пошлин на импорт товаров из обеих стран. Таким образом, Япония не получила от цинского правительства торговых привилегий, которыми пользовались западные державы. Консульская юрисдикция предоставлялась Японии лишь на условиях взаимности. В договоре оговаривался (ст. XI) запрет японцам, приезжающим в Китай, носить при себе оружие, что заведомо влекло за собой острую реакцию в Японии в связи с самурайской традицией ношения двух мечей. В то же время Япония не согласилась на создание союза против Запада: она допустила лишь включение в договор статьи, гласившей, что «<...> в случае, если какое-либо другое государство поступит несправедливо или проявит неуважение к одной из договаривающихся сторон, при соответствующем уведомлении они обязаны прийти на помощь друг другу или предложить посредничество для урегулирования трудностей» (ст. II).

Здесь, на наш взгляд, следует пояснить, что положение о наибольшем благоприятствовании появилось в торговых договорах сравнительно поздно. Исходной точкой в истории торговли было не стремление бороться с конкурентами на равных основаниях, а желание вообще не допускать никакой конкуренции. Под знаком такой исключительной монополии развивалась торговля в течение многих столетий. Зачатки режима наибольшего благоприятствования, как утверждает в своей книге «Международные торговые договоры» известный российский историк экономических отношений И. М. Кулишер, уходят вглубь веков и, в частности, берут своё начало в «капитуляциях» Турции, которая дала особые привилегии сначала французским и венецианским купцам в 1535 году,

а затем в 1675–1680 гг. в аналогичном объеме даровала их Англии и Голландии, тем самым установив между ними полное равенство.

Таким образом, представители министерства иностранных дел Японии преследовали такие же цели в отношении Турции, что и в отношении Китая и, вероятно, считали, что подписание договора о дружбе, как это было первоначально предложено Турцией, было не так срочно и важно для Японии, хотя это служило бы интересам Турции как предлагающей стороне.

Найто также считал, что для Турции в тот период было важно найти союзников в лице японской дипломатии, т. к. она была в состоянии войны с Россией и надеялась получить поддержку со стороны турок в Центральной Азии и Китае, так же, как и на Дальнем Востоке посредством хороших отношений с Японией. Он также считал, что, подписав равноправный договор с Японией, Турция могла бы получить прецедент в своих переговорах с ведущими державами для устранения капитуляций⁷⁸.

Факт остается фактом: турецкая дипломатия в тот период на самом деле хотела заключить соглашение о дружбе с Японией. 29 марта 1881 г. министр иностранных дел Ассим-паша пригласил секретаря Масахарув МИД и заявил, что он не видит препятствий для подписания договора о дружбе с Японией и информировал его, что по требованию Великого визиря он направил инструкции Шакир-паше, турецкому послу в Санкт-Петербурге, для подготовки подписания такого соглашения.

Несмотря на усилия Шакир-паши, который получил поддержку со стороны Янагихары, с которым у него сложились теплые отношения, и со стороны Масахары, который подготовил благоприятный доклад для МИД по возвращении в Токио, в сложившихся обстоятельствах соглашение не могло быть подписано.

По мнению Найто, в тот период было маловероятно подписать равноправный договор с Турцией, т. к. министр иностранных дел Уэно был более склонен развивать отношения с Европой и ясно противился идеи равноправия с азиатской страной⁷⁹. Наилучшее описание этого можно найти в книге Саид-паши, Великого визиря Османской империи “Memoires-Hatiratim” («Мои мемуары»):

«В мае 1881 г. желание японского правительства заключить соглашение с турецким правительством было передано турецкому послу в России. Оно было переслано в Османский дворец. За один год до этого японское правительство направило делегацию в Европу, чтобы изучить социальную ситуацию, правовой порядок и институты в европейских странах, и один из членов этой делегации прибыл в Стамбул.

Я имел встречу с ним и обсудил ситуацию в Японии. Япония ставила цель реформировать японские институты и социально-политический порядок, и т. к. она не жалела никаких усилий для этих целей, Япония могла бы вскоре стать сильной державой. Таким образом, считалось, что Турция могла бы установить выгодные торговые отношения с Японией. С этой целью Япония предложила нашему послу в России начать переговоры в том месте, которое бы мы выбрали, и наш посол в Петербурге переслал это предложение министру иностранных дел Османской империи. Мною были подготовлены инструкции с целью, чтобы переговоры между Турцией и Японией были инициированы посланниками в России с пониманием того, что любые разногласия между мною и моим контрпартнером будут представлены Султану, и, если он их одобрит, существующие различия во мнениях могли бы быть устранены. На самом деле, об определенных различиях в позициях было доложено Султану. Японское предложение предусматривало такой вариант, что Турция согласится с положением о наиболее благоприятствуемой нации в отношении Японии. Хотя это положение было приемлемо в торговой сфере, в других аспектах, в частности, с юридической точки зрения это положение могло бы противоречить турецким интересам, т. к. в любых обстоятельствах иностранцы в Японии могли быть осуждены в соответствии с японской юрисдикцией, в то время как в Турции, согласно сложившейся традиции, неудовлетворительная практика прибегать к консульским судам для судебных процессов с привлечением иностранцев была принята в качестве институционального правила.

Вследствие этого было очевидно, что если положение о режиме наиболее благоприятствуемой нации будет принято, хотя японские граждане в Турции могли бы получить выгоду от таких привилегий, турецкие граждане в Японии не имели бы дополнительных преимуществ. В связи с этим мною была предложена поправка, обеспечивающая применение правил международного права для японских граждан, путешествующих или проживающих в Турции. Посол Османской империи в России передал мою точку зрения японской стороне. В случае если бы японская сторона не согласилась с предложением о поправке, посол запросил бы дальнейшие инструкции от турецкого правительства. В то время, когда японская реакция была нам не известна, я ушел с поста Великого визиря и не знаю дальнейшего развития событий»⁸⁰.

После ухода Саид-паши со сцены турецко-японских переговоров вопрос установления дипломатических отношений между двумя странами оставался нерешенным. Если бы одна из сторон предприняла хотя бы малейшие усилия для поиска решения различных подходов к этому вопросу, существовала бы возможность подписания турецко-японского соглашения благодаря большой подготовительной работе, проделанной обеими сторонами. По мнению исследователей, этот шаг был бы крайне полезен для обеих сторон в их отношениях с царской Россией⁸¹.

Тем не менее этот вопрос не потерял свою актуальность для верховных лидеров обеих стран — и султан Абдулхамид II, и император Мэйдзи были склонны к установлению тесных отношений между Османской Турцией и Японией. Как отмечают историки, оба лидера, столкнувшись с одинаковыми обстоятельствами внутри страны и на международной арене, пытаясь провести внутренние реформы без социальных и политических осложнений, стремясь добиться равноправных договоров на международной арене при серьезных угрозах их суверенитету от ведущих держав того времени, испытывали друг к другу дружеские чувства⁸².

Как следствие этого, император Мэйдзи взял инициативу в свои руки и направил в Стамбул в 1887 г. своего племянника — принца Комацу Акихито — и его супругу принцессу Арима Ёрико. В 1886 г. императорские особы вначале посетили столицы западноевропейских стран, а осенью 1887 г. после почти годичного пребывания в Европе, они прибыли в Стамбул, столицу Османской империи.

Во время пребывания в столице Османской империи императорские особы были очень тепло встречены и приняты турецкой стороной. Принц получил аудиенцию султана Абдулхамида II, которому было передано приветственное послание императора Мэйдзи. После долгого обсуждения международной ситуации в честь японских гостей был устроен прием.

Султан Абдулхамид II был удостоен награды Японии — Высшего ордена Хризантемы на большой ленте. Также ему был вручен личный подарок императора Мэйдзи — лакированная шкатулка с особым рисунком, чем Султан был чрезвычайно растроган.

По мнению газеты *“Tokyo Nichi-Nichi Shimbun”*, освещавшей этот визит, «хотя остается неизвестным, что они обсуждали во время аудиенции, будет правильным предположить, что у участников встречи возникла глубокая степень взаимного доверия»⁸³.

13 ноября 1887 г. принц Комацу прибыл в Японию после остановки в Гонконге и вручил императору Мэйдзи ответное письмо от султана

с выражением желания установить тесные отношения с Японией. Императору также был представлен подробный доклад, который был им благожелательно принят.

Многие исследователи высказывают точку зрения, что Япония и Турция были «естественными союзниками» и имели одинаковую геостратегическую «судьбу», т. к. представляли собой западные и восточные «ворота» Азии с точки зрения выхода к теплым морям. В первую очередь это касалось царской России, которая стремилась иметь контроль над турецкими и японскими заливами. Япония стремилась контролировать Корейский полуостров, чтобы противостоять России. Турция же, потерпев поражение в русско-турецкой войне 1878–1879 гг. и понеся потери в Европе и на Кавказе, стремилась возродить пантюркизм и панисламизм и искала поддержку у турок Центральной Азии и Дальнего Востока.

Крушение фрегата «Эртугрул» — трагическая страница в истории японо-турецких отношений

Как отмечают некоторые исследователи, характерной чертой личной дипломатии султана Османской империи Абдулхамида II было всемерное использование межгосударственных противоречий государств или даже вероятность таковых для противодействия угрозам Османской империи. Если на Западе противовесом Англии и Франции Абдулхамид II считал Германию, то на Востоке, где задавали тон старые колониальные державы, он готов был установить более тесные отношения с набирающей сил императорской Японией⁸⁴.

Подготовка визита в Японию

В письме, подписанном Камил-пашой и адресованном министру военно-морского флота Турции Хасану Хюсюн-паше, отмечалось, что «курсанты турецкой военно-морской академии по ее окончании должны иметь возможность повышать свое образование, углублять опыт и знания о мире, больше изучая зарубежные страны. Наиболее важным представляется возможность для них применить теоретическую информацию к реалиям мира. В этой связи выпускников этого года следовало бы послать на борту учебного судна в Индию, Китай и Японию»⁸⁵.

На самом деле истинная причина этой инструкции заключалась в заинтересованности султана Абдулхамида II развивать связи с азиатскими странами и их народами, в частности, с такой новой формирующейся державой, как Япония.

Играя на противоречиях великих держав в восточном вопросе, Абдулхамид II стремился, чтобы «флаг Турции на военных кораблях подчеркивал присутствие Османской империи в качестве мировой державы»⁸⁶.

Вследствие этого министру военно-морского флота Хасану Хюснюпаше были даны инструкции выбрать военный корабль и подобрать команду для выполнения миссии в Японию.

После завершения всех формальностей в порту Сублиме был выбран фрегат «Эртугрул», который был построен по заказу султана Абдул-Азиза в 1854 г. на судостроительной верфи Ташкызак в Стамбуле и торжественно спущен на воду 19 октября 1863 г. в присутствии султана. Фрегат получил свое название в честь Эртогрула, отца Османа I, основателя Османской империи. В 1864 г. фрегат совершил плавание в Великобританию, где на нем были установлены паровая машина в 600 лошадиных сил и наиболее современное оборудование, включая электрическое освещение. 18 февраля 1865 г. корабль покинул Портсмут вместе с двумя другими османскими кораблями «Косово» и «Хюдавендигар» и вернулся в Стамбул через порты Франции и Испании. Здесь он был пришвартован на Босфоре перед дворцом Долмабахче, а затем был переведен в залив Золотой Рог.

Основные характеристики фрегата были следующие: трехмачтовый деревянный корабль длиной 79 м (260 футов), шириной 15,5 м (51 фут), осадка 8 м (26 футов), запасы угля — 350 т, общий вес — 2344 тонн, скорость 10 миль. Фрегат был оснащен пушками, стрелковым оружием, пистолетами. Деревянные детали корпуса судна прошли ремонт в 1886–1888 гг., но паровая машина и котлы не ремонтировались, поэтому корабль мог использоваться только в качестве учебного. После необходимых обсуждений было принято решение составить команду корабля в следующем составе. Экипаж состоял из 61 офицера, 548 унтер-офицеров и частных лиц. Среди них были 13 выпускников Императорской военно-морской школы Мектеб-и Бахрие-и Шахане в Хейбели. Кроме того, было решено взять на борт оркестр из 20 человек. В 1889 г. командиром фрегата был назначен капитан Эмин Осман-бей как наиболее подходящая кандидатура в связи с его знанием нескольких иностранных языков и его навыками судовождения. В качестве чрезвычайного посланника на него

также была возложена почетная миссия передать приветственное письмо императору Мэйдзи и вручить ему от имени султана Абдулхамида II высшую награду Османской империи — орден Почета. Команде фрегата вменялось в обязанности ознакомление с плаванием в морях и океанах и посещение иностранных портов, составление морских карт и сбора этнографического материала (обычаев, традиций) различных народов.

Был разработан первоначальный маршрут, состоявший из 11 пунктов, с перечислением необходимых остановок в пути. Первая остановка была запланирована в Мармарисе, следующая — в Порт-Саиде до прохода через Суэцкий канал. Затем следовали Джидда, Аден и Сомали. Учитывая сезонные ветра, корабль должен был остановиться в Пондичерри и Калькутте в Индии. Через Малаккский пролив корабль должен был плыть в порты Малакки и Сингапура, затем судно должно было отправиться в Сайгон, а после остановок в некоторых доках в Китае прибыть в Гонконг. Сямэнь и Шанхай должны были стать последними пунктами маршрута до Японии. Наконец, после пребывания в Нагасаки, фрегат должен был прибыть в пункт назначения — Йокогаму. Возвращение в Турцию было запланировано на октябрь того же года.

К сожалению, к концу XIX в. османский флот находился в плачевном состоянии⁸⁷, и фрегат «Эртугрул» оказался плохо подготовленным к долгому и трудному путешествию. Из турецких источников стало известно, что существовали доклады о подготовке фрегата для этого плавания. Из них следовало, что военно-морской офицер Британии капитан Харти, который работал главным механиком фрегата по найму во флоте Османской империи, заявлял, что согласно мореходным правилам фрегату требовались ремонтные работы для плавания на большие расстояния. В частности, в своем рапорте в министерство военно-морского флота он выражал беспокойство относительно состояния паровой машины и котлов, которые долгое время не ремонтировались, из-за чего корабль, идя под паром, вместо положенных десяти узлов мог набрать скорость не более четырех. Плавание только под парусами он считал опасным и неприемлемым для столь длительного морского перехода. Часть работ была проведена, но Харти, который оставался на своей должности до того, как корабль отправился в плавание, признал их неудовлетворительными⁸⁸. После этого Харти был переведен с «Эртугрула» на пароход, курсировавший между Стамбулом и Принцевыми островами. По мнению историков, требования Харти могли быть связаны с его разведывательной деятельностью, которую он, несомненно, выполнял, когда

пришел на службу в турецкий флот, и это объяснялось тем, что англичане не одобряли любую миссию военных кораблей, которую намеревался осуществить османский халифат в таких мусульманских странах, как Египет, Хадрамаут, Аден, Индия, и которые были колониями Британии⁸⁹.

После осмотра судна специалистами министр военно-морского флота доложил султану о готовности фрегата к плаванию, и как отмечает российский исследователь А. М. Абидулин, «перевод главного судового механика Харти с «Эртугрула» на другой пароход был представлен как необходимость составить команду корабля, представлявшего Османскую империю в портах иностранных государств, только из турецких моряков»⁹⁰. К тому же нельзя не принимать во внимание тот факт, что Хасан Хюсюн-паша настаивал на отправке в Японию именно «Эртугрула», так как капитан фрегата полковник Осман-бей являлся его зятем, и родственные связи могли играть не последнюю роль в принятии такого решения.

Миссия в Японию

Фрегат торжественно покинул Стамбул 14 июля 1889 г. после официальной церемонии поднятия всех полковых флагов напротив Леандровой Башни перед дворцом султана в Топкапы. Вся команда фрегата салтовала султану, приветствуя его возгласами «Да здравствует Султан!». Абдулхамид II дал согласие на то, чтобы корабль оставался еще какое-то время перед его дворцом перед выходом с причала в Золотом Роге. Оркестр исполнял военно-морские марши, пока корабль выходил из внутренних вод Стамбула в Мраморное море в Ахыркапы.

По свидетельству очевидцев, по пути следования в Японию фрегат столкнулся с множеством субъективных и объективных трудностей. Когда «Эртугрул» пересекал Суэцкий канал, который был под британским контролем, ошибки в управлении фрегатом привели к тому, что 29 июля он сел кормой на мель, получив повреждения. После снятия с мели «Эртугрул» был отбуксирован к берегу, но из-за сильного ветра вновь сел на мель, получив повреждения ахтерштевня. Об этом было доложено султану, который предложил Осман-бею отправиться в Японию на почтовом пароходе. После доклада Осман-бея о возможном ремонте фрегата в доке за короткое время, было получено разрешение султана о продолжении плавания после ремонта, в результате которого команда фрегата была вынуждена провести более месяца в Египте. В связи

с вынужденной остановкой в Египте командование фрегата встречалось с исламскими лидерами страны, о чем также было сообщено турецким властям⁹¹. 23 сентября корабль вышел из дока и продолжил плавание, при этом капитану фрегата было предписано телеграфировать в Стамбул из каждого порта о состоянии судна.

В докладах капитана из мест остановок сообщалось о визитах мусульманских лидеров и глав государств Йемена, Индии, Цейлона и Сингапура, о посещении фрегата местными жителями.

В Сингапуре капитан Осман-бей получил из Стамбула указ султана о присвоении ему звания адмирала с титулом «паша» в качестве чрезвычайного посланника Османской империи⁹².

Пребывание фрегата в Сингапуре вызвало многочисленные манифестации приверженности местных жителей исламу и османскому халифу Абдулхамиду II. Местные мусульманские принцы и лидеры некоторых государств ЮВА и Тихого океана прибыли в Сингапур и провели переговоры с адмиралом Осман-пашой. Так, например, принц Тионбуса Мохаммед Саид-аль Абиндин послал своего визиря Искандер ибн Саида к Осман-паше и объявил о своем полном подчинении халифу. Демонстрации «верности» местных мусульман настолько тронули Осман-пашу, что в своем письме жене он писал, что они «целовали фрегат с религиозной преданностью и любовью, как будто это был храм»⁹³. Местные журналисты писали об этом событии с впечатляющими заголовками. Узнав о демонстрациях, султан Абдулхамид II выслал следующие инструкции на «Эртугрул»:

«Фрегату следует совершить плавание вокруг Сингапура, посетить остров Ява и другие рядом лежащие мусульманские районы, поставить фрегат на якорь, где это будет возможно, и продемонстрировать триумф Османской империи»⁹⁴.

21 октября капитан корабля телеграфировал о продолжении пути из Бомбея в Сингапур. Однако в связи с тем, что в этом регионе с сентября южные ветры сменились северными, дальнейшее движение фрегата под парусами было затруднено и требовало большого расхода угля. Поэтому выход корабля из Сингапура был отложен на несколько месяцев. 10 марта «Эртугрул» вышел из Сингапура и направился в Гонконг. После прохождения 600 миль плохие погодные условия заставили судно бросить якорь в Сайгоне, французской колонии, где были сделаны запасы угля, и, несмотря на продолжающиеся неблагоприятные

погодные условия, «Эртугрул» снова отправился в Гонконг. По пути следования погода улучшилась, и после короткой остановки в Гонконге фрегат направился в Японию. В начале июня 1890 г. он вошел в территориальные воды Японии, пересек внутреннее море и подошел к порту Кобе. 5 июня 1890 г. фрегат прибыл в Йокогаму. Таким образом, все путешествие заняло 11 месяцев. Газета “*Nichi-Nichi Shimbun*” в репортаже от 6 июня 1890 г. писала следующее:

«5 июня 1890 г. имперский офицер церемоний Танба Рюносукэ был назначен ответственным за встречу посланников Османской империи. Турецкий фрегат «Эртугрул» везет орден нашему Императору, посланный султаном Абдулхамидом II. Известно, что чрезвычайный посланник Османской империи адмирал Осман-паша прибывает в Японию.

В связи с этим наш корреспондент приехал вчера рано утром в порт и сообщил, что «фрегат появился на горизонте и приблизился к порту с красно-белым флагом с полумесяцем и звездой, развевающимся в утреннем воздухе. Были спущены якоря в 3 милях от порта Йокогама. Пушки дали 21 залп салюта в честь нашей страны и 13 залпов — кораблю «Такасихо», который стоял на рейде в порту. В ответ на это последовали салюты из порта Канагава и с корабля «Такасихо». Ответственный за церемонию офицер Танба, представители министерства иностранных дел Японии Санномия и Такахаси поплыли на «Эртугрул» на небольшом судне и нанесли визит адмиралу Осман-паше, командующему турецким кораблем, и его офицерам. Местные жители в порту Йокогама также устроили дружеский прием турецкому фрегату и его команде»⁹⁵.

При этом сообщалось, что, к несчастью, 37 членов команды заразились холерой из-за некачественной еды в Гонконге и корабль был поставлен на 33-дневный карантин в бухте Йокогама Нагаура⁹⁶. Поэтому турецкие морские пехотинцы и матросы не могли выйти на берег. В течение стоянки в Японии 12 членов экипажа умерли от этой эпидемии.

12 июня 1890 г. газета “*Nichi-Nichi Shimbun*” писала:

«В то время как сообщается, что на борту «Эртугрула», который сейчас стоит на стоянке в порту Йокогама, находятся 500 моряков, их никто не видел на берегу после прибытия судна в Японию. Известно, что команда не употребляет алкогольные напитки, не ест свинину, т. е. они мусульмане. Они ведут себя намного лучше, чем матросы других

национальностей. Их вежливое поведение, тем не менее, расстроило хозяев баров на берегу, которые с нетерпением ждали турецких моряков для получения своей выгоды»⁹⁷.

Чрезвычайный посланник адмирал Осман-паша и сопровождающие его офицеры были встречены на берегу с огромными почестями. 12 июня в 2 часа дня они посетили ярмарку в Уэно, где их сопровождали организаторы ярмарки. Газета “*Nichi-Nichi Shimbun*” сообщала, что турецкий адмирал Осман-паша пригласил членов императорской семьи, министров и зарубежных посланников во временную резиденцию — дворец Рокумэйкан — для дружеских переговоров⁹⁸. Газета также информировала, что 13 июня в 6:30 вечера чрезвычайный посланник Османской империи прибыл в дворец императора в сопровождении 6 офицеров и передал Его Величеству императору послание султана Абдулхамида II и от его имени вручил орден Почета⁹⁹. Осман-паша и офицеры фрегата также встретились с императрицей. В честь турецких гостей был дан обед с участием высоких императорских особ, министров, высокопоставленных лиц страны, во время которого, император расспрашивал в деталях о плавании фрегата, о состоянии военно-морского флота Османской империи, демонстрируя активный интерес к успехам Османской империи в военных и международных делах.

Аудиенция и теплый прием делегации Осман-паши свидетельствовали о важном значении, которое придавал турецко-японским отношениям император Мэйдзи Муцухито который в своем приветствии подчеркнул удовлетворение от «возрастания важных дружеских отношений между двумя империями»¹⁰⁰.

Послание султана Абдулхамида II, адресованное императору Японии по случаю специальной миссии «Эртугрула», также отражало заинтересованность главы турецкого государства в развитии дружественных отношений между двумя странами.

Ниже приводится текст письма Абдулхамида II, адресованное императору Японии с благодарностью за орден Хризантемы, врученный ему принцем Комацу:

«Я с глубоким удовлетворением получил послание, в котором Ваше Императорское Величество любезно сообщил мне, что посылает мне выдающийся орден Хризантемы как конкретное свидетельство его теплых чувств и пожеланий, свидетельствующих об искренней дружбе, чем я крайне воодушевлен. Я получил этот орден и велико-

лепное произведение искусства из Японии, великодушно предоставленные Вашим Величеством.

Имея сердечное желание поддерживать и укреплять дружественные отношения, которые существуют между нами, чему я придаю наибольшее значение, и отмечая деликатное внимание Вашего Императорского Величества, дарованное его действиями для укрепления связей, которые нас объединяют, приумножили мое удовлетворение.

С удовольствием отмечая выдающиеся качества, которые отличают Ваше Императорское Величество, я выражаю свои пожелания в отношении его дальнейшего благополучия и сохранения его драгоценного здоровья, я молю его, чтобы он продолжал давать нам знаки его дружбы»¹⁰¹.

Далее приводится послание Абдулхамида II, сопровождавшее награждение императора Мэйдзи орденом Почета Османской империи:

«В качестве особого свидетельства сердечных отношений, которые, к счастью, существуют между нашими правительствами и развитие которых мы от всего сердца желаем, и как яркое доказательство безупречной и искренней дружбы, которой я дорожу в отношении Вашего Величества, имею удовольствие предложить Вам Орден Почета, который является высшим орденом нашей империи.

На адмирала Осман-пашу, одного из моих адъютантов и главнокомандующего фрегата «Эртугрула» была возложена специальная миссия вручения ордена Вашему Величеству. Я прошу Вас любезно принять этот подарок от искреннего друга»¹⁰².

Большой интерес представляет текст речи Осман-паши, который он прочел по-турецки по просьбе Его Величества императора Мэйдзи во время вручения ордена:

«Я с почтением пользуюсь правом вручить Вашему Императорскому Величеству орден Почета, который является высшим орденом Османской империи, и который мой августейший государь присвоил Вашему Величеству как несомненное доказательство его глубочайшей симпатии и искренней дружбы. Я имею честь, возложенную на меня августейшим государем, передать Вашему Величеству наилучшие пожелания личного благополучия и счастья и процветания Вашему прославленному государству.

Его Величество Султан следит с огромным интересом за удивительными достижениями японской империи под покровительством Вашего Величества и желает, чтобы продолжение этих достижений могло привести к успешному установлению дружественных отношений между нашими двумя странами.

Поэтому я молю Ваше Величество любезно снизить и считать меня наиболее счастливым и чрезмерно удостоенным чести выполнить такую почетную и лестную миссию»¹⁰³.

Офицеры и команда «Эртугрула» были встречены в Токио как особые гости императора Мэйдзи, и как первые турецкие представители, которые посетили Японию, они оставили благоприятное впечатление на японских жителей¹⁰⁴.

23 июня 1890 г. был издан указ императора Мэйдзи, который подтвердил награждение чрезвычайного посланника Эмина Осман-паши, являвшегося командиром фрегата «Эртугрула», и других офицеров орденами Восходящего солнца различных степеней и медалями Почета различных степеней¹⁰⁵.

Крушение фрегата «Эртугрул» и спасательные действия

Фрегат «Эртугрул», поставленный на якорь из-за карантина, оставался в Японии в течение трех месяцев. В полдень 15 сентября 1890 г. он отплыл из Йокогамы в Стамбул.

Здесь следует отметить, что имеются данные о том, что представители военно-морского ведомства Японии пытались убедить капитана «Эртугрула» отложить отплытие фрегата. Сезон тайфунов был в разгаре, а мореходные качества 26-летнего деревянного судна вызывали беспокойство у специалистов. Ряд инцидентов во время долгого плавания «Эртугрула» в Японию потребовал неоднократного ремонта, и японская сторона предлагала капитану продлить свое пребывание в Японии и обеспечить тщательную проверку корпуса и других частей судна, нуждающихся в ремонте. По неподтвержденным учетным данным, котельное оборудование фрегата требовало устранения дефектов. Однако капитан и офицеры приняли решение отправиться в обратный путь после получения инструкций султана. По мнению японских исследователей, их решение было основано на нежелании «показать слабость, которая опозорит честь исламской империи»¹⁰⁶. Историки отмечают, что прибытие

фрегата в Японию широко освещалось в японской прессе, а отплытие, по-видимому, прошло незамеченным¹⁰⁷.

На момент отплытия погодные условия были хорошими, но на следующее утро начался сильный обратный ветер, к вечеру буря продолжала набирать силу. Бизань-мачта фрегата высотой 40 м (130 футов) рухнула, нанеся серьезные повреждения судну, вода прорвалась на угольные склады в помещение котельной. В течение следующих трех дней команда пыталась отремонтировать повреждения, поправляя паруса и затягивая ванты, и пытаясь убрать воду из угольных контейнеров при помощи ведер, т. к. насосов было недостаточно.

Несмотря на все усилия команды, дезинтеграция корабля была неизбежна, и единственным вариантом было искать убежище в соседнем порту. Они направились в Кобе, который находился в пределах 10 миль (16 км) от судна, в заливе за пределами мыса Касинодзаки в районе маяка Осима. Пробившаяся морская вода окончательно погасила одну из топок в машинном отделении. Фрегат, который оставался почти неподвижен, без основных парусов и достаточной тяги, отнесло в сторону опасных рифов на восточном побережье. Осман-паша и инженер-техник фрегата пытались что-либо предпринять в котельной. Однако после того, как печь сломалась, «Эртугрул», который стал совершенно неподвижен, без основных парусов и достаточной тяги, стал быстро дрейфовать к скалам. Команда пыталась остановить корабль до приближения к скалам, бросив аварийный якорь, однако фрегат развалился при первом же ударе о рифы около полуночи 18 сентября 1890 г.

На месте аварии погибло около 500 моряков*, из которых пятьдесят были офицерами, включая командира корабля адмирала Эмин Осман-пашу. В живых остались только шесть офицеров и шестьдесят три матроса. Шестеро выживших не пострадали, девять получили тяжелые ранения, остальные легкие.

19 сентября 1890 г. выпуск газеты “*Nichi-Nichi Shimbun*” сообщил:

«Турецкий военный корабль «Эртугрул», который приплыл в Японию, чтобы вручить орден турецкого императора императору Японии вышел в плавание в обратный путь 15 сентября 1890 г. Вчера,

* Данные о жертвах кораблекрушения разнятся в разных источниках. Последние данные японских исследователей называют цифру 497 человек (Данные архива императорского дворца на основе карантинных документов) (Misawa, N., Misawa, N., *Relations between Japan and the Ottoman Empire in the 19th Century*. 2015: 162).

18 сентября, стало известно, что вечером в 10 часов около Кюсю в сложных погодных условиях во время тайфуна он затонул в рифах Касинодзаки, его котлы взорвались и 587 членов команды (общее число членов команды составляло 650 человек) погибли.

Позже стало известно, что чрезвычайный посланник Осман-паша и большинство офицеров и моряков пропали без вести. Из 60-ти спасшихся человек большинство ранены и находятся в тяжелом состоянии»¹⁰⁸.

Детали происшествия были описаны пострадавшими следующим образом:

«Фрегат «Эртугрул» отправился в обратное плавание, держа курс на Кобе. Когда он подходил к Кюсю днем 16 сентября в 15:30 недалеко от маяка Осима начался тайфун, спустился густой туман наряду с громадными волнами и ветром, и дальнейшее плавание было невозможно. Система управления была поломана, котлы взорвались, убив 6 инженеров. Осман-паша и инженер-техник пытались найти решение проблемы в котельной, однако, после того как печь сломалась, «Эртугрул» стал совершенно неподвижен и быстро дрейфовал к скалам. Два инженера на палубе спаслись. Корабль пытался справиться с сильным волнением на море в направлении маяка Касинодзаки, однако, к несчастью, затонул на рифах в 40 метрах от острова. Фрегат развалился на две части за 5–6 минут. Скорость разрушения фрегата в условиях шторма не позволила использовать спасательные шлюпки. В довершение ко всему шел сильный дождь, и местные жители Осима находились по домам, и никто не видел кораблекрушения. Даже часовой, дежуривший на маяке, не заметил этого, и большинство членов команды утонуло. Только те, кто был достаточно силен, или те, кто случайно мог дрейфовать, смогли доплыть в бурных водах до маяка и выжили»¹⁰⁹.

Дальнейшие события развивались следующим образом. После того как фрегат развалился на части, 69 членов экипажа смогли спастись, следуя по лучу маяка Касинодзаки*, который стоял на восточной оконечности острова Осима.

* Этот маяк был одним из 26, построенных в Японии по проекту шотландского инженера Ричарда Брантона. Все еще действующий сегодня, он начал свою службу в июле 1870 г. как первый японский маяк, построенный из камня и впервые использующий вращающийся мигающий маяк.

Девять человек доплыли до маяка и сумели пробраться по 40-метровой скале к маяку, где они обратились за помощью. Но возникла языковая проблема. Дежурившим на маяке было понятно, что эти люди были выжившие после кораблекрушения. Один из инженеров фрегата говорил немного по-английски. С большим трудом он объяснил, что затонувший корабль был турецким военным фрегатом, который привез награды Османской империи японскому императору. После этого служащие маяка сообщили о происшествии в местную администрацию. Глава поселения, местные полицейские и сельские жители из Кавасимы пришли на помощь пострадавшим. Всю ночь они пытались спасти матросов и офицеров, цеплявшихся за скалы под маяком, и вытаскивая их из волн. Тяжело раненных моряков переносили на дверях, используемых как носилки. Остальные раненые шли сами. Все потерпевшие были размещены в буддийском храме Нан Тэндзи, в начальной школе и в некоторых домах деревни Касино. Позже, 17 сентября, т. к. в деревне уже не было места, пострадавших разместили в деревне Осима. Место катастрофы было изолированным островом и не имело средств связи. 19 сентября, на следующий день после катастрофы, деревенский староста острова отправил несколько человек на ближайшую телеграфную станцию в 80 км от этого места в Танабэ, откуда о катастрофе было сообщено японскому правительству в Токио, местным чиновникам округа Вакаяма и двум газетам “*Tokyo Nichi Nichi Shimbun*” и “*Osaka Asahi Shimbun*”. Позже офицер по имени Хайдар, руководитель военно-морского оркестра Исмаил-бей, вместе с представителем деревни Осима Нидзо Хасидзумэ и полицейским Кимурай были доставлены в Кобе на судне «Батэ-мару», которое взяло пострадавших из порта Осима.

Большую помощь в спасении моряков оказал немецкий корабль «Вольф», который находился в Корее, но по просьбе немецкого консула в Кобе под командованием капитана Греднера сразу же (20 сентября) приплыл в Осиму, чтобы транспортировать потерпевших в Кобе, а позже участвовал в подъеме останков фрегата. Доставленные на судне турецкие моряки были размещены в гостинице «Тиутэй» в Итикаве, а офицеры фрегата — в доме местного жителя Кано на берегу моря.

23 сентября 1890 г. газета “*Nichi-Nichi Shimbun*” уточнила, что крушение произошло 16 сентября 1890 г. и 69 человек спаслись. Узнав об этой катастрофе, министр иностранных дел Японии Аоки послал телеграмму министру иностранных дел Турции с выражением соболезнования. Министерство военно-морского флота Японии инструктировало

военно-морскую базу в Йокосуке провести спасательную операцию, которая была поручена администрации префектуры Вакаяма. Линкор «Яэдзанго» был послан в район Кусимото-Осима, чтобы определить место крушения. 19 сентября министерство иностранных дел Японии отправило помощника по международным отношениям Мацуи поездом в Вакайму, чтобы инспектировать ситуацию. Добровольцы и газеты “*Nichi-Nichi Shimbun*”, и “*JiJi Shimbun*” развернули кампанию по сбору средств для оказания помощи пострадавшим.

В статье в “*Nichi-Nichi Shimbun*” от 23 сентября 1890 г. были отражены искренние чувства японцев в отношении пострадавших:

«Что следует сделать, для несчастных пострадавших в кораблекрушении? Крайне трагична история того, что 16 сентября турецкий военный корабль «Эртугрул» затонул в рифах Кюсю, Кимано, и чрезвычайный посланник Осман-паша, командующий кораблем и более 580 моряков утонули. Корабль с успехом совершил миссию как представитель Османской империи, но вынужден был оставаться в бухте Нагаура из-за эпидемии холеры, которая разразилась среди членов команды. Они были счастливы, когда покидали Йокогаму, чтобы вернуться на родину. Мы сейчас понимаем, насколько это печальное событие. Насколько ужасна ситуация, в которой они оказались после того, как их корабль потерпел крушение во время тайфуна! Они ожидали возвращения домой, к своим отцам, матерям, женам, детям, братьям, сестрам, родственникам и друзьям, мы сожалеем, что они утонули при таких ужасающих обстоятельствах.

Понимая, что эти пострадавшие нуждаются в поддержке, мы начали кампанию помощи... Наблюдая за общественным мнением, можно отметить, что не осталось ни одного человека, который бы остался равнодушным к этой трагедии с более 60 спасшихся человек. Они нуждаются в еде, одежде, и они хотят вернуться на родину. Кампания, которую мы организовали и ведем, уже получила благожелательный отклик, но нужно осуществить и другие планы.

Этот турецкий корабль в дружеских целях пересек моря и океаны, чтобы наградить нашего Императора. Они были гостями нашей страны, которыми необходимо дорожить. Посланник, капитан корабля и большинство команды утонули, а спасшиеся находятся сейчас в плачевном состоянии, многие из них серьезно ранены.

Более того, т. к. между Турцией и Японией не существует договора, и таким образом нет ни посольства, ни консульства, мы считаем, что это должно быть ответственностью нашего правительства обеспечить их размещение, обеспечить одеждой и едой этих несчастных и раненых пострадавших, наряду с организацией их возвращения на родину. Нам стало известно, что наш Император послал своих представителей, чтобы утешить этих людей, и мы уверены и надеемся, что наше правительство защитит этих несчастных пострадавших наилучшим образом. В любом случае это обязанность нашего правительства предоставить им лучшее содействие, поскольку корабль, который потерпел крушение, был послан в Японию турецким императором благодаря его симпатии и дружбе по отношению к нашей стране и нашему Императору. Такие действия обеспечат хорошую возможность показать внешнему миру щедрость и добрую волю Японии, и если не будет возможности вернуть потерпевших в Турцию на военном корабле, нашему правительству следует покрыть расходы за проезд потерпевших для возвращения их на родину»¹¹⁰.

“*JiJi Shimpō*” удалось также привлечь значительное внимание общественности к своим передовицам. 24 сентября 1890 г. в газете “*JiJi Shimpō*” была напечатана передовая статья под заголовком «Вновь об отправке жертв кораблекрушения в Турцию». В ней критиковались запоздалые действия японского флота в спасении турецких моряков, выживших в кораблекрушении, в отличие от действий германского флота, оказавшего им реальную помощь. Кроме того, газета опубликовала сообщение, что министерство иностранных дел Японии получило предложение из России отправить выживших турецких моряков на российских судах обратно в Османскую империю. Это вызвало шквал критики в адрес властей, и газета выступила с требованием отправить выживших моряков на японских судах, чтобы «сохранить честь Японии». Другие газеты на следующий день сразу же присоединились к “*JiJi Shimpō*”. Они напечатали критические статьи в адрес японского министерства иностранных дел и выразили поддержку военно-морскому ведомству Японии. Общественное мнение в стране также выступало с требованием, чтобы пострадавшие были отправлены обратно на японских судах. Как подчеркивает японский историк Мисава Нобуо, «это, скорее, была вспышка «национализма», а не «симпатии» к неевропейской стране или «гуманизма» по отношению к иностранным странам в одностороннем порядке»¹¹¹.

Инцидент с судном «Нормантон»

Необходимо отметить, что в тот период времени в Японии существовала определенная враждебность по отношению к Европе в связи с проблемой неравноправных договоров, заключенных с Японией — выгодных иностранным странам в одностороннем порядке. В этой связи будет уместно вспомнить еще одну морскую катастрофу у полуострова Кии за четыре года до крушения «Эртугрула», которая обострила восприятие японцами дискриминации Запада. В этом инциденте британское грузовое судно «Нормантон» затонуло во время шторма на пути из Йокогамы в Кобе в октябре 1886 г.

На борту 240-тонного «Нормантона» находились 38 членов экипажа и 25 пассажиров. Его британский капитан и 25 европейских членов экипажа — британцы и немцы — поднялись на борт спасательных шлюпок и направились в безопасное место. И наоборот, 25 пассажиров — все японцы — и 12 азиатских членов экипажа — индийцы и китайцы — погибли в море. Лидеры японского правительства были потрясены несправедливым отношением к судьбе азиатов на борту «Нормантона». Однако неравноправные договоры, подписанные ими с западными державами, лишали их права привлекать капитана и экипаж к суду. По настоянию японцев британцы провели слушание в своем консульстве в Кобе. Выводы разбирательства дела спустя шесть месяцев после этого привели к порицанию капитана и полному оправданию других европейских членов экипажа. Итоги слушаний вызвали возмущение в японском обществе. Люди призывали свое правительство отменить положения договора, наделявшие консульства западных стран судебными полномочиями. Реакция общественности была столь бурной, что сильно смутила правительство страны. Британия в конце концов заключила договор с Японией в 1894 г., который признал полномочия японских судов привлекать к судебной ответственности британских подданных, и другие западные державы последовали ее примеру¹¹².

Решение об отправке в Стамбул японских корветов «Хизй» и «Конго»

В случае же с пострадавшими моряками фрегата «Эртугрула» император Японии и японское правительство провели официальные встречи на разных уровнях, обсуждая оказание помощи турецким морякам.

Император послал помощника гофмейстера доктора Сума Кацуру и 13 медсестер в Кобе для оказания помощи раненым. Недавно обна-

руженные документы в храме на полуострове Кии близ Осима пролили новый свет на события, последовавшие за катастрофой «Эртугрула». Документ представляет собой копию письма трех японских врачей, которые ухаживали за выжившими на острове; письмо было написано в ответ на просьбу Турции представить счет за оказанную ими помощь. Врачи отклонили эту просьбу, заявив, что они просто действовали из сострадания и никогда не собирались брать плату за свои услуги¹¹³.

Кульминацией публичных требований стало решение императора отправить в Османскую империю два корвета — «Хизэй» и «Конго» с жертвами крушения фрегата «Эртугрул» в количестве 69 человек после выздоровления раненых. Правительство одобрило расходование на эти цели значительной суммы в размере 126487,60 иен, несмотря на финансовые трудности в стране¹¹⁴.

«Конго» и «Хизэй» вышли из Японии 10 октября 1890 г., и об их выходе в международные воды было доложено министру императорского двора виконту Хидзикате губернатором Хёго К. Наяси 11 октября 1890 г.¹¹⁵.

После почти 2-месячного плавания оба японских корвета пересекли Суэц 18 декабря 1890 г. и прибыли в Эгейское море в конце декабря 1890 г. Они были встречены в Безикской бухте турецким военным кораблем «Ярхизар» с традиционными церемониями. «Конго» и «Хизэй» были эскортированы в порт Измир, чтобы получить официальное разрешение султана на проход через пролив Дарданеллы. Разрешение было получено, и оба корабля пересекли пролив Дарданеллы, затем через внутреннее Мраморное море 2 января 1891 г. прибыли в Стамбул, бросили якорь напротив дворца Долмабахче на Босфоре. Капитаном «Хизэя» был военно-морской капитан Цунацунэ Танака, а «Конго» — Соносукэ Хидэка. Они также привезли приветственное письмо и подарки от императора Муцухито.

Султан Абдулхамид II предоставил дворец Долмабахче японским офицерам, и после церемонии приема и праздничных мероприятий каждый вечер устраивались специальные банкеты в их честь. Султан дал аудиенцию японским офицерам, чтобы получить приветственное послание и подарки японского императора и наградил их орденом Меджидие 2-й степени (в честь султана Абдулмеджида — отца султана Абдулхамида).

В то же время султан издал декрет об оказании содействия и помощи семьям офицеров и команды «Эртугрула», затонувшего в Японии, и выплате дополнительного вознаграждения в качестве дополнительного

жалованья выжившим в кораблекрушении. Офицеры и их семьи получили 120 курушей (пиастров) каждый, а матросы — 100 курушей каждый¹¹⁶.

Японские моряки были встречены местным населением с огромным энтузиазмом и демонстрациями искренней симпатии. Они оставались в Стамбуле в течение 49 дней и отправились в Японию с такой же церемонией и протоколом и возвратились в порт Синагава в Токио 10 мая 1891 г.

В это же время японское правительство также направило в Турцию на французском корабле спасенное с затонувшего фрегата «Эртугрула» оружие и боеприпасы: 8 пушек Круппа, 2 пушечных ядра, 4 пушки Армстронга, 4 пушки Гочкиса, 2 торпеды, 182 ружья, 24 пистолета, 6 мечей, 71 штык, разнообразные иностранные монеты, знаки отличия и т. п. Были названы фамилии тех, кто помогал в этой спасательной операции: Дзидзо Хасадзумэ из Осима, Ямасима Рэйдзо из Йокогамы, Кагава Дзунити, Арита Киитиро, Умэцу Фудзиёмон из Хёго¹¹⁷.

Император Абдулхамид II дал поручение своему личному адъютанту майору Мехмет-бею отправиться в Японию в знак благодарности за помощь и содействие, предоставленное команде фрегата. Ему также было поручено в качестве подарка императору Мэйдзи привезти двух арабских скакунов редкой породы¹¹⁸. Мехмет-бей прибыл в Японию в мае 1892 г. В Японии его сопровождал главный конюх императорского двора Фудзинами. После посещения ряда городов Японии: Хаконэ, Нагойи, Киото и Осаки, Мехмет-бей отправился в Турцию на корабле из порта Кобе¹¹⁹.

На протяжении долгого времени принято считать, что кораблекрушение «Эртугрула», которое входит в число 17 самых известных и трагических кораблекрушений в истории человечества, явилось краеугольным камнем в развитии двусторонних отношений между двумя странами. Несмотря на то, что эти события вызвали всплеск эмоций в Японии и чувство благодарности в Турции, это, однако, не привело непосредственно к установлению дипломатических отношений между странами. Цель, которую преследовала Османская империя, отправляя фрегат «Эртугрул», состояла не только в том, чтобы выразить «уважение» Японии, но и пропагандировать духовную власть султана, носившего титул халифа, над всеми мусульманами на пути к Японии.

Как отмечает российский историк А. М. Абидулин, «даже несмотря на кораблекрушение «Эртугрула», миссия фрегата в Японию имела для султана Абдулхамид II и для всей Османской империи большое значение в плане установления и развития дружественных связей с Японией и дру-

гими государствами, в особенности мусульманских странами, в порты которых заходил фрегат. Трагическое завершение миссии «Эртугрула» не только не могло снизить ее значение, но и вызвало резонанс как в Японии, так и в странах Восточной Азии»¹²⁰. В Японии события, связанные с «Эртугрулом», создали сильное общественное мнение, которое признало, что на самом деле программа японского правительства по спасению турецких моряков провалилась. Император приказал послать японский линкор «Яэяма», чтобы вернуть всех выживших в Токио. Но во время медленной подготовки его к отплытию немецкий линкор «Вольф» спас выживших без какой-либо просьбы японского правительства.

Вместе с тем эти трагические события пробудили в японцах чувства сострадания и сочувствия, проявившиеся при спасении и возвращении в Стамбул выживших членов команды фрегата «Эртугрул». Сбор пожертвований для турецких моряков, а также сбор средств на строительство мемориала с кладбищем, где были захоронены более 150 турецких моряков в городе Кусимото, были с благодарностью восприняты турецким народом. По заявлению бывшего премьер-министра Турции А. Давутоглу, «этот исторический факт очень дорог для Турции и отражает искренность отношений между нашими народами»¹²¹.

Отдавая дань памяти и уважения морякам «Эртугрула» с 1891 г. каждые пять лет в день крушения фрегата на месте мемориала проводятся торжественные мероприятия с участием официальных лиц обеих стран.

В декабре 2015 г., согласно «Совместной декларации о стратегическом партнерстве между Японией и республикой Турции 2013 г.», на экраны вышел совместный фильм, посвященный кораблекрушению «Эртугрула» (подробнее об этом см. главу «Культурная дипломатия Японии» настоящей работы).

Таким образом, эта трагическая страница в истории японо-турецких отношений стала своего рода символом дружбы между двумя народами.

Важная роль Ноды Сётаро и Ямады Торадзиро в развитии отношений Японии с Турцией

В истории японо-турецких отношений было несколько личностей, которые проявили себя активными участниками событий, повлиявших на развитие связей между двумя странами, и внесли большой вклад

в межкультурные контакты, и чьи имена вот уже в течение столетия привлекают внимание историков.

Двумя такими фигурантами явились Нода Сётаро (1868–1904), молодой штатный журналист газеты “*Jiji Shimpō*”*, и Ямада Торадзиро (1882–1957), «студент-купец» (по выражению известного романиста Коды Рохана)**, споры о деятельности которых не утихают до сих пор. Так, например, в публикациях японского историка Мисавы Нобуо с 2001 г. отражаются проводившиеся им академические исследования совместно с турецким историком Гёкнур Акчадаг. Ими были найдены источники, свидетельствующие об искажении реальных событий в более ранних общепринятых оценках в публикациях¹²².

Впервые имена Ноды и Ямады появились в исторических работах после трагического инцидента с фрегатом «Эртугрул».

В октябре 1891 г. выжившие члены команды фрегата были отправлены на родину на японских корветах «Конго» и «Хизэй». Журналист Нода Сётаро был послан авторитетной ежедневной газетой “*JiJi Shimpō*”*** для подготовки репортажей об этом путешествии.

В этой связи необходимо отметить, что в то время японские газеты в борьбе за большие тиражи, делали «быстрые репортажи» и печатали «передовицы, агитирующие общественность». В условиях жесткой конкуренции в выпуске новостных репортажей газеты стали смещать приоритет с традиционной миссии «свободы слова» на вновь возникающую практику «оперативного сообщения». В связи с инцидентом с фрегатом «Эртугрул», сразу же три японские газеты “*Tokyo Nichi Nichi Shimbun*”, “*Kobe Yushin Nippo*” и “*Osaka Asahi Shimbun*” послали своих репортеров в Кобе и Танабэ и напечатали дополнительные выпуски. При этом каждая

* Нода Сётаро родился в январе 1868 г. в семье самураев феодального клана Нанбу Мориока в городе Хатинохе префектуры Аомори. С детства отличался большими способностями. В сентябре 1868 г. приехал в Токио и поступил в Кэйо Гидзюку — старейший университет в Японии. Талант Ноды был высоко оценен Фукудзавой Юкити, основателем университета Кэйо. Позже Нода стал штатным журналистом газеты “*JiJi Shimpō*”, престижной газеты, пользовавшейся влиянием в академических кругах.

** «Студент-купец» — так назывался рассказ Коды Рохана о Ямаде, который был одним из самых близких друзей Коды со студенческих лет, прежде чем они оба стали знаменитыми. Ямада способствовал изданию первого романа Коды.

*** Газета “*Jiji Shimpō*” (букв.: «газета новостей») была основана в 1882 г. японским писателем, философом, интеллектуалом Фукудзавой Юкити (1835–1901). Фукудзава Юкити является основателем университета Кэйо, первым президентом Японской академии наук.

газета отреагировала на этот инцидент своими собственными репортажами и передовыми статьями.

Кампании по сбору пожертвований, как одно из направлений деятельности японских газет, вошли в обиход еще до этой трагедии. В данном же случае *“Tokyo Nichi Nichi Shimbun”* и *“JiJi Shimpō”* первыми начали эту деятельность, объявив 20 сентября о сборе пожертвований в каждой газете. *“Mainichi Shimbun”* и *“Osaka Asahi Shimbun”* подтвердили, что начали сбор пожертвований 21 и 26 сентября соответственно.

Примечательна деятельность газеты *“JiJi Shimpō”*, которая начала освещать события позже других газет, однако одновременно с этим начала сбор пожертвований. Продуманные действия этой газеты отразились не только на самой кампании по сбору пожертвований, но и на способе перевода собранных денег, что, в свою очередь, сыграло решающую роль в жизни Ноды. Пожертвования, собранные газетой, составили 4 248 976 иен, (в эту сумму входил и значительный вклад военно-морских кругов в размере 1500 иен). Это резко контрастировало с пожертвованиями, собранными другими газетами. Так, например, суммы, собранные токийскими *“Nichinichi Shimbun”*, *“Mainichi Shimbun”* и *“Osaka Asahi Shimbun”* составила 608 346 иен, 128 534 иен и около 154 иен соответственно*.

Решение об отправке японских корветов «Хизэй» и «Конго» в Стамбул кардинальным образом изменило судьбу Ноды Сётаро. Как уже упоминалось ранее, *“JiJi Shimpō”* удалось собрать значительную сумму пожертвований, что явилось первым случаем сбора денег в Японии для граждан иностранных государств. Ни одна из газет, участвовавшая в этой кампании, не смогла принять решение о способе перечисления собранных средств. Самый простой способ представлялся как передача наличных денег непосредственно выжившим морякам, возвращавшимся на родину. Именно так поступила газета *“Kobe Yusin Nippo”*, (местная газета в Кобе — городе, где о выживших заботились до тех пор, пока они не покинули Японию), передав турецким морякам сумму в размере 53,75 иен при посредничестве управления префектуры Хёго¹²³.

Газета *“JiJi Shimpō”* же приняла спонтанное решение отправить штатного журналиста на борту корвета «Хизэй» в Турцию и доставить денежный

* Таким образом, общая сумма пожертвований достигла примерно 5000 иен (18907,94 французских франков). По цене риса, как принято вести подсчеты в японской историографии, она соответствовала 70 млн иен в 2011 г. или 400 000 YTL (в новых турецких лирах). *“JiJi Shimpō”* удалось собрать 85% от общей суммы.

перевод непосредственно в соответствующий орган Османской империи, обменяв всю собранную сумму пожертвований на иностранную валюту в пересчете на французские франки в банке “*Yokohama Shokin Bank*”. Эта важная миссия была возложена на Ноду, который также должен был отправлять в Японию репортажи с борта корвета. Получив разрешение на поездку от командования корвета и военно-морского министерства, Нода сделал следующее объявление на странице газеты в форме частного уведомления:

«К сожалению, я не успел попрощаться со всеми. Мне неожиданно поручили отправиться в Стамбул на корвете «Хизэй». Надеюсь, все простят меня за то, что я выражаю благодарность всем на страницах газеты»¹²⁴.

Нода попал на борт корвета «Хизэй» 6 октября 1890 г. в порту Йокосука, однако он не успел получить необходимого денежного перевода, что свидетельствует о внезапности самого плана “*JiJi Shimpō*”. В связи с этим один из коллег Ноды, а именно Имаидзуми Сютаро (племянник Фукудзавы Юкити)* успел привезти финансовые документы перед отплытием линкора, отправившись на поезде линии Токайдо в Кобе 10 октября. 11 октября 1890 г. корветы «Хизэй» и «Конго» покинули Кобе, о чем был опубликован подробный рассказ Ноды в 2804-м выпуске “*JiJi Shimpō*” от 11 октября 1890 г.¹²⁵. Во время плавания Нода отправлял в газету подробные отчеты по почте всякий раз, когда «Хизэй» и «Конго» останавливались в разных иностранных портах. Эти сообщения были опубликованы в “*JiJi Shimpō*” под названием «Отчеты о рейсе в Турцию на борту японских корветов».

После прибытия в Стамбул Нода продолжал посылать свои отчеты о действиях экипажей японских кораблей в Стамбуле под названием «Мемуары из Константинополя». Эти отчеты свидетельствуют о том, насколько серьезно Нода относился к миссии передачи пожертвований. Он попытался передать денежный перевод министру иностранных дел Османской империи Зеки Саид-паше как получателю пожертвований. Однако ему было предложено передать его комитету по оказанию помощи семьям погибших, созданному в военно-морском министерстве Османской империи, а не министру иностранных дел, поскольку

* Имаидзуми Сютаро, также известный как Имаидзуми Итибио, — первый японский художник юмористических картин. Способствовал налаживанию дружеских отношений между Японией и Османской империей.

комитет контролировал пожертвования, собранные в империи. Поэтому 6 января 1891 г. Нода посетил военно-морское министерство Османской империи и встретился с военно-морским министром Ризой Хасан-пашой, председателем комитета по оказанию помощи семьям погибших моряков, рассказав ему всю историю, связанную с кампанией по сбору пожертвований. На встрече с Хасан-пашой Нода вручил ему денежный перевод и письмо, подписанное Ито Кинсукэ, владельцем корпорации “*JiJi Shimpō*”. Это письмо до сих пор хранится в Османском архиве премьер-министра (*Basbakanlık Osmanlı Arşivi*) в Стамбуле. Японская версия письма включала список первичных доноров, который подготовила газета. Рукописный английский перевод, насчитывающий 6 страниц, прилагался к оригинальной японской версии. Настоящие письма сохранились в Османских архивах в Стамбуле. Все финансовые квитанции с подписями Ризы Хасан-паши были вручены Ноду в обмен на пожертвования. Переводы на японский язык квитанции и письма, написанного министром иностранных дел Саид-пашой, были опубликованы “*Jiji Shimpō*”. В отчете Ноды, переданном в Японию, говорилось, что пожертвования были с благодарностью приняты в Османской империи. Турецкие газеты “*Tercüman-ı Hakikat*”, “*Sabah*” и “*İkdam*”, а также газеты, публиковавшиеся на английском и французском языках “*The Lebant Herald*”, “*The Oriental Advertiser*”, “*La Turquie*” сообщили об этом событии и широко освещали пребывание в Стамбуле команды японских корветов.

Находясь на борту японского корвета «Хизэй» во время путешествия в Стамбул, Нода очень интересовался османским языком*. Еще в Японии он обратился к Али-эфенди, одному из оставшихся в живых офицеров фрегата «Эртугрул», с просьбой записать имя «Нода» арабским шрифтом. Позже в Нагасаки он напечатал свои именные карточки этим шрифтом. Во время плавания на корвете «Хизэй», он подружился с тремя оставшимися в живых османскими офицерами, и при их помощи учил османский турецкий, что пригодилось ему в Стамбуле для отчетов для “*JiJi Shimpō*”.

Руководство страны тепло приняло всех членов команды японских корветов, в том числе и Ноду, однако его имя в официальных отчетах японского командования отсутствует, т. к. он действовал как независимый

* Османский язык принадлежит к группе тюркских языков, в основе лежит арабский алфавит. Государственный язык Османской империи. Вышел из употребления после образования Турецкой респ. (1924 г.) и создания турецкого языка на основе разговорн. диалектов и латинского алфавита.

журналист. Члены команды японских корветов были награждены орденом Меджидие 2-й степени.

Преподавание японского языка в военной академии Турции

Переломным моментом жизни Ноды, по мнению японских историков, явилась просьба султана Абдулхамида II, обращенная к японским офицерам остаться в Стамбуле на некоторое время для изучения турецкого языка и обычаев и одновременно для обучения японскому языку османских офицеров.

На первом этапе обсуждения подходящей кандидатуры руководство Османской империи обратилось с просьбой к командованию японских корветов «Хизй» и «Конго» предложить их офицерам должность преподавателя японского языка с резиденцией в Стамбуле. Речь шла именно о военных, а не о частных гражданах, каким являлся Нода. В качестве доказательства Мисава приводит официальный отчет командира «Конго» капитана Танаки¹²⁶. Офицеры японских корветов отказались от этого предложения в связи с необходимостью возвращения на родину. Позже секретарь османского двора вновь обратился с этой же просьбой, предложив прислать военно-морского офицера на эту должность после возвращения корветов в Японию. Как отмечает Мисава, командиры были в замешательстве, т. к. на поездку в Турцию с оставшимися 69 турецкими моряками была выделена огромная сумма денег, кроме того, на командование корветов в этой поездке была возложена обязанность обучения молодых членов команды, т. к. военно-морской флот Японии требовал хорошо обученные кадры*. Помимо этого, японское командование не имело полномочий решать этот вопрос из-за отсутствия официальных отношений между двумя странами. Согласно мемуарам Сакамото Хадзимэ (будущий вице-адмирал Японии), на прощальном приеме в честь корветов «Хизй» и «Конго» после очередной просьбы Абдулхамида II о преподавании японского языка, японское командование порекомендовало для этого именно штатского Ноду, который вначале отказался от этой должности, но после настоятельной просьбы капитана Танаки принял это предложение, о чем свидетельствовала статья в газете

* Позже стало известно, что офицеры, отправившиеся в Стамбул, получили большой опыт, который им пригодился во время русско-японской войны (1904–1905). Среди них называют имя Акиямы Масаюки (будущий вице-адмирал японского военно-морского флота).

“*JiJi Shimpō*” под названием «О том, почему репортер “*JiJi Shimpō*” остался в Османской империи». Османское правительство одобрило его кандидатуру, и Нода остался в Стамбуле, что подтверждалось его статьями, опубликованными в “*JiJi Shimpō*” 11 и 24 мая 1891 г.¹²⁷ Султан Абдулхамид II был так обрадован известием о решении Ноды, что приказал вручить ему 30 фунтов в качестве премиальных. И газета “*JiJi Shimpō*” также объявила о желании своего репортера преподавать японский язык в Стамбуле, и с этого времени в газете начала печататься серия статей Ноды об Османской империи*. Также Ноде удалось опубликовать многочисленные интервью с зарубежными журналистами. Таким образом, Нода стал первым корреспондентом японской газеты в исламской стране. Следует отметить, что султан Абдулхамид II выразил готовность заботиться о японском журналисте как о собственном сыне.

Вечером 8 февраля 1891 г. Нода впервые имел возможность получить аудиенцию у султана Абдулхамида II на прощальном приеме в честь офицеров японских корветов. Среди японских гостей Нода был единственным человеком, который пытался овладеть османским турецким языком. Хотя его знания были фрагментарными, о его интересе к изучению османского языка стало известно султану Абдулхамиду II. Нода описал встречу с султаном в своей статье, опубликованной в “*JiJi Shimpō*”, следующим образом:

«Ко мне подошел Османский султан Абдулхамид II. Его величество пожал мою руку и сказал мне следующее: «Я очень рад, что вы овладели нашим турецким языком. Этот факт доказывает, что Вы *akilli* (умный)». На самом же деле я понял только эти фразы. Его величество говорил со мной еще пять минут. Но секретарь султана не стал ничего переводить на английский, потому что решил, что я понимаю по-турецки. Мне было жаль, что я больше не понимал речи его Величества. Я был удивлен, что в речи его Величества были слова благодарности за наши пожертвования <...> У меня не было возможности сказать, что я недостаточно понимаю по-турецки, поэтому, пожалуйста, переведите мне речь его Величества. В конце встречи султан Абдулхамид II подарил мне золотой футляр для сигар, украшенный примерно сотней бриллиантов в память об аудиенции у Его Величества. Это было

* Во время своего пребывания в Стамбуле в течение примерно двух лет он послал около 50 статей, которые были опубликованы “*Jiji Shinpo*” и положили начало знакомству японского народа с жизнью в Турции.

беспрецедентное событие, что Османский султан пожал руку молодому журналисту, такому как я. Газеты Стамбула сообщили об этой невероятной новости»¹²⁸.

Вскоре Нода была предоставлена резиденция в Османской военной академии. Вот как он описывает это событие:

«<...> На следующее утро после того, как два корвета покинули Стамбул, я переехал в Османскую военную академию со своими дорожными чемоданами в специальное помещение, принадлежавшее Османскому султану, подготовку которого он оплатил»¹²⁹.

Вскоре после этого, 13 февраля, Нода был награжден османским орденом Меджидие 3-й степени.

Мисава подчеркивает, что сам Нода принял предложение султана, в первую очередь, как возможность изучения османского языка, а только потом уже приступил к преподаванию японского языка османским офицерам. После того, как два японских корвета покинули Стамбул по истечении 49 дней пребывания в Стамбуле, Ноду попросили начать преподавание японского языка османским офицерам, к чему он и сам стремился. Описание этой ситуации опубликовано в его статье в *“JiJi Shimpō”* «Османский Турецкий язык. После того, как я решил жить в Стамбуле»¹³⁰.

Вице-адмирал и глава османской военной академии Зеки-паша навещал Ноду каждый день. Нода было также предписано приходить в дворец Йылдыз каждую пятницу для встречи с султаном. Вначале к Нода были прикомандированы два османских офицера. Это были Реджеб-эфенди (лейтенант Османской армии) и Сабри-эфенди (второй лейтенант Османского флота). Нода писал об этом:

«Я решил каждый день учиться у них османскому турецкому языку. В свою очередь, я учу их японскому языку. Когда я выходил из Османской военной академии, кто-нибудь из них сопровождал меня и докладывал об этом во дворец султана. Я был поражен таким обращением. Через месяц Зеки-паша сообщил мне, что он направляет еще двух офицеров для изучения японского языка»¹³¹.

В своей статье от 22 августа 1891 г., опубликованной в *“JiJi Shimpō”*, он писал, что «был поражен превосходной сообразительностью Васифа-эфенди, одного из 7 его учеников, служивших в Османской армии»¹³². Согласно описанию Ноды, вначале было два студента, в марте их было четверо, в августе было 7 студентов. К сожалению, в невозможно опре-

делить, сколько студентов изучали японский язык на уроках Ноды. Существует единственная фотография Ноды и его учеников, которая была представлена в 2003 г. на выставке в Токио, посвященной «году дружбы» между Японией и Турцией¹³³.

Конечно, в те дни в Стамбуле было невозможно получить учебные материалы по японскому языку. Нода был настолько полон энтузиазма в преподавании японского языка, что обратился с просьбой к своему коллеге из “*JiJi Shimpō*” Имаидзуми Сютароотправить в Турцию учебники (для начальной школы в Японии) и японские письменные принадлежности (индийские чернила, чернильные камни, бамбуковые кисти и т. д.). В очень короткие сроки Имаидзуми выслал учебные материалы в Стамбул в качестве подарка. В ответ на это Нода попросил четырех своих учеников послать Имаидзуми благодарственные письма на японском языке. Это были Реджеп-эфенди (лейтенант Османской армии), Али-эфенди (второй лейтенант Османской армии), Асым-эфенди (второй лейтенант Османской армии) и Сабри-эфенди (младший лейтенант Османского флота). Два письма из них были опубликованы в “*JiJi Shimpō*” 31 января 1892 г.¹³⁴. Имаидзуми также опубликовал все четыре письма в своих мемуарах, в частности, письмо, написанное Реджепом-эфенди:

«Уважаемый господин Имаидзуми!

Мы братья по происхождению. Нет другого Творца, кроме нашего Создателя. Мы также братья по природе, потому что мы сделаны из одних и тех же элементов. Удивительно, что наши чувства так похожи друг на друга. Это может быть благословением нашего Создателя. Этот факт может свидетельствовать о том, что обе страны принадлежат к одной и той же расе. Обе страны находятся в хороших отношениях, как если бы одна из них принадлежала другой. Это также относится и к нам. Вот почему наш преподаватель изучает османский турецкий язык, а мы изучаем японский. Для овладения иностранным языком нужно усердно учиться у хорошего учителя. Далее нам нужно в совершенстве выучить чтение и композицию. Постепенно наш новый мудрый учитель ведет нас от элементарного уровня к высшему. Благодаря его урокам мы очень хорошо продвинулись в разговорном языке. Но что касается чтения и композиции, то здесь возникают трудности. Я не могу выразить Вам наши чувства благодарности, кроме как сказать «спасибо»... Вы помогли нам в этой сложной ситуации. Чтобы продвигать наше изучение шаг за шагом, Вы прислали много

книг. Они имеют огромную ценность для нас, хотя их продажная цена может быть невысокой. Большое спасибо. В дальнейшем я надеюсь продолжать нашу дружбу»¹³⁵.

Мисава в этой связи отмечает, что был крайне удивлен, что османские офицеры могли написать такие письма на японском языке. Несмотря на несколько мелких ошибок, письма были эмоциональными, в них чувствовалась и логика ислама. Таким образом, автор делает вывод о подлинности писем. Это также свидетельствовало об ответственном отношении Ноды к своим ученикам. Почти все предложения в этих письмах были написаны хираганой. В своих отчетах для *“JiJi Shimpō”* Нода писал, что учит своих учеников особенностям японского письма с использованием хираганы и иероглифов. Более того, Нода посылал письма своих студентов в японские представительства в Европе, чтобы ввести японское языковое образование в Османской империи. В качестве ответа Нода получил письмо от Тиги Дзурутара, преподававшего японский язык в Берлинской школе восточных языков. Позже Нода написал статью для *“JiJi Shimpō”* о положении дел с преподаванием японского языка в европейских странах, приложив письмо Тиги¹³⁶.

Со временем Нода и сам привык к своему двоякому положению. Он изучал османский язык, а также преподавал японский язык для османских офицеров. 5 февраля 1892 года, после примерно годичного пребывания в Стамбуле, он написал письмо султану Абдулхамиду II, чтобы сообщить о своем уровне османского языка, с подписью: «студент, изучающий турецкий язык и преподаватель японского языка». В письме он выразил особую признательность за возможность изучить османский язык и попросил разрешение учить арабский язык для чтения Священного Корана по совету Реджеба-эфенди, о чем написала газета *“Mainichi Shimbun”* 4 августа 1892 г.¹³⁷.

По мнению Мисавы, именно в этот период произошло обращение Ноды в ислам. Он изучал не только язык, но и историю Османской империи, историю ислама, исламскую религию и т. д., что и привело к тому, что он принял ислам и получил имя Абдулхалим, что подтверждалось документами¹³⁸. Официальный документ, указывающий на его обращение в ислам, до сих пор хранится в Османских архивах премьер-министра (*Basbakanlik Osmanli Arsivi*) в Стамбуле. Согласно этому важному документу, он стал мусульманином 21 мая 1891 г. Документ состоит из двух докладов, адресованных султану на трех листах. В первом докладе,

написанным Зеки-пашой, приводится факт обращения Ноды в ислам, а во втором — подробно описывается этот процесс¹³⁹. Мисава в этой связи отмечает, что неизвестна причина принятия Нодой ислама: «мы не можем знать, был ли он просто очарован исламом или имел какой-то личный интерес»¹⁴⁰. Хотя сам Нода не упоминал об этом факте в своих отчетах, новость о «японском мусульманине» вскоре распространилась благодаря публикациям в турецких газетах и журналах. Например, одна из главных газет тех дней “*Tercuman-t Hakikat*” сообщила, что он получил обрезание, чтобы стать мусульманином. “*ResimliGazete*”, известная иллюстрированная газета, опубликовала его фотографию. А журнал “*Mttsavver Cihan*” на первой полосе привел жизнеописание Ноды с его фотографиями. Он продолжал сотрудничать с газетой “*JiJi Shimpō*”, однако не присылал туда отчет о принятии ислама. На данный момент Нода признан первым японским мусульманином, чье обращение в ислам было подтверждено документально. Однако, судя по его дальнейшей жизни в Японии, он отказался от своей веры. Это дало повод исследователям его жизни сделать вывод о его поверхностном отношении к исламу или временном увлечении им.

Имеются сведения, что в конце 1891 г. Нода сопровождал члена парламента Японии Киёуру Кэйго (будущего премьер-министра страны) и бывшего главу службы безопасности Кадзи Сётаро (по просьбе двора Османской империи) во время их визита на известный оружейный завод в Топхане. Но это выходило за рамки его обычных обязанностей, которые, в первую очередь, состояли в обучении турецких студентов японскому языку и изучении турецкого языка самим Нодой.

Ямада Торадзиро

О Ямаде Торадзиро существует значительное количество публикаций, на которые ссылались авторы, исследовавшие историю Японии и Турции в конце XIX — начале XX вв. Многие из них брали за основу уже опубликованные данные, не вдаваясь в детали в вопросы их достоверности. Этому способствовали и опубликованная автобиография Ямады, и его биография, написанные в конце его жизни, где, по мнению японских и турецких исследователей, было достаточно много искажений реальных событий.

В нашу задачу не входит развенчивание незаслуженной славы, выпавшей на долю этого человека, а только попытка на основе достоверных фактов определить его место в истории японо-турецких отношений.

В соответствии с известными до последнего времени сведениями Ямада родился в Эдо в августе 1866 г. в высокопоставленной самурайской семье Накамуры Юдзаэмона, главного вассала семьи Токи, феодала, правившего кланом Дзёсю Нумата. В возрасте пятнадцати лет он был усыновлен чайным мастером Ямадой, чью фамилию он себе взял. К 1890 г. он был хорошо образованным человеком с определенным знанием китайского, английского, немецкого и французского языков.

Отправной точкой контактов Ямады с Османской империей стала кампания по сбору пожертвований для моряков фрегата «Эртугрул». Имя Ямады Торадзиро впервые упоминалось вместе с другими в связи с организацией ряда лекций под названием «Лекции для выражения соболезнований морякам турецкого фрегата», а также в организации благотворительных мероприятий и концертов для сбора пожертвований, в частности, благотворительного концерта с участием более 15 известных артистов в здании Юракукан. Несмотря на такую активную деятельность он не был ключевой фигурой в кампании по сбору этих денег через объявления в газетах. Из документальных источников следовало, что почти все пожертвования были собраны японскими газетами и не имели никакого отношения к Ямаде. По мнению японских и турецких историков, «имелись ложные свидетельства, что пожертвования собирал Ямада, что не соответствовало действительности и нанесло урон доброй воле жертвователей, в том числе японских школьников»¹⁴¹. Пожертвования, которые Ямада передал Османской империи, составили около 97 иен (всего около 2% от общего количества пожертвований), согласно официальной квитанции, хранящейся в Морском музее Стамбула¹⁴².

Независимо от размера собранных средств японские газеты и частные лица столкнулись с проблемой перевода денег в Османскую империю по двум причинам. Во-первых, они не успели завершить процедуру оформления заявлений на пожертвования и начать процедуру перевода денег до отплытия корветов. Как уже сообщалось, даже “*Jiji Shimpō*” сумела оформить перевод денег в последнюю минуту. Во-вторых, министерство иностранных дел Японии отказалось взять на себя обязательство по переводу денег от своего имени, утверждая, что подобная процедура невозможна из-за отсутствия официальных дипломатических отношений между Японией и Османской империей, а перевод денег в Османскую империю через коммерческие банки был невозможен.

Газеты “*Tokyo Nichi Nichi Shimbun*” и “*Mainichi Shimbun*” сумели осуществить перевод пожертвований самостоятельно, о чем свидетельствуют

документы, хранящиеся в Османских архивах в Стамбуле, а именно имеются два письма, подготовленные на японском и французском языках и адресованные министру иностранных дел Саид-паше и подписанные Сэки Наохико (президент издательства “*Nippo Corporation*” в Токио, которое издавало “*Tokyo Nichinichi Shimbun*”) и Коидзука Рю (президент корпорации “*Mainichi Shimbun*”). К этим письмам прилагался денежный перевод банка “*Yokohama Shokin Bank*”, который подтверждал собранные пожертвования на сумму 2984,36 французских франков в обмен на 726,88 иены (608,346 иен от корпорации “*Nippo*” и 128,534 иены от корпорации “*Mainichi Shimbun*”). Дата, указанная в письмах, доказывает, что обе газеты предпринимали усилия для урегулирования вопроса о переводе денег до отплытия «Хизя» и «Конго». В письме, в частности, сообщалось:

«<...> к сожалению, из-за нехватки времени газеты не смогли завершить процедуру перевода денег в срок до отплытия двух японских корветов «Хизй» и «Конго». Следует отметить, что не было полной информации о способе отправки этих денежных средств. Известно, что газета “*Asahi Shimbun*” с самым большим тиражом по всей Японии после консультаций в министерстве иностранных дел Японии отказалась от перевода пожертвований и направила все собранные средства на строительство кенотафа (надгробного памятника) в Вакаяме, близ острова Осима, где затонул «Эртугрул».

Вышеназванные обстоятельства, несомненно, повлияли на Ямаду, как на частное лицо, участвовавшее в сборе пожертвований. Ямада хотел отправить собранные деньги в Османскую империю в ноябре 1890 г., однако, столкнувшись с трудностями перевода собранных средств, получил рекомендацию министерства иностранных дел Японии лично передать в Турцию эти пожертвования. В архивах Османской империи в Стамбуле имеется письмо, написанное на английском языке и адресованное Саид-паше, подписанное Ямадой и Кавакуми (соорганизатор благотворительных мероприятий) и еще двумя участниками благотворительной кампании, в котором вместе со словами соболезнования по поводу трагедии «Эртугрула» выражалась надежда, что пожертвования будут приняты, хотя сумма и была небольшой.

В этом же письме Ямада также выразил свои взгляды в отношении необходимости содействовать обмену между Японией, Китаем и Османской империей, поскольку эти страны являются крупнейшими независимыми

странами Азии. По мнению исследователей, Ямаде была близка идея паназиатизма, которая была популярна в Японии в то время. Согласно данным его биографии (хотя это не было подтверждено документами), он обратился к Куге Кацунаму (наст. имя Минору Наката) и Фукумото Нитинану, которые были лидерами этой идеологии, за советом по поводу кампании по сбору пожертвований. Как отмечает Мисава, «эти взгляды Ямады были характерны для японского народа и скорее были не проявлением “паназиатизма”, как утверждал Ямада, а просто “антиевропейскими настроениями”»¹⁴³.

Благодаря рекомендательному письму, написанному Танакой Цунацунэ, капитаном корвета «Хиэй», вернувшемуся в Японию из Стамбула в мае 1891 г., Ямада смог попасть на борт британского судна «Пасан», зафрахтованного японским военно-морским министерством, чтобы принять новый линкор «Мацудзима», построенный в Тулоне (Франция) для императорского флота Японии. Таким образом, Ямада отправился в Стамбул 30 января 1892 г. из порта Йокогамы. В Порт-Саиде Ямада покинул это судно и сумел самостоятельно добраться до Стамбула через Каир и Александрию.

Что касается цели поездки Ямады в Стамбул, то существуют разные версии. Сам Ямада в своей автобиографии писал следующее: «<...> Не напрасно я предпринял усилия, чтобы начать обмен между двумя странами, посетив Турцию и познакомившись с ситуацией в этой стране. Именно по этой причине я планировал отправиться в Турцию в то время <...>»¹⁴⁴. Таким образом, главной целью поездки Ямады в Османскую империю была попытка установить торговые связи между двумя странами на частном уровне. Это также подтверждалось в отчетах Ноды, опубликованных в “*Jiji Shimpo*”¹⁴⁵. Кроме того, Кодэ Рохан, один из близких друзей Ямады, написал в те дни короткий роман под названием “*Shosei Shonin*” («Студент-купец») о Ямаде, который из бедного студента превратился в богатого купца. Кодэ, по мнению японских историков, привел подробные и убедительные доказательства того, почему Ямада отправился в Османскую империю, а именно чтобы основать торговое дело¹⁴⁶.

Встреча Ноды и Ямады

4 апреля 1892 г. Ямада прибыл в Стамбул. Он собирался встретиться с министром иностранных дел Османской империи Мехмедом Саид-пашой и передать рекомендательное письмо капитана Хидаки и пожерт-

вованные деньги. Ямада привез султану Абдулхамиду II личные подарки: древнюю кольчугу, шлем и традиционный японский меч (катана) XVI в., которые принадлежали его семье. В своих мемуарах позже он отмечал, что эти подарки были выставлены во дворце Топкапы в Серали.

Интересен эпизод встречи Ноды и Ямады 4 апреля 1892 г. Нода был срочно приглашен в резиденцию Саид-паши для помощи в ведении переговоров с «молодым японцем, имевшим рекомендательные письма для ведения торговли в стране. Его внезапный визит в особняк Саид-паши, османского министра иностранных дел, вызвал неловкую ситуацию, т. к. Саид-паша хорошо говорил по-французски (французский был первым иностранным языком в Османской империи), а не по-английски, в то время как Ямада не мог свободно говорить на французском языке. Поэтому они в течение двух часов не могли наладить контакт»¹⁴⁷.

Нода сразу же откликнулся на эту просьбу и помог Ямаде в переговорах. Мисава свидетельствует, что именно Нода принял Ямаду в военной академии, помог ему в устройстве в гостинице и оказал помощь в получении разрешения от османского правительства для ведения торговли. В Османском архиве премьер-министра в Стамбуле хранится прошение Ноды об оказании помощи Ямаде в его торговых делах¹⁴⁸. Принято было считать, что султан попросил Ямаду обучать военно-морских курсантов японскому языку. Однако, опираясь на документы, Мисава опровергает эти сведения и приводит подлинные данные о пребывании Ямады в Стамбуле, которые указывают на основную цель приезда Ямады в Стамбул, а именно сбор информации для налаживания торговли между Японией и Османской империей, а вручение пожертвований явилось просто эпизодом.

В одной из статей, направленных в “*Jiji Shimpō*”, Нода писал: «<...> был посетитель Ямада Торадзиро, владелец, небольшой издательской компании “*Sansan Bunbo*” в Токио. По-видимому, он приехал сюда с целью начать торговлю между Японией и Турцией, привезя с собой различные товары, а также пожертвования, собранные им для моряков “Эртугрула”»¹⁴⁹. В других статьях говорится о прибытии Ямады в Стамбул и посреднических усилиях Ноды в отношении Ямады. Нода живо описал, как он горячо приветствовал Ямаду как соотечественника несмотря на то, что тот был для него совершенно чужим, помогал ему как в официальных, так и в частных делах. В статье Ноды для “*Jiji Shimpō*” от 13 июля 1892 г. описывалось, как они вместе наслаждались

приготовлением сируко, традиционного японского сладкого блюда из бобов адзуки¹⁵⁰.

Хотя Ямада в своей автобиографии и писал, что стал преподавателем японского языка в Османской военной академии, Мисава, утверждает, что не было подлинных доказательств этому факту, «это скорее была не совсем ложь, но, вероятно, преувеличение»¹⁵¹.

В Турции не было найдено никаких официальных документов в архивах Османской империи о трудоустройстве Ямады. Напротив, существуют официальные документы Османской империи, подтверждающие занятость Ноды в качестве вышеупомянутого преподавателя японского языка в Османской военной академии. Мисава в своих исследованиях допустил возможность того, что Ямада, мог помогать классу в качестве частного помощника Ноды, когда был свободен от своих исследований торгового дела в Стамбуле. Кроме того, в июле-августе 1892 г. Ямада вернулся в Японию, прожив в Стамбуле всего 4–5 месяцев. Осенью 1893 г., после более чем годичного перерыва, он снова приехал в Стамбул. Обучение японскому языку закончилось годом ранее.

Ямада ненадолго вернулся в Японию в 1893 г. на борту судна «*Мацудзима*». Он выступал с публичными лекциями, называя себя «агентом османской империи», так, например, 16 апреля по предложению министра иностранных дел Эномото Такэаки Ямада прочитал лекцию в японской колониальной Ассоциации (*Shokuminkyōkai*) об Османской империи и Египте, отражая новый интерес Японии к расширению торговых отношений в этом регионе.

В это же время Нода принял решение вернуться на родину после 2-годового пребывания в Турции. Некоторые исследователи считали, что Нода оставил свою работу в Турции из-за болезни. Мисава допускает возможность того, что Нода сослался на болезнь как на причину отказа от работы. Хотя сам Нода хранил молчание об истинной причине возвращения домой, тем не менее он выразил самое благоприятное впечатление от своего пребывания в Стамбуле в течение двух лет в своем отчете в “*Jiji Shimpō*” от 26 декабря 1892 г., в котором Нода делился воспоминаниями о жизни в Стамбуле.

Султан наградил его орденом Меджидие второй степени за вклад в обучение японскому языку. Османская империя не предлагала Ноду найти своего преемника в Японии, и Нода также не рекомендовал никого на эту должность. Его отставка в декабре 1892 г. означала окончание обучения японскому языку в Османской военной академии. Следует отме-

тить, что Нода сделал все возможное для своих уроков по японскому языку для османских офицеров, и его студенты также проявили большой интерес к изучению японского языка. Не было и определенного объяснения, почему Османская империя, так стремившаяся организовать японское языковое образование с японским преподавателем, более не видела необходимости в курсах японского языка в Османской военной академии.

В связи с тем, что Нода получал официальное жалование за преподавание в академии, потребовалось время для его отставки. Его прошение о возвращении в Японию было удовлетворено. Основываясь на публикациях в газете *“Jiji Shimpō”* в середине декабря 1892 г., было известно, что Нода на поезде отбыл из Стамбула в Вену и в начале января 1893 г. прибыл в Париж. Затем он посетил европейские страны, после чего пересек Атлантический океан и побывал на международной выставке в Чикаго. По некоторым сведениям в Японию он вернулся в марте 1893 г. и начал работать в газете *“Jiji Shimpō”*. С конца мая по начало июня 1893 г. в *“Jiji Shimpō”* публиковалась серия его редакционных статей под названием «Торговля с Турцией». Однако до 4 августа 1893 г. он писал очерки о Турции с перерывами и постепенно перестал писать об Османской империи.

Некоторые из его учеников, в частности, Реджеп-эфенди и Сабри-эфенди испытывали к нему симпатию, присылали ему письма на японском языке в Японию* и сохраняли знание японского языка в течение какого-то времени. Турецкие исследователи признают, что первые курсы японского языка, которые вел Нода, оказали влияние на османское общество и культуру, так как он был очень популярен в Турции в то время.

По свидетельству Мисавы, по неизвестным причинам имя Ноды не упоминается в автобиографии Ямады несмотря на то, что он реально явился покровителем Ямады в Стамбуле и, благодаря своему значительному влиянию в Турции, помог ему в установлении японо-турецких торговых связей.

Как отмечает Мисава, Нода не опубликовал книгу о Турции, имелись только его многочисленные статьи в газетах. Мисаве удалось взять интервью у внука Ноды — Ноды Ясуо — в Хатинохэ в 2002 г., в котором тот свидетельствовал, что после себя Нода оставил только несколько личных вещей: дневник, мемуары и т. п.

* В настоящее время эти письма представлены в турецком музее в г. Осима.

Как подчеркивает Мисава, впоследствии имя Ноды было забыто*, и все лавры «пионера» установления дружбы между Японией и Турцией достались Ямаде. Именно это привело к тому, что многие заслуги Ноды приписывались Ямаде. В том числе произошла и ошибка в признании Ямады первым японским «мусульманином». Японские и турецкие историки не исключают возможность обращения Ямады в ислам, но сам он никогда не заявлял об этом. Ошибкой явился и факт обучения молодого Мустафы Кемаля на курсах японского языка в Османской военной академии, о чем также упоминал Ямада в автобиографии.

Следует отметить, что несмотря на то, что и Ямада, и Нода пребывали в Японии в первые месяцы 1893 г., они больше никогда не встречались.

Что касается Ямады Торадзиро, то, несмотря на некоторые неточности в его автобиографии, касающиеся его пребывания в Турции, его жизнь сложилась достаточно удачно, он был востребован и в Японии, и в Турции. Его деятельность действительно оказала большое влияние на японо-турецкие отношения.

Летом 1893 г. Ямада покинул Кобе, чтобы вернуться в Стамбул, где он основал магазин “*Nakamura Shoten*” совместно с Накамурой Кендзиро. Оба были заинтересованы в открытии торговли и налаживании хороших отношений с Османской империей. В то время они были единственными постоянными жителями японской этнической группы в Стамбуле. Несмотря на то, что японские подданные не имели юридического статуса в городе из-за отсутствия официальных дипломатических отношений между Османской империей и Японией, они получили разрешение от османского правительства на ведение торговли во многом благодаря прошению Ноды, адресованному Османскому императорскому двору о содействии торговому делу Ямады.

Нода, который был хорошо известен в высших слоях Османской империи, ввел Ямаду в круг важных лиц, таких как Спиракис Александритис, генеральный секретарь Торговой палаты и издатель бюллетеня Восточного справочника, с которым Ямада установил хорошие отношения. Стамбульская Торговая палата (*Istanbul Ticaret*

* После возвращения в Японию Нода продолжил работу в газете “*JiJi Shimpō*”. Под его именем выходила серия статей «Торговля с Турцией», печатались его эссе о Турции. Но постепенно он отошел от работы в газете и, по свидетельству очевидцев вел далеко не праведную жизнь мусульманина, увлекшись роскошной жизнью. Его слава сошла на нет, когда его имя дважды было связано с уголовными делами. Он умер в молодом возрасте в 1904 г.

Odası) выдала ему разрешение вести свою предпринимательскую деятельность в качестве «коммерческого музея» в соответствии с законом Османской империи, принятым в 1890 году. Как генеральный секретарь торгово-промышленной палаты Стамбула Спиракис разрешил Ямаде выставлять японские товары, такие как шелк, фарфор, чай и деревянные предметы, в одном из помещений торговой палаты как торговые образцы и предоставил комнату в своем особняке в качестве его резиденции. Таким образом, Ямада мог начать свое первое торговое дело с небольшими средствами. Тем не менее, Ямада не упоминал о Спиракисе и его полной поддержке торгового бизнеса в своей автобиографии, хотя они продолжали общаться даже после возвращения Ямады в Японию спустя десятилетия.

Позже магазин переехал в район Бейоглу и с годами стал и важным местом для японцев, посещавших Стамбул. Султан и члены османской династии особенно ценили товары японского производства, а также японские бытовые и декоративные предметы, став важными клиентами магазина. Но через очень короткое время, вероятно из-за нехватки инвестиций, Ямада был вынужден освободить свой магазин для магазина семьи Накамуры Кэндзио, который открылся в январе 1896 г., и в котором он стал управляющим.

Имя Ямады вновь упоминалось среди сторонников установления официальных дипломатических отношений между двумя странами в 1899 г. (подробно об этом см. раздел «Япония и Турция накануне русско-японской войны»).

Считается, что Ямада был свидетелем младотурецкой революции 1908 г., а также оккупации Османского Банка в 1896 г. армянскими боевиками, что привело к резне 6000 армян в Стамбуле, о чем он написал в журнале “*Taiyō*”.

В ряде работ была представлена информация, основываясь на автобиографии Ямады, что он внес вклад в победу Японии в русско-японской войне 1904–1905 гг., наблюдая за русскими кораблями, проходящими через Босфор у Галатской башни. Однако это не совсем соответствовало действительности. По мнению японских историков¹⁵², преувеличением явились приведенные в автобиографии Ямады сведения, что во время русско-японской войны 1904–1905 гг. японское правительство попросило Ямаду тайно следить за Босфором на предмет возможных морских передвижений русского флота. Сотрудники магазина “*Nakamura*”, в том числе и Ямада, действительно занимались разведывательной деятельностью,

однако это было связано с тем, что магазин в Стамбуле под управлением владельца Накамуры Кэндзио, как бывшего военнослужащего японского военно-морского флота, находился под контролем как Министерства иностранных дел, так и японского военно-морского флота. Один из ведущих исследователей русско-японской войны, Инаба Тихару в результате своего исследования японских официальных документов, хранящихся в дипломатических архивах Министерства иностранных дел (Токио, Япония), проанализировал японскую разведывательную операцию в Стамбуле в 1904 г. По официальному приказу Комуры Дзютаро, министра иностранных дел Японии, и Макино Нобуаки, посланника Японии в Вене, Иидзима Каметаро, бывший японский консул в Одессе, и его помощник Мацумото Микиносукэ прибыли в Стамбул в феврале 1904 г. Они попросили содействия со стороны Накамуры Кэндзио в наблюдении за русскими судами в Босфоре, однако это не оказало никакого влияния на победу Японии¹⁵³.

В 1902 г. магазин Накамуры в Стамбуле начал посылать торговые деловые отчеты под названием «Отчет частного коммерческого музея в Стамбуле» в Министерство сельского хозяйства и предпринимательства Японии. Эти сообщения продолжались до тех пор, пока в 1908 г. не был отправлен последний, девятый, доклад. Таким образом, Ямада и Накамура стремились пробудить и стимулировать интересы японских предпринимателей к Турции.

Следует также остановиться на еще одном виде деятельности Ямады в Стамбуле. С самого начала своего пребывания в Стамбуле, Ямада писал статьи о Турции в самый популярный журнал “*Taiyō*”: «Женщины Турции» в 1895 г., «Новости Турции» в 1896 г. и «Условия жизни в Турции» в 1899 г. В японском детском журнале “*Shonensekai*” были опубликованы переведенные Ямадой несколько турецких народных сказок. В свое время Ямада принадлежал к студенческому литературному кружку, в который входили упомянутый ранее Кодэ Рохан, Такахаси Тайга и др. В результате он познакомился с Цубой Дзэнсиро, редактором издательства «Хакубункан», где в 1911 г. он опубликовал свою книгу «Живописный взгляд на Турцию», в которой было представлено много похвал и благодарностей автору Ямаде, а также традиционная каллиграфия, китайские стихи и др. Кроме того, книга содержала много интересных описаний Турции. Многие сочли ее саморекламой Ямады для его предпринимательской деятельности.

В 1905 г. Ямада основал в Японии компанию по производству бумаги “*Toyo*”, а вскоре после этого вернулся в Стамбул в 1909 г., где проживал до 1914 г., согласно его биографии, опубликованной в 1952 г.

По свидетельству сына Накамуры, семья Накамура, включая Ямаду, экспортировала сигаретную бумагу, изготовленную в Японии, в Турцию, и импортировала турецкий табак из своего магазина в Стамбуле, тем самым укрепив предпринимательскую деятельность семьи Накамуры.

В период экономической депрессии в 1924 г. компания “*Toyo*” влилась в компанию “*Oji*”, из которой Ямада ушел и основал частную торговую компанию “*Kokusai*”. В это же время он прославился, став мастером чайной школы, известной как “*Yamada Soyu*”. Он опубликовал книгу “*Toruko Gakan*” («Иллюстрированный обзор Турции»), в которой попытался рассказать своим соотечественникам о Стамбуле, а также об исламе. После установления японо-турецких дипломатических отношений в 1922 г. и открытия посольств двух стран в Токио и Стамбуле в 1925 г. Ямада попытался расширить предпринимательскую деятельность в Турции, используя свой предыдущий опыт пребывания в Стамбуле. В 1925 г. благодаря своей известности в деловых кругах Осаки в качестве бывшего управляющего бумажной фабрики “*Toyo*” и президента “*Kokusai*”, в сотрудничестве с Инабатой Кацутаро, президентом Осакой торгово-промышленной палаты, он учредил Ассоциацию торговых отношений между Японией и Турцией при торгово-промышленной палате в Осаке, став ее председателем.

В это же время политики и чиновники в Токио также постепенно склонялись к созданию организации для содействия развитию отношений между Японией и Турцией, включая поддержку торговли. В 1926 г. было основано японо-турецкое общество в Токио, под председательством Утиды Садацуги, бывшего посла Японии в Турции. Одновременно с этим событием было создано японо-турецкое общество в Осаке. Таким образом, между двумя организациями началась острая конкуренция за лидерство в торговле с Турцией. В этих условиях, по предложению японского посла в Турции Обаты Юкити, министр торговли и промышленности принял решение создать коммерческий музей в Стамбуле, финансируемый из национального бюджета и с управлением частной организацией. Это решение привело к тому, что конкуренция между двумя обществами стала более серьезной.

В этих условиях Ямада выступил с предложением от своей Ассоциации использовать память о трагедии фрегата «Эртугрул». В августе 1928 г.

Ассоциация и Осакая торгово-промышленная палата провели крупномасштабную церемонию поминовения жертв «Эртугрула» и объявили о своем плане создания нового памятного мемориала совместно с некоторыми министерствами центрального правительства и военным министерством. Результатом этого события стал еще более впечатляющий успех Ассоциации, чем предполагал Ямада. В итоге до тех пор забытая трагедия была вынесена на передний план общественной памяти, и действия Ассоциации получили высокую оценку. Более того, примерно через год, в сентябре 1929 г., император Хирохито посетил остров Осима, чтобы отдать дань уважения жертвам османской империи. Наконец, 12 сентября 1928 г. министерство торговли и промышленности решило поручить управление будущим японским коммерческим музеем в Стамбуле японо-турецкой торговой Ассоциации.

В сентябре 1929 г. в Стамбуле была организована торжественная церемония открытия японского коммерческого музея недалеко от Галатского моста в районе Каракёй — месте, удобном для деловых поездок в Стамбуле. Это было здание с четырьмя этажами и десятью выставочными залами. Музей с несколькими постоянными японскими сотрудниками издавал официальные ежемесячные отчеты, получившие название «Отчеты японского коммерческого музея в Стамбуле» (с 1930 г. по 1937 г.). В том же 1929 г. было заключено временное торговое соглашение между Японией и Турцией, которое официально вступило в силу в 1930 г.

Добившись огромных успехов в создании прочного плацдарма для возвращения к торговле с Турцией, Ямада также рискнул вернуться к производству бумаги. В марте 1927 г. Ямада и его шурин Накамура Тамэсабуро основали бумажную мануфактуру “*Suita*” в Осаке. В сентябре 1928 г. она был преобразована в компанию по производству бумаги “*Suita*”. Хотя эта компания была поглощена “*Mishima Manufacture Company*” в апреле 1936 г., Ямада не ушел из нее и остался в новой расширенной компании, став одним из ее директоров*. Кроме того, он также основал компанию по производству фольги “*Toyo Tin Foil Company Oil*» в 1929 г. Эта компания также была поглощена компанией “*Nippon Foil Company*” в 1937 г. Таким образом, Ямада искал выход из сложной ситуации, возникшей после послевоенной депрессии 1920 г., и стал успешным бизнесменом не только в торговле, но и в бумажном производстве.

* В 1941 г. Ямада стал генеральным директором, а в 1948 г. — председателем правления компании.

Однако мировой экономический кризис, начавшийся в США в 1929 г., имел негативные последствия и для торговли между Японией и Турцией.

В этой связи в 1930 г. Ассоциация решила направить Ямаду, председателя Ассоциации и уполномоченного по торговле с Турцией, для проверки условий и состояния дел в Греции и Турции и поиска эффективных средств для устранения трудностей, которые испытывала торговля.

1 сентября 1930 г. Ямада выехал из Осаки в Симоносэки. Провожать его пришли многие люди, связанные с ассоциацией и школой чайной церемонии “Sohen”. Маршрут Ямады пролегал через Пусан, Харбин, Варшаву, Вену, Салоники, Стамбул, Анкару, Триест, Венецию, Париж, Гамбург, Берлин, Москву и опять в Харбин и Пусан. В ноябре 1931 г. Турция установила строгий импортный барьер в отношении всех иностранных государств и начала защищать отечественную продукцию с намерением стабилизировать национальную экономику. Результатом инспекционной поездки Ямады явилось решение в июне 1932 г. реформировать структуру Ассоциации и отказаться от Турции в качестве направления работы «ближневосточной Ассоциации». Ямада собственными руками убрал слово «Турция» с вывески названия Ассоциации. После такого реформирования торговли на Ближнем Востоке Ямада решил искать новые торговые возможности в любой точке Ближнего Востока. Несмотря на изменение названия Ассоциации, она по-прежнему продолжала управлять японским коммерческим музеем в Стамбуле.

Во время пребывания в Салониках, в Греции на международной торговой ярмарке Ямада пришел к выводу о будущих больших перспективах и потенциале для торговли Японии с Грецией. Кроме того, министерство иностранных дел Японии поддержало экономическое продвижение Японии в Средиземноморском районе Ближнего Востока посредством развития частной торговли. В марте 1933 г. Ямада получил пост «почетного консула Греции» в Осаке. Он переделал одну из комнат своего особняка в Осаке под греческое консульство, повесил национальный бело-голубой флаг Греции на здании и нанял грека, жившего в Кобе. Он стал сторонником Греции, и многие греки посещали его особняк в Осаке. Однако торговля с Грецией не была популярной среди предпринимателей Японии, хотя Греция и поддерживала отношения с Японией до 26 июня 1941 г., когда она объявила войну Японии.

Ассоциация тем не менее пыталась преодолеть экономические трудности, связанные с торговой ситуацией в Турции, однако в 1937 г. было принято решение о закрытии японского коммерческого музея в Стамбуле,

а также об отказе от турецкого направления в торговле. Ассоциация была распущена в 1937 г. В это же время закрылся японский коммерческий музей в Каире. Экономический кризис 1920-х гг. и последовавшая за ним «великая депрессия» привели к тому, что большинство стран ввели торговые тарифы, в результате чего японские торговые отношения со странами Ближнего Востока почти полностью прекратились.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод, что хотя Ямада преодолел трудности экономического кризиса 1920-х гг. и стал успешным бизнесменом в Осаке, но его успех в торговле и производстве бумаги был подорван после 1929 г. последствиями «великой депрессии». Он ушел в отставку с поста «почетного консула» Греции, т. к. греческое правительство отказалось от «почетного консульства» в Осаке. В марте 1945 г. особняк Ямады был сожжен во время налета американских бомбардировщиков. В последующие годы до конца жизни Ямада посвятил себя тому, чтобы стать мастером чайной церемонии школы Сохэн. Его автобиографические работы, опубликованные в конце его жизни в 1951–1952 гг., расценивались как правдивые истории и возродили его славу как «лучшего друга Турции в Японии», хотя и содержали ряд ложных данных. Он умер в 1957 году. Считается, что его семья и потомки оставались преданными друзьями Турции, последовательно и усердно содействовали развитию отношений между двумя странами, что высоко ценилось в обеих странах.

В качестве вывода из всего сказанного можно подчеркнуть, что, имея в виду, что развитие двусторонних отношений между Японией и Турцией — это не только геополитика, но и судьбы людей, и Нода, и Ямада внесли значительный вклад в налаживание отношений между двумя странами, при этом у каждого из них были свои особенности. Несмотря на то, что их деятельность в качестве первопроходцев в истории двусторонних отношений не привела непосредственно к установлению японо-турецких дипломатических и экономических отношений, она способствовала углублению знаний о двух странах. После Второй мировой войны и в Японии, и в Турции стали доступны сведения о фрегате «Эртугрул», а также статьи, написанные Нодой и Ямадой. По мнению исследователей, деятельность Ямады превратилась в легенду на основе противоречивых данных его автобиографии без какого-либо объективного и научного обоснования приведенных сведений. Преждевременная же смерть Ноды привела к тому, что его важный вклад в развитие отношений между двумя странами остался почти незамеченным.

Деятельность японского посла в Германии Аоки Сюдзо по установлению японо-турецких дипломатических отношений

После визитов турецкого фрегата «Эртугрула» в Японию и японских корветов «Конго» и «Хизэй» в Турцию продолжились усилия двух стран по установлению официальных дипломатических отношений между ними. Визит в Стамбул Аоки Сюдзо, полномочного посла Японии в Германии и Британии в ранге министра с резиденцией в Берлине, заслуживает особого упоминания.

Аоки запросил специальное разрешение от министра иностранных дел Энмото Такэаки отправиться в Турцию и изучить усилия, которые предпринимались в стране для отмены капитуляций.

Он также намеревался встретиться с представителями верховной власти в османской администрации и обменяться мнениями о международной политической системе. При этом историками отмечается, что «одной из основных целей его визита было установление дипломатических отношений между двумя империями, которые достигли высокой зрелости после визита в Японию чрезвычайного посланника Османской империи Осман-паши на фрегате «Эртугрул»¹⁵⁴.

Просьба Аоки о разрешении совершить визит в Турцию и встретиться с ее лидерами была благосклонно встречена в Токио. Он прибыл в Стамбул в мае 1893 г. и был удостоен аудиенции султана Абдулхамида II в течение одного часа в дворце Йылдыз. Об этой аудиенции было доложено в Токио в деталях¹⁵⁵. В отчете Аоки была приведена речь турецкого султана Абдулхамида II:

«Ваша страна и наша империя представляют собой крайние точки континента. Визит принца и принцессы Комацу в нашу страну несколько лет назад был первым официальным контактом между нашими странами. Позже, чтобы продемонстрировать наши добрые отношения с императором Японии, я уполномочил моего личного адъютанта Осман-пашу прибыть в Японию на фрегате и передать мои приветствия. За этим последовала отправка на родину моряков, выживших в кораблекрушении во время той миссии, на борту двух японских корветов его Величеством императором Мэйдзи. Я рассматриваю это как ответную миссию и отнесся к этому должным образом.

К сожалению, виконту не дано таких полномочий. Я лично желаю подписать договор между нашими державами.

Я склонен считать, что Аоки станет тем человеком, кто поможет реализовать это желание. Вследствие этого я обращаюсь к нему с просьбой послужить посредником в деле подписания договора между нашими двумя странами»¹⁵⁶.

Далее Аоки приводит свой ответ султану:

«Желание Вашего Величества является поручением для меня. Я немедленно передам его моему правительству и запрошу инструкции. Отсутствие официальных дипломатических отношений на основе соглашения между нашими странами не отвечает требованиям существующего уровня мирового взаимодействия на рубеже XIX века. С этой точки зрения министерство иностранных дел Японии разделяет позицию Вашего Величества.

Я хотел бы сообщить Вашему Величеству, что поскольку правительство японской империи недавно инициировала переговоры по поправкам к существующим договорам с зарубежными странами, будет, вероятно, затруднительно определить детально пункты договора с правительством Вашего Величества.

В то же время нельзя утверждать, что если вопросы торговли и навигации не будут в этот период времени урегулированы между Японией и Турцией, дипломатические отношения не могут быть установлены. Я, тем не менее, придерживаюсь мнения, что в соответствии с желанием Вашего Величества, договор между нашими странами может быть разработан в возможно упрощенной форме как средство удовлетворения реальных потребностей»¹⁵⁷.

Ответ султана, который приводит Аоки, был следующим:

«В таком случае Аоки должен связаться с нашим министром иностранных дел при помощи криптографической корреспонденции после получения инструкций от своего правительства. Как только Аоки и наш министр иностранных дел достигнут определенного уровня взаимопонимания, можно будет объявлять о его подписании, и мы лично были бы заинтересованы в рассмотрении предложений турецкого правительства (Дивана). Мы искренне стремимся к этому»¹⁵⁸.

Аоки пообещал, что передаст это заявление султана правительству Японии, и аудиенция на этом закончилась. Аоки получил еще одну возможность встретиться с Абдулхамидом II пятнадцать дней спустя на прощальном обеде во дворце Йылдыз.

После обеда они еще раз в течение часа обсуждали международное положение в целом и турецко-японские отношения в частности. В конце вечера, прощаясь с японским посланником, Султан сказал следующее: «Прощание не означает прощание навсегда. По-нашему мнению, это выражение желания встретиться еще раз в скором времени, В любом случае я бы хотел встретить Аоки по случаю подписания договора»¹⁵⁹.

Аоки рассматривал эти встречи с султаном как подтверждение желания одной великой державы подписать договор с другой державой и полагал, что отказ от подписания соглашения без видимой причины не будет соответствовать отношениям дружбы и доброй воли.

Японское правительство подробно обсудило доклад Аоки и предложило подготовить проект совместной турецко-японской декларации или коммюнике в декабре 1893 г.

Ниже приводится текст проекта, который был представлен японскому кабинету 21 декабря 1893 г.:

Проект совместного коммюнике (Декларации) между Турецкой и Японской империями

Его Величество император Турции и Его Величество император Японии считают необходимым рассматривать подписание Договора между их правительствами в целях укрепления дружбы, которая продолжается между ними и их народами и подготовки начала торговых отношений между двумя странами, включая следующие положения. Чтобы заключить Декларацию его Величество император Турции постановил назначить ... [здесь и далее обозначены места для вписания информации. — О. Л.] в качестве полномочного представителя. Обе стороны, обмениваясь их полными полномочиями, подготовили соглашение в следующем:

Статья 1. Мир и дружба между двумя странами и их гражданами будут сохранены навеки.

Статья 2. Договаривающиеся стороны обмениваются дипломатическими миссиями и в соответствии с принципом наиболее благоприятствуемой нации назначают консульских представителей с правом назначить генеральных консулов, консулов и вице-консулов в портах

и городах обеих сторон. Генеральные консулы, консулы и вице-консулы, в то же время, до принятия на себя функций, получают признание принимающей стороны в соответствии с существующим законом.

Статья 3. Договаривающиеся стороны согласились, что, с одной стороны, их граждане и морские суда получают свободу в таких вопросах, как торговля, навигация, таможня, портовые сборы, налоги, платежи, акцизы, фрахт, товарные гарантии, религия и убеждения, погребальные обряды, кладбища, и, с другой стороны, будут извлекать прибыль от клаузулы о наиболее благоприятствуемой нации.

Статья 4. Сверх упомянутых положений договаривающиеся стороны согласились относиться к гражданам обеих стран наравне с гражданами Европейских и Американских государств, пользуясь наиболее благоприятствуемым отношением на их территориях и других зависимых территориях в отношении путешествий, торговли, мест проживания, аренды домов и складов.

Статья 5. Сверх упомянутых положений граждане Турции и Японии будут соответственно на территориях и других зависимых территориях государства его Величества императора Японии и территорий и других зависимых территорий государства его Величества императора Турции наравне относиться к гражданам Европы и Америки, извлекая выгоду от принципа наиболее благоприятствуемой нации каждой договаривающейся стороной по вопросам, относящимся к владению собственностью, гражданской и уголовной юрисдикции и процедурам.

Статья 6. Эта совместная декларация вступит в силу после обмена инструментами ратификации; в случае отсрочки такого обмена после ... даты они вступят в силу после ... месяцев после ... даты.

Каждая из сторон имеет право потребовать аннулирование этого договора с предварительным уведомлением за 6 месяцев, кроме статьи 1, которая будет оставаться в силе вечно¹⁶⁰.

Японское правительство, однако, не смогло согласиться с этим текстом, и правительству Турции не было дано ответа. В Берлине Аоки испытывал определенную беспокойство, т. к. он лично обещал султану получить инструкции от японского правительства по вопросу подписания договора между Турцией и Японией. После почти двухгодичного ожидания он запросил ответ от действующего министра иностранных дел Сайондзи Киммоти. Японский кабинет еще раз обсудил текст воз-

можного совместного коммюнике (Декларации), которое бы стало одновременно соглашением об установлении дипломатических отношений между Турцией и Японией. Кабинет постановил одобрить этот текст и опубликовать это решение 20 августа 1895 г. В рамках этого решения статья 3 текста проекта, приведенная выше, была изменена и касалась только торговых отношений.

Другими словами, применение положения о наиболее благоприятствуемой нации концентрировалось на торговых отношениях и налогообложении; навигация, религия, убеждения и др. не были упомянуты в проекте договора, который предполагал применение положения о наиболее благоприятствуемой нации двумя сторонами.

25 сентября 1895 г. полномочия для начала переговоров были возложены на Аоки, который все еще являлся послом Японии в Берлине в ранге министра. Он связался с турецким послом в Берлине и передал ему проект японской стороны.

Ответ турецкой стороны в отношении проекта договора, подготовленного Японией, предполагал исключение всех юридических привилегированных обращений в суды. Турецкое предложение заключалось в том, что договор о торговле должен касаться только вопросов торговли и не включать другие пункты, такие как, например, обращение в судебные органы и т. п. Аналогично статья 5, относящаяся к деталям применения принципа наиболее благоприятствуемой нации, была темой, где стороны не могли достичь согласия. Ответ Турции был сделан в форме текста с 14 пунктами. Его основное отличие от первоначального проекта заключалось в применении норм международного права к гражданам договаривающихся сторон на территориях и других зависимых территориях обеих стран в некоммерческих вопросах вместо принципа наиболее благоприятствуемой нации ¹⁶¹.

Русско-японская война 1905 г. и ее последствия для японо-турецких отношений

В контексте вопросов, касающихся установления дипломатических отношений между Японией и Турцией, нельзя не принимать во внимание тот факт, что на рубеже XIX в. обе страны столкнулись с серьезными международными конфликтами.

В 1894–1895 гг. Япония вела войну против маньчжурской империи Цин с целью установления господства в Корее (номинально являвшейся вассальной страной по отношению к империи Цин) и проникновения в Маньчжурию и Китай¹⁶². В ходе войны японские войска изгнали китайцев из Кореи и вторглись на территорию Маньчжурии. Война закончилась победой Японии, и в апреле 1895 г. правительство Японии во главе с Ито Хиробуми подписало с Китаем унижительный для последнего Симоносекский договор, по которому Цинская империя отказывалась от сюзеренитета над Кореей¹⁶³. Японии должны были перейти Ляодунский (Квантунский) полуостров вместе с Порт-Артуром и остров Формоза (нынешнее название Тайвань). В ход переговоров вмешались Германия, Франция и Россия, которые настояли на том, чтобы Ляодунский полуостров остался в пользовании Китая. В 1896 г. правительство Николая II подписало союзный договор с Китаем, который предоставил России право на постройку железнодорожной магистрали к Владивостоку через Северную Маньчжурию (Китайская Восточная Железная Дорога).

В 1898 г. Россия в рамках этого договора с Китаем подписала договор об аренде Ляодунского полуострова на 25 лет и приступила к строительству морской базы в Порт-Артуре. Этот шаг вызвал резкую критику со стороны Японии, также претендовавшей на эти земли. Но к серьезным последствиям на тот момент это не привело.

Поскольку политически и экономически Китай в рассматриваемое время был сильно ослаблен, 6 марта 1898 г. Германия приобрела у Китая территорию Цзяо-Чжоу. Административным центром подконтрольной Германии территории был город и порт Циндао, расположенный на Шаньдунском полуострове. Он и сейчас входит в число пятнадцати важнейших городов Китая, а в то время его значение было еще более масштабным, в первую очередь — как крупного порта. Под властью Германии Циндао превратился в стратегически важную базу военно-морского флота Германии.

Эти события не могли не вызвать у Японии протеста, т. к. затрагивали ее очевидные интересы.

В это же время Турция противостояла Греции, вторгшейся в феврале 1897 г. на остров Крит и полуостров Фессалия. Греческие войска были разгромлены, и османские войска подошли к Афинам, но под давлением великих держав, вмешавшихся в конфликт, 4 декабря 1897 г. между ними был заключен Константинопольский мирный договор¹⁶⁴.

В таких условиях переговоры о заключении турецко-японского соглашения отошли на второй план. 25 апреля 1898 г. японский министр иностранных дел Сайондзи Киммоти выслал инструкции временному поверенному в делах в Берлине Мияоке Кодзиро об отказе Японии принять позицию Османской империи в отношении проекта совместного коммюнике об установлении дипломатических отношений между двумя странами. Турецкие контрпредложения были отклонены Японией, и на некоторое время контакты на официальном уровне между Турцией и Японией были прерваны. Позже к концу лета 1898 г. японское правительство проинструктировало своего посла в Австрийской империи министра Макино Нобуаки возобновить контакты в Вене с турецким послом. Однако несмотря на то, что существовало общее для Японии и Османской империи желание противостоять российской угрозе: для Турции — в Боснии и Герцеговине, а для Японии — в Маньчжурии, Корее и Китае, Турция и Япония не смогли достичь единства в вопросе степени применения принципа наиболее благоприятствуемой нации до начала русско-японской войны в 1904 г.

Япония настаивала на юридических привилегиях на основе принципа наиболее благоприятствуемой нации, а Турция отклонила это предложение, т. к. видела в этом новые «капитуляции» в добавление к уже существовавшим в договорах с европейскими странами, от которых она стремилась освободиться.

В то же время сторонники установления официальных дипломатических отношений между двумя империями продолжали прилагать усилия в развитии японо-турецких дружеских связей. Одним из наиболее проявивших себя в этом направлении с японской стороны был уже упомянутый выше Ямада Торадзиро, коммерсант, который участвовал в сборе денег для потерпевших в кораблекрушении турецкого фрегата «Эртугрул» и который привез личные подарки для султана Абдулхамида II в 1892 г.

В своих мемуарах Ямада утверждал, что в 1899 г. (сразу после отказа Японии в Берлине принять контрпредложения Османской империи по поводу двустороннего соглашения) Абдулхамид II обратился к нему с просьбой отправиться в Японию под предлогом необходимости привезти из Японии редкие товары, в которых нуждался султан. По мнению турецкого исследователя Арыка Умута, это был многоходовый план, который ставил цель косвенно определить настроение в Японии в отношении Турции. По утверждению Ямады, он, будучи «другом Турции», должен был попытаться произвести благоприятное впечатление

на японские высшие круги. При этом необходимо отметить, что не было свидетельств того, что благодаря миссии Ямады в Вене были восстановлены и продолжены контакты между двумя странами. С другой стороны, был и положительный результат этой миссии, который заключался в том, что Ямада в декабре 1899 г. действительно привез в Турцию редкие товары. В перечень этих товаров входили: редкие птицы, которые лично разводил принц Японии Хигасифусими, который по некоторым свидетельствам ранее посещал Турцию (четких доказательств его посещения найдено не было); два вида редких птиц от Токугавы Иорумити; японский изогнутый меч с орнаментом (катана) от Аоки Синдзо (который позже стал министром иностранных дел); альбом с картинами, изображавшими японо-цинскую войну от Тэраути Масатакэ; антикварная шкатулка для писем с орнаментом от Танаки Цунацунэ; резьба по дереву с изображением птицы от Дэна Кентаро; фотография места захоронения и памятного мемориала адмирала Осман-паши и команды «Эртугрула» от мэра Вакаямы Огуро Хигаси (эта фотография в настоящее время представлена в морском музее в Стамбуле)¹⁶⁵. Все подарки были переданы Абдулхамиду II через Ибрагим-пашу, церемонимейстера императорского двора. Подарки были расценены как ответная любезность японского императора после подаренных ему арабских скакунов в 1891 г. адъютантом Абдулхамида II Мехмет Мурат-беем.

Японские историки, тем не менее, ставят под сомнение приведенный факт получения Ямадой задания со стороны султана. Согласно документам османского двора, Ямаде были выплачена наличная сумма за привезенные товары¹⁶⁶.

Интересно высказывание султана в этой связи, переданное его доверенному лицу Али Вехби-бею: «Микадо был достаточно любезен, послав в дворец Йылдыз в 1898 г. редких птиц из Японии. Глаза русского посла чуть не вылезли из орбит при виде этих подарков. Вероятно, он посчитал, что между Японией и Турцией существует союз. Иначе зачем императору Японии посылать такие подарки, в них определенно существует смысл. В то время, как торговое соглашение между Турцией и Японией находится в процессе переговоров, Аоки уже наметил на рискованный характер этого договора, хотя идея «сближения» между Турцией и Японией не нова, немногие люди искренне считают возможной реализацию этой идеи после крушения нашего фрегата, который был послан в Японию с нашим посланником. Мы разделяем мнение, что наш общий враг — Россия, поэтому не будет утопией добиваться союза между Турцией

и Японией. Однако мы даже не обменялись дипломатическими представительствами. В таких условиях очевидно, что между двумя сторонами нет официальных связей. Тем не менее, было бы взаимовыгодным установление торговых отношений между нами, даже с определенными оговорками. В подготовке такого соглашения обе стороны должны действовать сдержанно и осмысленно, так как Россия выразила бы категорический протест, если бы ее поставили в известность, потому что она непреклонно настроена предотвратить установление каких-либо договорных связей между Турцией и Японией. Если говорить коротко, я бы выразил удовлетворение, если бы Япония, хотя географически и далека от нас, полностью осознала бы, какие преимущества она получит от установления отношений с Турцией, хотя у меня есть серьезные сомнения по поводу такого понимания. С другой стороны, мы должны быть крайне осмотрительны в удовлетворении как наших друзей, так и врагов относительно установления тесных отношений с любой страной мира, чтобы разумно избегать острой реакции любой стороны, которая может нарушить равновесие. Мы должны тщательным образом избегать союза с некоторыми странами в целях сохранения дружеских отношений со всеми странами мира»¹⁶⁷.

В этой связи некоторые историки считали, что в Турции не было единой позиции по этим вопросам в связи со сменой членов кабинета: были те, кто был более склонен иметь мягкую позицию в переговорах с Японией, как, например, великий визирь Саид-паша (главный министр), и те, кто выступал за более сдержанное отношение к русским, стремясь «держать их в напряжении» и избегая ненужных подстрекательств¹⁶⁸.

При этом нельзя не принимать в расчет и факторы, которые тормозили переговоры между Японией и Турцией.

Эра Мэйдзи стала переломной для Японии. Страна за пару десятилетий из отсталого феодального государства превратилась в передовую капиталистическую державу, которая стала бросать вызовы соседям. Успехи Японии в реорганизации армии и военного флота, реформы государственного устройства, социальные и экономические реформы, а также отказ от самоизоляции создали благоприятные условия для развития Японии в конкурентоспособное, в том числе экономически, общество.

С другой стороны, успехи Японии в ходе «реставрации Мэйдзи» в 1868–1889 гг.¹⁶⁹ привели к возрастающей стратегической значимости страны, чему также способствовали успехи в войне с Китаем. Япония

стала занимать важное место в планах великих держав в отношении Дальнего Востока.

Свидетельством этого явились переговоры Британии с Японией 1901–1902 гг. Контакты между послом Японии в Лондоне Хаяси Тадасу и британским министром иностранных дел Генри Лансдауном, также как и контакты бывшего премьер-министра Японии Ито в Санкт-Петербурге и русского министра иностранных дел Ламсдорфа* имели цель развивать оба направления — с Британией и Россией — и были также среди факторов, тормозивших переговоры между Турцией и Японией. Японо-британские переговоры закончились подписанием соглашения между Японией и Британией 30 января 1902 г. (т. н. англо-японский альянс), в результате которого фактически был установлен военно-политический союз между ними, хотя это соглашение и не предусматривало автоматически британскую помощь в случае войны с Россией. Договор предусматривал нейтралитет одного из союзников в случае войны с какой-либо одной державой и военную помощь против коалиции враждебных государств; гарантировались «специальные интересы» Англии в Китае, Японии — в Корее и Китае¹⁷⁰.

Фактически договор был направлен против России. Он явился для Японии дипломатическим обеспечением поддержки со стороны одной из великих держав накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг.¹⁷¹.

В таких условиях внешнеполитические деятели в Японии позднего периода Мэйдзи в контексте “Aikoku-love” (патриотического движения)

* В декабре 1901 года Ито Хиробуми вручил Ламсдорфу проект русско-японского соглашения, который, предусматривая взаимный отказ России и Японии от стратегического использования территории Кореи, в то же время включал пункт о признании Россией исключительных прав Японии в Корее, в т. ч. права оказывать корейскому правительству военную помощь. Ито Хиробуми заявил Ламсдорфу, что в случае признания японских прав на Корею Япония предоставит России свободу действий в Китае. Это было повторением формулы «обмена Кореи на Маньчжурию». В Токио эту формулу уже не считали достаточным базисом для соглашения, но японское правительство, ведя переговоры с Англией, использовало поездку Ито Хиробуми в Петербург, чтобы побудить англичан быть сговорчивее. После Петербурга Ито Хиробуми посетил ряд европейских столиц. Получив сообщение о готовящемся подписании англо-японского союзного договора, Ито Хиробуми, не дожидаясь ответа от русского правительства на свои предложения, выехал в Японию. Внешнеполитическая линия Ито Хиробуми оказалась отвергнутой. Тем не менее его миссия сыграла роль крупного дипломатического маневра. См.: <http://doc20vek.ru/taxonomy/term/1009>.

в стране рассматривали отношения между Турцией и Японией как событие меньшей значимости.

В этой связи следует отметить, что существует документ в архивах Высокой Порты, отражающий реальные вопросы, вовлеченные в двусторонние японо-турецкие переговоры:

«Правительство Османской империи с удивлением отмечает, что в поисках возможности установления дипломатических отношений между двумя странами правительство Японии стремилось получить выгоду от “капитуляций” и привилегий. В этой связи Высокая Порта в ответ на японское предложение, считает, что отношения должны быть установлены на основе международного права, но никакого положительного ответа не последовало на это встречное предложение»¹⁷².

В январе 1904 г. Япония разорвала дипломатические отношения с Россией и 27 января 1904 г. напала на российские военные корабли под Порт-Артуром. Одновременно начались военные действия против русских сил, находящихся на территории Китая и Кореи, со стратегической задачей как можно скорее разбить русские войска до тех пор, пока не подтянутся резервы. Японский флот в полном составе вышел в Желтое море для внезапного нападения на русские корабли и тем самым обеспечил себе превосходство на морском театре военных действий. При этом лишь на четвертый день после начала боевых действий Япония объявила миру, что она находится в состоянии войны с Россией.

Чтобы противостоять врагу, Россия отправила свои войска на Дальний Восток, но переброс армии происходил слишком медленно. Помешало и внушительное расстояние в 8 тыс. км, и отсутствие некоторых участков на Сибирской железной дороге, которая к тому моменту еще не была достроена.

Рассматривалась возможность проведения Босфорской операции российского флота с проходом судов через Средиземное море¹⁷³.

Здесь следует напомнить, что де-юре «ключи от проливов» находились в руках Османской империи. Ни один военный корабль не имел возможности проходить через Проливы, пока Османская империя не находилась в состоянии войны. В военное время Порта использовала проливы по своему усмотрению. Исключением были небольшие корабли черноморских государств, направлявшиеся в распоряжение дипломатических миссий в Средиземноморье, причем каждый такой проход предварительно согласовывался с Портой и иногда становился причиной

инцидентов. Еще одним исключением были небольшие военные корабли России, находившиеся в аварийном состоянии и по этой причине направлявшиеся в Черное море. Де-факто с 70-х гг. XIX в. «ключи от проливов» находились в руках Англии¹⁷⁴. Появление России в Средиземном море создавало серьезную угрозу британским интересам в этом регионе. Ведь Россия и Англия вплоть до образования Антанты были злейшими врагами, кризисы в их отношениях происходили с завидным постоянством.

Англии был нужен мощный союзник для «дружбы против» России и в этом отношении англо-японский альянс 1902 г. свидетельствовал о схожести интересов Японии и Англии. Англичане, справедливо полагая, что в случае выигрыша, самое большое, что получит Россия — не особо богатую Корею, а Япония никак не может сравниться мощностью с Англией и не станет таким образом ее конкурентом, заняли позицию «дружелюбного нейтралитета» по отношению к восточному союзнику, т. е. не помогали напрямую, но и турецкие проливы держали «на замке», блокируя в Черном море наиболее боеспособный из российских флотов. После отвлечения значительных сил России на Дальний Восток и перемещения туда же основных ее внешнеполитических целей, в Англии практически не принимали в расчет возможность проведения Босфорской экспедиции или другой силовой акции со стороны России в Средиземноморье. Известно, что ещё 11 января 1904 г., в беседе японского посланника в Лондоне Хаяси с представителем парламента Британии Лансдауном, последний, на вопрос Хаяси о возможности прохода через турецкие проливы русского флота, заявил, что японцы могут рассчитывать на добрые услуги от правительства Британии. Под этими «услугами» можно было понимать крайне широкий спектр действий — от дипломатического «внушения» до прямого уничтожения русского флота у выхода из Дарданелл, что означало уже начало англо-русской войны. Последнего Лансдаун не озвучивал, но и не опровергал.

Известно, что России было отказано в проходе Черноморского флота через турецкие проливы и пришлось пользоваться Балтийским флотом, чтобы отправлять помощь в Японское море, когда 3-я армия генерала Ноги подверглась осаде Порт-Артур¹⁷⁵. 1-я армия Японии передвинулась в Маньчжурию, 2-я — высадилась на полуострове Лаоян. Войска генерала Ояма захватили Лаоян и отбросили русские войска назад к Мукдену. Русские провели решающее сражение там, проиграв японским войскам численностью приблизительно 400 тыс. Русский балтийский флот, который покинул Европу в ноябре и проплыл половину пути вокруг

света, чтобы прорвать блокаду Владивостока, был встречен войсками адмирала Того в проливе Цусима 26 мая и был практически уничтожен¹⁷⁶.

В Турции следили за событиями на Дальнем Востоке с пристальным вниманием¹⁷⁷. Эта война против традиционного «заклятого» врага Османской империи вызвала большой энтузиазм в Турции. Турецко-русские отношения оставались напряженными, и турки требовали разоружения военных кораблей черноморского флота России до выхода их в турецкие проливы.

Общественное мнение в отношении русско-японской войны в Турции выражалось публично и эмоционально, на страницах печатных изданий. Так, например, известный турецкий журналист Ибрагим Халил писал в своих воспоминаниях:

«В 1904 г. разразилась война между Японией и Россией. Я начал молиться за победу Японии с надеждой на то, что раздутое господство русских должно быть сокращено и они, наконец, склонят свои головы в своем поражении. Это было похоже на то, что я стал моральным командующим японских военно-морских сил и армией»¹⁷⁸.

«Мы начали покупать газету *“Daily Asir”*, публикуемую в Салониках, которая также поддерживала японцев, как и я. Японцев спрашивали, почему в их храмах не молятся за победу в этой войне. Они отвечали, что молитв турок будет для этого достаточно»¹⁷⁹.

«Турецкий народ высоко оценил мужество японского народа. Турция посылала золото и товары широкого потребления японскому Красному Кресту и в редакции некоторых газет»¹⁸⁰.

Как отмечает известный турецкий исследователь турецко-японских отношений, профессор университета Богазичи Сельчук Эсенбель, правительство Османской империи «придерживалось тщательно продуманной политики нейтралитета в этом конфликте, чтобы избежать любых действий, которые могут быть истолкованы как враждебные по отношению к русским»¹⁸¹.

Турецкая пресса контролировалась султанской цензурой, которая запрещала публикацию откровенно про-японских передовиц и обязывала прессу сообщать только о том, что происходило на полях сражений.

Занимая официально нейтральную позицию, император Абдулхамид II выразил желание послать своего наблюдателя на место военных действий. Эта идея была поддержана генералом Кольмаром фон дер Гольцем. (Кольмар фон дер Гольц в 1885–1895 гг. был главой

германской военной миссии в Турции, где под его руководством была проведена реорганизация турецкой армии по германскому образцу). Генералу Пертеву Демиркану было поручено прибыть в Маньчжурию. Он отбыл из Стамбула 11 августа 1904 г. и прибыл в Йокогаму 25 сентября. В Японии он провел консультации с представителями министерства иностранных дел в Токио и с посольством Германии. 3 октября 1904 г. он покинул Японию на корабле, прибыл в Маньчжурию и сопровождал 3-ю армию генерала Ноги Мориносукэ в Маньчжурии, был свидетелем захвата Порт-Артура¹⁸². После войны он опубликовал мемуары и ряд книг по истории, в которых анализировал ход русско-японской войны «с целью служить руководством для турецкой молодежи, подчеркивая важную роль духовной подготовки в дополнение к подготовке материальной, которая лежала в основе японской победы»¹⁸³.

Победа Японии вызвала огромный энтузиазм в Турции. Султан Абдулхамид II сказал следующее: «Мы удовлетворены победой Японии. Их победа над Россией должна расцениваться как победа для нас»¹⁸⁴.

Широко известный поэт, автор турецкого национального гимна, Мехмет Акиф, описывал победу Японии с огромным восхищением. В этот период было написано много статей и книг о Японии, в частности, “The Japanese” (автор Namik Ekrem), “The Russo-Japanese War” (автор Ali Fuat)¹⁸⁵.

Известная турецкая писательница и философ Халиде Эдип Адивар назвала своего сына в честь адмирала Того. Турецкий журналист Абдулла Джевдет настолько был под впечатлением этих событий, что написал в своей статье: «Если бы Япония была мусульманской страной, японский император стал бы лидером мусульман»¹⁸⁶. Но, наверное, лучше всего процитировать Ямаду Торадзиро, чтобы отразить настроения в Турции в отношении Японии в те дни: «Я был в Турции во время японо-цинской войны в Северном Китае и русско-японской войны. Я был свидетелем огромного восхищения мужеством и жертвами нашего народа. Куда бы я ни пошел, меня принимали с щедрым гостеприимством и выражениями симпатии. Мне говорили, что предшественники создателей Османской империи тоже были выходцами из азиатской расы, и что турки были горды японской победой. Гостеприимство и симпатии, оказанные мне, начиная от императорской семьи, не могут быть ни с чем сравнимы. Я имел честь иметь три аудиенции с императором. Я воспринимаю Турцию как вторую родину, хотя она и находится в тысяче миль от Японии, и это не мимолетное чувство»¹⁸⁷. Тем не менее, согласно осман-

ским архивам, Османское правительство помешало Ямаде и Накамуре собирать пожертвования от сочувствующих мусульман для помощи «пострадавшим в результате стихийных бедствий в Японии»¹⁸⁸.

Влияние победы Японии в войне на Турцию было настолько глубоким, что все распространенные политические движения в Турции оказались под влиянием этих событий. Движение «младотурок» взяло за основу реформы Мэйдзи в качестве модели, они стремились к тому, чтобы «Турция стала как Япония на Ближнем Востоке». Японский историк Урабэ Матаро был под впечатлением этого отношения и в двух статьях о «младотурках» “*Toruko-Kemro-no Yurai Oyobi Shorai*” (История и будущее турецкой конституции) и “*Toruko Kakumei-no Zento*” (Будущее турецкой революции), написанных в 1908 и 1909 гг., со сравнительной точки зрения анализировал события в Турции и конституционную эволюцию в стране¹⁸⁹.

Турецкий философ и политический деятель Зия Гёкальп считал, что турецкий прогресс должен основываться как на сохранении национальной турецкой культуры, так и на модернизации, как в Японии. Он написал следующее: «Сегодня японцев воспринимают как европейскую нацию. В то время как нас всё еще рассматривают как азиатский народ. Причина этого заключается в нашей неспособности адаптироваться полностью к европейской цивилизации. Японцы приняли европейскую цивилизацию, при этом сохранив свою религию и национальный характер. Только таким образом они смогли ликвидировать отставание от европейцев во всем. Потеряли ли они хоть толику своей религии или национальной культуры? Никогда. Тогда почему мы медлим? Почему мы не можем принять европейскую цивилизацию, не теряя наши турецкие и исламские качества?»¹⁹⁰.

Аналогичным образом панисламистское движение в Турции и Азии надеялось получить японскую поддержку в укреплении мусульманского присутствия в мире путем распространения ислама в Японии через усилия тюркской исламской общины, представители которой нашли убежище в Японии, прибыв туда через Маньчжурию и Китай из таких отдаленных мест, как Казань, Сибирь, Ташкент, Урумчи и Синьдзянь (подробно об этом см. раздел «Особая роль тюркской общины в Японии в развитии двусторонних отношений»).

Определенным свидетельством влияния ислама в Японии того периода, по мнению ряда исследователей, являются три мусульманские могилы солдат тюркского происхождения на кладбище рядом

с лагерем русских солдат, интернированных во время русско-японской войны и похороненных в 1905 г. Кладбище находится недалеко от Идзули по дороге из Осаки в Вакаяму. На этих могилах стоят надгробные плиты с исламским полумесяцем и выгравированными именами Итира Хасиматова, Алишана Шакирова и Закира Хавлиева. Существуют также данные о том, что в лагере для интернированных совершались исламские религиозные церемонии, и действовала мечеть¹⁹¹. Однако говорить о реальном распространении ислама в Японии в то время не представляется возможным, оно оставалось незначительным и ограниченным.

* * *

После окончания русско-японской войны Турция выступала с поддержкой переговоров о заключении мира и послевоенного устройства. Как отмечал Бисли, «первый раз в новейшей истории азиатская страна победила одну из великих держав в полномасштабной войне»¹⁹². По мнению турецкого историка Арыка Умута, «эта победа поставила Японию на перепутье между превращением в еще одну империалистическую державу или продвижением азиатской революции против Запада, начиная с Китая»¹⁹³.

В сложившейся новой геополитической обстановке после подписания Портсмутского мирного договора в сентябре 1905 г. Япония открыто установила свой протекторат над Кореей, а также подписала договор с Китаем в декабре 1905 г. о передаче арендных прав на Ляодунский полуостров. Кроме того, японское правительство вело переговоры с Францией и Россией с целью развития отношений с Антантой (Британия, Франция и Россия).

В этом отношении турецко-японские выражения взаимной симпатии доставляли беспокойство странам Антанты. В частности, можно привести в качестве примера тот факт, что Россия проявляла настороженность в отношении возможности заключения секретного договора с Турцией с одной стороны и Японией и Британией — с другой, направленного против России на Дальнем Востоке и в Южной Азии. Россия стремилась изолировать Турцию в ее попытках новых посягательств на Балканах, в основном в Боснии и Герцеговине. Германия, с другой стороны, поддерживала Австро-Венгрию, которая также стремилась укрепить свои позиции в этом регионе, для видимости поддерживая хорошие отношения с Османской империей больше ради «реальной политики», исходящей из экономических интересов влияния на Ближнем и Среднем

Востоке. По мнению турецких историков, «для британцев было относительно легко отказаться от любой связи с Турцией ради больших интересов, и к 1906 г. для таких представителей как Лансдаун, в течение длительного времени занимавшего пост министра иностранных дел Великобритании, развитие отношений с Османской империей не имело перспектив»¹⁹⁴. Опасения России в отношении секретного японо-британско-турецкого договора привели к тому, что Николай II дал поручение своему послу при английском дворе в Лондоне Бенкендорфу провести ряд консультаций, чтобы узнать реальное положение дел. 7 апреля 1906 г. русский посол в Лондоне получил аудиенцию у британского министра иностранных дел, в ходе которой спросил о секретном договоре, слухи о котором ходили. Посол заявил, что условия договора по слухам предусматривают поддержку турецких территорий в Малой Азии со стороны Японии и Британии в обмен на турецкую поддержку Японии и Британии в действиях против России. Британский министр иностранных дел отрицал наличие такого договора, и после консультаций в Лондоне были посланы инструкции временному поверенному в делах Британии в Санкт-Петербурге с целью в наиболее четкой форме объяснить русским дипломатам, что такого секретного договора не существовало¹⁹⁵.

После ознакомления с этими инструкциями японский посланник в Санкт-Петербурге Хонно считал, что было не до конца понятно, в какой связи консультации русского посла в Лондоне имели отношение к этому договору и, по его мнению, было бы безопаснее сказать, что это было только предположением русского посла. Английский временный поверенный в делах был уверен, что все дело заключалось в политике «разделяй и властвуй». В то же время посланник Хонно слышал из разных источников в Санкт-Петербурге о возможности того, что Япония опять собиралась вести войну против России, и что таким образом «русские серьезно пытались улучшить свое состояние готовности в отношении такой возможности»¹⁹⁶. Однако, по мнению японских и турецких исследователей, 3-сторонний союз Турции, Англии и Японии не входил в интересы Японии. Пролонгация японо-британского соглашения в августе 1905 г. и сближение с Францией и Россией посредством франко-японского и русско-японского договоров 1907 г., затем обмен нотами Рут-Такахира в 1908 г., подтверждение японо-американского соглашения 1905 г. фактически обеспечили молчаливое согласие в предоставлении особых привилегий Японии, согласованных с японским коммерсантами в Маньчжурии. Кроме того, такой союз не был нужен и Турции, которая

тогда осторожно играла балансирующую роль между державами, тщательно избегая возможности антагонизировать кого-либо из них, надеясь предотвратить их подстрекательство к войне, к которой все они горячо стремились в период господства Османской империи.

Несмотря на такую сложную «игру», Турция продолжала представлять интерес для Японии и японцев. В частности, Турцию посетил широко известный в Японии путешественник и писатель Сохо Токутоми, который, путешествуя по Ближнему Востоку, остановился в Стамбуле. Токутоми отбыл из Йокогамы в апреле 1906 г. и прибыл в Суэц 17 мая. Он посетил Каир, Палестину, которая входила в Турецкое государство в те дни. Проплыл из Хайфы в Стамбул 20 июня и провел там какое-то время, потом отбыл поездом в Россию и вернулся в Японию через Сибирь. Его описание Палестины и Стамбула в книге “Junreikiko” представляет интерес.

Другим важным событием в двусторонних отношениях явился визит известного генерала Ноги, который выиграл сражение в Мукдене в русско-японской войне. Ноги считался в Турции «героем русско-японской войны» и, наряду с японским адмиралом Того, был очень популярен в Японии. Он получил много телеграмм от турецких почитателей, и имена Того и Ноги давались турецким детям, рожденным в то время. Генерал Марэсуку Ноги сопровождал принца и принцессу Хигасифусими на коронации короля Великобритании Георга V и на обратном пути посетил Стамбул с 21 июня по 24 июня 1910 г.

По-прежнему обе стороны не отказались от идеи заключения двустороннего соглашения. В 1909 г. японский министр иностранных дел Комура Дзютаро предпринял попытку возобновить переговоры с турецкой стороной. Ему была хорошо известна позиция Турции, т. к. в 1906 г., будучи послом Японии в Лондоне, он обменивался мнениями по этому вопросу со своим коллегой, османским послом в Лондоне Музурус-пашой. В своем письме в марте 1909 г. послу Японии в Австрии Утиде министр Комура писал следующее:

«Япония рассматривает возможность подписании договора с Турцией до начала переговоров с Румынией с той же целью. Полномочному посланнику Японии в Австрии Макино Нобуаки было поручено провести переговоры с послом Турции в Вене еще во время русско-японской войны, однако турецкая сторона колебалась, вероятно, проявив осторожность в отношении России, и переговоры были

временно приостановлены. Позже, в 1906 г., будучи полномочным представителем в Лондоне, я поднял этот вопрос перед турецким послом. В связи с тем, что правительство Турции требовало заключения договора, основанного на полном равенстве сторон, и отвергало любую особую консульскую юрисдикцию, нам пришлось ждать более благоприятных обстоятельств для заключения двустороннего соглашения. В связи с тем, что мы отдаем себе отчет в том, что в дальнейшем не будет существовать основы для переговоров при нашем требовании права на консульскую юрисдикцию, считаю, что для японской империи не является необходимым заключения договора о торговле и мореплавании с турецкой империей в связи с незначительным количеством коммерсантов, заинтересованных в этом. Следовательно, нет необходимости обсуждать вопросы консульской юрисдикции и другие вытекающие из этого вопросы. Поэтому наше правительство в настоящий момент склоняется к тому, что такие вопросы особой консульской юрисдикции могут быть отложены для рассмотрения и обычное совместное коммюнике может быть согласовано исключительно с целью установления дипломатических отношений. Мы считаем, что в настоящее время существует хорошая возможность для возобновления переговоров по этому вопросу. Хотя я не уверен в полномочиях турецкого посла в Вене, я склонен считать, что Вы сможете получить информацию о позиции и намерениях турецкого правительства, и я хотел бы дать Вам поручение узнать позицию турецкого правительства, касающуюся подписания коммюнике по вопросам, изложенным выше, исключительно для установления дипломатических отношений. Если окажется, что Турция согласится на такой порядок действий, соответствующие инструкции для переговоров по этим вопросам и проект коммюнике будут направлены»¹⁹⁷.

Следует отметить, что почти в это же время, 17 марта 1909 г. турецкий поверенный в делах в Лондоне Джеват-бей посетил японского посланника в Лондоне Като и передал ему следующую ноту:

«В то время, когда проходило обсуждение между нашими предшественниками, послом Музурус-пашой и бароном Комурой в 1907 г., поскольку было стремление упразднить положение о капитуляциях, турецко-японское соглашение не было реализовано. Комура, однако, любезно тогда обещал, что, если будет возможным для него найти соответствующий механизм успешного завершения переговоров, он поста-

рается об этом проинформировать турецкое посольство. С того времени не последовало новостей. В новых условиях восстановления конституционного порядка в Турции мы ожидаем, что правительство японской империи не будет настаивать на своей прежней позиции и искренне надеется на возобновление переговоров. Надеюсь, что я буду проинформирован соответствующим образом, т. к. это будет иметь важное значение для установления дипломатических и торговых отношений, к которым искренне стремятся два государства»¹⁹⁸.

Как следует из вышеприведенных заявлений, оба дипломата выступали с противоположных позиций без понимания точки зрения противоположной стороны. Для японской стороны было достаточно заключения обычного совместного коммюнике или декларации, при этом установление дипломатических отношений было приоритетом. Эта позиция также была очевидна в письме-инструкции министра иностранных дел Японии Комуры, посланного послу Като 31 марта 1909 г.:

«В то время как подписание договора между Японией и Турцией в настоящий момент представляется затруднительным, главным стремлением правительства Японии в настоящее время является установление дипломатических отношений с Турцией и обмен послами и консулами. Я считаю, что нет необходимости спешить с подписанием договора о торговле, т. к. торговые отношения между двумя странами не находятся на высоком уровне. В то же время следует запросить у турецкого посланника, имеется ли намерение подписать коммюнике об установлении дипломатических отношений. Его ответ следует отправить телеграммой в Министерство. Упомянутая телеграмма ожидается до отправки проекта коммюнике и инструкций по другим вопросам. Нашему послу в Вене уже было поручено направить всю имеющуюся информацию и документы по этому вопросу»¹⁹⁹.

Однако, по мнению японского историка Найто Тису, «по-видимому, из Лондона не была выслана телеграмма в Токио, и имелся только текст ноты Джевад-бея, датированной 16 марта 1909 г., относящейся к торговым соглашениям, а проекта коммюнике от министерства иностранных дел в Токио в посольство в Лондоне не последовало»²⁰⁰.

Таким образом, несмотря на то что обстоятельства были благоприятны для установления дипломатических и торговых отношений, обе стороны не приложили достаточных последовательных усилий для этого.

Позиция Османской империи в этом отношении суммирована в документе 36527 Консультативного бюро министерства иностранных дел Высокой Порты и отражает огромный разрыв в понимании двух стран:

«Принимая во внимание тот факт, что поскольку японская империя установила дипломатические отношения с королевством Сиам в сентябре 1887 г. и назначила посла в Бангкок, она потребовала капитуляций в привилегиях и позже отправила военные корабли в это государство и, таким образом, получила привилегии для японских дипломатов, консульских работников и граждан, и ставя цель избежать повторения такого же сценария в Османской империи для установления дипломатических отношений с Японией, правительство Османской империи стремилось заключить соглашение, обеспечивающее условия, чтобы Япония не пользовалась капитуляциями и чтобы действия японских консульских сотрудников были ограничены. С этой целью были посланы инструкции в посольство в Лондоне в 1909 г., и решение Османской империи были переданы японской стороне. Японская сторона, однако воздержалась от заключения такого соглашения и заявляла, что если соглашение подобного рода ставится целью, она будет настаивать на соглашении на основе принципа наиболее благоприятствуемой нации, который в то время имел бы коннотации капитуляций. Позже, хотя японцы обращались к большинству посольств Османской империи в Европе и США по этому вопросу, поскольку Высокая Порта настаивала на своей позиции, после некоторого времени японцы прекратили свои обращения»²⁰¹.

Также в документе указывалось, что в тот период в Османской империи был только один представитель японской нации по имени Накамура, занятый в торговле в Пере (Беоглу), иностранном районе Стамбула, и количество турок в Японии было незначительным.

Таким образом, было очевидно, что турецкая сторона, стремясь к отмене режима капитуляций, финансового контроля и политических привилегий иностранных концессионеров, в вопросе установления дипломатических отношений с Японией настаивала на закреплении этого статуса конкретным двусторонним соглашением, что подразумевало взаимные обязательства сторон. Япония же рассматривала установление дипломатических отношений с Турцией как технический вопрос двусторонних отношений. В последующем это нашло свое подтверждение в ходе работы Лозаннской конференции 1922 г.

Лозаннская конференция и установление дипломатических отношений между Японией и Турцией

Процесс установления дипломатических отношений между Японией и Турцией занял продолжительный период времени — с 1875 г., когда Япония официально заявила о намерении подписать договор о дружбе с Османской империей, до 1925 г., когда в обеих странах были открыты посольства. Этот период времени характеризовался многочисленными взаимными визитами официальных представителей двух стран, двусторонними переговорами об условиях заключения договора о дружбе, попытками подписать двусторонний договор, а также внешними объективными обстоятельствами, повлиявшими на двусторонние отношения.

Как отмечают историки, «эта достойная сожаления комедия ошибок и недопонимания между Японией и Турцией» продолжалась до Первой мировой войны²⁰². Между двумя странами не были установлены дипломатические отношения, не существовало договора о дружбе, торговле и судоходстве, обе страны вступили в войну, находясь в противоположных лагерях. Из турецких источников следует, что 1 ноября 1914 г. была объявлена война между Турцией и Японией, однако страны Антанты позже заявляли, что Япония не объявляла войну Турции²⁰³.

Прежде, чем рассматривать работу Лозаннской мирной конференции, в результате которой были установлены дипломатические отношения между Японией и Турцией, следует остановиться на характеристике положения двух стран в системе международных отношений того времени, а также на основных событиях Первой мировой войны, повлиявших на двусторонние отношения между Японией и Турцией после Первой мировой войны. Это также отчасти объясняет позиции двух стран на Лозаннской конференции.

В конце XIX в. — начале XX в. главной задачей японской дипломатии было расширение и защита влияния Японии в Азии. Основным результатом этого, по мнению британского историка У. Дж. Бисли, как «внутри правительства, так и вне его было создание общественного мнения в отношении самоочевидного продвижения на азиатском континенте, военного или экономического, в Китае или Маньчжурии, с китайским сотрудничеством или без него. Несмотря на разные периоды нарастания и спада этого процесса, было всеобщее понимание доминирования Японии в регионе, охватывающего Китай, Маньчжурию, Корею и примыкающие

острова»²⁰⁴. По мнению турецкого историка Арыка Умута, «это явилось той задачей японской внешней политики, которая постепенно, начиная с 1914 г., в конце концов, сделали Японию мировой державой, с которой нужно было считаться во время и после Первой мировой войны»²⁰⁵.

Участие Японии в Первой мировой войне было связано, в первую очередь, с решением ее собственных проблем в регионе. После победы в русско-японской войне страна начала укрепляться на мировой арене. Портсмутский мирный договор развязал Японии руки в Корее и Маньчжурии. Корея была полностью аннексирована к 1910 году, в Маньчжурии шло активное освоение ресурсов и рынков для японских товаров. В это же время началось соперничество Японии и США на Дальнем Востоке. Во время проектирования Южно-Маньчжурской железной дороги — крупного инфраструктурного объекта, в состав которого вошли порт Дальний (Дайрен), ряд местных предприятий, рудников и земельных угодий, — американский магнат Э. Гарриман выдвинул предложение о ее совместной эксплуатации. Япония это предложение отвергла и стала главным торговым партнером Маньчжурии, потеснив США.

В 1911 г. в Китае началась революция, в результате которой была свергнута династия Цин. Японские правящие круги рассматривали возможность интервенции в Китай в целях сохранения мира на Дальнем Востоке, однако интересы промышленников взяли верх: торговать с Китаем было выгоднее, чем воевать. Ситуацию осложняло экономическое отставание Японии от западных стран. Кроме того, не было ясности насчет нового правительства Юань Шикая. Политические и военные элиты опасались, что если в Китае наступит правительственный кризис, богатые западные инвесторы воспользуются положением и поделят страну между собой. В этом случае Японии был бы закрыт доступ к китайским рынкам, шахтам и железным дорогам. Министр иностранных дел Японии Макино Нобуаки считал сложившуюся ситуацию катастрофической. В апреле 1914 г. он ушел в отставку, оставив своему преемнику меморандум, в котором говорилось о необходимости принять самые решительные меры для отстаивания японских интересов в Китае. В момент покушения на австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда, что послужило спусковым крючком для начала Первой мировой войны, в Японии премьер-министром стал Окума Сигэнобу, а министром иностранных дел — Като Такааки. И премьер-министр, и министр иностранных дел выступали за англо-японский союз и оба хотели воспользоваться кризисом в Европе, чтобы укрепить свое присутствие в Китае²⁰⁶.

В этих условиях начало Первой мировой войны в Европе стало настоящим подарком для Японии. 7 августа 1914 г. британское правительство попросило японский флот «выследить и уничтожить вооруженные немецкие суда» в китайских водах, апеллируя к англо-японскому соглашению о сотрудничестве²⁰⁷. Правительство Окумы решило в течение 36 часов использовать этот «единственный из миллиона» шанс, чтобы установить японское господство на Тихом океане и в Китае. Министр иностранных дел Като понимал, что ситуация еще не достигла точки, где правила альянса обязывали бы Японию объявить войну Германии. Тем не менее, он ясно осознавал, что вступление Японии в войну будет лучшим решением. У Германии были хорошие позиции в Китае, поэтому Япония получала огромное преимущество от ее ликвидации²⁰⁸.

Германии принадлежала территория Цзяочжоувань на Шаньдунском полуострове общей площадью более 500 кв. км, которую она арендовала у Китая на срок 99 лет. Эта площадь включала город Циндао — один из крупнейших торговых портов Китая, располагавшийся севернее реки Янцзы. Город, использовавшийся в качестве морской базы, был главным плацдармом Германии в регионе. Кроме того, немцы построили в Шаньдуне железную дорогу от Циндао до города Цзинань, которая соединялась там с главной линией на Пекин.

Япония была хорошо подготовлена к новым завоеваниям. В конце 1905 г. правительство начало разработку 15-летней программы перевооружения армии и флота, якобы опасаясь «возможности реванша» со стороны России. Несмотря на подписание в 1907 г. русско-японских соглашений о сотрудничестве и взаимовыручке, уже к 1909-му военно-морские силы Японии выросли вдвое. Министр иностранных дел Великобритании Эдуард Грей был обеспокоен военной активностью Японии и стремился обозначить географический лимит японским военным операциям. Возможно, этим была вызвана отмена британского запроса о военной помощи 10 августа, поставившая правительство Японии, по словам министра Като, в «чрезвычайно неловкое положение», так как намерение Японии вступить в войну с Германией было к тому моменту общеизвестно. Два дня спустя британское правительство смирилось с участием Японии в Первой мировой войне, желая, однако, свести зону боевых действий японской армии к минимуму²⁰⁹.

С другой стороны, за действиями Японии пристально наблюдали Соединенные Штаты и Китай. С 1899 г. США поддерживали территориальную целостность Китая, чтобы сохранить баланс в регионе и тем

самым обезопасить свои тихоокеанские границы. Накануне войны правительство Китая направило в Госдепартамент США проект соглашения о сохранении статус-кво китайских территорий. Возможно, его подписание удержало бы Японию от экспансии на материке. Однако правительству Соединенных Штатов стало известно о намерении Японии в ближайшее время выступить против Германии. Сложившаяся ситуация вынудила Америку приостановить разработку проекта до тех пор, пока Япония не исполнит свою роль в разворачивающемся военном противостоянии.

Японцы получили шанс захватить новые территории в Китае законным путем. 15 августа 1914 г. Япония выдвинула Германии ультиматум, о котором оповестила британское правительство постфактум. Он содержал требование вывести немецкие суда из территориальных вод не только Японии, но и Китая, а также безвозмездно передать Японии порт Циндао. Ультиматум был проигнорирован Германией, что привело к объявлению Японией войны Германии 23 августа 1914 г. по истечении срока ответа на ультиматум. К 7 ноября 1914 г. императорская армия захватила не только Циндао, но и практически всю провинцию Шаньдун. Менее чем за 3 месяца все немецкие базы, железные дороги и другие сооружения были в руках у японцев. В довершение военных успехов, до конца года Япония оккупировала Маршалловы, Марианские и Каролинские острова, ранее принадлежавшие Германии.

В ходе войны страны Антанты потребовали от Японии послать войска в Европу и обеспечить морские силы для Балтики, Средиземного моря и Дарданелл. Она отказывалась до января 1917 г., затем согласилась послать военно-морскую эскортную группу для поддержки Британии против немецких подводных лодок, тем самым получив поддержку Британии, Франции и Италии для ее сфер влияния на Дальнем Востоке.

В сентябре 1917 г. произошел обмен нотами между специальным посланником Японии Исии Кикудзиро и государственным секретарем США Робертом Лансингом. Американское правительство согласилось на определенных условиях признать «особые интересы» Японии в Китае, которые, по мнению Лансинга, «не являются политическими». На этой основе и было достигнуто Лансинга-Исии соглашение.

В ноте Лансинга говорилось, что США и Япония, «дабы прекратить злонамеренные слухи», сочли «целесообразным публично оповестить о своих пожеланиях и намерениях». США признали, что Япония, благодаря своей территориальной близости, «имеет особые интересы в Китае,

в частности в той его части, к которой прилегают ее владения»²¹⁰. Наряду с этим выражалась надежда на то, что Япония будет соблюдать принцип «открытых дверей» и территориальную целостность и независимость Китая.

В ответной ноте Исии повторялись положения Лансинга и указывалось, что Япония выступает «против того, чтобы какое-либо правительство приобретало особые права или привилегии, которые могут отразиться на независимости или территориальной целостности Китая. Подданные любой страны должны пользоваться равными возможностями в торговле и промышленности Китая»²¹¹. США фактически тоже признали особые интересы Японии в близлежащих районах*. Таким образом, Япония вступила в Первую мировую войну в рамках лагеря союзников.

На рубеже веков Турция, переживавшая длительный кризис, столкнулась с новыми проблемами: созданием новой мировой экономической системы и развитием национальной идеи. На окраинах Османской империи значительно усиливались сепаратистские движения, была очень ослаблена промышленность, преобладал феодальный строй, который давно устарел, большинство жителей не умели читать и писать. В стране не было железных дорог, а их построение практически не представлялось возможным, пути сообщения вообще были очень плохо развиты. Отсутствовали средства и вооружение, не хватало финансов и людской силы, моральная крепость армии ослабла (начали призывать христиан, которые не были надежными составляющими военной машины). Страна имела большой внешний долг и сильно зависела от импорта Австро-Венгрии и Германии²¹².

Таким образом, в годы Первой мировой войны Турция не принадлежала к тем государствам, которые успешно развивались в новых условиях, сложившихся в связи с промышленной революцией и накопле-

* Соглашение Лансинга-Исии (石井・ランシング協定, Ishii-Ranshingu Kyōtei) было дипломатической нотой, подписанной между Соединенными Штатами и Японией 2 ноября 1917 года по поводу их споров в отношении Китая. В опубликованном тексте соглашения, подписанном государственным секретарем Соединенных Штатов Робертом Лансингом и специальным посланником Японии Исии Кикудзиро, обе стороны обязались поддерживать политику открытых дверей в Китае в отношении его территориальной и административной целостности. Однако правительство США также признало, что Япония имеет «особые интересы» в Китае из-за его географической близости, особенно в районах Китая, прилегающих к японской территории, что фактически противоречит политике открытых дверей.

нием капитала, но сильно зависела от Германской и Австро-Венгерской империй. Из-за недостатка сырьевой базы и потерь территорий Турция стремилась вернуть Балканский полуостров, захватить Крым, Иран, Кавказ. Правительство страны выступило на стороне Германии и во многом согласовывало свои действия со штабом германской армии.

Несмотря на оппозиционные усилия некоторых членов кабинета (Кемаль-паши), премьер-министр Саид Халим-паша и военный и министр иностранных дел Энвер-паша подписали союз с Германией 2 августа 1914 г. после начала войны в Европе²¹³. Союзники Турции ожидали от нее немедленного объявления войны странам Антанты, однако реальное же объявление последовало после так называемой «турификации» немецкого военных кораблей «Гобен» и «Бреслау» и переименовании их 12 августа в «Явуз» и «Мидили» соответственно. 29 октября произошла бомбардировка Севастополя под командованием немецкого адмирала Сушона. После этого инцидента 2 ноября Россия объявила войну Турции, и 11 ноября 1914 г. султан Мехмет V Резат как «халиф правоверных» формально объявил войну всем мусульман странам Антанты²¹⁴.

Турция в Первой мировой войне упорно сопротивлялась и успешно отражала атаки. На северо-восточном фронте турецкая армия дошла до Каспийского моря; в проливе Дарданелл генерал Мустафа Кемаль (будущий Ататюрк, первый президент Турецкой республики) остановил британские, французские, австралийские и новозеландские силы, которые попытались высадиться на полуострове Галлиполи и продвигаться через пролив к Стамбулу; на иракском фронте британскому командованию пришлось сдаться туркам. В Египте турецкие войска пересекли Синайскую пустыню и прибыли в Суэц. В первую очередь в ходе Первой мировой войны Турция стремилась расширить зону своего влияния на Кавказ, но один из самых важных фронтов оказался еще и наиболее проблематичным. Успехи обернулись разрушительным поражением османской армии под Сарыкамышем. Во время наступления войска понесли большие потери, которым способствовали и сильнейшие морозы. Русской армии удалось отбросить противника и перейти в контрнаступление. Союзники увеличили силы, но в итоге все же вынуждены были капитулировать²¹⁵.

Как отмечают турецкие историки, «поражения Германии и Австрии в Европе привели к тому, что Турция осталась в одиночестве»²¹⁶. Смертельный удар ей был нанесен с капитуляцией Германии, Австрии и Болгарии 2 и 3 октября 1918 г.

Участие Турции в Первой мировой войне обернулось катастрофой. Армия Османской империи потерпела полное и безоговорочное поражение по всем фронтам. Перемирие было подписано 30 октября 1918 г. в Мудросской бухте. Английский адмирал С. Г. Кальторп от имени союзников продиктовал Турции условия перемирия без согласования с другими членами Антанты. По заявлению адмирала «это было нашей последовательной позицией не показывать никакой благосклонности туркам <...>»²¹⁷.

По сути, это была капитуляция Турции в Первой мировой войне. Еще в XIX в. Османскую империю называли «больным человеком Европы»*. Турция была практически непобедима к 1680-м гг, но после крупного поражения у Вены в 1683 г. потеряла свои позиции. Постепенно успехи страны сошли на нет. Первая мировая война окончательно оформила длительный процесс распада Турции, который фактически начался еще в конце XVII в. Турция после первой мировой войны фактически перестала существовать. Османская империя утратила самостоятельность и была расчленена в интересах государств-победителей. Контроль остался только над небольшой европейской территорией около Стамбула и Малой Азии (кроме Киликии). От Османской империи были отделены Палестина, Аравия, Армения, Сирия, Месопотамия²¹⁸.

Что касается участия Японии в военных действиях против Турции, то следует упомянуть следующие факты. 13 ноября 1918 г. Япония направила в Стамбул военно-морские силы, состоявшие из флагманского судна «Ниссин» и пяти миноносцев, а также группу морских пехотинцев, которые были переданы под административное и политическое руководство адмирала С. Г. Кальторпа в соответствии с Мудросским перемирием²¹⁹.

13 апреля 1921 г. японский посланник Сададзути Итида покинул Марсель, отбыл в Турцию и прибыл в Стамбул 18 апреля 1921 г. в ранге министра, чтобы представлять Японию в комиссии по проливам и для переговоров с османским правительством по японо-турецкому торговому соглашению²²⁰. Именно эти два события позволяют говорить, что Япония, вступив в войну в рамках лагеря союзников, вошла в контакт с Турцией по вопросам, относящимся к Турции.

В этот период не меньшее значение для Японии представлял дипломатический фронт. Япония стремилась войти в состав великих

* Предположительно, этим выражением император России Николай I называл Османскую империю. В дальнейшем термин стали использовать европейские публицисты не только по отношению к Турции.

мировых держав. Для этого нужны были не только новые территории, но и серьезные геополитические соглашения. Первой задачей явилось выстраивание новой политики в отношении Китая. В начале 1915 г., в ответ на требование вывести войска из Шаньдуня, японский посол в Пекине вручил президенту Китая «21 требование» Японии. Этот пространный документ, включал в себя пять групп требований о предоставлении особых экономических и политических прав в Китае. Несмотря на то, что принятие китайским правительством японских требований означало нарушение суверенитета Китая, а также укрепление японских позиций в Китае за счет ущемления интересов других великих держав, в первую очередь Англии и США, японо-китайский договор был подписан 25 мая 1915 г.²²¹

Параллельно Япония вела переговоры с Россией, чтобы заручиться ее дипломатической поддержкой на мировой арене. В начале 1916 г. японский посол в Российской империи передал ноту с предложениями гарантировать неприкосновенность дальневосточных границ России, поставлять ей оружие и боеприпасы и оказывать финансовую помощь. В обмен Япония хотела получить участок КВЖД от Харбина до станции Куанченцзы, а также льготы для своих торговцев и рыболовов на Дальнем Востоке. Подписанное 3 июля соглашение содержало также секретную часть, касающуюся «сохранения Китая от политического господства какой бы то ни было третьей державы»²²². Таким образом, Япония обрела мощный противовес США, стремившимся активно участвовать во внутренней политике Китая. Не менее выгоден был этот договор и для второй стороны: Россия получала гарантию безопасности на востоке и могла полностью сосредоточиться на фронтах Первой мировой войны²²³.

После окончания Первой мировой войны Япония придавала большое значение также своему участию в послевоенном устройстве мира.

В январе 1919 г. в Париже начала работать международная конференция, собранная странами-победителями для формирования и подписания мирных соглашений с проигравшими сторонами. Мероприятие проходило (с некоторыми перерывами) до конца января 1920 г. Кроме главных участников в конференции участвовали почти все существовавшие в это время страны, находившиеся на стороне Антанты. На Версальской (Парижской) конференции Японию представляли Сайондзи Киммоти и Тинда Сутэми, которые участвовали в подготовке договора о мире, который страны-победители предполагали предложить турецкой стороне «от победителей для побежденных»²²⁴.

В этой связи следует отметить, что в ходе постепенного политического мирного урегулирования определились большие противоречия не только вокруг побежденных, но и среди торжествующих победителей. В частности, США и некоторые европейские державы были обеспокоены укреплением положения внешне нейтральной Японии на территории Дальнего Востока, где в годы войны у нее не оказалось сильных соперников. Страна постепенно наращивала свои вооруженные и экономические силы. В ходе формальных дипломатических переговоров в первые послевоенные годы японцам удалось сохранить за собой захваченные территории в Китае, а также позиции и на морских просторах этого региона, где США все чаще чувствовали себя «хозяевами», в частности, на Тихом океане²²⁵.

Вопрос, касающийся раздела Турции, неоднократно обсуждался на Парижской мирной конференции. Однако он переплетался с неразрешенными вопросами репараций и территорий Западной Европы. Раздел Турции рассматривался в разных комбинациях; страны Антанты старались удовлетворить, в первую очередь, свои интересы и долго не находили компромисса. В ходе работы конференции были созданы подкомиссии для подготовки мирного договора с Турцией, который впоследствии получил название Севрского мирного договора²²⁶.

В различных подкомиссиях работали японские представители Нагаи М., Удзуми М., Мори К., посол Мацуи Кэйсиро, первый секретарь Ёсида Т., секретарь Ватанабэ, секретарь Сайто, секретарь Савада, генерал Иитами, адмирал Иида, капитан Анно К. В ходе обсуждения представитель Японии Тинда, защищая интересы своей страны в вопросах раздела мира после Первой мировой войны и соглашаясь с решением об оккупации Турции, выделил два основных вопроса, требовавших решения со стороны стран-союзников.

- «В то время как союзники поддерживали «принцип равных возможностей» в отношении Китая, почему они делили Турцию и ее бывшие территории на экономические зоны и сферы влияния?»²²⁷.
- «Хотя Япония напрямую и не вовлечена в политические вопросы, касающиеся Турции, она глубоко заинтересована во всех вопросах торговли, регулирование судоходства и передвижения через Турецкие проливы»²²⁸.

Из протокола подготовительных заседаний следует, что японская сторона проявила живой интерес к таким вопросам, как режим судоходства и комиссии по проливам, система тарифов, таможенные вопросы и участие

Японии во всех торговых вопросах, относящихся к Турции. Требование японских делегатов в отношении участия в комиссии по проливам было отклонено другими союзниками с аргументом, что Япония, как и США, не объявляла войну Турции. В этой связи японской стороной было предложено внести в протокол оговорку в отношении этого отказа. Противодействие со стороны Японии в отношении увеличения турецких таможенных тарифов было встречено участниками заседаний отказом с доводом того, что объем японской торговли с Турцией был минимальный²²⁹.

Тинда Сутэми также участвовал в обсуждении вопроса по поводу оккупации Стамбула союзными войсками²³⁰ и выразил согласие Японии с решением об оккупации. Позже он также выступил в поддержку защиты прав меньшинств в Стамбуле, согласился с присутствием представителя Лиги Наций в Стамбуле, согласился на присутствие администрации Греции в Измире²³¹, просил об участии в комиссиях по сухопутным, морским и военно-воздушным силам, которые будут созданы для наблюдения за турецкой демилитаризацией²³², по вопросу Грузии и Армении принял британскую позицию²³³, потребовал создания японского почтового офиса в Турции наряду с почтовыми офисами других стран-союзников²³⁴, поддержал конфискацию Великобританией десяти коммерческих турецких судов²³⁵.

Интерес представляют оценки турецкого дипломата, анализировавшего позицию японской делегации в целом, и представителя Тинды, в частности, на севрских подготовительных встречах:

«Японские делегаты держатся в тени и, по-видимому, тем самым проявляют сдержанность в отношении принятия их в «Западный клуб» благодаря любезности западных держав. Невозможно не заметить, какое удовлетворение испытывают японцы как «почетные западные люди», когда западные державы с полным отсутствием утонченности и вежливости в ходе прений снова и снова выражают свою точку зрения в отношении того, как нужно относиться к «восточным странам», в отношении того, можно ли доверять их словам или даже следует ли им доверять, в отношении того, насколько недееспособны были колониальные войска в отличие от «белых войск», или когда они подчеркивали, что «восточная страна» Турция не должна быть в Европе»²³⁶.

Какими бы ни были чувства и мысли японской делегации на подготовительных встречах, Япония подписала Севрский договор в Париже

10 августа 1920 г. От японской стороны в подписании договора участвовал посол Японии Мацуи Кэйсиро.

Таким образом, Севрский договор официально оформлял раздел арабских и европейских владений Османской империи, оставляя Турции только Северную и Центральную Анатолию. В Турции договор был воспринят как несправедливый и «колониальный».

Договор не вступил в силу, т. к. в итоге не был ратифицирован ни турецкой стороной, ни странами Антанты (за исключением Италии). Севрский договор между странами-победителями и Турцией, по мнению аналитиков, явился «одним из наиболее карательных мирных договоров и одним из самых дерзких и нарочитых разделов военной добычи в истории»²³⁷.

Как отмечает турецкий исследователь Арык Умут, «силы союзников стремились к созданию новой Византийской империи и получению сфер влияния для каждого из них с символическим турецким присутствием. Это была точно такая же модель, которую они пытались применить к Китаю»²³⁸. Турки, однако, не приняли эту схему действий, и они, по мнению американского историка Стэнфорда Дж. Шоу, «были единственными из центральных держав, способными немедленно выступить против иностранной интервенции и изгнать оккупантов <...> Турецкое сопротивление привело к успеху Мустафы Кемаля <...> и провозглашению 29 октября 1923 г. Турецкой Республики»²³⁹.

Во время этой борьбы на полях сражений туркам нужно было противостоять союзным и ассоциированным державам (Британии, Франции и Италии), а также нужно было сражаться с греческим вторжением и совместными войсками армян и русских. Во время так называемой мирной конференции в Лондоне (21 февраля — 12 марта 1921 г.) страны Антанты стремились продвинуть документ о перемирии через турок, пригласив и представителей турецкого Высшего Национального Собрания, и представителей Стамбула, который был под военной оккупацией Антанты. В итоге Лондонская конференция не привела ни к какому соглашению, т. к. державы продолжали пытаться диктовать свою волю Турции, а Турция отвергла эту позицию. Турецким войскам удалось одержать победу над интервенцией Англии и Греции. Летом и осенью 1922 г. турки выдворили греческие войска из Эскишехира (2 сентября), Измира (9 сентября), французские и итальянские войска из Дарданелл (19 сентября). Фракия была освобождена в течение первых двух недель октября, и Стамбул был взят 19 октября. 11 октября союзные и ассоциированные

державы подписали договор о прекращении огня в Муданье (недалеко от Дарданелл). 5 ноября правительство Стамбула прекратило свое существование. 16 ноября последний султан Османской империи Вахидеддин Мехмет VI покинул страну.

Одержав победу над англо-греческой интервенцией и умело используя начавшийся уже сразу после подписания Севрского мирного договора раскол по турецкому вопросу между союзными государствами, входившими в Антанту²⁴⁰ (см. Лондонская конференция 1921 г., Франко-турецкое соглашение 1921 г.), правительство М. Кемаля (Ататюрка) в конечном счете добилося на Лозаннской конференции 1922–1923 г. официальной отмены Севрского мирного договора.

Для Японии участие в Лозаннской мирной конференции 1922–1923 гг. явилось важным шагом для обретения статуса «мировой державы». Работа конференции и принятые на ней решения нашли отражение в многочисленных исследованиях и публикациях²⁴¹. Однако в них практически не упоминалась, в частности, позиция Японии. В этой связи, на наш взгляд, подробного рассмотрения заслуживает участие японской делегации в работе конференции.

Лозаннская конференция, созданная по инициативе Великобритании, Франции и Италии для подготовки мирного договора с Турцией и установления режима Черноморских проливов, проходила с 20 ноября 1922 г. по 24 июля 1923 г. (с перерывом 4 февраля — 22 апреля 1923 г.) У каждого из участников конференции были свои интересы на Ближнем Востоке, что не преминуло сказаться на ходе переговоров.

Как отмечает российский востоковед-турколог Н. Е. Киреев, «уже в начале переговоров стало очевидно, что союзники не отказались от стремления экономически и политически закабалить Турцию. Турки настаивали на отмене режима капитуляций, финансового контроля и политических привилегий иностранных концессионеров»²⁴².

Такие интересы были и у Японии. Страна стремилась утвердиться на мировой арене в качестве мировой державы. Хотя японские делегаты и значились в качестве полноправных участников конференции, по основным политическим вопросам они придерживались нейтральной позиции. Они не проявляли излишней активности в вопросах, не связанных с насущными интересами Японии. Что же касается экономических проблем, рассматриваемых в контексте заключения мирного договора с Турцией, японская сторона имела четкую директиву отстаивать свою позицию. В первую очередь это касалось вопроса о режиме капитуляций. Новое

турецкое правительство было категорически против восстановления этого режима, который предоставлял серьезные привилегии иностранцам в Турции, по сути, нарушая суверенитет Турецкого государства²⁴³. Однако союзники стремились к возрождению, в той или иной форме, прежнего режима. Другая важная задача японской делегации состояла в том, чтобы обеспечить «свободу проливов». Взгляды японцев в данном вопросе почти полностью совпадали с взглядами англичан, поэтому суть действий делегатов Японии состояла в поддержке позиции Лондона.

Японская сторона была представлена делегацией в следующем составе: во главе посол Японии в Англии Хаяси Гонсукэ, посол Японии в Англии Оттиай Кэнтаро, посол Японии в Риме Нагаока М., Сато М., полковник Сайго, капитан военно-морских сил Цуру, Тани М. и Хотта (секретарь).

В общих чертах главная цель японской делегации на конференции состояла в том, чтобы содействовать мирному урегулированию на Ближнем Востоке, установлению нормальных, основанных на системе договоренностей, международных отношений в данном регионе при максимально возможном соблюдении интересов Японии²⁴⁴. При этом следует подчеркнуть, что интересы Японии в отдельных аспектах совпадали с интересами союзников, а в других — с интересами турок. К первым относились вопросы капитуляций, проливов, защиты нацменьшинств. Ко вторым — вопрос гарантий иностранных учреждений в Турции, а также необходимость заключения соглашения с новым турецким правительством. Япония искала возможность добиться расположения новой турецкой власти, для этого требовалось поддержать турок на конференции. Японии предстояло заключить с турецкой стороной ряд соглашений, в том числе об установлении дипломатических отношений между ними²⁴⁵.

Правительство Анкары представлял глава делегации Исмет Инёню (позже второй президент Турции), министр здравоохранения доктор Риза Нуром и Хассан Сака (депутат от Трабзона, позже министр иностранных дел).

Открытие первой сессии конференции началось в Лозанне 20 ноября 1922 г. с речи президента Гельветической конфедерации (Швейцарии) М. Хааба. Затем последовало выступление лорда Керзона от имени союзников и только по решительному настоянию генерала Инёню ему было предоставлено слово от имени турецкой стороны (союзники не хотели, чтобы он имел возможность выступить на открытии сессии)²⁴⁶.

По мнению турецких историков, на конференции не было открытых противоречий между делегатами Японии и Турции. Так, например, как

заявил глава турецкой делегации генерал Исмет Инёню, он не ожидал каких-либо проблем, связанных с японскими представителями²⁴⁷. Несмотря на присутствие японских судов и войск в Стамбуле в качестве сил оккупации японское общественное мнение симпатизировало туркам во время борьбы турецкого народа под руководством Мустафы Кемалю с целью избавиться от ярма оккупации. Примером этому явился тот факт, что президент периодического издания “The National Review” Хасимото послал письмо Мустафе Кемалю с «приветствием от имени всех людей Востока» с выражением симпатии от имени 70 млн человек из Японии в отношении турецкой национальной борьбы²⁴⁸.

Конференция приняла протокол процедур, был создан комитет по подготовке проекта договора, в котором были представлены делегаты Японии, Турции, Британии, Франции и Италии. Хаяси выступил с заявлением о стремлении японской делегации содействовать работе конференции и, в согласии с союзниками, помогать достижению всеобщего мира. По его словам, японская делегация не сомневалась, что дух компромисса, мотивирующий конференцию, преодолеет любые трудности на этом пути²⁴⁹.

Позже в ходе прений японские делегаты Сато и полковник Сайто были выбраны в подкомиссию для изучения вопроса о демилитаризации фронтов Восточной Фракии, а капитан Цуру участвовал в работе подкомиссии по вопросу об Эгейских островах.

Главным событием на дневной сессии 8 декабря 1922 г. явилось выступление японского представителя Хаяси, в котором он поставил вопрос о режиме турецких проливов:

«Хотя японская делегация и не вмешивалась в прения, это не следует рассматривать как недостаточный интерес Японии к этому вопросу. Чтобы избежать недопонимания, японская делегация подчеркивает, что глубоко заинтересована в вопросе о режиме проливов, т. к. она — одна из морских и торговых держав в Средиземном море и имеет право на дальнейшее расширение своей торговли в Черном море»²⁵⁰.

В основе позиции Англии, которую поддерживали все союзники, было полное открытие черноморских проливов для всех военных кораблей как в мирное, так и военное время. Все проливы должны были быть демилитаризованы, а контроль над ними отдавался не только странам Черноморья, но и самой Антанте.

Японская делегация присоединилась к предложению лорда Керзона от 6 декабря 1922 г. и, соответственно, разделила точку зрения представителя

США на этой сессии. Хаяси также заявил, что он с удовлетворением выслушал объяснение Исмет-паши (генерала Инёню) по этому вопросу, которое носило примирительный характер и таким образом вызвало симпатию японской стороны. Он считал, что после речи Керзона решение вопроса о проливах может быть принято, если все стороны найдут его удовлетворительным, в этом случае и Исмет-паша, и другие стороны заслужат благодарность всего мира²⁵¹.

Международная комиссия по проливам была создана под председательством Турции с участием японских представителей (по предложению Турции). Во время обсуждения на сессии 20 декабря Хаяси выразил удовлетворение, что «приняв за основу “примирительную” позицию турецкой делегации, существующие серьезные различия мнений по вопросу о проливах могут быть устранены»²⁵². Конвенция по режиму проливов была подписана в соответствии со ст. 23 Лозаннского мирного соглашения. Заслуживает упоминания ст. 18 приложения конвенции, которая заключалась в следующем:

«В случае, если свобода судоходства через проливы и безопасность демилитаризованных зон будет подвергаться опасности в результате нарушения положений, касающихся свободы прохода или внезапного нападения или в результате некоторых актов войны или угрозы войны, Высокие Договаривающиеся Стороны Франция, Великобритания, Италия и Япония, действуя в совокупности, ответят на такое нарушение, нападение или иной акт войны всеми средствами, которые Совет Лиги Наций может использовать для этих целей <...>»²⁵³.

По-прежнему важным оставался вопрос капитуляций. Первоначально, когда обсуждался вопрос капитуляций и их замены гарантиями турецкого правительства, японская сторона активно сотрудничала с союзниками. В этом отношении представляет интерес выступление Хаяси 2 декабря 1922 г. во время обсуждения вопроса о режиме иностранных граждан, или другими словами, о капитуляциях. (Это выступление он полностью повторил на утренней сессии 28 декабря). Хаяси с удовлетворением отметил понимание со стороны делегатов Франции, Италии и Британии позиции Турции в этом вопросе. Он также подчеркнул, что «Япония была одной из стран, которая отнеслась к стремлению Турции об аннулировании капитуляций с величайшим пониманием и сочувствием, т. к. Япония тоже проходила через режим капитуляций в течение долгого времени»²⁵⁴. В то же время Хаяси хотел привлечь внимание Исмет-паши

к тому факту, что «Японии пришлось ждать более 20 лет, чтобы добиться полной отмены неравноправного режима. Только после успехов Японии в этом трудном стремлении Великие державы смогли принять аннулирование этих капитуляций»²⁵⁵.

В этих обстоятельствах Хаяси разделял позиции держав и попросил Исет-пашу принять эту же позицию. По его мнению, требовалось время, чтобы выстроить такую систему, которая бы отвечала удовлетворению Держав и Турции. Япония выразила желание со своей стороны содействовать этим усилиям, чтобы достичь скорейшего полного суверенитета Турции. Такая же позиция была продемонстрирована на подкомиссии со стороны японских делегатов Оттиай и Нагаока. Более того, делегат Сато работал над принятием Турцией определенных налоговых исключений для товаров по транзиту или под залогом на складах, а также «национального режима» для иностранцев в контексте товаров под залогом на складах, премиальных приложений и таможенных налоговых льгот. Сато активно отстаивал право Японии получать выгоду от режима «наиболее благоприятствуемой нации» с другими державами, если бы Турция применила любые торговые или тарифные привилегии, утверждая, что турецко-японская торговля постоянно росла. Еще один пункт договора, на котором он настаивал, был связан с сохранением прибили военного времени для японских граждан в Турции.

Во время сессии 28 декабря 1922 г. Хаяси повторил, что он считал, что предложения союзных держав не противоречили турецким суверенным правам. Эти предложения были оформлены в проект примирительной позиции, которая должна была быть рассмотрена турецкой делегацией. Поскольку Исет-паша не согласился с этим предложением, Хаяси выразил опасение, что союзные державы могут иметь основания для получения гарантий для своих граждан, что может вызвать дальнейшие проблемы.

Затем Хаяси выразил надежду, что турецкая делегация захочет продемонстрировать союзным державам, что иностранцы получают безопасность в Турции не на словах, а на деле. Он также подчеркнул, что японское правительство может снять действующие капитуляции в своей стране только при согласии великих держав. Турция также должна была действовать соответственно в то время, когда она будет стремиться установить новые отношения с Европой и другими странами мира и когда она захочет получить содействие других стран²⁵⁶. Хаяси также заявил:

«Поскольку Турция выразила желание модернизировать свои институты, она без сомнения заслужила симпатии держав, но это было также естественно, что державы требовали определенных гарантий. Было желательно, чтобы турецкая сторона приложила усилия в этом направлении в целях достижения компромисса. Турецкая делегация могла бы предоставить союзной делегации контрпредложения, т. к. державы тоже могут форсировать согласие с их требованиями. Если бы турецкая делегация продемонстрировала добрую волю, она могла бы решить противоречия, вытекающие из вопроса о капитуляциях»²⁵⁷.

Это заявление было благожелательно встречено лордом Керзоном, и японская делегация за поддержку во время обсуждения проблемы капитуляций получила отдельную благодарность от делегаций союзников. Керзон, ссылаясь на выступление Хаяси, заявил, что Турции следует учесть опыт такой великой державы, как Япония, пережившей такой же переходный период.

Ситуация на конференции в целом обострилась до предела. Стороны отказывались от дальнейших уступок, турки твердо стояли на своем в вопросе о капитуляциях.

6 января 1923 г. Исмет-паша, выступая на вечерней сессии, отметил:

«В то время, когда турецкая делегация подтвердила, что существующие гарантии достаточны, японский представитель Хаяси привлек внимание к необходимости доказать не на словах, а на деле, что иностранцы могут жить в Турции без дополнительных гарантий. В связи с этим турецкая делегация считает, что нет необходимости повторять в деталях еще раз, как Турция стремилась более полувека реорганизовать и реформировать общество, чтобы оно могла развивать свои институты таким образом, чтобы они соответствовали потребностям современной жизни, и права иностранцев, живущих в Турции, сохранялись не на словах, а на деле. Для всех это является весомым доказательством правильности и обоснованности нашей позиции»²⁵⁸.

31 января 1923 г. лорд Керзон представил Исмет-паше проект мирного договора от союзных держав, который был поддержан всеми представителями союзников. В связи с этим проектом Хаяси сделал следующее заявление:

«Выслушав выводы трех председателей сессий, а именно: Керзона (Британия), Гаррони (Италия), Бомпарда (Франция) — и искренние

рекомендации американской делегации (Чайлда), японская делегация хотела бы подчеркнуть, что у нее есть надежды на скорейшее подписание договора. По-нашему мнению, Турция получила все, что она хотела, в частности, ее суверенитет как нового государства, которому она придает большое значение. На самом деле Турция в качестве нового государства установит отношения с остальным миром на условиях, на которые она может опираться. На наш взгляд, среди наших бывших врагов Турция — единственная страна, которая вышла из войны без потери своего престижа и с надеждой на абсолютный мир и развитие. Этот результат важен не только для Турции, но и для всей цивилизации»²⁵⁹.

Англичане представили турецкой стороне вариант договора в ультимативной форме, дав на его рассмотрение пять дней. Однако Иismet-паше пришлось согласовывать текст проекта с турецким правительством, для этого он просил восемь дней, чтобы сформулировать турецкий ответ. 3 февраля турки представили контрпредложение, которое было отклонено Керзоном²⁶⁰. На решающей встрече, которая состоялась в апартаментах Керзона, от турецкой делегации требовали подписать договор «здесь и сейчас», однако турецкая делегация покинула гостиницу, так и не подписав договор.

4 февраля 1923 г. Керзон отбыл в Лондон, а Иismet-паша — в Анкару, где он столкнулся с жесткой критикой. Вернувшись в Лозанну, он внес новые встречные предложения, подготовленные Великим национальным собранием Турции. 23 апреля 1923 г. конференция возобновила свою работу, Англию представлял Румбольд, Францию — Пелле, а Японию — Оттиай.

Переговоры продолжались еще три месяца. В очередной раз японскую делегацию интересовали только экономические вопросы, морская торговля и капитуляции. Японская сторона выступала за свободное международное судоходство даже в территориальных водах и за политику «открытых дверей» на основе принципа равенства сторон. 17 июля 1923 г. японский представитель Оттиай выступил со следующим заявлением: «Следовало бы объяснить, почему японская делегация воздерживается от подписания протокола, касающегося определенных привилегий в Турции. Это позиция проистекает из того, что до сегодняшнего дня ни один японец не получил такие привилегии в Турции. Несомненно, Япония будет уважать приобретенные права граждан союзников, исходящие из таких прежних привилегий. Японская делегация также хотела

бы подчеркнуть, что, хотя, без сомнения, уважая суверенитет Турции, с экономической точки зрения, она стремится также применять принципы «открытых дверей» и равенства в этой стране»²⁶¹.

Исмет-паша выступил с ответным заявлением, в котором отметил, что Турция рассматривает возможность заключения договора о возрождении отношений дружбы между турецким и японским народами, поэтому отношения Турции с Японией в области экономики и права не должны отличаться от ее отношений с другими странами в том смысле, что они должны подчиняться договорам, соглашениям и конвенциям, заключенным между двумя странами. Он подчеркнул, что «не следует думать, что обязательства, иные, кроме обязательств, основанных на таких документах, могут быть навязаны Турции. Помимо таких договорных обязательств Турция полностью свободна в отношении обстоятельств своего экономического присутствия»²⁶².

В конце концов союзники уже не были настроены настаивать в вопросе гарантий иностранным гражданам в Турции и уступили.

На последней рабочей сессии японский представитель Оттиай в своей заключительной речи высоко оценил результаты конференции и заявил, что «благодаря усилиям всех делегаций может наступить мир <...> Конференция вновь обеспечит мир на Востоке»²⁶³.

24 июля 1923 г. Лозаннский договор был подписан. С японской стороны договор подписал Оттиай Кэнтаро, посол Японии в Риме, с турецкой — Исмет-паша, министр иностранных дел Турции, Риза Нур, министр здравоохранения, и Хассан-бей, депутат от Трабзона.

Документы, подписанные Японией вместе с другими союзными державами и с Турцией, являются следующими:

- Мирный договор;
- Положение о режиме проливов;
- Фракийская пограничная конвенции;
- Положение об условиях проживания и предпринимательской деятельности и юрисдикции;
- Коммерческая конвенция;
- Декларация, касающаяся амнистии;
- Протокол, касающийся территории Караагача и островов Имброс и Тенедос (Эгейские острова);
- Протокол, касающийся Договора, заключенного в Севре между основными державами и Грецией 10 августа 1920 г.;

— Протокол подписания соглашения с Сербско-Хорватско-Словенским государством (Югославией).

24 июля 1923 г. произошел обмен письмами между главами турецкой и японской делегациями Исмет-пашой и Оттиае об исключении расовой дискриминации в отношении иммиграции. Письмо Исмет-паши, в частности, содержало следующее:

«От имени правительства Турции информирую о том, что поправка, относящаяся к условиям иммиграции в статье 2-й “Конвенции об условиях проживания, предпринимательской деятельности и юрисдикции”, не может быть интерпретирована как дискриминационный подход из расовых соображений в отношении японских граждан в пользу граждан других государств»²⁶⁴.

Лозаннская конференция завершилась подписанием 17 документов, среди которых наиболее важными являются Лозаннский мирный договор 1923 г. и Конвенция о режиме проливов. В результате их подписания была сохранена территориальная целостность новой Турции (предотвращен раздел территории новообразованного турецкого государства); по экономическим вопросам Турция добилась: отмены режима капитуляций; оставила за собой государственный контроль над иностранными концессиями в республике; вопрос о внешнем долге Османской империи на Лозаннской конференции и после нее (в Лозанне он не был решен окончательно) был решен компромиссно, но в более приемлемом для новой Турции виде, чем это предписывалось ей в проекте договора, составленном Антантой (в Лозанне была предотвращена попытка Великобритании и ее союзников поставить Турцию в экономические условия, которые склонили бы ее к бесплатной и полной раздаче всей и любой недвижимости, включая недра, за долги иностранному капиталу, как это происходило в Латинской Америке). Кроме того, Лозаннский мирный договор предопределил дальнейшую судьбу черноморских проливов благодаря тому, что проливы оставались территорией Турции*. Договор отменил экономические и политические привилегии иностранцев в Турции и международный финансовый контроль над Турцией. Турция соглашалась на выплату части Оттоманского долга

* Впоследствии Турция и другие страны Черноморского бассейна получили возможность пересмотреть условия конвенции о черноморских проливах на конференции в Монтрё в 1936 г.

(внешнего долга Османской империи). Оттоманский долг распределялся между Турцией и теми державами, в пользу которых была отделена от Османской империи территория в результате войн 1912–1923 гг. Оттоманский долг должен был погашаться в равных долях в течение 20 лет. В вопросе о проливах английская дипломатия добилась значительных уступок со стороны Турции: договор предусматривал свободу прохода через проливы в мирное и военное время торговых и военных (морских и воздушных) судов и демилитаризацию Дарданелл, то есть уничтожение береговых укреплений. В Стамбуле учреждалась международная комиссия — Комиссия проливов — из представителей Франции, Великобритании, Италии, Японии, Болгарии, Греции, Румынии, Югославии и Турции. В случае присоединения США к Лозаннскому договору они получали право иметь в комиссии своего представителя.

Подписание этих документов означало не только установление мира между Турцией и союзными государствами, но также и установление официальных отношений между новым турецким правительством и Японией. В это время представитель Японии в Стамбуле в комиссии по проливам Утида Сададзоути 31 января 1923 г. был повышен до ранга посла, первый секретарь Касама стал поверенным в делах.

Великое национальное собрание Турции ратифицировало Лозаннский мирный договор и другие документы 23 августа 1923 г. путем обнародования законов № 340, 341, 342, 343²⁶⁵.

Участие Японии в работе Лозаннской конференции продемонстрировало ее намерение участвовать в послевоенном устройстве мира на правах мировой державы. Японские делегаты активно участвовали в обсуждении вопросов, представлявших особый интерес для страны, проявляя дипломатический подход ко многим вопросам и не обостряя отношений с другими союзниками. Турецкая сторона отмечала позитивную и сбалансированную позицию японских представителей на Лозаннской конференции, несмотря на некоторые заявления японских делегатов, касавшихся аннулирования капитуляций. Гибкий подход японской стороны к нерешенным вопросам в двусторонних отношениях с Турцией позволил двум странам официально заключить дипломатические отношения. Это было взаимным желанием обеих сторон установить полномасштабные дружественные отношения после окончания войны, в которой они участвовали в противоположных лагерях, правда не в действительности, а исключительно «на бумаге».

Глава II

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И ТУРЦИЕЙ ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

После Первой мировой войны Япония утвердилась как мировая держава, что повысило ее международный престиж. Экономика страны также получила мощный импульс, в результате которого Япония превратилась в полностью индустриальное государство. «Договор пяти держав», подписанный в 1922 г. между США, Британией, Японией, Францией и Италией о военно-морском тоннаже, привел к известному соотношению 5:5:3:1:1. Договор определил минимальный приемлемый для всех уровень военных флотов, приостановил гонку морских вооружений. С превращением США и Японии в великие морские державы каждая из них стала доминирующей в прилегающих морях. Япония получила военно-морское превосходство в Тихом океане и полный контроль над подходами к Азии и из нее.

По мнению ряда аналитиков, «после ратификации Японией летом 1924 г. Лозаннского мирного договора, страна стала мировой державой и имела два возможных пути развития. Во-первых, она могла отстаивать принципы справедливости и гуманизма. Или она могла придерживаться принципа силы, характерного для XIX века, и могла развиваться в противостоянии великим державам²⁶⁶. Япония выбрала оба пути: укрепляя свою мощь в Азии и на Тихом океане, она стремилась развивать дружественные отношения с такими государствами, как Турция, которая успешно противостояла западным государствам и заняла авторитетное место под солнцем»²⁶⁷.

В Турции подписание Лозаннского договора было оценено Мустафой Кемалем следующим образом»:

«В Лозанне <...> столетние старые противоречия были урегулированы <...> Это был, однако, наш долг нести ответственность перед миром <...> То, что мы требовали от Конференции, было не более чем подтверждением в надлежащем виде того, что мы уже получили <...> Наша самая большая сила и наша самая твердая точка опоры заключались в том, что мы осознали наш реальный суверенитет, фактически передали его в руки нации и доказали фактами, что мы способны его сохранить»²⁶⁸.

После ратификации Лозаннского договора Великое национальное собрание Турции утвердило новую конституцию, и 29 октября 1923 г. страна была провозглашена республикой, Мустафа Кемаль стал президентом, Исмет-паша — премьер-министром.

Новая Турецкая Республика и турецкая нация относились к Японии с симпатией и были особенно признательны за позитивный и сбалансированный подход японской стороны на Лозаннской конференции несмотря на определенное непонимание, вызванное заявлениями некоторых японских представителей на Лозаннской мирной конференции в отношении снятия капитуляций. Заявление нового премьер-министра Турции Исмет-паши о «желании Турции установить дружественные отношения между турецким и японским народами» в ходе лозаннских переговоров было благожелательно встречено японской стороной.

Таким образом, Лозаннский договор отменил капитуляции, о которых обе страны так заинтересованно вели довоенные переговоры, касаясь установления официальных отношений, а коммерческая конвенция, как и конвенция о резиденции, бизнесе и юрисдикции, прилагаемые к Лозаннскому мирному договору, заложили взаимоприемлемую основу для развития двусторонних отношений.

В этом связи не будет преувеличением сказать, что 1925 г. явился наиболее активным в установлении дипломатических и торговых связей между двумя странами.

15 июня 1925 г. в Японии было создано первое японско-турецкое общество «Нитто Кёкай» (японо-турецкое общество) для развития японо-турецкой дружественных связей, которое патронировал принц Такамацу Нобухито, брат императора Хирохито. Первым президентом общества был потомок семьи сёгунов Токугава Иэмаса, а назначенный посол Турции в Японии должен был стать почетным президентом общества.

Многие высокопоставленные лица страны, став членами общества, выполняли функции советников, директоров, аудиторов.

О прибытии в Японию первого турецкого посланника Фуата Хулуси 7 июля 1925 г. писали все ведущие ежедневные газеты Японии. Так, например, газета “*Asahi Shimbun*” под заголовком «Из одного конца Азии в другой» привела заявление турецкого представителя:

«Япония и Турция являются азиатскими странами. Более того, они отличаются от христианских стран своей религиозной близостью. В то время как Турция находится на западном крае Азии, а Япония — на восточном, обе страны имеют много общих черт и характеристик. Отсутствие дипломатических отношений между ними до сегодняшнего дня было серьезной ошибкой обеих сторон. Было отрадным, что соглашение было достигнуто в Лозанне между Турцией и Японией. Ранее, в прошлом веке визит в Японию посланника Турции адмирала Осман-паши на борту фрегата «Эртугрул» сблизил наши страны. Во время русско-японской войны в 1904 г. было стремление заключить двустороннее соглашение, но это не имело успеха <...> Торговая конвенция, недавно подписанная между двумя странами, приносит удовлетворение обеим сторонам»²⁶⁹.

Газета “*Mainichi Shimbun*” выражала надежду на завершение процесса институционализации в Турции, необходимой для восстановления страны, для содействия развитию торговли и промышленности и укреплению политических структур с тем, чтобы обеспечить процветание и прогресс Турции. Газета привела следующие слова турецкого посланника: «хотя Япония и является восточной страной, она адаптирована к современной индустриализации, и она производит множество товаров на своих фабриках, которые нужны в Турции. Мы планируем покупать их в большом количестве»²⁷⁰.

14 апреля 1921 г. для наблюдения за выполнением Севрского договора в Стамбул был направлен Утида Сададзути в ранге полномочного министра. Преемник Утиды, советник Ханаока Сиро, был назначен временным поверенным в делах и приступил к подготовке к открытию японского посольства в Турции.

17 ноября 1925 г. японское правительство назначило Обату Юкити в качестве постоянного поверенного в делах и посланника Японии. С его прибытием в Турцию был связан дипломатический казус, так как вначале он прибыл в Анкару, а затем переехал в Стамбул.

В этой связи следует отметить, что после завершения оккупации Стамбула союзниками 2 октября 1923 г. первый президент Турции Кемаль Ататюрк и члены Великого национального собрания объявили о переносе столицы из Стамбула, крупнейшего и вместе с тем уязвимого в военно-стратегическом отношении города, в Анкару. Именно в Анкаре Кемаль вместе с парламентом принимал решения об отказе от прежнего государственного устройства — султаната, создании независимой Турецкой Республики в 1923 г., и там была утверждена в 1924 г. Конституция страны.

В соответствии с законом ВСНТ от 13 октября 1923 г. все иностранные дипломатические представительства должны были переехать в Анкару. Однако иностранные дипломаты выступили против перевода столицы в Анкару, заявляя, что дипломатические представители стран будут назначены в Анкару не в ранге послов, а только посланников. На это правительство Турции заявило, что будет назначать своих дипломатических представителей в любую страну в том ранге, в каком пребывают в Анкару представители этой страны. Отчасти противодействие дипломатов было вызвано тем, что новая столица Турции представляла собой достаточно провинциальный город. В городе не было водопровода, освещения, канализации. До начала XX в. Анкара не была развитым мегаполисом, а население ее составляло всего 60 тысяч человек. Послы саркастически упоминали, что ослов привязывают к решетчатому окну МИДа страны²⁷¹.

Газета “*The Times*” в декабре 1923 г. писала:

«Даже самые шовинистически настроенные турки признают неудобства жизни в столице, где полдюжины мерцающих электрических лампочек представляют собой общественное освещение, где в домах почти нет воды, текущей из крана, где осел или лошадь привязаны к решетке маленького домика, который служит министерством иностранных дел, в городе, где открытые сточные канавы бегут посреди улицы, где современное изящное искусство ограничено потреблением плохого раки — анисовой водки — и игрой духового оркестра, где парламент заседает в доме, не большем, чем помещение для игры в крикет»²⁷².

Таким образом, когда Обата приступил к исполнению своих обязанностей в Турции, прошло всего два года после создания Республики Турция, а Анкара пока еще не функционировала как новая столица.

Прибыв в Анкару 22 ноября 1925 г., Обата имел встречи с президентом Кемаль-пашой, премьер-министром Исмет-пашой и мини-

стром иностранных дел Тевфиком Рюшту Арасом. Пробыв в Анкаре до 20 декабря 1925 г., Обата переехал в Стамбул. По его словам, «в Анкаре не было достойной гостиницы, имелись только так называемые “караван-сарай”, где даже в лучших комнатах был только небольшой письменный стол, керамической кувшин и зеркало». Японский исследователь Нагаба Хироси приводит следующие слова посла Обаты: «Это не то место, которым могут пользоваться культурные люди. Я не мог мириться с насекомыми повсюду»²⁷³.

Поэтому официальное расположение резиденции японского представительства создало некоторое непонимание в Турции, это было расценено в качестве произвольного “*faux pas*” и «оплошности» дипломатии, что, несомненно, для Японии, страны, которая на самом деле стремилась развивать дружественные и полноценные отношения с Турецкой республикой, было важным вопросом. Тем не менее турецкие власти обратили внимание японской стороны на эту ошибку, которую требовалось исправить. Японское посольство переехало из Стамбула в Анкару 27 октября 1937 г.

Курс на «экономическую дипломатию» и проблемы экономических отношений между Японией и Турцией

После установления официальных дипломатических отношений между Японией и Турцией стороны искали возможные направления взаимовыгодного сотрудничества в традиционных областях: экономических и торговых отношениях, а также политическом взаимодействии, включая обмен официальными визитами государственных деятелей разного уровня.

В надежде на расширение почти несуществующих торговых отношений между двумя странами, деловые круги в Японии и сторонники развития отношений с Турцией пытались вызвать интерес к вновь установленным дипломатическим отношениям между Турцией и Японией в отношении создания «Японо-турецкой торговой ассоциации», чтобы определить функции и деятельность «Нитто Кёкай» (Японо-Турецкое общество) в Токио.

В этой связи показательны данные, опубликованные Французской торговой палатой в Стамбуле в издании «Коммерческие исследования»

под названием «Турецко-японская торговля в 1899 г.» и отражавшие незначительный объем двусторонней торговли. В этом исследовании отмечалось, что токийская торговая палата предоставила следующие статистические данные, свидетельствовавшие о развитии японо-турецких торговых отношений.

Таблица 2

Японский импорт из Турции

Товары	Ед. измерения	1898 г.		1899 г.	
		кол-во	стоимость в иенах	кол-во	стоимость в иенах
Сигареты	тыс.	51	381,500	—	—
Лекарства и мед. товары	—	— 356	—	—	—
Табак катги (необраб.)	(ок. фунта)	14,443	16 260,490	17662	23 386,200
Вино	галлоны	90	59,680	—	—
Прочее	—	—	222,480	—	—
Бренди	дюжина бут.	—	—	12	67,440
Бренди	литр	—	—	80	47,690
Ковры	—	—	—	—	1 706,470
Свежие и сушеные фрукты	—	—	—	—	321,460
<i>Всего</i>			17 288,450		36 052,890

Французская торговая палата в Стамбуле конвертировала весь объем торговли в турецкие лиры и французские франки по курсу от 22 августа 1890 г.: 1 иена = 2,5 шиллина = 11 золотых пиастров.

Автор этого исследования Эрнест Жиро пришел к выводу, что японская промышленность не могла конкурировать с европейской промышленностью на средиземноморских рынках. Тем не менее, он выразил уверенность, что японский экспорт в Турцию постепенно увеличится²⁷⁴.

Эти взгляды разделяли представители деловых кругов Осаки. В ноябре 1925 г. в Японии была образована турецко-японская торговая ассоциация. Ее первым президентом стал сенатор и президент Осаки торгово-промышленной палаты Инабата Кадзутаро. Турецкий посол Фуат Хулуси-бей стал ее почетным президентом. В ассоциацию вошли

Таблица 3

Турецкий импорт из Японии

Товары	Ед. измерения	1898 г.		1899 г.	
		кол-во	стоимость в пенах	кол-во	стоимость в пенах
Напитки	—	18	—	—	—
Имбирь	катти	50	425	3 283	269 125
Рис	мешок	2502	14 220	5 823	29 190
Х/б брюки и шорты	дюжины	10	12 500	—	—
Шёлковые шарфы	шт.	360	150	—	—
Аксессуары для одежды	—	—	208	—	—
Сурьма	—	—	1 001,750	—	1 025,800
Предметы из латуни	—	—	—	97	180
Шёлковый материал	шт.	723	6941	728	8 575, 850
Шелковые носовые платки	дюжины	2729	8 658,700	7240	21 742,240
Другие шелк. Изделия	—	—	1 085	—	693
Х/б носовые платки	дюжины	29	—	33	—
Полотенца	дюжины	10	—	8	—
Х/б и коноплиные циновки	шт.	70	186	396	810
Текстиль	—	—	194,-	—	7,400
Изделия из бамбука	—	—	367,100	—	1 281,750
Вентиляторы	шт.	6 348	555	18 630	799,500
Мебель	—	—	59,-	—	93
Изделия из стекла	—	—	200,-	—	262,-
Изделия из слоновой кости	—	—	58	—	68
Лакированная мебель	—	—	2 809,950	—	5 158,580
Подсвечники	—	—	2,500	—	70,-
Напольные циновки	—	—	12,-	—	70,-
Изделия из бумаги	—	—	522,-	—	1 065,100
Бумажные фонарики	шт.	380	49,-	2 458	192,-
Фарфор					
Керамика	—	—	3 939,110	—	15 698,120
Экраны	шт.	49	418,-	165	254,400
Игрушки	—	—	399,-	—	406,450
Зонтики (европейский стиль)	шт.	383	165,310	—	—
Изделия из дерева			65,-	80,-	
<i>Итого</i>			41 856,670		92 650,560

Таблица 4

Годы	Объем японского экспорта в Турцию	Объем турецкого экспорта в Японию
1898	4 934 тур. лир или 114 488 французских франков	1 901 тур. лир или 43 739 французских франков
1899	10 191 тур. лир или 234 406 французских франков	2 865 тур. лир или 65 913 французских франков

известные представители торговых кругов Японии: Мори Хэйбэй, Атака Якути, Ацуми Исао, Ямада Торадзиро (его биография и практическая деятельность подробно описаны в главе I). Турецкий исследователь Арык Умут признает, что турецко-японская торговая ассоциация под влиянием Ямады и при активной деятельности ее членов, которые принимали участие в японской деловой жизни, стала главным ориентиром торговых и культурных отношений между двумя дружественными странами и подготовила основу для переговоров между Турцией и Японией, направленных на заключение Договора о торговле и судоходстве²⁷⁵.

Следует подчеркнуть, что хотя Лозаннский договор, подписанный 24 июля 1923 г., включал Коммерческую конвенцию и конвенцию о проживании, предпринимательстве и юрисдикции, некоторые конкретные вопросы, как считалось, требовали двустороннего договора между Турцией и Японией, который должен был соответствовать интересам каждой из сторон. Для подготовки переговоров по этим вопросам в апреле 1929 г. Турция повысила статус своего дипломатического представительства в Японии до посольства.

При рассмотрении основных направлений сотрудничества между Японией и Турцией следует остановиться на деятельности японской дипломатической миссии в Турции, которая способствовала поиску новых подходов к взаимовыгодному взаимодействию между двумя странами.

Еще во время своего назначения на пост посла Японии в Турции Обата Юкити сделал следующее заявление:

«Меня очень интересует эта развивающаяся страна с восточным характером. Более того, я не ожидаю никаких сложных дипломатических вопросов между нашими странами»²⁷⁶.

Япония в то время испытывала беспрецедентный торговый дефицит, вызванный всемирной депрессией после Первой мировой войны

и последствиями разрушительного землетрясения 1923 г. в районе Канто. Страна срочно нуждалась в новом торговом рынке для восстановления своей экономики.

Признавая важность «экономической дипломатии», по мнению японского историка Нагабы, Обата пришел к выводу, что приоритет его миссии состоял в том, чтобы приложить усилия для развития именно курса «экономической дипломатии» с Турцией²⁷⁷. С этой целью в штате посольства Японии в Турции появилась должность коммерческого советника, на которую был назначен Мото Сигэдзи, работавший ранее в коммерческой фирме в Нью-Йорке, и на которого были возложены обязанности новых форм сотрудничества с турецкой стороной. Одной из акций японского посольства явилось проведение японской торговой ярмарки в Турции с 11 февраля по 4 марта 1926 г. в Турецком клубе в Стамбуле, на которой были выставлены японские товары смешанного ассортимента: хлопковые и шелковые ткани, игрушки, пуговицы, карандаши и т. п. Во время ярмарки посол Обата проводил чайные церемонии и сам лично представлял японскую продукцию. В итоге ярмарка получила бóльший общественный резонанс, чем ожидалось, и в ходе ее проведения прошел целый ряд успешных деловых переговоров. Специалисты отмечали, что для японской торговой ярмарки, проходившей за рубежом, ярмарка в Стамбуле имела эпохальный успех²⁷⁸.

В продолжение этого курса с 26 апреля по 5 мая 1926 г. в Стамбуле состоялась «Ближневосточная торговая конференция» с целью «продвижения коммерческих связей между Японией, странами Балканского и Черноморского прибрежных регионов и странами Ближнего Востока». На конференции присутствовали делегации Греции, Румынии, представители Александрийского, Порт-Саидского и Одесского генеральных консульств. Участники конференции достигли договоренности по трем пунктам: 1) учредить «японский торговый дом»; 2) привлечь к участию делегации японских предпринимателей; 3) продлить срок долгосрочных кредитов.

Кроме того, было высказано три предложения по совершенствованию международных платежей Японии в отношении открытия новой океанской линии, развития туризма и поощрения зарубежных инвестиций. Относительно третьего пункта присутствовавшие на конференции выразили сожаление в связи с тем, что японские инвесторы не проявляют заинтересованности в развитии таких отраслей экономики Турции, как выращивание хлопка, прядильная промышленность и разработка нефтяных

месторождений, в связи с чем было высказано пожелание японскому правительству оказывать помощь этим отраслям. Как отмечают японские историки, эти предложения более или менее актуальны даже сегодня²⁷⁹.

Как результат успешной двусторонней экономической деятельности на конференции было отмечено, что экономические отношения между Японией и Турцией расширились по следующим показателям: объем торговли между двумя странами вырос с 2,16 млн иен (1923 г.) до 6 млн иен (1926 г.).

Осакская турецко-японская торговая ассоциация в целях развития двусторонних отношений между Японией и Турцией, а также для углубления взаимопонимания между ними в августе 1928 г. организовала первую торжественную церемонию на мемориале фрегата «Эртугрул» в Осиме. Мероприятие с участием официальных лиц двух стран, таких как временный поверенный Фуат Хулуси-бей, губернатор Вакаямы Нотэ, командующий жандармерией Инэгаки, члены турецко-японской торговой ассоциации во главе с ее президентом Инабатой и др., должно было привлечь внимание общественности Японии к этому событию. Была заказана специальная униформа для жителей Осимы, которые помнили трагедию фрегата и участвовали в спасательной операции. Было принято решение о реконструкции мемориала и о проведении регулярных памятных мероприятий.

Усилиями Обаты 29 марта 1929 г. был открыт «японский торговый дом» в районе Галата в Стамбуле. Японско-турецкая торговая ассоциация управляла «японским торговым домом» при поддержке со стороны министерства торговли. В течение всего срока своих полномочий Обата возглавлял Ближневосточную торговую конференцию и летом 1927 г. провел ознакомительную поездку в Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию, Грецию и Австрию. В 1928 г. он совершил еще одну ознакомительную поездку в Южную Анатолию, Сирию, Палестину и Южную Россию. Необходимо подчеркнуть в этой связи, что работа Обаты Юкити была высоко оценена за его вклад в восстановлении японской экономики и развитие дружественных отношений между Японией и Турцией²⁸⁰.

Как уже упоминалось ранее, торговые отношения между двумя странами начались в древние века, и «Шелковый путь» был торговым путем, который начинался в Токио и Нагасаки и заканчивался в Стамбуле. Среди сокровищ турецких императоров, хранившихся во дворце Топкапы, были изделия из нефрита, фарфора, изделия из шелка, стальные лезвия и мечи японского производства. Первый японский торговый предпри-

ниматель Накамура, чья коммерческая деятельность была зарегистрирована в торговом центре Стамбула Пера (или Бейоглу), занимался экспортом в Японию турецкого табака и других сельскохозяйственных продуктов. Позже, после визита посланника Осман-пашы и инцидента с «Эртугрулом», Ямада стал заниматься турецко-японской торговлей и сыграл заметную роль в создании турецко-японской торговой ассоциации в Осаке в 1925 г. Действительно, с созданием этой ассоциации и при содействии японского правительства ее деятельности торговые отношения между двумя странами укрепились. Этому также способствовало открытие в 1929 г. в Стамбуле японской торговой галереи (музея) для показа японских традиционных и современных товаров. В это же время магазин, работающий в Бейоглу, был назван «Японский магазин» и пользовался большой популярностью у жителей Стамбула и их детей, поскольку отвечал их потребностям в изящных и интересных игрушках, велосипедах, а также шелковой и хлопчатобумажной одежде, высокого качества фарфоровой посуде по доступным ценам.

Ниже приводится таблица, которая показывает сравнительно низкий уровень турецко-японской торговли на момент подписания временного торгового соглашения 30 июля 1929 г. в Анкаре, которое (после подписания торговой конвенции в Лозанне) заложило основу после заключения договора о торговле и судоходстве между Японией и Турцией в Анкаре 11 октября 1930 г.

Однако обе стороны выражали надежду на то, что двусторонний договор о торговле и судоходстве увеличит объем торговли между ними.

Таблица 5

Торговля Турции с Японией (1923–1930 гг.)

Годы	Импорт	%	Экспорт	%
1923	1022,106	0,71	–	–
1924	3056,806	1,58	60 000	0,04
1925	4537,304	1,88	–	–
1926	6017,528	2,86	221 438	0,12
1927	4072,752	1,43	126 128	0,03
1928	4183,138	1,87	110 413	0,03
1929	5343,846	2,04	33 252	0,02
1930	3796,000	2,57	6,000	0,00

Действительно, Лозаннская коммерческая конвенция была несколько расплывчатой и, хотя было заявлено, что «каждая из договаривающихся сторон настоящим принимает <...> полную отмену капитуляций в Турции во всех отношениях», все довоенные концессионные контракты остались в силе, а турецкие таможенные тарифы были установлены самой Лозаннской коммерческой конвенцией. Эта ситуация вызывала определенное беспокойство в Японии, поскольку она считала, что остается в невыгодном положении по сравнению с другими странами, которые ранее имели льготные торговые отношения с Турцией, хотя принцип справедливой взаимности был главным принципом в Лозанне, и Турции должен был быть предоставлен «режим наибольшего благоприятствования» в соответствии со статьями 6 и 8 конвенции. В любом случае конвенция должна была действовать только в течение пяти лет (статья 18), и Турция, с одной стороны, и каждая из договаривающихся держав — с другой могли предпринять шаги, чтобы начать новые переговоры о новых торговых договорах, чтобы они могли быть заключены до истечения указанного периода времени. Таким образом, предварительное торговое соглашение должно было быть подписано по истечении указанных пяти лет, а именно 30 июля 1929 г., после чего начались переговоры о заключении нового договора, которые завершились подписанием Договора о торговле и мореплавании между Турцией и Японией 11 октября 1930 г.

Договор распространял принцип наиболее благоприятствуемой нации в отношении торговли, принцип равного национального режима в судоходстве, за исключением передвижения транспорта в территориальных водах (каботаж), а также в отношении присутствия консульских работников при условии получения разрешения местных органов власти. Договор, однако, в течение долгого времени не вступал в силу несмотря на то, что он был ратифицирован в Турции 26 марта 1931 г. согласно закону № 1792 и опубликован в “*Official Gazette*” 5 апреля 1931 г. (№ 1766). В Японии же ратификация договора была отложена, и обмен ратификационными грамотами произошел только 20 марта 1934 г., а вступление в силу — через 30 дней после этого. В условиях мирового экономического кризиса обе страны вынуждены были прийти к соглашению, что режим наибольшего благоприятствования может быть отменен и могут быть приняты ограничительные и даже запретительные меры в зависимости от экономических обстоятельств.

Таким образом, можно сделать вывод, что среди основных проблем, которые ждали своего решения после Лозанны, было урегулирование экономических и торговых проблем между двумя странами.

Двусторонняя торговля развивалась, но система «компенсаций» (один из вариантов бартера) сдерживала ее объем. Так, например, почетный консул Турции в Осаке сенатор Мори Хэйбэй отмечал в разговоре с послом Турции Хусрев Джаириди, что в то время, как в начале 30-х гг. японский экспорт в Турцию превышал 10 млн иен, в 1935 г. он сократился до 5 млн иен²⁸¹.

Торговые отношения между двумя странами характеризовались системой равенства трансакций в соответствии с «Временным соглашением о торговых трансакциях между Японией и Турцией, подписанным 22 декабря 1934 г.

Это временное соглашение было ратифицировано правительством Японии 7 января 1935 г. и действовало в течение одного года и автоматически продлевалось на один год.

Преамбула и положения статьи 1 соглашения объясняли его суть.

Принцип чистого баланса (сальдо) во взаимных платежах был использован Турцией по отношению ко всем странам. Вследствие этого каждая из договаривающихся сторон имела право экспортировать на территории другой стороны товары собственного производства приблизительно до 4 млн турецких лир в год при условии, что их взаимная торговля будет сбалансирована. В случае превышения этой суммы с согласия компетентных органов двух стран, она может быть увеличена до равного объема для каждой договаривающейся стороны.

Соглашение было подписано в Анкаре между министром иностранных дел Турции Тевфиком Русту Арасом и послом Японии в Турции Мусянокодзи Кинтомо. Как уже упоминалось ранее, применение принципа наиболее благоприятствуемой нации в соответствии с Договором о торговле и судоходстве между Японией и Турцией, подписанным 11 октября 1930 г., было упразднено обеими сторонами при помощи обмена нотами в Анкаре 20 марта 1934 г., и срок действия указанного соглашения был ограничен одним годом.

Это соглашение носило лимитированный характер и накладывало ограничения для коммерсантов как в Турции, так и в Японии и вызывало недовольство, в частности сенатора Мори Хэйбэй, упомянутого выше. В конечном итоге это привело к подписанию 27 октября 1937 г. в Анкаре нового соглашения — «Соглашения о коммерческих сделках

между Турцией и Японией». Соглашение вступило в силу через десять дней после подписания и действовало в течение года с продлением на год при молчаливой пролонгации. Основным принципом этого соглашения было то, что «коммерческие трансакции между Турцией и Японией будут проводиться на основе компенсаций таким образом, чтобы они были сбалансированы». Другими словами, это соглашение приостанавливало лимит в 4 млн турецких лир, наложенный на торговлю между Турцией и Японией, предусмотренный ранее принятым временным соглашением.

В ожидании нового соглашения Турция открыла турецкое торговое представительство в Токио (TURKOFIS), и турецкие коммерсанты настаивали на заключении нового соглашения, также как и японские члены Осакиской торговой ассоциации.

Таким образом, можно сделать вывод, что хотя были созданы условия для улучшения двусторонней торговли, среди основных проблем, которые ждали своего решения после Лозанны, было урегулирование экономических и торговых проблем между двумя странами.

Значение политических контактов между двумя странами

В то время как были созданы условия для улучшения торговли, которые были позитивно встречены бизнесменами обеих стран, правительства двух стран стремились также укрепить политические и культурные отношения.

С окончанием периода Тайсё и началом периода Сёва в истории Японии в 1925 г. престол перешел к императору Хирохито. Новый император был заинтересован в расширении и развитии международных отношений, в частности с Турецкой Республикой. Газета “*Mainichi Shimbun*” писала в этой связи:

«<...> Отношения между Турцией и Японией быстро развиваются, особенно благодаря поддержке Его Величества Императора, который оказывает содействие японо-турецкому обществу (Нитто Кёкай), созданному почти одновременно с Его восхождением на Императорский трон. Видимым доказательством его интереса к японо-турецкой дружбе, явилось посещение императором мемориала «Эртугрула» в Осиме 3 июня 1929 г. в сопровождении Ямады

Торадзиро, давнего друга Турции и почетного турка, который затем стал президентом турецко-японской торговой Ассоциации»²⁸². Турецкие газеты отмечали, что «император Японии продемонстрировал живой пример уважения к предкам и ценностям самопожертвования, заложенным в характере благородного народа Японии»²⁸³. Турецкий историк Арык Умут в этой связи подчеркивал, что посещение императором Хирохито мемориала «Эртугрула» способствовало развитию двусторонних отношений между Японией и Турцией и, в частности, ускорило переговоры о заключении договора о торговле и судоходстве, который был подписан 12 октября 1930 г. в Анкаре²⁸⁴.

В январе 1931. в рамках мирового турне состоялся визит в Турцию принца Такамацу, брата императора Японии Хирохито и президента турецко-японского общества дружбы. Авторитетное турецкое издание "*Ayin Tarihi*" («История месяца») отмечало в этой связи, что «в рамках продолжительного визита за границу Турция была самым важным пунктом в программе этого визита. Издание подчеркивало, что как покровитель турецко-японского общества Такамацу прилагал усилия для дальнейшего развития дружественных связей между двумя странами и стремился посетить Турцию, чтобы ознакомиться с проводимыми реформами»²⁸⁵. Турецкие историки отмечали в этой связи, что, как и предполагалось, визит принца Такамацу повысил интерес японцев к Турции. Несмотря на мировой экономический кризис, турецко-японские торговые отношения развивались. В Японии появились научные публикации таких авторов, как Окубо Кодзи и Кобаяси Гэн, которые в своих аналитических трудах писали о Турции и Западной Азии, исследовали вопросы двусторонних отношений; японские шелковые и хлопчатобумажные изделия и фарфоровая посуда начали поступать в Турцию в больших количествах, а турецкий хлопок, табак, хромовая руда и фармацевтическое сырье на основе опиума импортировались в Японию²⁸⁶.

Японская сторона расценила особый интерес Ататюрка к состоянию мемориала в Осиме в Касинодзаки как «яркий символ дружественных чувств Турции в отношении Японии». Было принято решение провести ремонт и расширить площадь мемориала, на что правительство Турции выделило необходимые средства.

Новый мемориал был закончен и открыт на торжественной церемонии 3 июня 1937 г. — в 8 годовщину визита императора Японии в Касинодзаки. Памятник представлял собой колонну 12,2 м в высоту

на основании 100 кв. м, в центре находится первый камень, возведенный от имени японского правительства с выгравированным именем пропавшего турецкого посланника — «Осман-паша». Были высечены турецкий и японский флаги вокруг якоря в качестве символического знака турецко-японской дружбы.

Участие Турции и Японии в конференции в Мотрё

Внешняя политика Японии в 1930-е гг. представляет интерес, прежде всего, с точки зрения изменения геополитической ситуации в Азиатско-тихоокеанском регионе к началу Второй мировой войны и пересмотра сформировавшейся с окончанием Первой мировой войны Версальско-Вашингтонской системы. В соответствии с принятой внешнеполитической доктриной, японские вооруженные силы в сентябре 1931 г. начали планомерное завоевание Китая. К концу лета 1931 г. Квантунская армия была готова к продвижению в Маньчжурии. 19 сентября неизвестными была взорвана железная дорога около Мукдена. Воспользовавшись этим поводом, Квантунская армия продвинулась дальше и к началу 1932 г. оккупировала Южную Маньчжурию, включая города Мукден (Шэньян), Чунцин и Цилинь. 3 января 1932 г. Вашингтон направил ноту протеста с осуждением действий японских вооруженных сил против Китая. Однако за нотой не последовало никаких конкретных действий, что повлекло за собой дальнейшее развитие японской агрессии. В январе 1933 г. Квантунская армия, продолжив войну на территории Китая, в январе–марте 1932 г. завоевала всю Маньчжурию, и 9 марта было провозглашено создание марионеточного государства Маньчжоу-го, правителем которого при поддержке той же Квантунской армии стал Пу И (1906–1967 гг.), последний император из маньчжурской династии Цин, свергнутый с престола в 1912 г.

Как отмечает российский исследователь Д. А. Милеев, «нападение на Маньчжурию в сентябре 1931 г. соответствовало интересам правящей элиты, позволило мобилизовать государство, направить энергию масс на внешние цели, расширить внешнеэкономическую деятельность концернов <...>»²⁸⁷. Вопрос об агрессии в Маньчжурии рассматривала Лига Наций. 29 февраля 1933 г. в Японию, Китай и Маньчжурию была направлена комиссия Лиги Наций, в результате доклада которой было принято предложение об организации международной администрации в Маньчжурии. 20 февраля японское правительство передало инструкции

японскому представителю Мацуоке Ёкосуке о выходе страны из Лиги Наций в случае принятия подобного решения. 24 февраля в Лиге Наций состоялось голосование по этому вопросу: за — 42 голоса, против — 1 голос, принадлежавший японскому представителю (Сиам воздержался). После того как была принята резолюция, признавшая незаконными действия Японии в Маньчжурии, Япония заявила о выходе из Лиги Наций. По заявлению Мацуоки 27 марта 1933 г., «японское правительство вынуждено признать, что Япония и другие

члены Лиги Наций придерживаются различных взглядов в отношении достижения мира на Дальнем Востоке»²⁸⁸.

Формирование японской агрессивной политики на Дальнем Востоке находилось в тесной связи с обострением внутривнутриполитической обстановки в стране, обострением противоречий внутри господствующего класса Японии, нашедшим выражение в противостоянии между военными и гражданскими представителями власти, а также между представителями армии и флота. В мае 1932 г. адмирал Сайто Макото сменил Инукаи Цуёси на посту премьер-министра. В июле 1934 г. ему на смену пришел адмирал Окада Кейсукэ. Предполагалось, что эти адмиралы принесут равновесие в противостоянии генералам Араки Садао и Хаяси Сэндзиро, занимавшим пост военного министра в разные годы. Затем пост премьер-министра занял Хирота Коки, которого характеризовали как «ревизиониста, экспансиониста и бюрократа». В феврале 1937 г. его сменил генерал Хаяси Сэндзиро, который занимал пост премьер-министра в течение четырех месяцев. Хаяси, как считается, был решительным сторонником движения объединения лиц тюркского происхождения Монголии, Маньчжурии, и Японии. Этот подход идеально соответствовал образу Японии как страны, поддерживающей «пробуждение азиатских народов против колониальных держав». Однако интриги продолжались, и Хаяси вышел в отставку в мае 1937 г. При поддержке принца Сайондзи премьер-министром Японии стал Коноэ Фумимаро, однако вскоре попал под влияние армейских кругов, он покинул пост в январе 1939 г. Премьер-министром страны стал генерал ХираNUMA Киитиро, который оказывал большое влияние на формирование внутренней и внешней политики Японии.

В эти же годы в Турции турецкий национализм был выдвинут в качестве знамени солидарности в рамках нации, но никогда не пропагандировался как флаг ирредентизма или империализма, чтобы объединить многочисленные и важные турецкие меньшинства, которые были оставлены

за пределами Турецкой Республики после Лозанны. Единственной целью Турции в этой связи было стремление, чтобы с турками, живущими за ее пределами, обращались честно и справедливо.

Провозглашенный «турецкий национализм» не был враждебен по отношению к своим соседям, даже к тем, с которыми Турция боролась в течение многих лет. Настоящая цель заключалась в сотрудничестве во имя взаимной выгоды. 30 декабря 1930 г. Греция и Турция заключили Договор о дружбе, который урегулировал границы, а также проблемы с обменом населением. Было достигнуто согласие на военно-морское равенство в Восточном Средиземноморье и подтвержден статус-кво, в частности, из-за опасения в отношении намерения Болгарии восстановить доступ к Эгейскому морю через Западную Фракию. (Договор, в переговорах о котором участвовал первый посол Турции в Японии Джевад Эзин до его назначения в Токио.) В 1930 г. были подписаны договоры о торговле и дружбе с Британией, Венгрией, Югославией, Германией, Болгарией, Италией и др. странами, что ознаменовало недавнее вступление в «концерт наций». Договор о торговле и мореплавании с Японией был подписан в том же году в Анкаре. Все эти действия Турецкой Республики завершили ее вступление в Лигу Наций летом 1932 г., что было расценено в Турции как важное внешнеполитическое событие.

Как отмечает известный турколог Н. Г. Киреев, в 1930-е годы Турция предприняла в целом успешные шаги по определению своего места в международной политике, основываясь на принципах Лозанны. Укрепление международных позиций в последние годы жизни Ататюрка позволили Турции предпринять ряд успешных миротворческих шагов на региональном уровне²⁸⁹. В частности, развивая отношения с ее балканскими соседями, 4 февраля 1934 г. Турция подписала балканский договор с Грецией, Югославией и Румынией (Балканский пакт), гарантировавший территориальную неприкосновенность и независимость и закреплявший механизмы разрешения споров среди стран, подписавших договор (Болгария не подписала договор из-за расхождений позиций по Македонии, Фракии и Добруце, несмотря на улучшение отношений с Турцией). В 1937 г. Турция участвовала в заключении Саадабадского пакта с Афганистаном, Ираном и Ираком, призванного обеспечить мир и безопасность на Ближнем Востоке путем предоставления гарантий в дополнение к тем, которые предусмотрены Соглашением Лиги Наций.

Следующим внешнеполитическим шагом Турции явилось обращение к странам, участвовавшим в подписании соглашения в Лозанне, с предложением провести конференцию для обсуждения нового режима прохода судов через проливы Босфор и Дарданеллы. Необходимость данного шага объяснялась изменениями в международной обстановке. Из-за денонсации Германией Версальского договора нарастала напряженность в Европе. Установление в Италии фашистского режима, а также итальянская агрессия в Эфиопии серьезно осложнили ситуацию. Турция опасалась попыток Муссолини использовать доступ к проливам для распространения своей власти на весь черноморский регион. В первую очередь агрессии со стороны Италии могла подвергнуться Анатолия. Турция стала зондировать возможность пересмотра Лозаннской конвенции 1923 г. с целью ремилитаризации проливов. 11 апреля 1936 г. Турция обратилась к странам, подписавшим Лозаннский договор, с целью получить их согласие на фортификацию проливов и восстановления полного суверенитета в отношении проливов Босфора и Дарданелл. Нота, разосланная странам, содержала следующие положения.

1. В 1936 г. политическая ситуация в Европе и, в частности, в Средиземноморье отличается от той, что была в 1923 г. и является гораздо более опасной.
2. Гарантии, проистекающие из Лозаннского договора и базирующиеся на уставе Лиги Наций, более не действуют, в связи с тем, что Япония вышла из состава Лиги Наций 27 марта 1933 г., а Италия не следует резолюциям Лиги Наций в отношении Эфиопии.
3. Гарантии, проистекающие из Лозаннского договора, предусматривают исключительно «условия войны». Следует предусмотреть оговорки в отношении «угрозы войны». В обоих случаях Турции следует иметь право на законную самооборону.
4. В соответствии с меняющимися условиями в применении положения “*Rebus Sic Stantibus*” (неизменность обстоятельств) Турция предлагает созвать международную конференцию стран, подписавших Лозаннский договор, согласно их обязательствам по договору²⁹⁰.

Многие страны были заинтересованы в создании гарантий безопасности для стратегически важных проливов и приняли решение о проведении конференции для достижения нового соглашения (Италия не была представлена на переговорах). Конференция о режиме Черноморских проливов проходила 22 июня — 21 июля 1936 г. в г. Монтрё (Швейцария)

с участием СССР, Турции, Великобритании, Франции, Болгарии, Румынии, Греции, Югославии, Австралии и Японии. Англия выступала против участия в конференции Японии и Австралии, так как они не были черноморскими державами, однако Турция настояла на участии этих стран в работе конференции.

Президент Турции Мустафа Кемаль Ататюрк был сторонником проведения политики в отношении Японии, которая коренным образом отличалась от политики в отношении Франции и Великобритании, несмотря на постепенное сближение турецкой позиции с этими странами. Турция дистанцировалась от негативной реакции внутри и вне Лиги Наций в отношении дальневосточной политики Японии. Как известно, Турция настаивала на том, чтобы Япония, которая хотя и вышла из Лиги Наций, участвовала в конференции в Монтрё по режиму турецких проливов, т. к. Япония была одной из стран, подписавших Лозаннский договор и Конвенцию по проливам, несмотря на первоначальные возражения со стороны Британии.

Ниже приводится текст телеграммы, подписанной министром иностранных дел Турции Тевфиком Русту Арасом и отправленной в Турцию из Лондона, где готовилась конференция в Монтрё в марте 1936 г.:

«Я попросил премьер-министра Ирака Нури Саид-пашу, который находится в Лондоне, узнать у своих друзей в Министерстве иностранных дел, что думает Британия по вопросу о проливах. Их ответ был следующий: если бы у них было соглашение с турками по этому вопросу, они бы рассматривали возможность заключения с нами (турками) сделки. Таким образом британцы не должны предпринимать никаких действий против позиции Турции. Сегодня случайно я встретился с главой ближневосточного департамента британского МИДа, который подтвердил, что именно он передал эту информацию Нури-паше. Я спросил его, какого рода процедуру он считает возможной инициировать для начала действий в этом направлении. Он сразу же ответил, что мы должны использовать статью 19 Соглашения Лиги Наций. Я заметил, что это будет иметь отрицательные последствия для наших друзей и напомнил ему, что среди стран, подписавших Лозаннский договор, была и Япония, которая вышла из Лиги Наций»²⁹¹.

На конференции развернулась острая дискуссия, вызванная попыткой Великобритании ограничить под предлогом «равенства» черноморских и нечерноморских держав право прохода через проливы советских

военных кораблей. Работа конференции осложнялась сговором турецкой делегации с делегацией Великобритании. Твердая позиция Советского Союза предотвратила срыв конференции и обеспечила принятие согласованных решений, на основе которых Турция получила право демилитаризовать зону проливов. После месяца переговоров Конвенция была подписана 20 июля 1936 г. Большинство первоначальных турецких предложений были приняты странами-подписантами. В результате инициативы Турции, поддержанной СССР, в июне–июле 1936 г. на конференции в Монтрё была выработана новая международная конвенция о проливах, действующая и поныне. Конвенция сохраняет за торговыми судами всех стран свободу прохода через проливы как в мирное, так и в военное время. Правила же прохода военных кораблей не одинаковы для черноморских и нечерноморских держав. Черноморские державы могут проводить через проливы в мирное время свои военные корабли любого класса с предварительным уведомлением турецких властей. Для военных кораблей нечерноморских держав введены существенные ограничения по классу (проходят лишь мелкие надводные корабли) и по тоннажу. Общий тоннаж военных судов нечерноморских держав в Чёрном море не должен превышать 30 тыс. т (с возможностью повышения этого минимума до 45 тыс. т в случае увеличения военно-морских сил черноморских стран) со сроком пребывания не больше 21 суток. В случае участия Турции в войне, а также если Турция сочтет, что она находится под непосредственной угрозой войны, ей предоставлено право разрешать или запрещать проход через проливы любых военных судов; во время войны, в которой Турция не участвует, проливы должны быть закрыты для прохода военных судов любой воюющей державы. Предусмотренная Лозаннской конвенцией международная комиссия по проливам была ликвидирована, и ее функции переданы турецкому правительству²⁹².

Во время переговоров Япония настаивала на том, чтобы не было различий в отношении прохода через проливы судов черноморских и нечерноморских держав, подписавших Лозаннский договор. Советский Союз не согласился с таким подходом. В конечном итоге условия были приняты в соответствии с турецкой позицией, которая не определяла разницу в мирное время, но лимитировала проход в северном направлении боевых кораблей нечерноморских стран в военное время.

От имени императора Японии свои подписи под конвенцией поставили посол Японии Сато Наотакэ и министр Хотта Масааки. Они также заявили во время заключительной протокольной церемонии подписания,

что «Конвенция позволяет Турции немедленно ремилитаризировать проливы, что она и делала “ad referendum” (впредь до последующего утверждения)». Они также выразили общую оговорку:

«Японские делегаты, подписавшие Конвенцию, заявляют от имени своего правительства, что положения настоящей Конвенции ни в коей степени не рассматривают изменение позиции Японии в качестве нечлена Лиги Наций ни в связи с Лигой Наций, ни в связи с договорами о взаимном сотрудничестве, заключенными в контексте названной выше Лиги и, в частности, Япония сохраняет полную свободу в принятии решений в отношении Лиги и договоров в рамках Статьи 19 и 25»²⁹³.

В дальнейшем конвенция Монтрё о проливах повлияла на ход Второй мировой войны. Она сильно ограничила возможность развертывания боевых действий в Черном море для фашистской Германии и ее союзников. Они были вынуждены вооружать свои торговые корабли и пытаться провести их через проливы. Это приводило к серьезным дипломатическим трениям между Турцией и Германией. Неоднократные протесты со стороны Советского Союза и Великобритании подтолкнули Анкару к полному запрету перемещения любых подозрительных судов в проливах²⁹⁴.

Таким образом, в то время, когда в Европе обострялась международная напряженность, Турция успешно окружила себя поясом пактов, договоров и, что было более важно, «ореолом доброй воли». Главным принципом турецкой внешней политики было мирное сосуществование, которое было образно представлено турецким президентом Кемалем Ататюрком: «Мир в стране, мир в мире. Это то, к чему мы стремимся»²⁹⁵.

Особая роль тюркской общины в Японии в развитии двусторонних отношений

По мнению турецких исследователей, одним из феноменов, повлиявших на развитие японо-турецких отношений, явилось появление в Японии тюрков из Казани, Урала, Сибири и Маньчжурии, бежавших после Октябрьской революции от большевиков. Противники советской власти в лице татар и башкир попадали из Советской России в Японию

через Маньчжурию. Мусульманские эмигранты в основном обосновались в Токио и Кобе, в 1920х годах их число составляло около двух тысяч человек.

Ряд российских исследователей предполагает, что «Япония так никогда бы и не столкнулась с исламом, если бы не поволжские тюрки, из числа татар и башкир. Именно им и удалось напрямую наладить контакт с японским правительством, положить начало постройки мечетей и заинтересовать Японию в силе продвижения панисламистских идей среди жителей Туркестана и Поволжья»²⁹⁶.

Некоторые из них были связаны с представителями «младотурок», которые, по мнению турецких историков, «имели схожие политические взгляды с тюркскими группами населения, жившими на востоке от Черного моря на Кавказе, в Казани, на Урале, в Сибири, в Маньчжурии, в Урумчи и Синдзяне»²⁹⁷. После падения режима младотурок его лидеры в лице Энвера-паши, Талаат-паши и Джемаль-паши в ноябре 1918 г. бежали из Стамбула с несколькими соратниками на немецком сухогрузе. В 1919 г. они встретились в Германии с коммунистом Карлом Радеком, представлявшим Советскую Россию, и были приглашены в Москву. Энвер решил вступить в прямой, официальный контакт с российскими большевиками и использовать каналы связей между немецкими военными кругами и большевиками с целью организовать и возглавить в Средней Азии борьбу против Великобритании.

Энвер создал Общество Единства Революции с Исламом и участвовал в работе I съезда народов Востока, проходившем 1–9 сентября 1920 г. в Баку. Он был направлен Советской властью в Закавказье, чтобы поднять местных мусульман «против британского империализма». Позже в 1921 г. Энвер вышел из большевистской организации и сбежал в Среднюю Азию к басмачам с намерением возглавить тюркское движение против большевиков, воевал за «великий Туран» и «новый Халифат». Он был убит в бою с частями Красной армии на территории Бухарского государства в 1922 г.²⁹⁸. Талаат предпочел уехать в Берлин, но был убит там армянскими националистами. Джемаль был направлен в Афганистан в качестве военного советника для создания афганской армии, но в 1922 г. был убит в Тифлисе двумя армянами-националистами²⁹⁹. Отряды Энвера и Джемала составили часть тюркских групп, бежавших из России на восток.

Тюрки также были связаны с белогвардейцами Врангеля и Колчака в начале 1917 г. Их поражение привело к расформированию контрреволюционных политических группировок, часть из которых двинулась

на юго-запад, чтобы присоединиться к действиям кемалистов, другие же ушли на восток в Монголию, Маньчжурию и в Японию.

Многие турки, переселившиеся во Внешнюю Маньчжурию, где влияние Японии распространилось после Октябрьской революции 1917 г., а затем и в Японию, активно содействовали политике Японии в этом регионе.

В это время Япония продолжала поддерживать панисламистские настроения в Маньчжурии и других центрах расселения мусульман-тюрков. Мусульманские общины в этот период увеличились за счет беженцев-последователей подавленного басмаческого движения, которые придерживались панисламистской идеологии. В 1920-х гг. японское правительство начало использовать последователей данного движения и панисламистские настроения среди тюркско-татарской диаспоры в борьбе против Советской России и европейских колониалистов.

Будучи уверенными в японской поддержке, турки, жившие в Харбине, в 1922 г. решили построить мечеть в ознаменование 1000-летия принятия ислама булгарами. В Харбине уже существовала небольшая мечеть, однако, так как численность татарской общины резко увеличилась за счет беженцев из Советской России, старое здание уже не вмещало всех желающих. Новая мемориальная мечеть должна была подчеркнуть их национальную и религиозную идентичность. Эти люди были в основном выходцами из Казанского, Итильского и Уральского регионов Западной Азии, которые считали себя преемниками тюркских племен, доминировавшие тысячелетие назад в бассейне Волги-Итиль-Яик-Камы в течение IX и X вв. На территории Маньчжурии татары появились в 1897–1903 гг. во время строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Эта железная дорога являлась южной веткой Транссибирской магистрали, которая проходила через китайскую Маньчжурию и соединяла Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. КВЖД была построена полностью на средства Российской империи и обслуживалась российскими подданными.

Квантунская армия, которая входила в группу армий для поддержки интересов Японии в Китае и Маньчжурии, симпатизировала тюркским группам населения, и в 1923 г. строительство мечети началось под руководством выходца из Пензенской губернии Гиниятулла Салихмета (Салихмедова), который на долгие годы стал имамом и духовным лидером не только татарской общины Харбина, но и всего Дальнего Востока. 28 мая

1922 г. в однодневной газете «Тысячелетие», посвященной празднику 1000-летия принятия ислама булгарами, имам Харбинской общины

Гиниятулла Салихмедов (Ахмеди) писал: «Единственное место, где могут помочь тюрко-татарам выжить — это Дальний Восток, там, где началась организация нашей культурно-национальной жизни. Сейчас все наши соотечественники ждут от нас шага в развитии нашей культуры. Действительность такова, что лишь мусульмане Дальнего Востока могут что-то сделать [сейчас в этом направлении] <...>»³⁰⁰. Поэтому строительство мечети тысячелетия признавалось не просто как религиозное, а именно как национальное событие.

В 1924 г. строительство главного здания было завершено, однако строительство других зданий продолжалось до 1937 г. в основном из-за нехватки финансов. Стоит отметить, что это была самая богатая и развитая община татар на Дальнем Востоке.

В то время численность тюрков, мигрировавших в Японию, была незначительной и составляла 600 человек, но постепенно их число увеличилось³⁰¹. В Японии они селились в основном в Токио, в районе Кансай и Нагое и там начали исламскую религиозную жизнь в Японии. Их лидеры, такие как Мухаммед-Габдулхай Курбангалиев, Абдуррашид Ибрагим (Ибрагимов), Гаяз Исхаки, сыграли заметную роль в становлении тюркской общины в Японии. В этой связи следует остановиться на личностях этих религиозных деятелей, их влиянии на тюркскую общину и связях с японскими официальными кругами.

Первым успешным исламским миссионером был Мухаммед-Габдулхай Курбангалиев, бывший управляющий Петербургского округа мусульман, который покинул Россию, не приняв перехода Башкирского Правительства на сторону советской власти. В Харбин он попал с остатками белой армии, бежавшей после разгрома из России.

В ноябре 1920 г. после перехода китайской границы Курбангалиев и полковник Бикмеев выехали в Токио с рекомендацией японского консула в Харбине. Они посетили Генеральный штаб вооруженных сил Японии и встречались с рядом государственных деятелей страны в целях решения вопроса об устройстве на жительство и службу в Маньчжурии около двух тысяч башкирских белогвардейцев из остатков армий Каппеля и Семенова³⁰².

Следует отметить, что именно в Харбине в 1920 г. он вступил в тесные контакты с японской разведкой. Результатом контактов стало знаменитое письмо Курбангалиева к министру просвещения и министру обороны Японии с предложением о сотрудничестве в виде посреднической роли между «японской и тюрко-мусульманской нациями». Результатом письма

явилось приглашение Курбангалиева в Токио, где в 1924 г. он стал основателем Токийской мусульманской общины, состоявшей преимущественно из тюрко-татарских эмигрантов.

Необходимо подчеркнуть в этой связи: в планы японского правительства входило использовать тюрко-мусульманскую эмиграцию для осуществления стратегических планов в Восточной Азии после создания в Маньчжурии японского протектората Маньчжоу-го в начале 1930-х гг. Кроме того, японской стороне были выгодны противоречия и конфликты между двумя татарскими национальными лидерами М.-Г. Курбангалиевым и Гаязом Исхаки, прибывшим в Японию в конце 1933 г. из Германии.

При этом контакты Курбангалиева с Харбином были постоянными: в Харбине существовала и школа, и типография, опыт работы которых понадобился и в Токио. Даже татары из Японии в первое время отправляли своих детей учиться в татарскую школу Харбина.

Приветствуя приезд в Токио Мухаммеда-Габдулхы Курбангалиева, японская газета *“Asahi Shimbun”* писала: «Мусульмане, жаждущие воли и освобождения, станут во главе объединительного движения народов Азии»³⁰³.

Как отмечает российский исследователь А. Б. Юнусова, «военное командование Японии оценило возможности авторитетного имама М.-Г. Курбангалиева, известного и популярного в военных, политических и религиозных кругах Сибири. Идея создания мусульманских государств-марионеток в Северо-Восточном Китае, Центральной и Юго-Восточной Азии давно вынашивалась в правительственных кругах Японии. Для её реализации необходимо было подготовить почву — создать в среде многотысячного мусульманского населения этих регионов привлекательный образ Японии <...> М.-Г. Курбангалиев вполне годился для роли агитатора и трибуна, а точнее агента влияния»³⁰⁴.

По мнению А. Б. Юнусовой, «японцы благосклонно относились к антисоветски настроенным белым офицерам-мусульманам, которых привлек на свою сторону Курбангалиев. Интерес к ним был обусловлен разведывательной деятельностью японского командования в районе Южно-Маньчжурской железной дороги. В силу этого Курбангалиеву была предложена должность эксперта по магометанскому вопросу в правлении ЮМЖД [Южно-Маньчжурская железная дорога]. На эту должность, Мухаммеда-Габдулхы порекомендовал будущий министр иностранных дел Японии — Мацуока Ёсукэ. Там, по официальному заданию японцев, он готовил “научный труд о сущности магометан-

ства”»³⁰⁵. А. Б. Юнусова, объясняя интерес японских правящих кругов к проблеме общности урало-алтайских народов, приводит следующие слова Курбангалиева: «В системе ЮМЖД служило до десяти тысяч китайских мусульман, и сфера экономического влияния дороги распространялась на территории, населенные китайскими мусульманами. Кроме того, магометанский вопрос вообще интересовал японские правящие круги с точки зрения возможности отыскания путей политической и экономической экспансии в мусульманских странах»³⁰⁶.

Как отмечает А. Б. Юнусова, первое в Японии общество мусульман Токио — махалля «Исламия», основанное и возглавляемое Кубангалиевым, было зарегистрировано властями Японии и получило права юридического лица. «Это давало возможность официального обращения в государственные учреждения, которые, как правило, удовлетворялись. Так, например, были отведены с соблюдением всех формальностей земельные участки под строительство мечети, медресе и под мусульманское кладбище в городах Токио, Кобе, Нагоя»³⁰⁷.

Курбангалиев вел активную деятельность в Токио: в 1927 г. была открыта первая исламская семинария (медресе) для мусульман Японии, построена исламская типография. В 1928 г. на съезде мусульман Японии, Мухаммед-Габдулхай Курбангалиев был избран президентом «Союза магометан, проживающих в Японии», в который объединились мусульманские общины Токио, Кобе и Нагоя. Позже Курбангалиев стал «Великим имамом Дальнего Востока»³⁰⁸, после чего он издал первый на Дальнем Востоке Коран и развернул движение за равное положение ислама среди других конфессий Японии. Результатом этой деятельности явился Закон о религии, принятый правительством Японии в 1939 г., в соответствии с которым были уравнены права ислама с японской религией синто, буддизмом и христианством. А. Б. Юнусова в этой связи отмечает, что «этот закон стал закономерным продолжением религиозной политики правительства Японии, начатой после Мэйдзи Исин. Он преследовал цель не столько контролировать религии, сколько предотвратить “угрозу безопасности и благополучия”» (статья 16 закона)³⁰⁹. В 1927 г., благодаря его деятельности, в Токио, была открыта первая медресе для мусульман Японии и построена исламская типография. В 1928 г. в Токио состоялся съезд мусульман, проживавших в Японии, на котором мусульманские общины, существовавшие в городах Токио, Кобе и Нагоя, объединились в «Союз магометан, проживающих в Японии. Президентом союза был выбран Мухаммед Габдулхай Курбангалиев, который позже стал «Великим

имамом Дальнего Востока»³¹⁰, после чего он издал первый на Дальнем Востоке Коран и развернул движение за равное положение ислама среди других конфессий Японии. Требования тюркского миссионера были выполнены, и в 1939 г. японский премьер-министр Хиранума Киитиро уравнил ислам в правах с буддизмом и христианством. В 1939 г. правительство Японии приняло Закон о религии, который, по настоянию мусульман, предоставлял исламу и мусульманам равные с представителями японской религии (синто), а также с буддизмом и христианством права. Этот закон стал закономерным продолжением религиозной политики правительства, начатой после Мэйдзи Исин (реставрация Мэйдзи в 1868–1889 гг.). Он преследовал цель не столько контролировать религии, сколько предотвратить «угрозу безопасности и благополучия (статья 16 закона)³¹¹.

Тюркские миссионеры находились в контакте с японскими политиками и представителями японской армии. Благодаря этим связям Курбангалиев, в частности, преподавал турецкий и русский язык в штаб-квартире генштаба японской армии³¹² и имел тесные дружественные связи с влиятельным политическим деятелем Тоямой Мицуру*, генералом Мацуи Иванэ** и др. политическими деятелями.

Турецкий исследователь Арык Умут в этой связи отмечает, что «тюркские миссионеры наряду с членами тюркской общины принимали активное участие в политической жизни Японии в надежде на то, что поддержка Японии вернет им некоторые из их древних земель в Азии, которые были местами славных турецких государств, таких как Золотая Орда, Казанское ханство, связанными с именами Чингиза и Тамерлана»³¹³. Японское правительство при этом использовало «исламский фактор» в своих целях, а именно для поддержки своей внешнеполитической экспансии в Азии со стороны мусульман Японии, однако столкнулось с проблемой раскола тюркской общины из-за противоречий между сторонниками Курбангалиева и Гаяза Исхаки.

* Тояма Мицуру (яп. 頭山 満, 27 мая 1855 — 5 октября 1944) — японский политический деятель, лидер японских правых в начале XX века и сторонник японского контроля над Маньчжурией. Цит. по: Советская историческая энциклопедия. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1973–1982.

** Мацуи Иванэ (яп. 松井 石根, 27 июля 1878 — 23 декабря 1948) — генерал Императорской армии Японии, Командовал армейскими соединениями во Второй японо-китайской и Второй мировой войнах, принимал активное участие в оккупации Китая. был ярым сторонником панasiatизма На Токийском процессе в 1946 году Мацуи был признан военным преступником второй категории. Приговорен к высшей мере наказания и казнен в декабре 1948 года. См.: Япония от А до Я. Энциклопедия. EdwART, 2009.

Курбангалиев выступал за идею создания независимого исламского государства под эгидой Японии («от Урала до Фудзи») на основе общности урало-алтайских народов «Великой Азии» (с включением в его состав Средней Азии и Синьцзяна). Он выпустил в Японии брошюру «Урало-алтайские народы», где были изложены его основные идеи.

Его пропагандистская деятельность не встретила понимания с стороны сторонников и последователей «идель-уральцев», которых возглавлял Гаяз Исхаки.

Главной задачей Гаяза Исхаки было объединение части татарских эмигрантов в 1933–1934 гг. вокруг идеи создания тюрко-мусульманской культурной автономии «Идель-Урал», в основе которой лежали антисоветские настроения и планы возвращения в освобожденную от большевиков Россию.

Возникший раскол среди членов общины не способствовал формированию единой политики Японии в отношении мусульман. И, как отмечает российский историк Б. Азнабаев, министерство внутренних дел Японии организовало «добровольный отъезд» Курбангалиева в город Далянь (Маньчжурия), где он проживал до прихода Красной армии, а осенью 1945 г. он был арестован бойцами советского СМЕРШ. На одном из допросов он объяснил свою высылку из Японии тем, что «японский генеральный штаб считал, что магометанская религия противоречит основам японского государства, ибо она исповедует единого бога — Аллаха, отрицая тем самым божественность японского императора»³¹⁴. В своем письме Берии он писал: «Будучи сведущим лицом, специалистом, связанным с высокопоставленными деятелями мусульман Дальнего и Ближнего Востока, а также высокими лицами Японии, я желаю прилагать усилия по установлению взаимопонимания и дружбы между мусульманами мира и СССР»³¹⁵. По приговору он был отправлен на 10 лет во Владимирскую тюрьму*. По мнению Б. Азнабаева, интерес со стороны японской разведки и военного командования к Курбангалиеву во второй половине 1930-х гг. заметно угас, и японские власти сделали ставку на Исхаки³¹⁶ (о нем будет рассказано ниже).

* Выйдя в 1955 г. на свободу, Мухаммед-Габдулхай остаток жизни провел в доме своей младшей сестры, в челябинском поселке Колхозное, где до самой смерти, последовавшей 22 августа 1972 г., исполнял обязанности имама-хатыба центральной мечети. В 1956 г. заявил, что хотел бы вернуться к семье в Токио. Похоронен на мусульманском кладбище при мечети Исмагила в Челябинске.

Еще одним активным деятелем тюркской общины в Японии явился Абдуррашид Ибрагимов, который проживал там в период с 1908 по 1909 г. Будучи сторонником создания союза тюрко-мусульманских народов и освобождения их от колониального гнета России и Британии, он получил поддержку со стороны Османской империи и Японии. Он стал одним из лидеров распространения ислама в Японии и первым имамом первой мечети в Токио.

В этой связи турецкий автор Наджи Джем Онджель отмечает, что «несомненно, как султан Абдулхамид II, так и японский император еще задолго до русско-японской войны осознали значимость отношений друг с другом. Для японцев халифом азиатских мусульман, представлявших многочисленную массу против русских, китайцев, голландцев и британцев, был османский падишах»³¹⁷.

Абдуррашид Ибрагимов, бывший член Иттифак аль-Муслимин (первая всероссийская исламская партия, образованная в 1905 г.), проживал в Японии в период с 1908 по 1909 г. Тогда ему удалось быть одним из лидеров распространения ислама в Японии и первым имамом первой мечети в Токио. Он явился ярким сторонником создания союза тюрко-мусульманских народов и освобождения их от колониального гнета России и Британии и получил поддержку со стороны Османской империи и Японии.

В этой связи турецкий автор Наджи Джем Онджель отмечает, что «Несомненно, как султан Абдулхамид II, так и японский император, еще задолго до русско-японской войны осознали значимость отношений друг с другом. Для японцев халифом азиатских мусульман, представлявших многочисленную массу против русских, китайцев, голландцев и британцев, был османский падишах»³¹⁸.

Осенью 1908 г. Ибрагимов прибыл в Японию после долгого пути через Сибирь, Дальний Восток, Монголию и Китай. В Японии он был удостоен аудиенции самого императора Японии. Ему также удалось установить тесные связи с высокопоставленными чиновниками правительственных учреждений, представителями интеллигенции и другими государственными деятелями, принца Ито, премьер-министра Японии Окума, адмирала Огасавара Тёсэй*. Он вел активную просветительскую деятельность, выступая с лекциями по теории и истории ислама

* Огасавара Тёсэй (Огасавара Наганари) (小笠原 長生, 15 декабря 1867 — 20 сентября 1958) был адмиралом и военно-морским стратегом в императорском японском флоте в период Мэйдзи и Тайсё в Японии, а также членом Генерального штаба Императорского японского флота.

перед японскими слушателями. Как отмечает Л. Усманова, Ибрагимову было выдано разрешение японских властей совершать путешествия по Японии и знакомиться с жизнью простого народа, который восхищался его глубокими знаниями, эрудицией, интеллектом, порядочностью и уважением к японскому народу. Ибрагимов получил поддержку со стороны японского общества «черных драконов», которое проповедовало идеи японо-азиатского национализма. В марте 1909 г. Ибрагимов организовал «Общество пробуждения Азии» («Адзия Гикай»), которое ставило перед собой задачу распространения ислама среди японцев. Руководителем организации стал японский дипломат Охара, получивший имя Абубакир после принятия им ислама³¹⁹.

Его путевые заметки неоднократно переиздавались в Казани. В 1909 г. Абдуррашид Ибрагимов получил разрешение на строительство первой мусульманской мечети в Токио. Свою главную задачу он видел в том, чтобы убедить японские высшие круги избрать ислам и служить спасению всех азиатских мусульман. «Анализируя японские черты характера, а именно — порядочность, соблюдение кодекса чести и достоинства, воинскую дисциплину, сдержанность, вежливость и скромность. Ибрагимов искренне желал видеть этот великий и древний народ среди приверженцев ислама. Его восхищал и сильный национальный дух японцев, их умение хранить вековые традиции и самобытность в условиях стремительно меняющегося мира. Он разработал стратегию объединения мусульманского мира с Японией, своего рода паназиатский мусульманский союз, который оказал бы сопротивление колониальной угрозе Запада и смог сохранить целостность мусульманской уммы [религиозной общины]. Для этого он приложил все усилия, чтобы Япония приняла ислам»³²⁰. Благодаря его активной деятельности большое количество японцев и даже членов правительства и представителей японской интеллигенции приняли ислам³²¹. Позднее японское правительство стало проводить политику, ориентированную на ислам, так как идея о союзе азиатских и мусульманских народов не противоречила официальному курсу японского государства³²².

В исследовании «Великий татарский миссионер, или как Япония приняла ислам» подробно рассказывается о его миссии.

«В апреле 1909 г. Г. Ибрагимов выехал из Японии в Корею, оттуда через Китай, Сингапур, Индию возвратился в Стамбул. В 1910 г., совершив хадж, через Бейрут и Сирию он вернулся в Турцию.

В результате этой поездки в 1913 г. был опубликован его историко-религиозный, энциклопедический труд “Исламский мир в начале 20 века и мусульмане Японии”, в которой он записал ценные сведения об Азии и тюрко-исламском мире того периода. В 1987 г. этот труд был вновь переиздан в Турции, а в 1991 г. переведен на японский язык и издан в Японии. Эта книга была высоко оценена как мусульманскими читателями, так и самими японцами и сформировала положительный имидж Японии в глазах мусульман, заложив тем самым установку на долгие годы вперед о Японии, как о дружественной мусульманам стране и возможном союзнике»³²³.

За многочисленные заслуги в 1913 г. Ибрагимов получил турецкое гражданство, которого, однако лишился в 1935 г., будучи обвиненным турецкими властями в коммунизме, фундаментализме и национализме.

Вернувшись в Японию и став лидером мусульманской общины, Абдуррашид Ибрагимов продолжил деятельность по пропаганде ислама в Японии и наладил связи с членами Амурского союза, которые поддерживали паназиатскую и антизападную пропаганду в Японии и близлежащих регионах³²⁴.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением российских исследователей, считающих, что «в эру японского милитаризм и по мере приближения ко Второй мировой войне, Япония ставит еще более амбициозные цели в Азии»³²⁵. На тот момент власти Японии попытались сделать ставку на ислам, и их основным направлением деятельности был Восточный Туркестан (Синьцзян), в котором тогда бушевали уйгурские повстанцы, поднявшие Кумульское восстание против репрессивной политики китайской администрации Цзинь Шужэня и Шэн Шицая. Японцев также интересовало и мусульманское население в советском Туркестане, Поволжья и Западной Сибири. Абдурашид Ибрагимов помог японцам выстроить политические и религиозные контакты с лидерами Египта, Турции и других ближневосточных государств. В СССР японские агенты в основном работали с активными участниками басмаческого движения, играя на религиозных и национальных чувствах тюркского и таджикского населения региона. Так, летом 1941 г., японская миссия в Афганистане добилась успеха в установлении контакта со всеми крупными *курбаши* (главнокомандующими) среднеазиатского басмачества. В августе 1941 г. японский поверенный Кацуubi, вместе со своим переводчиком Саито, встретился с Сеидом Алим-ханом, последним эмиром Бухары. Совместно

с Германией, Япония выделила немалые средства на возрождение басмаческого движения на территории советского Туркестана.

В 1938 г. за заслуги перед Японией Абдурашид Ибрагимов был назначен председателем общества «Дай Ниппон Кайкё Кёкай», японской государственной исламской организацией. В том же году была открыта и первая Токийская мечеть. На ее открытии наряду с японскими политиками присутствовали и представители исламских государств, в частности, посол королевства Саудовской Аравии в Великобритании Хафиз Вахба. Во время церемонии открытия Гаяз Исхаки, еще один влиятельный представитель татарской эмиграции, выступил с торжественной речью, в которой высказался о дружеских взаимоотношениях между Японией и исламским миром: «Эта мечеть, построенная в великой азиатской стране, Ниппон, будет первым камнем, заложенным в дорогу дружеских отношений мусульманских стран с Японией. Более того, эта мечеть не только место поклонения, но и первый исторический факт начала взаимопонимания мусульманских стран и Японии <...> Эта мечеть сегодня — плод совместных усилий идель-уральских мусульман и мусульман Индии. Она должна стать крепким фундаментом для совместной работы по распространению ислама и его философии <...>»³²⁶.

Занимаясь активной образовательной деятельностью, Абдурашид Ибрагимов разрабатывал учебную программу для школьных учебников. Ему удалось добиться того, что в японские учебники были введены главы об исламе и истории тюркских народов. Считается, что при его содействии число японцев, принявших ислам увеличилось в несколько раз. Ибрагимов также работал над «азиатской» теорией в исламе, идеологической платформой объединения мусульманских народов Азии вокруг Японии.

Тюркская община в Японии была также связана и с именем известного деятеля татарского национального движения, писателя Гаяза Исхаки, который покинул Россию после окончательного установления власти большевиков в 1920 г. в Поволжье и на Урале. В 1934–1938 гг. Гаяз Исхаки совершил поездку по Маньчжурии, Корее, Японии и другим странам. В этих странах он проводил работу по объединению раздробленных групп тюрко- татар, живших в Китае, Маньчжурии, Японии, Корее, а также созыву Мукденского конгресса, на котором был образован «Национально-религиозный комитет Идель-Урал тюрко-татарских мусульман Дальнего Востока». В исследовании российского исламоведа А. Ахунова «Гаяз Исхаки. «Кто он? Кто он, кто

нашу нацию взрастил?» рассказывается о его многочисленных выступлениях, встречах с соотечественниками. Приводятся интересные факты того, что в НКВД на него было заведено специальное досье, в которое заносился каждый шаг писателя, а также, что за деятельностью Исхаки следила зарубежная разведка. Лидер татарской общины Токио Габдулхай Курбангалеев, справедливо опасаясь за свое место в свете усиливающейся популярности Гаяза Исхаки среди тюрко-татарской общины Дальнего Востока, в 1935 г. посылал неоднократные сообщения в департамент японской полиции с информацией о том, что Исхаки якобы является «агентом Советов». Находившийся в это время в Японии писатель был вызван на допросы, и в результате ему было предписано покинуть страну³²⁷.

Имеются сведения, что Гаяз Исхаки имел контакты с подполковником Хасимото Кингоро, начальником русского департамента в генштабе армии Японии, основателем общества «Сакуракай» («Общество цветения сакуры»). Хасимото в 1927–1930 гг. служил военным атташе в японском посольстве в Турции, где стал поклонником идей и преобразований, проводимых под руководством Кемаля Ататюрка. Вернувшись в Японию, он возглавил русский отдел второго управления Генштаба в 1930–1931 гг. и создал собственное тайное общество «Сакуракай», состоявшее из националистически настроенных офицеров. Он также явился инициатором «октябрьского инцидента» (заговора)* и играл важную роль в Маньчжурском инциденте** посредством своего влияния на офицеров Квантунской армии Исивару Канзю, Итагаки Сэйсиро, Сидэхару Кидзюро. Исхаки также контактировал с японской и польскими разведками, на средства которых издавал несколько газет в Польше, Маньчжурии и Японии.

В связи с тем, что иностранцам было практически невозможно получить японское гражданство, татары и башкиры, проживавшие в Японии, при содействии Гаяза Исхаки, в конце 1930-х гг. начали массово писать прошения о принятии гражданства Турецкой Республики. Рассмотрение обращений было полностью завершено в 1953 г. Они получили свидетельства о рождении и паспорта граждан Турецкой республики в посольстве Турции в Токио³²⁸.

* Неудавшаяся попытка государственного переворота в Японии 21 октября 1931 г.

** Взрыв на железной дороге в Мукдене (Шэньян) 18 сентября 1931 г., устроенный японскими военными в качестве предлога для вторжения японцев в Маньчжурию в 1931 г.

Среди исследователей не существует единого мнения о деятельности Исхаки. Многие обвиняют его в «полной близорукости» или даже в «его абсолютно безоглядном лицемерии»³²⁹, приводя цитаты из его письма министру иностранных дел Японии, написанного 17 марта 1934 г.:

«Мы были уверены, что Япония, которая относится благосклонно к независимым движениям Маньчжурии и Монголии, с пониманием отнесется к освободительной борьбе против диктата России. Мы думали, что японцы, будучи великой нацией, отнесутся с пониманием к тюрко-татарскому движению, помня о том, что тюрко-татары так же, как и японцы, относятся к азиатским нациям, и потому что Японии предназначено представлять интересы всей Азии в то время, когда азиатская раса сталкивается лицом к лицу с белой расой»³³⁰.

Исследователи отмечают, что в последние годы вокруг имени Исхаки идут бесконечные споры. Нельзя не признать, что между Гаязом Исхаки и М. А. Курбангалиевым были сложные и противоречивые отношения. Они имели различные точки зрения на происходившие события, в частности, в России. После отъезда Исхаки в Европу единственным лидером (до возвращения Р. Ибрагимова из поездки по странам Юго-Восточной Азии) в Японии оставался М. А. Курбангалиев, который при помощи японских властей занялся общественной, культурной и государственной деятельностью. Как отмечают исследователи, приблизительно с 1944 г. стало известно, что в 1930-х гг. шла борьба за пост руководителя тюркской общины в Японии. Противостояние между тюркскими миссионерами выходило за рамки идейных и политических разногласий. Наиболее ожесточенной соперничество разгорелось между Курбангалиевым и Ибрагимовым по поводу смены руководства тюркской общины, результатом которого явилось создание японскими властями специальной комиссии, которая, предложив оставить у руководства обществом «Исламия» Абдулрашида Ибрагимова кади, в 1938г. рекомендовала выслать М. А. Курбангалиева из Японии, местом жительства определив город Дайрен (Даолянь-Дальний) в Китае, где он со своими дочерьми прожил восемь лет — до своего ареста сотрудниками СМЕРШ в августе 1945г.³³¹

Как отмечает Л. Усманова, рассмотрение истории тюркской общины в Японии было бы неполным без упоминания имени японского ученого-тюрколога, основателя исламских и тюркских академических исследований, профессора университета Комадзава в Токио Окубо Кодзи,

ставшего медиатором в татаро-японских (тюрко-японских) отношениях в предвоенное и военное время³³². Известно, что Окубо встречался с всеми тремя представителями тюркской общины — Курбангалиевым, Ибрагимовым и Исхаки. Эти встречи имели определенные последствия для тюркской общины в Японии, в частности, в 1934 г. произошло столкновение в “Wadabashi Club” между группой Курбангалиева и группой Исхаки из-за проблемы лидерства в общине. В этой ситуации Окубо Кодзи выступил в поддержку позиции Исхаки. Вскоре после этого инцидента руководство японской армии приняло решение о высылке Курбангалиева из Токио в Маньчжурию и замене его на посту Ибрагимовым. Но после того, как в 1935 г. Исхаки переехал в Мукден для издания ежедневной газеты “Milli Bayrak” в целях продвижения идиль-уральского татарского движения, Окубо продолжал принимать непосредственное участие в жизни и деятельности тюркской общины в Токио. Как отмечает японский исследователь Нобуо Мисава, «он был вовлечен в мусульманскую политику Японии, осуществляемую японским правительством, армией и паназиатскими активистами, а также Мусульманской ассоциацией Великой Японии^{333*}. По мнению Л. Р. Усмановой, «Окубо, несомненно, курировал тюрко-татарскую эмиграцию, так как его имя часто упоминается в документах МИД Японии, газетных статьях Японии и Маньчжурии, а также татарской эмигрантской периодике. Он присутствовал при открытии первой мечети в Японии в городе Кобе в 1935 г. и даже написал вводную статью в сборник, специально выпущенный к этому событию»³³⁴. В 1936 г. Окубо был направлен от Ассоциации японо-турецких связей в Турцию, где присутствовал на третьем съезде Турецкого лингвистического общества. В рамках съезда он был приглашен на аудиенцию с президентом Республики Турция Ататюрком и, таким образом, стал первым японским частным лицом, удостоившимся аудиенции Ататюрка. По возвращении в Японию он напечатал много статей в бюллетене Ассоциации, чувствуя себя обязанным Ассоциации и лично ее руководителю — Токугаве Иэмасе (1883–1963)»³³⁵. При его содействии в 1937 г. был основан Институт исламского мира Кайкёкэн Кэнкюдзё. В своих работах Окубо Кодзи отмечал важность поддержки тюрко-татарского движения японцами: «В широком смысле тюрков более чем 50 млн. Только 17 млн из них проживает в Республике Турция,

* По этой причине после Второй мировой войны его деятельность была осуждена, и он был отстранен от преподавательской и издательской деятельности.

которая является единственным независимым государством представителей этой нации (это тюрки в узком смысле). Около 30 млн проживает в Советской России. Таким образом, тот факт, что три пятых тюркской расы проживают в Советской России, явно демонстрирует важность их национального движения. Следует особо отметить, что идель-уральские тюрко-татары, начавшие национальное движение в начале XX в., наиболее культурные из них <...>³³⁶.

Японский исследователь Нобуо Мисава в своей работе “Koji Okubo and Tatar Exiles in Interwar Japan: Biographical Sketch of His Commitment” отметил большой вклад Окубо в установление дипломатических отношений между Японией и Турцией в 1924 г., когда им были написаны работы по двусторонним японо-турецким отношениям. Мисава отмечает, что после объявления Японией войны в 1941 г. Окубо был вынужден принимать участие в разработке политике Японии в отношении мусульман, в частности, когда японское правительство и армия пытались привлечь мусульман в Юго-Восточной Азии на японскую сторону, Окубо был вынужден писать об этом, что контрастировало с предметом его исследований³³⁷.

Известно, что в период между двумя мировыми войнами в Токио и Кобе одновременно существовали две тюрко-мусульманские общины, членами которых стали торговцы тюркского происхождения, переселившиеся в Японию с материкового Китая. Несмотря на то, что большинство эмигрантов представляли башкиры и татары, в Японии их называли «хаккэй родзин», т. е. белые русские. Они торговали мануфактурой, в частности, сукном, а также вели мелочную торговлю³³⁸.

Руководствуясь собственными политическими целями, правительство Японии выступало в поддержку ислама и исламских группировок в регионе. Так, например, оно поддерживало финансово руководителей мусульманского движения в их борьбе за независимость в Голландской Индии. В 1930 г. в Японии была основана первая официальная исламская организация под названием «Даи нихон кайкё кёкай» (Великая японская мусульманская лига).

После Второй мировой войны, по мнению аналитиков российского интернет-издания *Vatnikstan*, «исламский расцвет в Японии угас, а большинство мусульманских эмигрантов переселились в Турцию и Саудовскую Аравию»³³⁹. После 1953 г., получив гражданство Турции, многие мусульмане-татары покинули японское государство и эмигрировали в Австралию, США и Турцию, а тюркская община в Японии значительно сократилась.

Токийская мечеть «Исламия», выстроенная в 1938 г., простояла 48 лет. В 1985 г. после одного из землетрясений обрушились ее стены, в 1986 г. она была окончательно разобрана. В июне 1986 г. было принято решение о строительстве новой мечети, о финансировании строительства которой была достигнута договоренность с рядом посольств исламских государств в Японии. Но из-за начавшегося экономического кризиса эти планы не осуществились. Лишь при поддержке президента Турции Сулеймана Демиреля во время его официального визита в Японию в июне 1996 г. было принято решение о строительстве новой мечети, завершившееся ее открытием 30 июня 2000 г.³⁴⁰. Позже общины трансформировались в единую тюркскую общину, объединяющую сегодня в большинстве своем тюрков-работников машиностроительных предприятий, выходцев тюркских народов из Центральной Азии, потомков белых башкир и татар. Как отмечает аналитик Г. Зарипова, «в 1990-е гг. была и вторая волна эмиграции, хотя назвать их эмигрантами было бы не совсем верно — большинство из них и по сей день являются российскими гражданами и приезжают, чтобы работать, учиться или чтобы найти семейное счастье»³⁴¹. Что касается жизни современной тюркско-татарской общины в Японии, то в настоящее время в стране проживает около 30 потомков первых татарских переселенцев. Среди членов общины было немало тех, кто выбрал актерскую профессию. Так, например, старший сын Сафы, последнего имама мечети в Кобе, Абдулла Сафин, снимался в японских фильмах и рекламных роликах, но был известен под именем Роя Джеймса и позиционировал себя как американца. А потомок известной купеческой династии Юсуповых снялся в эпизодах известного голливудского блокбастера «Годзилла»³⁴².

В современной Японии тюркско-мусульманская община по-прежнему остается малочисленной религиозной группой. Как правило, японцы мало интересуются исламом, арабской культурой и особенностями развития ислама в своей стране. Однако в отличие от стран Западной Европы мусульманская община Японии находится вне социально-политических конфликтов. На данный момент насчитывается около 80 мечетей в 33 префектурах, но официальная статистика не ведется³⁴³. Хотя численность тюркской общины сократилась, ее члены в 2000 г. основали “Токуо Самии” (Токийскую Джамии) и Турецкий культурный центр³⁴⁴. В этой связи следует отметить, что, когда президент Турции Эрдоган посетил страну в 2015 г., первым местом, куда он заехал по прибытии, была “Токуо Самии”. В следующее десятилетие

произошла новая волна миграции из Турции, в основном состоящая из людей из области Фатса. Некоторые граждане Турции в Японии являются этническими курдами³⁴⁵. В 2015 г. у посольства Турции в Токио произошло столкновение между курдами и турками при досрочном голосовании на всеобщих выборах в Турции. Японские и курдские источники утверждали, что столкновение началось, когда турки напали на курдов после того, как флаг курдской партии был вывешен в посольстве Турции³⁴⁶.

Япония считается «страной без мусульман». Ислам здесь присутствует, но в очень ограниченной форме. Мусульмане, проживающие в Японии, не пытаются популяризировать свое вероисповедание, так как ислам в Японии пропагандировать нельзя. Распространение ислама в стране затруднено также в связи со сложным процессом устройства на работу, получения трудовых виз и гражданства для иностранцев в целом. В то же время в Японии существует определенный интерес к тюркской культуре, в частности, к татарской и башкирской, проводятся дни татарской культуры.

Таким образом, анализируя историю образования тюркской общины в Японии, можно выделить следующие основные моменты. Предпосылкой ее образования явились сложившиеся исторические условия первой половины XX в., когда в Японии были популярна паназиатская идеология. Правительство Японии проводило политику, ориентированную на союз азиатских и мусульманских народов и выступало в поддержку ислама и исламских группировок. Правящие круги страны использовали представителей тюркской общины для расширения собственного влияния в странах мусульманского Востока, а также для военной экспансии в Юго-Восточной Азии и Северо-Восточном Китае. В целях создания мусульманских государств в Центральной и Юго-Восточной Азии под японским протекторатом основной задачей явилось формирование привлекательного образа Японии как защитника интересов мусульманского населения этих стран. В этой деятельности приняли участие известные религиозные представители тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке: Абдуррашид Ибрагимов, М.-Г. Курбангалиев и Гаяз Исхаки. Установление дипломатических отношений между Японией и Турцией в 1924 г. способствовало этому процессу. Тюркская община в Японии, которая поддерживает приезжих мусульман и эмигрантов и способствует их интеграции в культуру современной Японии, стала центром развития ислама в Японии.

Противоречивые отношения между Японией и Турцией в годы Второй мировой войны

С началом Второй мировой войны в 1939 г. и Япония, и Турция заняли выжидательную позицию в отношении военных действий на европейском театре войны.

Как отмечалось в предыдущем разделе, военные действия в Азии начались для Японии еще за несколько лет до того, как немецкие танки вошли в Польшу. Пользуясь слабостью Китая, где шла борьба за власть между несколькими группировками военных, Япония уже в 1932 г. успешно захватила Маньчжурию, создав там подобие независимого государства. Спустя пять лет Япония начала войну уже за захват всего Китая. Поэтому основные события второй мировой войны в 1939–1940 гг. происходили только в Европе, а не в Восточной Азии.

Японское правительство, учитывая обстановку в Китае, где японские войска к 1939 г. оккупировали обширные территории, приняло решение не вмешиваться в войну в Европе, ожидая капитуляции колониальных держав, и усилить военные действия на территории Китая. Когда же Франция и Голландия оказались под германской оккупацией, началась подготовка к войне. Так как Япония обладала очень ограниченными ресурсами, основной упор делался на быстрый захват территорий и их колонизацию.

После капитуляции стран Европы, в частности Франции и Голландии, японские войска начали оккупацию Индонезии, а затем Таиланда, Бирмы, Малайи и Филиппин с целью создать «восточноазиатскую сферу процветания» — огромную колониальную империю, которая была бы подчинена Японии.

27 сентября 1940 г. между Германией, Италией и Японией был подписан пакт трех держав, согласно которому страны обязывались оказывать взаимную помощь экономическими, политическими и военными средствами. Однако после нападения Германии на Советский Союз для Японии было важно не допустить раннего начала войны с Советским Союзом. В апреле 1941 г. между двумя державами было подписано соглашение о нейтралитете. Планировалось, что СССР, вовлеченный в войну на Западе, быстро ослабнет и японская армия, не принимая излишних усилий, сможет овладеть нужными территориями.

Формально вступление Японии во Вторую мировую войну началось 8 декабря 1941 г. с нападения японской авиации на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор, где были уничтожены практически все американские самолеты и корабли на Тихом океане. После этого США и Англия объявили войну Японии.

В результате японского нападения война, ограничивавшаяся Европой, северной Африкой и Атлантикой, приобрела еще больший масштаб и распространилась на Восточную Азию. Союзники воинствующих стран начали объявлять войну врагам своих партнеров. Войну Японии объявили Канада, Австралия, Коста-Рика, Египет, Куба, Новая Зеландия, Индия и ряд других стран.

Турция с началом Второй мировой войны заняла позицию нейтралитета и присоединилась к антигитлеровской коалиции лишь на последнем этапе войны. Однако, учитывая важное стратегическое положение Турции, противоборствующие стороны предпринимали активные дипломатические усилия для ее привлечения на свою сторону. В самой Турции также имелись политические силы, считавшие, что страна должна принять участие в общемировом конфликте на стороне стран «оси» либо антигитлеровской коалиции.

Как отмечает Н. Г. Киреев, «Турция лавировала между двумя блоками — антигитлеровской коалиции и странами «оси», стремясь сохранить свой нейтралитет, хотя поражение Франции в войне, слабость Англии превращали Германию в партнера, казалось бы, более предпочтительного <...> О выполнении Турцией обязательств перед Францией и Англией речь уже не шла. Турция стремилась быть невоюющей стороной “в пользу Германии”»³⁴⁷.

В боевых действиях турецкие войска не участвовали, но ее дипломатическая позиция оказывала значительное влияние на положение воюющих сторон. Турция контролировала проход военных кораблей через проливы Босфор и Дарданеллы, связывающие Эгейское и Черное море, а также располагала армией, способной изменить баланс сил как в Средиземноморье, так и на юге советско-германского фронта. После смерти первого президента Турции Ататюрка в ноябре 1938 г. и избранием на этот пост Исмета Инёню Турция столкнулась с сильным давлением, с одной стороны, Британии и Германии, с другой — в отношении активизации отношений с этими странами.

В мае 1941 г., когда была объявлена операция «Барбаросса» против СССР, Германия пыталась сотрудничать с Турцией и Японией или добиться

их нейтральной позиции и косвенной поддержки, в то же время подстрекая антирусские национальные меньшинства присоединиться к германским войскам. Турция закрыла проход через проливы для кораблей всех стран (что было возможно согласно Конвенции Монтрё), тем самым препятствуя помощи союзников России, но она не согласилась с требованием Германии дать возможность ее войскам пересечь территорию Турции для атаки Британии и Франции в Сирии, Ираке и Иране, т. к. это противоречило турецко-английскому соглашению от 10 октября 1939 г.

В то же время Германия пыталась заручиться поддержкой турецкого правительства в отношении пантюркистского туранского движения, которое она надеялась соединить с переворотом в СССР и получить потерянные территории Османской империи на Кавказе и Крыму и восстановить местные тюркские режимы в Туркмении, Узбекистане, Казахстане — во всем тюркоязычном регионе Азии. Таким же образом Германия содействовала национальному движению на Украине и в Прибалтике.

Тюркские лидеры Аяз Ишаки, Мехмет Эмин Резулзаде переехали в Берлин. Однако попытки воздействовать на пантуранские чувства в Турции и провоцирование восстания тюркских меньшинств в СССР не получили поддержку турецкого правительства, и как отмечает Шоу, «Турции удалось избежать каких-либо обязательств в этой связи под предлогом того, что подобные действия, если будут открыто поддерживаться правительством, могут привести к резне тюрков в СССР»³⁴⁸. Германия не оставляла попытки привлечь Турцию на сторону стран «оси» своими победами в Восточной Европе и Северной Африке, провозгласив «идею Союза тюркского населения Турции и тюрков Советского Союза». По свидетельству немецкого генерала Эриха фон Майнштейна, одной из целей оккупации Крыма германскими войсками было желание Германии воздействовать на позицию Турции для получения ее поддержки.

После нападения Германии на СССР, 25 июня 1941 года турецкое правительство заявило о своем нейтралитете в советско-германском конфликте. Однако среди турецких военных и политиков перспектива участия в войне с Советским Союзом активно обсуждалась.

Японский историк Хаттори Такусиро, описывая события того периода, отмечал, что «Турция по-прежнему сохраняет нейтралитет, вероятно, что в случае успешных действий германской армии на Кавказе после весны этого года Турция выступит на стороне стран “оси” <...> До тех пор, пока окончательно не прояснится ход военных действий на Западе и в Азии, Турция будет стремиться сохранить нейтралитет»³⁴⁹.

Турция продолжала оставаться строго нейтральной. Как отмечают турецкие историки, «ее настойчивость в соблюдении союзнических обязательств с Британией, с одной стороны, и подписание пакта с Германией, с другой, предотвратили расширение войны на Среднем Востоке»³⁵⁰.

Опубликованные впоследствии в Советском Союзе документы германского МИДа свидетельствовали о том, что успехи германских войск на восточном фронте вызвали энтузиазм и надежды таких тюрко-татарских лидеров в Турции и других странах, как Кафер Саид Ахмед Киример, Аяз Ишаки, Зеки Велиди Тоган, Мехмет Эмин Ресулзаде, Нурипаша, Мирзо Бала, генерал Эмин Эркилет, генерал Мурсел Баку³⁵¹.

С другой стороны, союзники также пытались добиться от Турции вступления в войну на своей стороне. Стремясь подключить турецкие войска к боевым действиям против Германии, США и Великобритании начали поставки современного вооружения в Турцию по программе ленд-лиза. За 4 дня до японского нападения на Перл Харбор США заявили, что защита Турции необходима для защиты США и 3 декабря 1941 г. распространили помощь по ленд-лизу на Турцию. Как отмечается в турецких источниках, «Сталин рассматривал послевоенные границы в Европе и в разговоре с министром иностранных дел Англии Э. Иденом заявил, что Турция должна получить Додеканес, некоторые районы Болгарии и возможно северные районы Сирии»³⁵².

Вопрос вступления в войну Турции обсуждался в 1943 г. Каире и Адане между Черчиллем, Рузвельтом и Исметом Инёню, затем в 1943 г. в Москве и Тегеране, на Мальте (1945 г.), в Ялте (1945 г.) обсуждались вопросы присоединения Турции к антигитлеровской коалиции, а также послевоенная ситуация. Турция пыталась выступать посредником в отношении предложения президента Турции Исмета Инёню послу Германии в Турции фон Папену для достижения мирного решения конфликта между странами «оси» и союзниками. Так как от Гитлера не последовало положительного ответа, 2 августа 1944 г. Турция разорвала дипломатические отношения с Германией.

Главной причиной, побудившей Турцию объявить войну Третьему Рейху 23 февраля 1945 г., стало одно из ключевых решений Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 года). В Ялте главы СССР, Великобритании и США договорились о том, что в создании Организации Объединенных Наций (ООН) будут участвовать только те государства, которые объявят войну Германии до 1 марта 1945 г. В самой Турции понимали, что любая критика решений конференции может поставить государство

в положение изоляции перед союзниками поскольку нейтральные страны рисковали оказаться вне системы международных отношений, которую выстраивали державы-победители. Союзники поставили перед турецким правительством условие, что, если до конца февраля она объявит войну, она будет приглашена на Конференцию по созданию ООН.

Кроме того, к концу Второй мировой войны одной из главных проблем для Турции стало сохранение контроля над Черноморскими проливами. Руководство страны опасалось, что союзники могут организовать международное управление Босфором и Дарданеллами. Присоединение к антигитлеровской коалиции позволило Турции избежать высадки иностранных войск на своей территории и обеспечить суверенитет над Черноморскими проливами.

Таким образом, к концу Второй мировой войны политическое руководство Турции пришло к осознанию необходимости вступления государства в войну с целью участия в организации, которая будет определять устройство послевоенного мира. 23 февраля 1945 г., когда территории Турции уже не могла угрожать германская авиация, а исход войны был полностью предрешен, Турция объявила войну Японии и Германии. Министр иностранных дел Турции Хасан Сака выступил со следующим заявлением в турецком парламенте: «<...> Турция приняла решение сотрудничать с ООН для обеспечения мира и отражения агрессии. Наиболее четкое выражение этого стремления выражено в турецко-британском союзе <...> Правительство Турции разорвало дипломатические и экономические отношения с Германией 2 августа в соответствии с этим союзом и в силу резолюции Великого национального собрания <...> В настоящее время союзник наших союзников, США, 28 декабря 1944 г. выразили надежду, что Турция объявит о прекращении дипломатических отношений с Японией, предполагая, что это лишит Японию важного поста наблюдений за действиями союзников в войне. Наш союзник правительство Британии также обратилось к нам с этим же предложением. Решение должно принять Великое Национальное Собрание Турции»³⁵³.

Таким образом, по итогам Второй мировой войны Турция оказалась среди стран-победительниц, практически не понеся материальных потерь. 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско представители 50 государств основали ООН. В их числе были все страны, объявившие войну Германии в феврале 1945 г.

Турецкие историки, отдавая должное турецкому правительству за «прекрасную внешнеполитическую тактику», отмечали, что к концу

войны цели и задачи Турции изменились. Придерживаться нейтралитета до конца войны было по крайней мере невыгодно, так как в послевоенном устройстве мира государство не получало никаких значительных перспектив. Конечно, как и прежде оно могло рассчитывать на поддержку Запада. Но, в связи с тем, что к концу войны изменилось соотношение мировых сил — восток-запад — это, естественно, сильно повлияло на позицию Турции³⁵⁴.

Говоря о внешнеполитической тактике турецкого государства, необходимо отметить, что дипломатические отношения между Японией и Турцией сохранялись на всем протяжении войны. Посольства двух стран продолжали работать в течение всего периода войны. В Японии на должности послов Турции были: с 1939 по 1943 гг. — Ферит Тек и с 1944 по 1945 гг. — Али Музаффар Гёкер, который был отозван из Токио после объявления «формальной» войны между двумя странами 23 февраля 1945 г. С японской стороны в этот период послами в Анкаре были Тосихико Такэтоми и Сё Курихара. При этом западными историками подчеркивалось, что посольство Японии в Анкаре было одной из семи дипломатических миссий Японии, которые продолжали работать во время войны. Турецкие историки отмечают, что в переговорах между турецким министром иностранных дел и представителями США и Британии, это дипмиссия Японии называлась «аванпостом», важным для сбора информации»³⁵⁵.

Ниже приводится текст резолюции, принятой ВНСТ об объявлении войны Германии и Японии:

«<...> Мы подтверждаем, что Национальное Собрание приняло решение об объявлении войны Германии и Японии, и одновременно присоединяется к Декларации ООН от 1 января 1942 г.» (далее следовал список депутатов от различных городов Турции)³⁵⁶.

Таким образом, «формальное» объявление войны, явилось результатом давления союзников на Турцию, и их “quid pro quo” (услуга за услугу) для Турции явилось участие в системе ООН.

Как отмечает турецкий историк Аслыхан Гюдек, «в ходе войны Турция словно разыгрывала шахматную партию, совершая разнообразные дипломатические маневры. В периоды превосходства Германии на передний план выдвигались политики, известные своей приближенностью к ней, упрочивались их позиции, они способствовали развитию двусторонних отношений государств. С потерей Германией

политического, экономического и военного превосходства в последующие годы войны приближенные к Германии политики и бюрократы один за одним уходили в отставку <...> Благодаря невероятным усилиям турецких государственных деятелей, прежде всего президента Исмета Инёню, в ответ на все эти события, явления и споры Турция уклонилась от втягивания в войну и всемерно стремилась держаться в стороне от ее разрушительных событий»³⁵⁷.

Глава III

ЭВОЛЮЦИЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОТ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ К ПОИСКАМ ПАРТНЕРСТВА

Война в Корее и Сан-Францисский мирный договор

Рассматривая послевоенный период в японо-турецких отношениях прежде всего следует охарактеризовать положение двух стран в мировой геополитике в эти годы.

В результате военного поражения Япония была оккупирована американскими войсками под командованием генерала Макартура через две недели после ее капитуляции 2 сентября 1945 г. Япония де-факто утратила суверенитет. Властные функции перешли к Верховному командованию союзных сил, которое возглавил американский генерал Дуглас Макартур. Формально США представляли интересы всех стран, воевавших с Японией, но поскольку соотношение сил СССР и западных держав на Дальнем Востоке было совершенно иным, чем в Европе, а вступление Советского Союза в войну против Японии произошло на последнем этапе Тихоокеанской войны в условиях фактически начавшейся «холодной войны», Москва была вынуждена с этим согласиться. Подписав безоговорочную капитуляцию, Япония тем самым приняла условия Потсдамской Декларации 1945 г.

Взяв курс на сдерживание СССР и борьбу с социализмом в Европе и национально-освободительным движением в Азии, вместе с тем администрация США заявляла о приверженности Потсдамской декларации. 23 сентября 1945 г. был опубликован документ под названием «Основные

принципы политики США в отношении Японии в начальный период оккупации», в котором были сформулированы основные принципы оккупационной политики и определялись конкретные меры по демилитаризации и демократизации Японии.

Перед победившими державами стояла задача такого послевоенного урегулирования в Японии, которое предотвратило бы возрождения ее как милитаристской державы. Это было возможно только посредством демократизации, ликвидации помещичьего землевладения, роспуска монополистических группировок — дзайбацу, — демилитаризации и наказания военных преступников. Вышеперечисленные задачи были решены на первом этапе оккупации (1945–47 гг.) благодаря относительному единству среди стран-победителей³⁵⁸.

Таким образом, Япония временно лишилась права иметь самостоятельные и непосредственные дипломатические, торговые, культурные и другие связи с иностранными государствами. Она потеряла свои колонии и инвестиции в Китае и странах Юго-Восточной Азии, а также потеряла суверенитет над островами Рюкю (Окинава), занятых американскими войсками, хотя формально и сохранялось японское правительство. Были казнены военные преступники, проведены выборы в парламент, принята новая конституция. Проведенная аграрная реформа навсегда ликвидировала самурайское сословие, которое и так существовало больше в традициях. Отменять монархию американцы не решились, опасаясь социального взрыва.

Конец 1940-х — начало 1950-х гг., как отмечает Н. Г. Киреев, считаются переломными во внутривнутриполитической жизни Турции³⁵⁹. Наиболее важным событием стал приход к власти правительства Демократической партии во главе с Аднаном Мендересом, которая сменила прежде лидировавшую Народно-республиканскую партию. Это событие отразилось и на внешней политике страны.

Ещё до капитуляции Германии, на Ялтинской конференции в феврале 1945 г., союзные державы обсуждали контуры послевоенного мира, сквозь которые уже явно проглядывалось противостояние двух социальных систем. Обе стороны стремились к расширению своего влияния, как идеологического, так и общественно-политического.

Как отмечает Н. Г. Киреев, «в начавшейся “холодной войне” большинство государств, та же Турция, были вынуждены действовать в фарватере политики сверхдержав, а цели внешней политики США и СССР явно противоречили друг другу, и это не могло не привести к расколу

Европы и всего мира на две противоположные военно-политические группировки. Узловыми моментами борьбы сверхдержав стали гонка вооружений, создание военных баз (американские базы появились впоследствии и в Турции), соперничество в Европе, участие в региональных конфликтах и идеологическая борьба»³⁶⁰.

Правительство Турции с началом «холодной войны» приняло сторону Запада, и с созданием НАТО в 1949 г. турецкая дипломатия стала прилагать все усилия к вступлению в эту организацию³⁶¹. Но многие ее члены по разным причинам выступали против принятия в него Турции. Великобритания не желала включения Турции, поскольку это могло бы привести к полному подчинению последней США, главенствовавшими в НАТО. Скандинавские члены блока опасались быть вовлеченными в конфликт из-за неевропейской страны, каковой они считали Турцию, поскольку отношения последней с Советским Союзом были весьма непростыми. Такое положение вызывало серьезное беспокойство правительства Турции, поэтому изменение отношения к ней в первую очередь стран Запада и, как следствие, вступление страны в НАТО стали первоочередными целями турецкой дипломатии. Возможность поднять свой статус в глазах США и стран Запада появилась у Турции с началом войны на Корейском полуострове в июне 1950 г., когда северокорейские войска пересекли 38-ю параллель и вторглись на территорию Республики Кореи. Совет Безопасности ООН расценил эти действия как угрозу миру на Корейском полуострове и обратился к странам ООН с призывом оказать военную помощь Южной Корее, для чего было создано объединенное командование ООН во главе с США. Правительство Турции решилось отправить контингент турецких войск на Корейскую войну на стороне сил ООН³⁶².

Война на Корейском полуострове косвенно оказала влияние на японо-турецкие отношения, так как солдаты обеих стран принимали участие в военных действиях. В это время Япония все еще находилась под официальной оккупацией США. Японии было запрещено начинать войны и даже иметь свою армию. Здесь следует напомнить, что еще в сентябре 1945 г., после захвата Кореи до 38-й параллели американскими войсками, в сдавшейся японской армии было много солдат, которые родились непосредственно в Корее. При формировании армии марионеточным правителем Ли Сын Май в Корее прямо и косвенно участвовали японские специалисты и служили японские солдаты, жившие в Корее, а также полукровки, считавшие себя японцами. Американская авиация, которая

наносила массированные бомбовые удары, базировалась в Японии. При этом в выполнявших функцию вспомогательных войск в военных действиях участвовали и японцы.

30 июня 1950 г. Великое Национальное Собрание Турции (парламент страны) приняло решение об отправке воинского контингента в Республику Корею. Турция стала второй после США страной, которая откликнулась на призыв ООН оказать военную помощь Южной Корее. 25 июля парламент утвердил состав и численность турецкой пехотной бригады, отправляемой на корейский полуостров. Военная бригада состояла из 676 офицеров и 4414 солдат. Командовал ею бригадный генерал Тахсин Язычы — ветеран Первой мировой войны, участник Дарданелльской операции. Бригада была придана 25-й дивизии армии США. Первая остановка турецкой бригады была в Токио. Местами ее дислокации были «Кэмп Дэйк» и «Вашингтон Хайтс», которые в настоящее время являются олимпийским стадионом и парком Йоёги — рядом с современным посольством Турции в Токио.

Став членом ООН, Турция проголосовала за резолюцию «Единство в пользу мира», принятую на Генеральной Ассамблее 3 ноября 1950 г.* Резолюция, призывавшая к совместным действиям членов ООН против агрессии Северной Кореи, была предложена Соединенными Штатами с целью обойти право вето со стороны СССР. Как отмечает Рене Альбрехт-Керри в книге «Дипломатическая история Европы после конгресса в Вене», «в связи с тем, что советский делегат бойкотировал

* Одним из наиболее противоречивых актов в истории международного права остается Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 377 (V) «Единство в пользу мира» которая оформила некоторую модель действий, которая теоретически позволяет в случае, если вето одного из постоянных членов Совета Безопасности ООН является препятствием для влияния на ситуацию, очевидно угрожающую международному миру и безопасности, «перенести» как рассмотрение вопроса, так и, возможно, организацию ответных мер в Генеральную Ассамблею. Таким образом, формально ООН не остается совершенно в стороне от такой ситуации, и при этом создается видимость, что международное сообщество противостоит недобросовестно действующей великой державе (или державам). Сама процедура позволяет членам Совета безопасности обойти вето постоянного члена Совбеза, при этом передав этот вопрос на голосование в Генеральную ассамблею ООН. Для того, чтобы использовать «Единство ради мира», необходимо 7 голосов или большинство голосов членов. Начиная с 1950-го года, резолюция «Единство ради мира» применялась 10 раз. (В.С. Ржевская. «Единство в пользу мира» и практика международного суда ООН <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=11&art=4538>)

сессию Совета Безопасности, была исключена возможность наложения вето СССР на эту резолюцию»³⁶³. Следует подчеркнуть в этой связи, что эта резолюция была принята для того, чтобы в обход сопротивления СССР начать военную акцию против Северной Кореи и придать ей видимость принудительных мер против нарушителя мира от имени международного сообщества.

Таким образом, можно утверждать, что США, которые активно участвовали в военных действиях в Кореи, опирались на японцев и турок.

Как отмечается в «Истории Японии», «американская оккупация затянулась на срок, беспрецедентно долгий в отношениях между крупными странами, — 6 лет и 8 месяцев. В течение этого времени намерения США относительно сроков и способов заключения мирного договора с Японией, а также его содержания, претерпели большие изменения»³⁶⁴. США устраивало бездоговорное положение Японии в условиях «холодной войны», что создавало благоприятные условия для деятельности проамериканских сил в стране. На втором этапе оккупации (1948–51 гг.) Вашингтон сделал ставку на превращение Японии в своего союзника на Дальнем Востоке (вместо гоминдановского Китая, доживавшего последние дни)³⁶⁵.

После проведения ряда мероприятий, обеспечивающих лояльность японского правительства, Вашингтон вынес на Сан-Францисскую конференцию 1951 г. проект Мирного Договора стран-победителей с Японией. На конференции, созванной в разгар корейской войны, неизбежно должны были возникнуть разногласия по тексту Договора. Всего в работе мирной конференции участвовало 52 страны, в том числе и Турция. Ряд стран — КНР, КНДР, Монгольская Народная республика (МНР), Демократическая Республика Вьетнам (МНР), — пострадавших от японской агрессии в наибольшей степени, приглашены не были, Индия и Бирма отказались от участия, но были представлены все латиноамериканские страны и Люксембург. Поскольку проамериканское большинство конференции отказалось вносить поправки в подготовленный госдепартаментом проект Договора, советская делегация покинула ее, и мирный Договор между СССР (Россией) и Японией подписан не был³⁶⁶.

8 сентября 1951 г. в Сан-Франциско состоялось подписание Мирного договора с Японией, который подытожил результаты Второй мировой войны и заложил основание нового баланса сил в Азии и в мире. Мирный договор с Японией подписали 49 государств, включая Турцию, но он не был подписан такими государствами, как МНР, КНР, СССР,

ДРВ, Индия и Бирма, которые внесли существенный вклад в победу над Японией³⁶⁷. Мирный договор вступил в силу 28 апреля 1952 года. В соответствии с положениями этого договора, Япония отказалась от всех прав и претензий на Корею, острова Квельпарт, Тайвань, Пескадорские и Парасельские острова, острова Спартли, острова северной части Тихого океана, южный Сахалин, Курильские острова, острова Рюкю и Бонин (но без указания стран, которым эти острова передавались), а также на любую часть Антарктического района³⁶⁸. Архипелаг Рюкю (остров Окинава) оставался под административным управлением США. Предусматривалась выплата репараций Японией жертвам ее агрессии, но без указания размера репараций и порядка их выплаты (предлагалось решать этот вопрос на основе двусторонней договоренности). Мирный договор не предусматривал вывода американских оккупационных войск с японской территории³⁶⁹.

Многосторонний Сан-Францисский договор после закрытия Конференции был дополнен двусторонним японо-американским Договором безопасности. В соответствии с его статьями США брали на себя обеспечение «безопасности Дальнего Востока» и получали право пресечения «внутренних беспорядков» на японской территории. Договор был бессрочным без права одностороннего выхода из него Японией. США не были обязаны консультироваться с Токио по вопросам использования американских войск, дислоцированных в Японии, для обеспечения возложенных на них задач³⁷⁰.

Подписание Японией мирного договора возвращало ее в систему международных отношений в качестве полноправного субъекта. Газета "*Mainichi Shimbun*" назвала это событие «возвращением Японии в семью независимых государств»³⁷¹.

В Мирном договоре с Японией было не так много положений, которые непосредственно затрагивали турецко-японские отношения. Союзные державы приняли заявление о намерениях, сделанное Японией в Преамбуле Договора, где указывалось, что Япония будет выступать в качестве миролюбивого и ответственного члена международного сообщества и что она намерена обратиться с заявлением о принятии ее в члены ООН, соблюдать принципы Устава ООН, стремиться к проведению в жизнь целей Всеобщей Декларации Объединенных Наций о правах человека, стремиться к созданию внутри Японии условий стабильности и благосостояния, а также соблюдать в государственной и частной торговле и коммерции принятую в международном масштабе

справедливую практику. При этом было принято решение, что, когда мирный договор будет должным образом ратифицирован и соответствующие формальности будут завершены для его вступления в силу, состояние войны между подписавшими его странами и Японией будет прекращено; Союзные государства также заявили, что они признают полный суверенитет японского народа над Японией и ее территориальными водами (статья I). Япония заявляет о своей готовности немедленно вступить в переговоры о заключении двусторонних или многосторонних соглашений относительно международного гражданского воздушного транспорта (статья 13).

За этими основными положениями о независимости и мире последовали статьи по вопросам безопасности, политического и экономического урегулирования, материальным требованиям и имущественным правам, разрешению конфликтов и т. д.; дополнительный протокол, связанный с контрактами и сертификатами; декларация, относящаяся к военным могилам и памятникам; присоединение Японии к некоторым основным международным конвенциям, соглашениям и договорам.

Единственное положение договора, непосредственно связанное с Турцией, содержится в подпункте б) статьи 8, в которой говорится: «Япония отказывается от всех таких прав и интересов, которые могут принадлежать ей как одной из держав, подписавших Сен-Жерменскую Конвенцию от 10 сентября 1919 года и Соглашение о проливах в Монтре от 20 июля 1936 года, а также от прав и интересов, проистекающих из статьи 16 Мирного Договора с Турцией, подписанного в Лозанне 24 июля 1923 года <...> В течение 6 месяцев со дня первого вступления в силу настоящего Договора Япония известит Министерство иностранных дел в Париже о своем отказе от прав, правооснований и интересов, указанных в этом параграфе»³⁷².

Это положение Договора явилось результатом понимания между великими державами, которое было достигнуто во время проведения довоенных конференций, когда СССР настаивал на пересмотре конвенции Монтрё, так как она более не удовлетворяла интересы стран, подписавших ее. Так как Япония имела право, правооснования и интересы, проистекающие из условий конвенций, они были аннулированы. Следует напомнить, что Сталин оказывал давление на Турцию в отношении изменения режима проливов путем пересмотра конвенции Монтрё в двустороннем порядке, однако Турция категорически отвергла это предложение на основании того, что это противоречило международному праву.

С подписанием мирного договора с Японией на основании положений, процитированных выше, было сочтено справедливым несогласие СССР с правами Японии в отношении режима проливов, и оно было удовлетворено. Это было, по мнению турецких историков, второстепенным вопросом, ключевым же вопросом явилось подтверждение на международном уровне положения, сформулированного в конвенции Монтрё о законности режима проливов на основании статьи 8. При этом подразумевался отказ Японии от прав, относившихся к этой конвенции.

Другим положением договора, которое привело к прямому взаимодействию между турецким и японским правительствами (хотя оно относилось ко всем странам, подписавшим договор), явилась статья 15, подпункт а), которая рассматривала возврат собственности, материальной и нематериальной, гражданам Союзных Держав, которые находились в Японии в период с 7 декабря 1941 г. до 2 сентября 1945 г. Во исполнение этого положения соглашение для разрешения конфликтов, происходящих из его применения, было темой переговоров между Японией и другими странами в Вашингтоне 12 июня 1952 г. Это соглашение предусматривало создание совместной комиссии для устранения конфликтов, вытекающих из случаев, относящихся к возврату или компенсации собственности в Японии гражданам стран, подписавших Договор.

Правительство Турции, подписав это соглашение, представило соответствующий закон для ратификации Национальным Собранием 25 марта 1953 г., который был обсужден в тот же день и принят два дня спустя под номером 6080 для исполнения Советом министров. Самым известным случаем, относившимся к принадлежавшей Турции собственности в Японии, явилась земля, на которой были построены тюркская школа и мусульманская мечеть. Невозможность для тюркской общины создать ассоциацию, закончилась регистрацией названных мест на имя Курбана Али, который был лидером и религиозным руководителем тюркского сообщества в Японии. Эта юридическая уловка позже закончилась судебными тяжбами между его наследниками и лидерами тюркской общины и вызвала затяжные судебные процессы. В конце концов вопрос владения был решен местными судами, и недвижимость была передана в дар лидером тюркского сообщества (в то время им являлся Энвер Апанай) турецкому правительству, которое представляло посольство Турции в Токио. В настоящее время эта недвижимость полностью принадлежит посольству Турции.

Одновременно с подписанием мирного договора был подписан американо-японский «договор безопасности», который давал США право размещать свои наземные, воздушные и морские силы «в Японии и вблизи ее»³⁷³. Таким образом, «договор безопасности» и последовавшие за ним японо-американские соглашения сохраняли известную зависимость Японии от США. Вместе с тем формальное признание суверенитета Японии давало ей возможность маневрировать и укреплять свои политические и экономические позиции на международной арене.

В этой связи следует отметить, что основой послевоенной турецкой внешней политики было участие в НАТО и ОЭСР. В рамках Балканского пакта при поддержке США и Великобритании была возобновлена деятельность Организации центрального договора (СЕНТО), которая объединила Турцию, Иран, Ирак и Пакистан³⁷⁴. Эти шаги, как отмечает Арык Умут, были направлены на создание «пояса безопасности» вокруг Турции — надежного оплота против российской экспансии», помогая тем самым геополитической политике сдерживания Советского Союза, проводимой США³⁷⁵.

Расширение двусторонних связей и «дипломатия приглашений» в 50–60-е гг. XX в.

После восстановления дипломатических отношений между Японией и Турцией двусторонние отношения характеризовались разными периодами взаимной заинтересованности и активности.

13 сентября 1951 г. Абдул Меннан Тебелен был назначен на пост генерального консула Турции в Токио через 4 дня после подписания мирного договора с Японией. К этому времени прошло 6 лет после отъезда турецкого посланника Али Музаффар Гёкера из Токио в связи с «формальным» объявлением войны Японии в 1945 г.³⁷⁶ 14 мая 1952 г. в Турции был принят «Закон о ратификации Мирного договора и его приложений, протокола и двух деклараций, подписанных между Турцией и другими союзными правительствами и Японией». Документ был представлен для обсуждения в качестве Закона 5935 к исполнению Советом Министров и вступил в силу после его опубликования в “*Official Gazette*” 17 мая 1952 г. Генеральное консульство Турции в Токио было преобразовано в дипломатическое представительство, и Абдул Меннан Тебелен занял

пост временного поверенного в делах после решения турецкого правительства о возобновлении деятельности посольства Турции в Японии, которое открылось 9 декабря 1952 г. Из летописей турецкой внешнеполитической службы следует, что А. Тебелен был фактически назначен первым дипломатическим посланником Турции в послевоенной Японии, однако, поскольку Мирный договор еще не был ратифицирован Турцией, он был направлен в Японию в качестве консульского агента со статусом генерального консула*. В его обязанности входили функции дипломатического посланника, связанные с поддержанием связей с японской администрацией как таковой. В то время солдаты турецкой бригады, отправленной в Корею, часто находились в Японии для отдыха или лечения после ранений и, несомненно, увеличили консульские обязанности первого послевоенного турецкого посланника в Японии.

После ратификации Мирного договора с Японией в июне 1952 г. состоялся обмен письмами и нотами между министром иностранных дел Японии Окадзаки Кацуо и временным поверенным в делах Турции в Токио А. Меннан Тебеленом о возобновлении работы посольства Турции в Токио и создании консульского отдела, а также об официальном открытии посольства Японии в Анкаре (1952 г.). Вскоре после этого Япония также вновь открыла свою дипмиссию в Анкаре (1953 г.). В целях расширения присутствия турецкой миссии в Токио в 1954 г. состоялся перенос турецкого посольства в новое здание, которое было спроектировано всемирно известным японским архитектором Тангэ Кэндзо.

Незадолго до этого, 19 февраля 1954 г., Япония подписала соглашение о правовом статусе сил Организации Объединенных Наций в Японии, и Турция присоединилась к этому соглашению. Здесь следует отметить, что начальником штаба турецкой бригады в составе сил Организации Объединенных Наций был подполковник Кенан Эврен, который позже станет седьмым президентом Турецкой Республики.

С приходом в феврале 1957 г. к власти в Японии Киси Нобусукэ, который был приверженцем идеи укрепления независимости и самостоятельности страны, резко усилилось азиатское направление японской дипломатии. Япония стала осуществлять стратегию глубокого проникновения в Азию за счет использования экономических рычагов.

* Турецкое дипломатическое представительство в Токио во время корейской войны было обеспечено временным поверенным в делах Феррухом Нуреттином Алкентом, послом Ферит Тек, послом Али Музаффар Гёкером.

Премьер-министр Японии Киси Нобусукэ, министр иностранных дел Фуцзияма Аиитиро, министр финансов Итимара Хисао и др. государственные деятели обсуждали основные способы продвижения торговых отношений и культурного обмена с азиатскими странами в целях углубления дружественных связей в контексте так называемой «дипломатии приглашений», которая предусматривала приглашение с визитами определенных зарубежных лидеров, среди которых, прежде всего, назывался премьер-министр Турции Мендерес³⁷⁷. Интересным представляется тот факт, что в японской прессе давалась всеобъемлющая характеристика Мендереса как политика, обладавшего «сильным и мужественным мастерством, необходимым Турции». В частности, приводился пример его посещения Западной Германии и переговоров с министром экономики Людвигом Эрхардом (хорошо известным как человек, восстановивший экономику Западной Германии) по поводу строительства 12 цементных заводов в Турции. С точки зрения экономической мощи Турции Эрхард посоветовал, что двух заводов будет достаточно. На это Мендерес вежливо, но категорично ответил: «Не стоит беспокоиться о чужой кухне». Мендерес — уверенный в себе человек. Считалось, что, если его политика будет оспариваться, он будет метать гром и молнии независимо от того, от кого это будет исходить — его близких соратников или членов кабинета министров. Он одновременно являлся самоуверенным в себе и ненавидел журналистов, что и характеризует его должным образом как «сильную личность»³⁷⁸. При этом акцент делался на том, что «изначально Турция являлась воинственной нацией, известной своей ненавистью к Советскому Союзу. Турция испытывает близость к Японии, т. к. Япония победила в русско-японской войне. Ставя цель национального процветания, развития обороны и государственной модернизации, Мендерес испытывает интерес к Японии, которая завершила модернизацию в короткие сроки после реставрации Мэйдзи»³⁷⁹. Приводились также слова Мендереса со словами «Удивительное развитие Японии будет примером и стимулом для Турции»³⁸⁰.

Таким образом, и Япония, и Турция проявили заинтересованность в налаживании межгосударственных отношений, что нашло свое выражение в том, что в середине 50-х гг. имел место интенсивный обмен визитами государственных и политических деятелей двух стран.

На данном этапе следует отметить важный визит парламентской делегации Турции в Японию во главе с бывшим генеральным секретарем МИД Турции Фитином Русту Зорлу в ноябре 1956 г., который вскоре занял

пост министра иностранных дел Турции. Значение этого визита определялось не только посещением японской судовой верфи в Исикава Харима и автомобильного завода, но также тем, что глава делегации Зорлу был доверенным лицом премьер-министра страны А. Мендереса. Кроме того, в то время как основной задачей турецкой делегации было участие в конференции межпарламентского союза в Бангкоке, Зорлу было поручено «открыть» Турцию для стран Дальнего Востока для дальнейшего развития экономического и политического сотрудничества, а Япония в этом отношении была наиболее предпочтительным партнером.

Следующим важным организационным моментом между Японией и Турцией явилось подписание в ноябре 1957 г. соглашения о взаимной отмене виз, переговоры о котором проходили в Токио между министерством иностранных дел Японии и послом Турции в Японии Сурейи Андериманом, и которое вступило в силу через два месяца — 5 января 1958 г.

Затем последовал ряд визитов, наиболее важным из которых явился визит в Японию в ноябре 1957 г. премьер-министра Турции А. Мендереса.

Японская пресса подробно освещала визит Мендереса в Японию, его встречи с императором, премьер-министром Киси, представителями правительства и парламента. При этом давалась положительная характеристика Мендересу как «сильному политику Турции», вместе с тем подчеркивалась особая направленность политики Турции в отношении Японии с точки зрения ее модернизации после революции Мэйдзи. Газета “*Mainichi Shimbun*”, приводя слова Мендереса, что «чудесное развитие Японии станет образцом и является воодушевляющим примером для Турции», подчеркивала, что это не просто дипломатический комплимент³⁸¹.

В коммюнике, выпущенном после визита, подчеркивалось, что оба премьер-министра договорились приложить усилия для содействия развитию торговли между двумя странами, а также создать Совместный Комитет экономических экспертов для изучения возможностей технического и экономического сотрудничества. В целях дальнейшего содействия взаимопониманию и укрепления дружественных отношений стороны договорились содействовать культурным обменам в академической и художественной областях. Премьер-министры обеих стран подтвердили, что эти свободные и откровенные обмены будут еще больше способствовать укреплению взаимопонимания и сотрудничества³⁸².

По приглашению министра Иноуэ Сигэджиро, возглавлявшего оборонное ведомство Японии, в апреле 1959 г. состоялся визит министра

обороны Турции, близкого друга и двоюродного брата Аднана Мендереса, Этема Мендереса. Вскоре после этого еще один важный визит совершил спикер Великого Национального собрания Турции Рефик Коралтан, основатель правящей Демократической партии, один из ближайших друзей премьер-министра Аднана Мендереса.

Из этой серии двусторонних встреч было очевидно, что правительство премьер-министра Аднана Мендереса и его Демократическая партия были нацелены на установление более тесных экономических и политических связей с Японией. Это полностью соответствовало курсу страны на выработку активной международной политики с целью определить роль, которую Турция могла бы играть в Европе, на Балканах и Ближнем Востоке, а также в мире в целом. Позиция же Японии характеризовалась, с одной стороны, заинтересованностью в развитии тесных отношений с Турцией, с другой — крайней осторожностью в принятии на себя обязательств экономического порядка. В статье *“Mainichi Shimbun”* от 22 сентября 1959 г. отмечалось, что «сотрудничество между Японией и Турцией представляет собой оборонительный вал вокруг коммунистических стран с целью борьбы с коммунизмом»³⁸³.

После государственного переворота в Турции в мае 1960 г., в результате которого было свергнуто правительство Мендереса и власть перешла в руки военных, произошел ряд визитов представителей оборонного ведомства Японии в Турцию. В июне 1960 г. командующий военно-морскими силами самообороны адмирал Иорихара нанес визит в Турцию и положил начало традиции взаимных визитов между командующими военно-морскими силами Турции и Японии, которые продолжают до сих пор. Следует подчеркнуть, что с того времени японские военные атташе в Турции, начиная с капитана Иноуэ Татсуаки, являются военно-морскими офицерами, что также характерно и для военных атташе Турции в Японии.

Далее в августе 1951 г. последовал визит командующего японских военно-воздушных сил самообороны генерала Гэнда, в августе 1962 г. — генерала Омори, командующего сухопутными силами самообороны. В соответствии с достигнутым договором во время визита адмирала Иорихара 4 корабля японских военно-морских сил самообороны посетили Стамбул.

Турецкая сторона тоже использовала тактику «приглашений» высокопоставленных лиц Японии. Так, по приглашению спикера Великого Национального собрания Турции Коралтана в апреле 1963 г. состоялся

визит принца Микасы Такахито (брата императора Японии и отца вышеупомянутого принца Микасы Томохито).

Принц Микаса пользовался заслуженным международным авторитетом среди научных исторических и искусствоведческих кругов. Предметом его исследований была Малая Азия (Анатолия и Месопотамия)*. В Турции он был известен как крупный ученый, проявлявший особый интерес к истории Турции. В 1960 г. он патронировал первую выставку древнетюркского искусства в Токио, Осаке и Нагое, спонсором которой явилась газета “*Mainichi Shimbun*”. А в начале 1963 г. он совершил поездку к месту гибели фрегата «Эртугрула» и почтил память погибших турецких моряков.

Следует подчеркнуть, что приготовления к его визиту в Турцию шли самым тщательным образом, в частности, в отношении программы пребывания делегации, а также сопровождающих видных деятелей страны, которые имели тесные связи с турецкой стороной. Среди них были генеральный директор японской национальной комиссии ЮНЕСКО, бывший посол в Турции Иноуэ Торадзиро, бывший секретарь японской делегации на Лозаннской мирной конференции Курода Минору и др. В этой связи интересным фактом явились специальные поставки продуктов из Турции для императорской семьи для того, чтобы императорские особы могли ознакомиться и привыкнуть к традиционным турецким продуктам (большей частью это были сигареты, напитки и некоторые другие продукты). В программу визита вошло посещение древних исторических памятников Турции, встречи с президентом Турции Гурселем, премьер-министром Инёню и другими государственными деятелями. Японские гости посетили города Анкару, Стамбул, Конью, Гордион, Пергамон, Богазкёй, Эфес, Бурсу, руины Трои.

* После войны принц Микаса поступил на литературный факультет Токийского университета и продолжил углубленное изучение археологии, ближневосточных исследований и семитских языков. С 1954 г. до своей смерти в 2016 году он руководил Японским обществом изучения Ближнего Востока. Он был почетным президентом Японского общества востоковедения. Принц проводил встречи с преподавателями Ближнего Востока и археологии в различных университетах Японии и за рубежом, включая Токийский национальный университет изящных искусств и музыки, Аояма Гакуин, Токийский женский христианский университет, Лондонский университет, Университет Хоккайдо и Университет Сидзуока. Он неоднократно выступал на радио и телевидении, выступая на культурные темы, и был известен как «Имперский ученый»

Визит принца Микасы широко освещался в прессе. Цитировалось следующее его высказывание:

«Несмотря на большое расстояние между двумя странами, Турция и Япония, расположенные на восточной и западной оконечности Азии, сохранили глубоко укоренившуюся дружбу, начало которой восходит к ранним дням истории, я очень хотел бы подтвердить турецкой нации эти искренние чувства и сердечную близость японского народа»³⁸⁴.

Отметим, что внучка принца, Микаса Акико, в январе 2018 г. стала главой Фонда принца Микасы и теперь имеет право распоряжаться всеми финансами этой ветви императорской семьи. Принцесса свободно владеет английским, немецким, турецким, ивритом и идиш. Микаса Акико является президентом общества японо-турецкой дружбы.

По образному высказыванию турецкого историка Арыка Умута, визит принца Микасы в Турцию «вдохнул ветер в паруса турецко-японской дружбы и содействовал углублению взаимопонимания между двумя народами»³⁸⁵. В этой связи он приводит цитату из письма, посланного в посольство Турции в Японии, от Нобору Такэситы, молодого депутата парламента от префектуры Симанэ: «В честь 100-летней годовщины создания молодежного Красного Креста школьники младшей и средней школы города Идзумо префектуры Симанэ создали специальный альбом для укрепления дружбы с детьми Турции. Альбом состоит из описания японских традиций и пейзажей Японии. Несмотря на то, что альбом несовершенно, мы бы хотели попросить Вас передать его в одну из школ Турции». Альбом с благодарностью был передан в школу в Анкаре рядом с музеем анатолийских цивилизаций, который принц Микаса посетил во время своего пребывания в Турции³⁸⁶.

Этот растущий интерес к Турции в Японии был подтвержден турецкой стороной, и ВНС Турции возродило связи между парламентами двух стран путем воссоздания турецко-японской Парламентской лиги дружбы. 13 апреля 1962 г. почетным президентом группы был избран глава Сената Суат Хайри Ургуплу.

Между двумя странами утвердилась практика визитов различных государственных деятелей, представителей министерств и ведомств, молодежных организаций, частного бизнеса и др. Помимо чисто ознакомительной и познавательной составляющей, во время визитов стороны формулировали основные интересы и позиции своих стран

в отношении двустороннего сотрудничества, на пути которого оказалось много препятствий.

Во время визита по странам Ближнего Востока японской делегации во главе с Хориэ в 1965 г., основной целью которого было расширение экономических отношений со странами региона и поиск новых рынков для японских товаров, турецкая сторона столкнулась с определенным сопротивлением японских деловых кругов в отношении вступления в турецкий консорциум (подробно об этом см. раздел «Непростые пути решения проблем экономических отношений»).

Среди самых заметных и знаковых визитов турецкие исследователи называют визит в Турцию в 1968 г. бывшего премьер-министра Японии и старшего брата премьер-министра страны Киси Нобусукэ, в тот период возглавлявшего японское отделение Парламентской лиги дружбы в парламенте Японии. Следует напомнить в этой связи, что именно Киси принимал в 1959 г. первую парламентскую делегацию Турции и имел непосредственный опыт взаимодействия с турецкой стороной. (Кроме того, интересным представляется тот факт, что в делегацию входил Абэ Синтаро. Став впоследствии министром иностранных дел Японии, Абэ совершил визит в Турцию, который, как отмечают турецкие историки, был первым визитом японского государственного деятеля подобного уровня.)

Осенью 1970 г. состоялся визит в Японию заместителя министра планирования Турции Т. Озала. Главной темой переговоров было продвижение экономического сотрудничества между двумя странами. Турецкая делегация предоставила обширную информацию о развитии Турции, о краткосрочных и среднесрочных проектах турецкой экономики, которые могут представлять интерес для японских деловых и промышленных кругов. Этот визит заслуживает упоминания, т. к. именно в это время стала закладываться основа для взаимовыгодного двустороннего сотрудничества, что со всей очевидностью проявилось в ходе последующего визита Т. Озала (уже будучи премьер-министром Турции) в Японию в 1985 г.

В 1973 г. в Японии укрепилась тенденция к стагнации отношений с Анкарой после отстранения избранного правительства Демиреля в Турции, ухода с политической сцены Н. Эрима, с формированием новых кабинетов под контролем военной верхушки, при крайне неустойчивой обстановке в стране, при постоянном продлении чрезвычайного положения и нарушениях закона экстерриториальности иностранных

миссий. Следует отметить в этой связи, что это совпало с принятием Японией концепции «многосторонней дипломатии», выдвинутой кабинетом Танаки Какуэй, сутью которой явилось расширение круга партнеров по международному, в первую очередь, экономическому сотрудничеству при сохранении приоритета японо-американских отношений. В контексте «многосторонней дипломатии», однако, несмотря на расширение географии международных связей Японии не только с соседними азиатскими странами, но и с государствами других регионов, в частности, ближневосточными странами, тенденция стагнации японо-турецких отношений усиливалась стремлением правительства Японии после первого нефтяного «шока» 1973 г. вступить в «клуб» высокоразвитых стран, придавая низкий приоритет в японском понимании иерархии таким странам, как Турция в сравнении с источниками сырья в Азиатско-Тихоокеанском регионе и странами ОПЕК. Продолжавшаяся практика взаимных визитов деятелей двух стран носила скорее формальный и церемониальный характер, и результаты этих визитов были незначительны.

Итак, японо-турецкие отношения к середине 70-х гг. объективно находились на своего рода второстепенном направлении внешней политики Японии, при этом главным союзником двух государств являлись США, что, в свою очередь, в дальнейшем неизбежно привело к поиску если не союзнических отношений с Турцией, то к взаимодополняемому и выгодному экономическому сотрудничеству. По мнению турецких историков, отношения Турции с Японией постепенно приобретали характер отношений между дружественными странами в контексте связей двух стран со «свободным миром — с Соединенными Штатами и Западом»³⁸⁷.

«Кипрский вопрос» в японо-турецких отношениях

Взаимодействие Турции и Японии по «кипрскому вопросу» оказало определенное влияние на поиски двух стран приемлемой формы отношений между ними.

Во время подготовки визита министра иностранных дел Турции Феридина Эркина в Японии в 1964 г. произошел «кипрский кризис», являвшийся давней проблемой в турецко-кипрских отношениях, и проявившийся многочисленными этническими конфликтами с обеих сторон. Несмотря на то, что данная проблема не входила в сферу непосредственных

интересов японской дипломатии, Турция в поисках союзников своей позиции неоднократно поднимала «кипрский вопрос» перед японской стороной.

Так, например, Турция информировала Японию о зверствах на острове и представила доказательства и фотографии расправ, совершенных греческими террористами в ходе террористических актов в отношении турецкой общины на Кипре в 1964 году. Турция требовала от ООН полного соблюдения Цюрихского и Лондонского соглашений, а также Конституции Кипра. Посольство Турции в Японии обратилось за поддержкой позиции Турции к японскому правительству. Это обращение турецкой стороны обосновывалось тем, что японская делегация в Организации Объединенных Наций, участвовавшая в деятельности Комитета 24 по отмене колониализма, распространила 18 ноября 1964 г. письмо, объясняя ситуацию вокруг «северных территорий» и «напоминая о японо-советской Совместной декларации от 19 октября 1956 г, которая предусматривала возвращение Японии островов Хабомаи и Сикотан при заключении Мирного Договора, однако затем Советский Союз потребовал вывести все иностранные войска с японской территории, с тем чтобы вернуть эти территории, хотя, как указывалось в письме, ни одно международное соглашение не должно было быть изменено в одностороннем порядке заинтересованными сторонами»³⁸⁸. Это положение цитировалась так: «Однако это аксиоматично, что ни одно международное соглашение не может быть преднамеренно изменено ни одной из его сторон»³⁸⁹, и в этом контексте турецкое правительство сочло естественным ожидать, что Япония будет придерживаться той же точки зрения и займет такую же позицию в кипрском вопросе, когда соответствующие обсуждения будут проходить на заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Посол Турции Эсенбель решительно выдвинул этот аргумент на уровне заместителя министра иностранных дел Японии и объяснил, что обеспечение физической безопасности турецкой общины Кипра имеет важное значение для решения проблемы. Ответ, данный министерством иностранных дел Японии, заключался в том, что Япония действительно придерживается принципа “*Pacta Sund Servanda*” (договоры должны соблюдаться) и принципа «мирного урегулирование конфликтов», но пока нет четкого понимания, как эти принципы найдут свое место в резолюции, и что, если правительство Турции подготовит встречный проект в противовес уже распространенному кипрско-греческому проекту, правительству Японии будет легче выработать более все-

объемлющую и четкую позицию³⁹⁰. При этом японская сторона направила на Кипр своего представителя, который информировал, что обстановка на острове остается спокойной. Одновременно с этим МИД Японии выразил точку зрения, что для нормализации отношений между двумя общинами острова потребуется гораздо больше времени. Посол Турции попытался объяснить в МИДе Японии, что настоящее спокойствие на острове было внешним. Несмотря на наличие международных соглашений, резолюций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций и присутствие миротворческих сил ООН (UNFICYP), по словам турецкого представителя, президент Кипра Макариос продолжал проводить политику агрессии и уничтожения турецкой общины, и все усилия ООН были безрезультатны. «Турция вынуждена была прибегнуть к своим правам, вытекающим из существующих соглашений, для обеспечения безопасности на острове. Это была единственная причина, почему на Кипре обстановка была относительно спокойной несмотря на то, что греки-киприоты продолжали свою пропаганду в ООН, чтобы использовать международную трибуну для достижения цели аннексии острова со стороны Греции»³⁹¹. Япония, выражая сочувствие турецкой стороне, однако заявляла, что не имеет полной убежденности в этом вопросе.

Турция поддержала кандидатуру Фукусимы Синтаро, издателя газеты “*Japan Times*” на пост председателя специальной политической комиссии во время 19 сессии Генеральной Ассамблеи ООН (осень 1964 г.), при этом однако выразила недоумение по поводу публикации в газете “*Japan Times*” от 3 декабря 1964 г. о необходимости сохранения военной базы Великобритании на Кипре и присоединении острова к Греции с необходимыми гарантиями и ограниченной автономией, предоставляемой турецкой общине на острове. Министерство иностранных дел Японии тем не менее продолжало сохранять осторожную позицию в отношении недовольства турецкой стороны.

МИД Турции продолжал регулярно информировать Токио о событиях на Кипре, рассчитывая на поддержку японской стороны на других международных площадках, таких как конференция стран Азии и Африки. Турция обратилась к вице-министру Японии Утибе с просьбой поддержать требование Турции прекратить «пропагандистский шквал» киприотов-греков на конференции по поводу их односторонних взглядов на кипрскую проблему. Несмотря на то что позиция Японии оставалась нерешительной, она поддержала требование Турции в отношении необходимости соблюдать международные соглашения и не присоединилась

к «Предложению 24 стран по Кипру» от 18 декабря 1965 г., принятого в поддержку киприотов-греков. В 1966 г. Япония решила принять участие в UNIFCYP с взносом в размере 100 000 долл.³⁹². Показательно интервью министра иностранных дел Японии Сиина Эцусабура газете “*Athens Daily Post*” 10 апреля 1966 г., в котором на вопрос: «Какова позиция Японии в Родезии, и как Вы объясните, что Япония воздерживается от поддержки Кипром принципов ООН “самоопределение” и “правило большинства”, применимых к Родезии?» — Сиина дал следующий ответ: «Япония всегда поддерживала принцип самоопределения и считает, что правление большинства является одним из главных принципов демократии»³⁹³. Япония, тем не менее, заняла беспристрастную позицию, когда кипрский вопрос был поднят на 20-й Сессии Генеральной Ассамблеи ООН, и поддержала усилия, направленные на выработку мирного решения, которое удовлетворило бы заинтересованные стороны, и была убеждена, что проект резолюции, который отражал бы исключительно взгляды одной из сторон, не мог способствовать выработке такого решения.

В июле 1974 г., когда Турция высадила войска на территории северной части Кипра, Япония не отреагировала на попытки «завербовать» японскую поддержку для принятия резолюции ООН, осуждающей или критикующей турецкое вмешательство на Кипре, поскольку этот акт был ничем иным, как соответствием турецким обязанностям как страны-гаранта. Не вставая на сторону ни одной из сторон в сложившейся ситуации, японская дипломатия высказалась за решение, которое должно быть согласовано двумя общинами без интернационализации вопроса и за обеспечение безопасности и законных прав общин предпочтительно в рамках двухзональной федерации.

В 1976 г. Япония поддержала позицию Турции в отношении рассмотрения вопроса о равенстве прав двух общин в Специальном политическом комитете и придавала особое значение не вопросам, касающимся процедуры, а инициированию предметных дискуссий на основе равенства между двумя сторонами под эгидой Генерального секретаря ООН Вальдхайма. В связи с этим турецкая сторона высоко оценила работу японской миссии в ООН, поддерживавшей обоснованность позиции Турции. В 1977 г., когда состоялось голосование на Генеральной Ассамблее ООН по «пересмотру предложения» относительно возможности предоставления права на обращение и выражение воли турецкой общине на Кипре, Япония проголосовала за турецкое предложение. В дальнейшем при голосовании на Генеральной Ассамблее ООН

в 1979 г. по политическим вопросам, касавшимся Кипра (резолюции 34/30), японский представитель «воздержался», объясняя свою позицию необходимостью межобщинных переговоров. Кульминаций разного подхода двух стран к решению «кипрского вопроса» явился вопрос о кандидатуре Японии в качестве члена Совета Безопасности ООН в 1978 г., когда Япония обратилась к Турции за поддержкой при голосовании. Одновременно с аналогичной просьбой к Турции обратились представители Бангладеш на уровне министра иностранных дел, премьер-министра и главы государства. Турция стояла перед необходимостью выбора: с одной стороны, была традиционно дружественная страна — Япония, с другой — Бангладеш, страна, ставившая цель использовать членство в СБ ООН для подтверждения недавно полученной независимости. Турция проголосовала за кандидатуру Бангладеш, о чем заранее проинформировала японскую сторону, что, к сожалению турецкой стороны, вызвало непонимание Токио. Это привело к тому, что при очередном обсуждении на Генеральной Ассамблее ООН вопроса о «праве турок-киприотов на вмешательство», японский представитель на этот раз проголосовал «против». (Однако следует признать, что во время последующего голосования после того, как Турция сослалась на затруднительное положение Бангладеш и моральную ответственность Турции по отношению к этой стране, японский представитель изменил свою позицию и «воздержался».) Затем, как отмечают турецкие историки, «произошел странный поворот судьбы», когда Бангладеш, несмотря на ее предыдущие заверения в поддержке позиции Турции, не признала провозглашенную в ноябре 1983 г. Турецкую Республику Северного Кипра³⁹⁴.

В том же году по приглашению турецкого адмирала Эйджеоглу состоялись визиты парламентских делегаций Японии под руководством Окуды Кэйва и Сато Мэгуму в Федеративное государство Северного Кипра, что было высоко оценено турецкой стороной и до сих пор рассматриваются Турецкой Республикой Северного Кипра как дружественный акт со стороны Японии, хотя Япония и не признала эту республику. Провозглашение Турецкой Республики Северного Кипра было встречено в Токио с привычным спокойствием и выраженной нейтральной позицией. Основным элементом японского подхода оставалась необходимость добиться мирного решения при посреднических услугах генерального секретаря ООН в рамках межобщинных переговоров. Нерешительная и временами непоследовательная позиция Японии объяснялась тем, что она действовала с оглядкой на США, которые подчас

занимали противоречивую позицию на разных этапах урегулирования кипрского вопроса, и чье участие в урегулировании кипрского вопроса было обусловлено необходимостью включения острова в сферу влияния Вашингтона в условиях холодной войны и усилившихся антиколониальных настроений на острове. Кипрский вопрос традиционно представлял интерес во внешней политике США, а в условиях «холодной войны» именно использование острова в военно-стратегических целях США и НАТО отвечало, в первую очередь, интересам США.

Другим вопросом, где проявилось взаимодействие Турции и Японии, явились разногласия между Турцией и Грецией, связанные с континентальным шельфом Эгейского моря, где в 1973 г. в результате научных исследований близ греческого острова Тасос на дне Эгейского моря была обнаружена нефть. Вслед за Грецией к поисковым работам в море приступила и Турция, после чего Греция обвинила последнюю в нарушении своих прав на континентальном шельфе. Япония выступила в поддержку проведения двусторонних переговоров между Турцией и Грецией, основанных на взаимном согласии с целью поиска способа решения таких вопросов, как определение границы территориальных вод острова, экономическая эксплуатация континентального шельфа и морского дна. Когда Греция захотела передать дело в суд в Гааге, Турция обратилась за экспертизой к японскому юристу по международному праву Одо и получила от него подробный отчет по этому вопросу.

Непростые пути решения проблем экономических отношений

В связи с тем, что после войны между двумя странами не было действующего соглашения о торговых отношениях, торговля осуществлялась на бартерной основе в долларах США. Поэтому основным вопросом послевоенных экономических отношений между Японией и Турцией были переговоры о заключении соглашения о торговле и платежах, завершившиеся подписанием 8 февраля 1955 г. соглашения, которое предусматривало объем взаимной торговли в размере 6 550 000 долл. США для каждой стороны. Это соглашение оставалось в силе до 31 июля 1956 г.. За первое полугодие перечисленный объем торговли должен был составить 6 650 000 долл., а объем на оставшийся период года должен был быть

объявлен позже. Платежи производились на суммы 1,5 млн долл. сверх предусмотренного объема в 6 650 000 долл. Японский импорт включал следующие товары: зерно, пшеница, хлопок-сырец, соль, масличные семена, шерсть, хром и другие минеральные руды, кожа и шкуры, табак (всего: 6 650 000 долларов США). Японский экспорт включал: текстиль, машинное оборудование и запасные части, искусственные удобрения и другие химические вещества, автомобильные шинные трубки, научные и оптические приборы, фарфоровую посуду, сельскохозяйственную и рыбную продукцию, газетную бумагу, другую бумагу (всего: 6 650 000 долларов США).

Основой соглашения о торговле и платежах послужил Договор о торговле и судоходстве, подписанный 11 октября 1930 г. в Анкаре, действие которого было возобновлено после нотификации от 23 декабря 1952 г. сразу после подписания Турцией мирного договора с Японией. Договор вступил в силу 23 марта 1953 г. Турецко-японские торговые отношения базировались на системе свободного конвертирования валюты, и действующим соглашением являлся вышеназванный договор о торговле и судоходстве, наряду с положениями Генерального соглашения по тарифам и торговле, к которому Япония присоединилась 7 июня 1955 г. четыре месяца спустя после подписания турецко-японского Соглашения о торговле и платежах.

8 января 1958 г. Япония выплатила турецкому посольству компенсацию за последствия бомбардировки во время Второй мировой войны турецкого посольства, расположенного в районе Йоёги в Токио.

Обе стороны ожидали постепенного оживления торговых связей, и Турция рассматривалась как жизнеспособный партнер для возрождавшейся японской промышленности. С улучшением экономических условий и подписания турецко-японского соглашения интерес к Турции возрос, в частности, в деловых и промышленных кругах Японии. Турция встала на путь ускоренной индустриализации и нуждалась в новых экономических партнерах в мире, т. к. США постепенно сворачивали планы Трумэна и Маршалла.

Центром экономического сотрудничества в западном мире являлась Организация экономического содействия развитию (ОЭСР), которая была трансформацией предыдущей ОЕЭС (Организации европейского экономического сотрудничества), созданной для управления планами Маршалла и Трумэна в Европе. Турция была одним из ее основателей, и в начале шестидесятых годов, после завершения плана Трумэна, в 1962 г.

был создан турецкий консорциум для поддержки турецких пятилетних планов развития. После этого 23 сентября 1963 г Турция также подписала соглашение об ассоциации с европейским экономическим союзом.

Поскольку западное экономическое сотрудничество было расширено за пределы Европы, Япония также была заинтересована в присоединении к ОЭСР. Японское участие на первом этапе осуществлялось на уровне наблюдателей, и с 1961 г. Япония также принимала участие в работе комитета по содействию развитию ОЭСР. Переговоры о полномправном членстве Японии, инициированные по просьбе японского правительства, привели к поворотному моменту после визита заместителя генерального секретаря ОЭСР С. В. Адаира в Японию в июне 1963 г. После его переговоров с премьер-министром Японии Икэдой и министром иностранных дел Японии Охирой, Адаир заявил, что он не видит никаких препятствий для вступления Японии в ОЭСР. При этом он отметил, что многое предстоит сделать для либерализации японского законодательства в отношении «движения капитала» и «невидимых транзакций». В свете этих событий Япония направила делегацию для работы в ОЭСР, назначив советника посольства Японии в Париже Мори Харуки в качестве делегата и создало департамент ОЭСР в министерстве иностранных дел. Однако это вызвало протесты в парламенте из-за статей в конституции о демилитаризации со стороны оппозиции, которая пыталась заблокировать присоединение к ОЭСР, связав эту организацию с НАТО. Министр иностранных дел Охира ответил на это 24 февраля 1964 г., заявив, что ОЭСР не является экономической версией НАТО и что параллельно с обсуждением в рамках ОЭСР японское правительство рассматривает конкретные планы по защите собственности иностранцев, а также то, что сотрудничество Японии в отношении слабо-развитых стран будет осуществляться без дискриминации, независимо от того, является ли страна союзником США или нет³⁹⁵. 9 апреля 1964 г. палата представителей и 27 апреля 1964 г. палата сенаторов одобрили полноправное членство Японии в ОЭСР, которая стала 21-м членом организации. Вступление Японии в ОЭСР было оценено дипломатом-обозревателем NHK Хирасавой Кадзусигэ в выпуске No 55 “*Japan Times*” от 1 мая 1964 г. следующим образом:

«<...> Необходимо отметить важный факт, что существует взаимное развитие, которое неизбежно произойдет между Европой Азии и как результат вливания новой «крови» в западный клуб, благодаря

вступлению Японии в ОЭСР. Азия не только отделена от Европы географически на расстояние 16 000 километров. Существует также большая духовная дистанция между ними <...> Европа и Азия должны отойти от предвзятых предрассудков и стремиться узнать друг друга более полно. В этом отношении участие Японии в ОЭСР является не просто экономическим»³⁹⁶.

Вступление Японии в ОЭСР в качестве полноправного члена и заявление министра иностранных дел Охирс, что Япония будет проводить свою политику экономического сотрудничества в соответствии с запросом страны-получателя, заинтересованной в японском сотрудничестве, вызвало интерес в Турции. Турецкая сторона неоднократно поднимала вопрос участия Японии в турецком консорциуме, созданном для поддержки Пятилетнего плана развития Турции, во время визитов в Турцию представителей японских деловых кругов, а также государственных деятелей Японии. Планы турецкой стороны заключались в том, что Япония могла бы обеспечить инвестирование концессионного характера в рамках Турецкого консорциума в ОЭСР.

Однако при обсуждении этих вопросов выявились расхождения двух сторон по ряду вопросов. Так, Турция предлагала свое содействие при участии Японии в финансировании ряда проектов в горнодобывающей промышленности, судостроении, черной металлургии, нефтехимии и производстве синтетических волокон, электронике, пищевой промышленности и производстве машин и оборудования. Японская же сторона была заинтересована в конкретных проектах, в частности, в тендере турецкой компании РТТ, в отношении которой группа “*Mitsui-NEC*” предложила очень выгодную заявку, связывая положительное решение по тендеру с предоставлением экспортного кредита в размере 10 млн долл., а также с участием страны в названном выше турецком консорциуме. При этом следует отметить, что японская сторона рассматривала эти предложения не как отдельные события, а как части единого целого, а также в качестве условия укрепления турецко-японских экономических отношений. Турецкая же сторона настаивала на том, что было бы неправильно смешивать телекоммуникационный тендер с другими вопросами и что в Турции имеется много других проектов, которые могли бы заинтересовать японские фирмы, подчеркнув при этом, что администрация компании РТТ, без сомнения, присудила бы тендер лучшему участнику без какого-либо вмешательства извне.

Турция не имела соглашения с Японией о техническом и экономическом сотрудничестве. Вместе с тем с 1960 г. увеличился объем торговых операций между двумя странами, в частности, в отношении деятельности по техническому сотрудничеству; торговые показатели с 1960–1965 гг. были следующими, см. табл. 6.

Таблица 6

Годы	Импорт Турции	Экспорт Турции	Баланс
	CIF* долл.	ОВ** долл.	
1961	1 319 7701	2 110 253	–10 997 448
1962	16 657 913	1 668 612	–14 989 301
1963	15 956 542	3 032 855	–12 923 687
1964	6 683 058	1 786 846	–5 076 212
1965	9 376 491	5 161 467	–4 213 024

Источник: [Arik Umut. A Century of Turkish-Japanese Relations P. 190].

Укрепление и расширение этих экономических связей явилось одним из главных приоритетов турецкой стороны во время визита в Турцию в декабре 1965 г. представителей «Кэйданрэн» (Федерация экономических организаций Японии), который сыграл большую роль в развитии экономического сотрудничества между двумя странами. Турецкая сторона ставила следующие первоочередные задачи экономического сотрудничества между двумя странами: японское участие в турецком пятилетнем плане развития (так называемый турецкий консорциум); дальнейшее развитие торговых отношений между Японией и Турцией; заключение официального соглашения о техническом сотрудничестве.

После изучения этих вопросов «Кэйданрэн» выразила следующую позицию:

- Турция переживает период интенсивного экономического развития. Если усилия в этом направлении будут продолжены, через 10 лет Турция может стать мощной экономической державой.
- В определенных сферах отмечаются некоторые ошибки в экономической политике. Инвестиционная политика является слишком далекой и всеобъемлющей, если существующий дефицит

* Cost, insurance, freight

** Free on board

в балансе платежей будет продолжаться, Турция столкнется с узким местом. Главная цель экономической политики, к проведению которой следует стремиться, — закрыть разрыв в платежном балансе и, если будет необходимо, некоторые инвестиции следует урезать.

- Турция ориентируется в экономике на производство готовой продукции. Это очень дорогой и, порой, неэкономичный путь. В частности, в производстве для экспорта следует предпочесть трехсекторный путь сочетания материалов, полуфабрикатов и готовой продукции, и при выборе обрабатывающих отраслей с готовой продукцией, приоритетными должны быть низкие капитальные затраты, высокая мощность и сектора с высокой добавленной стоимостью.
- На данный момент Турция зависит от Консорциума ОСЭР и очевидно будет находиться в этом положении в течении некоторого времени. Когда Турция расплатится с долгами и освободится от необходимости сотрудничать с Консорциумом в развитии ее экономики, она станет страной, в экономику которой Япония будет инвестировать без промедления³⁹⁷.

Здесь следует подчеркнуть, что, рассматривая Турцию как центр огромного рынка с огромными экспортными возможностями выхода на европейский рынок, японская сторона была заинтересована также в дешевой и многочисленной рабочей силе.

Япония проявляла нерешительность в отношении своего участия в турецком консорциуме, что вызывало беспокойство турецкой стороны.

Противостояние исходило из министерства финансов Японии, которое продолжало связывать этот вопрос с тендером *PTT*, хотя канадская компания “*Nothern Electric Telecom*” предложила Турции лучшие условия. Япония испытывала колебания с вступлением в Турецкий консорциум также опасаясь, что это будет означать и участие в греческом консорциуме, что подразумевало вложение огромных средств.

Кроме того, существовали расхождения по вопросу условий предоставления кредитов. Льготные кредиты на развитие в рамках ОЭСР предоставлялись Турции на 30 лет с льготным периодом 8–10 лет и со ставкой 3%. Япония же была заинтересована в более коммерчески ориентированных кредитах. Первый японский частный кредит был предоставлен EXIMBANK в 1967 г. при посредничестве правительства Японии для строительства целлюлозно-бумажного комбината в Аксу

в размере 15,7 млн долл., сроком на 17 лет с 5-летним льготным периодом и ставкой 5%. Предоставление этого кредита было связано с многочисленными ожиданиями как со стороны Японии, так и Турции в отношении более активного участия японских фирм на торгах по тендерам в Турции при участии правительства Японии. Также ожидалось, что техническое сотрудничество с Японией, которая предоставила 47 стипендий для турецких специалистов с 1954 г. по 1964 г., могло расширить возможности для более активного экономического сотрудничества. Более того, в 1960 и 1963 гг. Япония послала экспертов для работы в таких отраслях, как проектирование инженерных работ, рыболовство, администрация портов, сейсмология, в 1964 г. — сельскохозяйственные кооперативы, администрация портов, профессиональное обучение, сверхвысокочастотная связь, услуги международного телеграфа, сейсмология и деловое администрирование. С другой стороны, все эти шаги могли открыть возможности для расширения торговых отношений между двумя странами.

В октябре 1967 г. Турцию посетил специальный представитель министра иностранных дел Японии Хасимото Томисабуро, влиятельный государственный деятель, которого негласно называли «серым кардиналом». Формальным поводом было приглашение турецкой стороны для участия в выставке ЕХРО-70 в Осаке. В реальности же Хасимото обсуждал на высоком уровне вопросы участия Японии в турецком консорциуме, а также в консорциуме, созданном для сооружения первого моста через Босфор, и возможности прямых инвестиций со стороны японских деловых и промышленных кругов. МИД, министерство внешней торговли и промышленности, министерство финансов Японии тщательно изучали вопрос участия Японии в турецком консорциуме, однако за этим не последовало никаких реальных действий, поскольку участие Японии в консорциуме по Босфору, по мнению японской стороны, следовало рассматривать с политической, а не экономической точки зрения — как вопрос национального престижа, и решение должно было приниматься на уровне государственной власти.

С приходом к власти правительства Сато Эйсаку в 1964 г. страна столкнулась с проблемой большого объема золотовалютных резервов на уровне 3,5 млрд долл. при усугубляющихся последствиях положительного сальдо платежного баланса, которое в конечном итоге могло вынудить Японию прибегнуть к девальвации, которую провела ФРГ. Единственным выходом из сложившейся ситуации был вывоз капитала, за который выступало правительство Сато. В то время как Япония была

очень активна в этом отношении в АТР, было необходимо дальнейшее расширение экспорта капитала в другие страны, и с этой точки зрения Турция представляла собой страну с благоприятными возможностями для этого. Турция предложила японской стороне 11 проектов стоимостью 134 млн долл., из них наибольший интерес для японских предпринимателей представляли следующие проекты: плотина и ГЭС Хасан-Угурлу (Айваджик), завод по производству феррохрома, а также установка по производству капролактама в Алиаге. В ноябре 1970 г. Японией было принято решение о предоставлении кредита в размере 50 млн долл. США на проект Айваджик (срок погашения 20 лет, 5-летний льготный период, 5% годовых) и на проект по капролактаму и феррохромный проект (12 лет погашения, 6% годовых). 27,2 млн долл. предоставлялись на проект Айваджик, а остальные — на два других проекта³⁹⁸. Эти кредиты последовали за кредитом 1967 г. на бумажно-целлюлозный комбинат в Аксу в размере 915,7 млн долл. и первым иеновым кредитом на 20 лет и ставкой 4,5% на сумму 30 млн долл., который был предоставлен в качестве остатка неудавшейся турецко-японской сделки для строительства моста через Босфор (тендер был выигран группой европейских компаний), который предполагался для строительства моста через Золотой Рог в случае выигрыша тендера японскими компаниями. Японский консорциум также готовился к созданию совместного японо-турецкого предприятия с участием *“Ishikawajima Harima Heavy Industries”* (51%) в сотрудничестве с *“C. Itoh”* и *Bank of Tokyo* (49%) по строительству судовой верфи. Проект был рассчитан на кредитную линию 60 млн долл., 20 млн из которых должны были быть возвращены натурой за счет сбыта традиционных турецких экспортных товаров компанией *“C. Itoh”* и 40 млн долларов — за счет сборки и продажи 8 супертанкеров (VLCC) *“IHT”* на проектируемой верфи в Пендике.

Япония объявила о предоставлении кредита в размере 3,712 млрд иен для строительства моста Фатих через Золотой Рог, связанного общей инфраструктурой с мостом через Босфор, соединяющего азиатскую и европейскую части Стамбула³⁹⁹.

В начале 1970-х гг. внутренние политические события в Турции, вынудившие правительство Демиреля уйти в отставку, повлияли на двусторонние японо-турецкие экономические отношения, которые характеризовались определенной инерцией. Было очевидно, что, хотя Япония и достигла быстро растущего уровня технологии и обеспечивала расширяющийся рынок, особенно для турецкой агропродовольственной

продукции, ни один крупный проект в рамках двустороннего сотрудничества, кроме бумажного комбината АКСУ-СЕКА, упомянутого ранее, не был осуществлен. Ни проект судоверфи в Пендике, ни проект второго нефтехимического комплекса не получили дальнейшего развития. Проект автомобильного завода Nissan — Anadolu практически был заморожен. В то же время существовал ряд новых проектов, которые были анонсированы: проект строительства бумажно-целлюлозного комбината Балыкесир SEKA; проект наземной телевизионной станции; закупки в рамках проекта увеличения флота танкеров и грузовых судов турецкой компании “*Turkish Cargo Lines*”.

Объем торговли между двумя странами тоже не мог считаться значительным. В 1968 г. турецкий экспорт составил 27,7 млн долл., в 1969 г. он упал до 17, 8 млн долл., а в 1970 г. вновь вырос до 28,3 млн долл., что составляет 0,15% от общего объема импорта из Японии. Турецкий импорт из Японии составил 20,3 млн долл. в 1969 г. и 15,9 млн в 1970 г. Что касается турецкого экспорта (всего 32 наименования), то основными статьями были хлопок, табак, медь, борат, коконы шелкопряда, изюм «султана», сухая инжирная паста, сушеный фундук, ковры и другие ремесленные изделия. В свою очередь Япония экспортировала (всего 500 наименований) в Турцию, в основном, автомобильные и велосипедные шины, швейные машины, нержавеющие стальные листы, электроды, рентгеновские пленки, радио- и телевизионные приемники, оборудование для бумажных и целлюлозных заводов, бульдозеры, чугунные заготовки и профили.

По мнению экономических аналитиков англоязычного периодического издания “*Briefing*” от 15 августа 1983 г., средства сокращения дефицита двустороннего торгового баланса между Японией и Турцией зависели, главным образом, от усилий турецких экспортеров, которые должны были экспортировать больше в такую крупную страну с 100-миллионным населением, как Япония. Что касается общего низкого объема торговли, то, опять же, проблема проистекала с турецкой стороны. Турция производила, или могла производить, те товары, которые Япония импортировала из других стран. Достижение должного объема торговли зависело от способности турецкой стороны развивать свои сельскохозяйственные и промышленные производственные мощности, с одной стороны, и добиться финансовых возможностей, необходимых для покупки японской продукции, — с другой... До «нефтяного шока» 1974 г., когда Япония вынуждена была экспортировать больше в нефтедобывающие

страны Ближнего Востока, Турция занимала значимое место в японском экспорте на Ближний Восток, и на нее приходилось почти четверть объема японской помощи региону⁴⁰⁰.

Издание признавало, что экономическое сотрудничество между двумя странами утратило импульс из-за позиции правительства Турции следовать курсу «экономического национализма», не привлекать «помощь извне» для экономического развития, не сотрудничать с японским частным сектором. Японская сторона при этом отмечала бюрократические препоны на пути совместных проектов, а также политическую нестабильность в Турции, что вынуждало японских партнеров искать другие, более привлекательные рынки сбыта. Кроме того, как отмечало издание, торговые отношения Турции с Японией были ограничены узкими рамками, поскольку Турция не могла в полной мере использовать тарифную практику, и торговые операции осуществлялись на основе «свободно конвертируемой валюты». Негативными факторами также назывались большие расстояния, трудности транспортировки и тот факт, что турецкие товары плохо рекламировались на японском рынке⁴⁰¹.

Согласно докладу Союза палат и товарных бирж Турции, подготовленному в июне 1983 г., желаемый торговый баланс турецко-японской торговли не мог быть достигнут в краткосрочной перспективе, однако Турции следовало использовать различные возможности для увеличения своего экспорта в Японию, в том числе льготные таможенные тарифы. В докладе предлагалось увеличить объем турецкого экспорта сырья и агропромышленной продукции. При этом следовало провести правильную оценку японского рынка, использовать местные маркетинговые фирмы, создавать совместные предприятия.

Из всего вышесказанного следует, что отношения между Японией и Турцией и в политической, и в экономической областях в этот период не достигли уровня зрелости, при котором можно было бы говорить о взаимном понимании позиций сторон и о сформировавшейся форме партнерства. «Дипломатия приглашений» не привела к резкому расширению сотрудничества между двумя странами, но при этом заложила основу для перехода двусторонних отношений на новый этап в последующие десятилетия.

Подтверждением этому можно считать визит премьер-министра Турции Т. Озала в Японию в мае 1985 г. Годы пребывания Озала на посту премьер-министра Турции были связаны с комплексной внешне-экономической политикой Турции и деидеологизацией международных

экономических отношений. Новый подход во внешней политике поднимал международный авторитет Турции и создал условия для расширения ее экономических связей, в частности, с Японией.

Основными результатами его визита в Японию можно считать подтверждение доверия Японии к устойчивости турецкой экономики; пересмотр возможностей двустороннего сотрудничества; договоренность с японской стороной о создании турецко-японского делового комитета; содействие техническому сотрудничеству, культурному обмену и туризму между двумя странами; заключение соглашения о предоставлении кредита в размере 24,3 млрд иен для сооружения второго моста (Фатих) через Босфор.

Глава IV

КУРС НА УСТАНОВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА В XXI В.

Активизация межгосударственных отношений между Японией и Турцией: углубление политического взаимодействия

В 1980–1990-е годы начался качественно новый этап в отношениях между Японией и Турцией. В первую очередь этому способствовал начавшийся период стабилизации в Турции, связанный с политическими и экономическими реформами, проводимыми премьер-министром Турции Т. Озалом в конце 1980-х — начале 1990-х гг., что стало существенным фактором, способствовавшим активизации двусторонних турецко-японских отношений. Новый подход во внешней политике явился продолжением той линии на расширение торговых и экономических связей, когда правительства Турции, находившиеся у власти после военного переворота 1960 г., пересматривали прежнюю ориентацию на западные страны и, исходя из экономических интересов Турции, постепенно налаживали торговые и экономические связи (хотя и с известной дифференциацией) с азиатскими странами.

Это подняло международный авторитет Турции и создало условия для расширения ее экономических связей с различными странами, в частности, с Японией. Тургут Озал посетил Японию четыре раза за десять лет, сначала в 1981 г. в качестве вице-премьер-министра, в 1985 и 1989 гг. в качестве премьер-министра, а в 1990 г. в качестве президента, придавая большее значение торгово-экономическому сотрудничеству с Японией. Именно в этот период экономические отношения между двумя странами

укрепились, и в 1980–1990 гг. Япония стала крупнейшим торговым партнером Турции. Японские фирмы в этот период также осуществили значительные инвестиции в турецкую экономику. Турецкие исследователи подчеркивают, что «Япония-старейший партнер Турции в Азии, и отношения между двумя странами всегда были тесными. По мере экономического развития Японии в послевоенный период, и особенно после того, как Турция начала либерализацию своей экономики в 1980-х годах, экономические отношения между двумя странами процветали»⁴⁰².

По мнению журнала *“The Middle East Economic Digest”*, Япония могла бы сыграть роль своего рода противовеса в отношениях Турции со странами Европы и США, что позволило бы ей проводить более самостоятельную и независимую политику в торговле и экономических связях⁴⁰³.

Для Турции имел значение и тот факт, что Япония поддержала ее стремление вступить в ЕЭС. По мнению бывшего посла Японии в Турции К. Вати, «Турция является важным связующим звеном между Европой и исламским миром, и ее участие в ЕЭС может стать символом мирного сосуществования Запада и стран ислама». Хотя, по его словам, Япония, к сожалению, не имеет достаточных возможностей, чтобы ускорить вступление Турции в ЕЭС, но «Турция имеет полную поддержку Японии в этом вопросе»⁴⁰⁴.

Турецкий исследователь Сельчук Чолакоглу отмечает, что «в этот период у Турции были лучшие отношения с Японией среди стран Восточной Азии. “Японское чудо” вызвало в Турции огромный интерес, и Япония рассматривалась как модель развития, поскольку она была первой модернизирующейся незападной страной в Азии». Автор делает вывод, что, в отличие от других стран региона, отношения с Японией перешли от отношений, ориентированных на безопасность, к отношениям, ориентированным на экономику⁴⁰⁵.

Тургут Озал завоевал восхищение Японии благодаря своей помощи в эвакуации японских граждан, оказавшихся в Тегеране. В 1985 г., когда иракское правительство начало отвергать любые ограничения на бомбардировки территории Ирана, многие государства начали эвакуировать своих граждан из Тегерана. В то время, когда другие иностранные авиакомпании, летающие в Иран, отдавали приоритет собственным гражданам и отказывались перевозить граждан Японии, Анкара выделила самолет Turkish Airlines для эвакуации 215 граждан Японии, что было встречено Токио с глубокой благодарностью.

В октябре 1990 г. состоялся первый визит в Турцию на уровне премьер-министра Японии — Кайфу Тосики. В этой связи следует подчеркнуть, что визит состоялся во время кризиса, начавшегося с вторжения Ирака в Кувейт. В этот период Япония была в числе стран, оказавших финансовую поддержку Турции, пострадавшей от эмбарго в отношении Ирака.

По мнению турецкого аналитика Сельчук Эсенбель, в начале 1990-х гг. стала возможной новая основа для сотрудничества между Анкарой и Токио в связи с распадом Восточного блока, и особенно Советского Союза. Обе страны испытывали определенное давление со стороны Вашингтона, являющегося основным военно-политическим союзником для обеих стран, в отношении активизации японо-турецкого сотрудничества. В США хотели бы, чтобы разрыв во власти в регионе был заполнен Японией и Турцией вместо России и Китая. Япония, как предполагали в Вашингтоне, должна была внести экономический вклад посредством помощи в целях развития, капитала и технологий, а Турция могла бы представить мусульманскому населению региона модель демократической и светской страны, используя преимущества своих исторических и культурных связей с регионом Центральной Азии⁴⁰⁶.

На рубеже XX в. — начале XXI в. отчетливо обозначались тенденции формирования многополярного мирового порядка, при котором кроме США — главного стратегического партнера Японии — существенную роль в мировой политике и экономике стали играть и другие страны. Перед Японией объективно встала необходимость приспосабливаться к быстро меняющемуся миру и новой расстановке сил на международной арене.

Потребность в активизации японо-турецкого сотрудничества формировалась на протяжении нескольких лет не без американского влияния. Тем не менее очевидно, что, помимо геополитических интересов США, существовала объективная потребность двух стран в развитии отношений.

Можно с уверенностью утверждать, что с активизацией японо-турецких отношений начался новый этап сотрудничества между двумя странами. Оба государства с окончанием биполярной конфронтации искали пути усиления своей роли на международной арене, расширения и диверсификации международных связей. Рост числа визитов на высоком и высшем уровнях между двумя странами (за период с 2003 по 2019 гг. состоялось более 40 визитов) свидетельствовал о повышении статуса Турции среди японских внешнеполитических партнеров. В ходе многочисленных двусторонних встреч были зафиксированы сходные или близкие позиции

сторон по вопросам, связанным с реформированием Совета Безопасности ООН (обе страны выступают за расширение его состава, подчеркивая, в частности, что, «учитывая изменения, происходящие в мире, судьба человечества не может и не должна быть “отдана на милость пяти стран-победителей”»⁴⁰⁷); по вопросам ядерного нераспространения (являются основателями совместной платформы по ядерному нераспространению и участвуют в Инициативе по ядерному нераспространению и разоружению); по вопросам борьбы с терроризмом; по вопросам помощи развитию странам третьего мира и др. Так, в 2002–2003 гг. состоялся обмен визитами министров иностранных дел Японии Танаки Макико в Турцию и министра иностранных дел Турции Абдуллы Гюля в Японию.

После прихода к власти в Турции в 2002 г. Партии справедливости и развития во внешней политике страны наметились новые тенденции, которые определялись тремя основными факторами: новым пониманием идентичности Турции и ее роли в мире, стремлением к нормализации отношений с другими странами и усилению ее позиций в соседних регионах. Провозгласив «принцип многовекторности» внешней политики страны, Анкара намеревалась установить и поддерживать дипломатические отношения с большим количеством государств и выстроить такую архитектуру международных отношений, при которой отношения между странами носили бы не конкурирующий характер, а взаимодополняли бы друг друга.

Турция, заинтересованная в расширении сфер своего влияния, стремилась стабилизировать отношения не только с соседними ближневосточными странами, но и с государствами дальнего зарубежья, в том числе с Японией.

По мнению турецкой стороны, в 1990-е гг. Япония могла сыграть роль своего рода противовеса в отношениях Турции со странами Европы и США, что позволяло ей проводить более самостоятельную и независимую политику в торговле и экономике⁴⁰⁸.

С точки зрения Японии, Турция могла стать той страной, которая позволила бы Японии войти в обширный район Ближнего Востока, где Турция в последнее время стала играть одну из ключевых ролей. На электронном сайте МИД Японии Турции уделяется большое место, при этом подчеркивается ее роль в достижении Японией своих интересов в обширном ближневосточном регионе⁴⁰⁹.

В 2000 г. между двумя государствами был подписан План по развитию отношений между двумя странами в XXI в., предусматривавший

развитие экономических, политических и культурных связей. В рамках этого плана 2003 г. был объявлен годом турецкой культуры в Японии. В апреле 2004 г. в Японию прибыла многочисленная делегация во главе с премьер-министром Турции Р. Эрдоганом, что, по мнению турецких аналитиков, свидетельствовало о «возрождении двусторонних отношений на новом уровне»⁴¹⁰.

Турция рассматривалась Японией как один из геополитических лидеров Востока, а расширение сотрудничества между двумя странами давало возможности повышения политического веса Японии в ближневосточном регионе⁴¹¹. Последовавший в 2006–2008 гг. обмен официальными визитами премьер-министра Японии Коидзumi Дзюньитиро в Турцию и президента Турции А. Гюля в Японию придал импульс развитию прежде всего экономических отношений, особенно в области двусторонних инвестиций. Визит Коидзumi явился первым за 15 лет визитом премьер-министра страны в Турцию, а визит Гюля был первый в истории Турции официальный визит президента страны в Японию. Лидеры двух стран договорились укрепить и развивать двусторонние отношения, а также заявили о необходимости расширять сотрудничество в решении проблем Ближнего Востока.

Япония продолжала демонстрировать политику понимания «чувствительных сторон» внешней политики Турции. Так, в мае 2010 г. произошло задержание конвоя судов, следовавшего с гуманитарной помощью в сектор Газа. Одно из этих судов, шедшее под турецким флагом, было расстреляно израильтянами и захвачено, что привело к гибели девяти турецких граждан и вызвало бурную реакцию в Турции. Инцидент вызвал жесткую реакцию внешнеполитических министерств многих стран и ООН и многочисленные акции протеста по всему миру. Посол Японии в Турции Танака Нобуаки официально осудил действия Израйля и выразил сожаление по поводу гибели людей, а также поддержал заявление МИД Турции о «бесчеловечной» акции израильтян, явившейся «вопиющим нарушением основ международного права»⁴¹².

В мае 2013 г. во время визита премьер-министра Японии Абэ Синдзо в Турцию было подписан документ «Совместная декларация об установлении стратегического партнерства между Японией и Турецкой республикой»⁴¹³, целью которой было придать новое качество двустороннему сотрудничеству в политической, экономической, научно-технической, культурной, гуманитарной и др. областях. Декларация состоит из четырех разделов: политическое сотрудничество; сотрудничество

по региональным вопросам и на международных форумах; экономическое сотрудничество; сотрудничество в области культуры и научно-технологическое сотрудничество. В декларации стороны заявили о комплексе мер, направленных на повышение уровня сотрудничества до взаимовыгодного стратегического партнерства.

Главные положения этого документа сводятся к следующему. Декларация закрепила практику регулярных встреч между премьер-министрами, министрами иностранных дел обеих стран, а также проведения консультаций между министерствами иностранных дел на уровне заместителей министров. В декларации нашло свое отражение важное значение, которое стороны придавали проектам экономического сотрудничества (тоннель «Мармарай» под проливом Босфор, конструкция моста в заливе Измит, строительство Синопской атомной станции)⁴¹⁴.

В Декларации стороны выразили удовлетворение в связи с заключением соглашения о сотрудничестве в использовании ядерной энергии в мирных целях, а также соглашения о сотрудничестве в строительстве атомных станций в Турции.

В Декларации была дана высокая оценка проведенным в 2003 г. «году Турции в Японии» и в 2010 г. «году Японии в Турции».

В рамках декларации о стратегическом партнерстве в ходе визита в Турцию японского премьер-министра Абэ в 2013 г. стороны договорились о сотрудничестве в области проектов в оборонной промышленности.

В Декларации нашло отражение намерение двух сторон продолжить переговоры о подписании соглашения о свободной торговле.

Обе стороны договорились о создании совместного фильма, который расскажет о трагедии фрегата «Эртугрул» в 1890 г., о внимании и помощи, которую японское правительство и японский народ оказали спасшимся членам турецкой команды и отношениях между двумя странами после этого события.

Несмотря на то, что двусторонние экономические и политические отношения имеют огромный потенциал для их развития, существует ряд сдерживающих факторов. Они состоят в различиях целей, которые стороны стремятся достичь в этом партнерстве, несовместимости точек зрения и выгод, которые рассчитывает извлечь каждая из сторон, в различных подходах по ряду международных проблем глобального и регионального характера.

Несмотря на стремление Японии играть более значимую роль в международных отношениях в регионе Ближнего Востока, она продолжает

оставаться в русле американской политики и традиционно следует за позицией США в отношении вопросов международной безопасности, не выходя за рамки американской стратегии на Ближнем Востоке.

После начала Турцией операций против сирийских курдов в январе 2018 г. произошло серьезное ухудшение отношений Анкары с Вашингтоном⁴¹⁵. В связи с тем, что Япония также не поддержала позицию Турции в вопросах безопасности на Ближнем Востоке, в частности, в вопросах содействия окончанию вооруженных столкновений в Сирии, Турция и Япония договорились сотрудничать на Ближнем Востоке в соответствии с принципами ООН и НАТО. Япония согласилась оказать поддержку Турции только в отношении преодоления кризиса, связанного с беженцами из Сирии.

В ходе официального визита президента Турции Т. Эрдогана в Японию в октябре 2015 г. премьер-министр Японии Абэ Синдзо высоко оценил роль Турции как страны, которая больше всех других стран в мире принимала сирийских беженцев, и подчеркнул намерение Японии «действовать вместе с Турцией для достижения мира и стабильности в этом регионе», а также подтвердил намерение Японии выделить 810 млрд долл. для поддержки беженцев⁴¹⁶.

Существуют расхождения между двумя странами в отношении проблем в Восточной Азии. Турция, также как и с Японией, имеет тесные отношения с Китаем и занимает нейтральную позицию в территориальном споре между Токио и Пекином в отношении островов Сэнкаку и поэтому стремится не быть вовлеченной в напряженные отношения между Китаем и Японией. В территориальном споре между Японией и Южной Кореей относительно острова Такэсима Турция также предпочитает оставаться нейтральной, т. к. имеет глубокие корни отношений с Южной Кореей.

Япония заняла привычную нейтральную позицию и в связи со сбитым турецкими ВВС российского самолета СУ-24 в ноябре 2015 г., ограничившись заявлением генерального секретаря японского правительства Суги Ёсихидэ (премьер-министр Японии в 2020–2021 гг.) о «необходимости проявления хладнокровия всеми сторонами». «Япония внимательно следит за ситуацией и надеется, что все стороны, как члены мирового сообщества, опираясь на объективную истину, будут действовать хладнокровно и по-прежнему будут проявлять сплоченность перед лицом терроризма»⁴¹⁷. При этом необходимо отметить, что турецкие деловые круги не исключали определенной возможности того, что новым партнером

Турции в проекте строительства атомной станции «Аккую» вместо России станет Япония⁴¹⁸.

В октябре 2019 г. вооруженные силы Турции начали запланированную сухопутную операцию «Источник мира» к востоку от реки Евфрат в Сирии с целью уничтожить курдское ополчение вдоль северной границы Сирии. Одновременно турецкие самолеты наносили удары по предполагаемым позициям сирийских курдских сил в городе Рас-эль-Айн. Турция утверждала, что пыталась обезопасить свои границы и уничтожить террористов. Эти действия встретили мощную негативную реакцию со стороны мирового сообщества. США с самого начала операции отказались поддержать ее, начали выводить свои войска из северных территорий Сирии и выступили с резкой критикой действий Турции. Япония поддержала позицию США и европейских государств и решительно осудила турецкую военную операцию в Сирии. Министр иностранных дел Японии Мотэги Тосимицу, в частности, подчеркнул в своем заявлении: «Япония глубоко обеспокоена тем, что последняя военная операция затруднит урегулирование сирийского кризиса и приведет к дальнейшему ухудшению гуманитарной ситуации. Япония еще раз подчеркивает свою позицию о том, что сирийский кризис не может быть решен никакими военными средствами»⁴¹⁹.

Японская и турецкая стороны продолжали выражать желание углублять отношения в различных областях. Переговоры премьер-министра Японии Абэ Синдзо и президента Турции Реджепа Эрдогана в Гамбурге на встрече Большой Двадцатки в июне 2014 г. продемонстрировали прогресс в переговорах по соглашению об экономическом партнерстве и по соглашению о социальном обеспечении, что способствовало активизации торговых связей и улучшению инвестиционного климата (подробно об этом см. следующий раздел).

В условиях пандемии COVID-19, когда официальные визиты и личные встречи были ограничены, представители Японии и Турции продолжали поддерживать тесную связь онлайн, проводили регулярные консультации, в том числе по вопросам сотрудничества в борьбе с пандемией COVID-19.

Так, в мае 2020 г. премьер-министр Японии Абэ посредством телеконференции с президентом Эрдоганом принял участие в церемонии открытия крупной поликлиники Башакшехир Чам и городской больницы Сакура, построенной в пригороде Стамбула. Объект был построен японской компанией и крупной турецкой строительной компанией в рамках

государственно-частного партнерства (ГЧП). Кроме того, тесные контакты поддерживались, когда премьер-министр Абэ подал в отставку (в сентябре 2020 г.) и когда премьер-министр Суга вступил в должность (в октябре 2020 г.) В январе 2022 г. министры иностранных дел Турции и Японии Мевлют Чавушоглу и Хаяси Ёсимасу в режиме видеоконференции обсудили двусторонние отношения и потенциальные возможности сотрудничества. Стороны подтвердили «решимость вывести стратегическое партнерство между двумя странами на новый уровень в соответствии с их историческими дружескими узами»⁴²⁰. Премьер-министр Японии Суга Ёсихидэ и министр иностранных дел Мотэги Тосимицу выразили сочувствие и соболезнования в связи с произошедшими в Элязыге в феврале 2020 г. и в Измире в октябре 2020 г. землетрясениями, которые привели к многочисленным жертвам⁴²¹.

В 2022 г. обе страны заняли солидарную позицию в отношении пуска баллистических ракет Северной Кореей в сторону Японского моря. Позиция Японии заключается в том, что «ракетные пуски КНДР являются прямым нарушением действующих резолюций Совета безопасности ООН»⁴²², в связи с чем северокорейской стороне был выражен решительный протест. Министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу в беседе с японским министром иностранных дел Хаяси Ёсимасой высказал озабоченность Турции по поводу запуска ракеты в марте 2022 г. и выразил поддержку позиции, занятой Японией⁴²³.

Важной составляющей в отношениях Токио и Анкары, по мнению российского исследователя О. Парамонова, был и уйгурский фактор. «Япония, которая фактически является единственной страной G7, не замеченной в особом внимании к правозащитной проблематике в целом, проявляет стабильный интерес к защите прав коренного населения Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, составляющего порядка 10 млн человек. В Японии существует уйгурская диаспора. Официальная оценка ее численности примерно в 3 000 человек представляется заниженной. Также Япония регулярно предоставляет площадки для проведения различных мероприятий Японской ассоциации уйгуров. Хотя ее численность составляет всего около 100 человек, действует эта структура весьма активно. В 2012 г. в Токио прошла ассамблея Всемирного уйгурского конгресса, который в Пекине считают террористической сепаратистской организацией»⁴²⁴. В этой связи следует подчеркнуть, что ранее такие ассамблеи не проводились в Азии, и хотя японские власти акцентировали частный характер генассамблей, это событие спровоцировало

обострение отношений между Пекином, выразившееся в отмене встречи лидера КНР Ху Цзиньтао с японским премьер-министром Нодой Ёсихико, а также отмене запланированной встречи главы МИД КНР Ян Цзечи с делегацией японского бизнеса.

Как отмечает О. Парамонов, подобные действия Японии полностью соответствовали интересам Турции, которая исторически позиционировала себя как защитница интересов тюркоязычных народов, представляя убежище десяткам тысяч китайских уйгуров⁴²⁵. Однако сдержанная позиция Турции по уйгурскому вопросу в данном случае могла быть вызвана опасениями того, что за любой активностью тюркоязычных диаспор мог стоять Фетхуллах Гюлен, которого Р. Эрдоган считает своим политическим противником, обвиненным в подготовке путча в 2016 г. Поэтому Анкара и начала проявлять избирательность и сдержанность в вопросах поддержки подобных инициатив⁴²⁶.

Другим фактором, повлиявшим на позицию Турции, явилось подписание в 2017 г. соглашения между Анкарой и Пекином, предусматривающее экстрадицию преступников, даже если совершенное преступление является таковым только в одной из двух стран. В 2019 г. Турция арестовала сотни уйгуров и отправила их в центры репатриации, а правящая Партия справедливости и развития (ПСР) и ее партнеры из Партии националистического действия (ПНД) заблокировали решение оппозиции о создании специального комитета в парламенте для расследования ситуации с уйгурами в Китае. Кроме того, появилась информация о депортации уйгурских активистов в третьи страны, откуда они могли быть выданы Китаю. Таким образом, позиции Токио и Анкары в данном вопросе не встретили взаимного понимания с точки зрения предсказуемости и последовательности действий сторон⁴²⁷.

Еще одним вопросом, влияющим на политический диалог между Японией и Турцией, явился вопрос иммиграции из Турции. Хаммонда Келли, эксперт по Восточной Азии университета Арканзаса в этой связи отмечает, что «большинству турок, которые искали убежища в Японии в течение последних десятилетий, было отказано в рассмотрении их дел. В отличие от Канады, где мигранты-мусульмане продолжают изменять демографический ландшафт страны и, вероятно, составят почти 7% от общей численности населения к 2030 г., ожидается, что число мусульман, проживающих в Японии, кардинально не изменится, оставаясь примерно 0,2% от общей численности населения архипелага с 1990-х гг. и по прогнозам до 2030 г. (сегодня в Японии насчитывается

230 000 мусульман, в том числе 50 000 новообращенных японцев)⁴²⁸. Большинство мусульман, проживающих в Японии, являются рабочими-мигрантами, и маловероятно, что они когда-либо станут гражданами или даже постоянными жителями Японии. Это нежелание ассимилировать мигрантов и беженцев не ограничивается турками и мусульманами, и число мигрантов в Японию невероятно мало для страны Большой семерки. В то же время большинство беженцев предпочли бы переселиться в Канаду или Европу, где, по их мнению, легче адаптироваться и интегрироваться.

В Японии, кроме турецких беженцев, также находится большое количество курдских беженцев. В промышленном городе Кавагути существует небольшая община курдов, состоящая примерно из

2 500 человек⁴²⁹. Большинство из них живут в Японии с 1990-х гг., когда сотни курдов бежали с Ближнего Востока. Эти беженцы сталкиваются с серьезными проблемами, поскольку японское правительство принимает очень мало просьб о предоставлении убежища, что означает, что многие из этих людей живут в постоянной неопределенности в обществе, где они не говорят на языке, не имеют права работать и сталкиваются с неопределенным будущим. За исключением случаев, когда у физических лиц есть японские супруги, большинство из них не имеют статуса резидента. Несмотря на неоднократные обращения, ни одному из них не был предоставлен статус беженца. Это происходит на фоне низкого уровня признания беженцев в Японии, который в 2019 г. составлял 0,4%⁴³⁰.

В январе 2019 г. турецкая сторона выразила обеспокоенность в связи с новой политикой Токио в отношении трудовой миграции. Это было вызвано тем, что в декабре 2018 г. парламент Японии принял законодательные поправки, которые впервые в послевоенной истории фактически отменили запрет на использование в стране иностранной рабочей силы. Власти были намерены ввести новую систему широкого найма рабочих-иммигрантов, которых будут использовать в 14 секторах экономики, где ощущается нарастающая нехватка рабочих рук. Это, в первую очередь, строительство, сельское хозяйство, уход за больными и престарелыми, судостроение. При этом в контексте вступавшего в силу в Японии 1 апреля 2019 г. закона о предоставлении вида на жительство для иностранцев было распространено уведомление с предварительным списком стран, включающим Турцию, из которых не будут приниматься рабочие. В связи с этим 31 января 2019 г. в МИД Турции был вызван

посол Японии Миядзава Акио, и до его сведения была доведена позиция турецкой стороны в отношении того, что «такое положение дел противоречит духу стратегического партнерства между странами, их дружественным отношениям», и была выражена надежда, на то, что «в самом скором времени данное решение (о включении в список Турции — О. Л.) будет пересмотрено»⁴³¹. Эти активные действия турецкой стороны привели к тому, что Япония достаточно оперативно исключила Турцию из числа стран, из которых запрещена трудовая миграция. 2 апреля 2019 г. в коммюнике МИД Турции было выражено удовлетворение «решением властей Японии исключить Турцию из числа стран, работники которых не смогут въезжать в страну из-за вступившего 1 апреля 2019 года закона о порядке выдачи вида на жительство. Этот шаг соответствует духу дружественных отношений между Турцией и Японией, с которой сложились исторические и долгосрочные связи»⁴³².

Еще одной постоянной проблемой в сообществе беженцев в Японии является напряженность между курдскими и турецкими беженцами. В 2015 г. году произошла стычка турецких граждан и курдов перед посольством Турции, когда группа курдов вывесила флаг Рабочей партии Курдистана. Эта напряженность отражает этническую напряженность в Турции и Сирии между турками и курдами, но большинство японцев не обращают внимания на эту напряженность, что, по мнению Хаммонды Келли, возможно, указывает на то, что, хотя Министерство иностранных дел Японии считает свои отношения с Турцией важными, обычные японские граждане не в полной мере осведомлены о сложностях региональной политики на Ближнем Востоке. Келли отмечает, что «отсутствие знаний об исламе создает препятствия для мусульман, живущих в Японии. Большинство немусульманского населения Японии, как правило, знакомо с хорошо известными исламскими доктринальными практиками, такими как воздержание от свинины и алкоголя. Однако очень немногие люди осведомлены о мусульманском населении Японии или о том, что многие мусульмане в Японии являются выходцами из Турции. Часто изображения мусульман в СМИ похожи на голливудские изображения и подчеркивают негативные стереотипы»⁴³³.

Правительство Японии отреагировало на это, запустив ряд программ, направленных на повышение осведомленности о мусульманской религии и мусульманах. Например, в 2001 г. Коно Йохэем, который возглавлял в то время МИД Японии, была представлена «Инициатива Коно» — план, направленный на укрепление и развитие двусторонних отношений

с мусульманскими национальными государствами при одновременном обучении японцев так называемому «мусульманскому миру». Но после террористических актов в США 11 сентября 2001 г., совершенных членами террористической организации «Аль-Каида», в Японии произошла негативная реакция на мусульман и проявилась тенденция на более тесное сотрудничество с США в борьбе с терроризмом. Правительство Коидзуми поддержало США в борьбе с международным терроризмом и 20 октября 2001 г. приняло «антитеррористический пакет», предусматривавший снабжение, транспортное и техническое обслуживание войск международной коалиции в Афганистане.

На имидж Японии среди мусульман также повлияло значительное присутствие с 2004–2008 гг. подразделения вооруженных сил Японии в Ираке во время второй иракской войны (крупнейший военный контингент, отправленный за пределы Японии в период после окончания Второй мировой войны, включавший военнотрудовых сухопутных, военно-морских и военно-воздушных частей)⁴³⁴. В ноябре 2008 г. правительство Японии приняло решение завершить до конца 2008 г. миссию в Ираке в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН, и в июне 2009 г. японские Силы самообороны были окончательно выведены из Ирака.

При этом, как отмечают японские исследователи, в настоящее время в отношениях между Турцией и Японией существуют две основные проблемы. В частности, по мнению японского эксперта из университета Цукубы Хигасино Ацуко, первая проблема заключается в том, что современные отношения Турции и Японии все еще сильно зависят от дискурсов «прошлого». Автор считает, что, чрезмерно подчеркивая свои исторические связи, две страны не предприняли достаточно серьезных усилий для возобновления и укрепления своих отношений в более современной форме. Так, Хигасино сравнивает веб-страницы «Отношения между Турцией и Японией» и «Отношения между Турцией и Китаем», опубликованные Министерством иностранных дел Турции, и приходит к выводу, что в последнем содержится гораздо более конкретная информация, касающаяся недавнего политического и экономического сотрудничества⁴³⁵. По его мнению, «предыдущие переговоры между правительствами Турции и Японии были сосредоточены почти исключительно на переговорах по ЕРА (соглашение об экономическом партнерстве) и другим видам экономического сотрудничества, редко затрагивая более деликатные политические и дипломатические

вопросы, включая ухудшение отношений между ЕС и Турцией, которое невыгодно Японии, тем не менее Япония не разработала эффективного способа смягчения такой напряженности между своими наиболее значимыми партнерами»⁴³⁶.

Во-вторых, в Японии не разделяют уровень озабоченности, характерный для других западных стран, в частности в ЕС, а также в других странах, по поводу «авторитарной тенденции турецкой политики и растущей изоляции Турции в мировой политике». Хигасино отмечает, что несмотря на то, что Эрдогана сейчас широко называют «диктатором» или, по крайней мере, одним из «нелиберальных лидеров»⁴³⁷, частота, с которой такие опасения выражаются и сообщаются в японских средствах массовой информации, явно невелика. За подобным отсутствием серьезной озабоченности по поводу современной турецкой политики стоит несколько взаимосвязанных элементов. Дискурсы, которые описывают Турцию как «драгоценного долгосрочного друга Японии, как правило, ограничивают негативное освещение Турции. Существует широко распространенная тенденция рассматривать Турцию как «жертву дискриминационных западных взглядов»⁴³⁸. Зашедший в тупик процесс вступления Турции в ЕС в значительной степени рассматривается довольно упрощенно, как ложное обещание и выражение антиисламских настроений со стороны европейских стран. Согласно такой точке зрения, ужесточение отношения Эрдогана к ЕС в Японии было воспринято с определенной долей симпатии. Автор приходит к выводу, что неизбежно, такое понимание противоречит объективному анализу политики администрации Эрдогана⁴³⁹.

Кроме того, это время заметной дестабилизации турецкой политики совпало с важными событиями, связанными с заключением соглашения об экономическом партнерстве между Турцией и Японией (например, публикация Доклада Совместной исследовательской группы по соглашению об экономическом партнерстве между Турцией и Японией в июле 2013 г. или пятый раунд переговоров названному соглашению в начале 2016 г.) Дестабилизирующие события в Турции включали: массовые протесты в парке Гези и чрезмерную реакцию администрации Эрдогана в начале лета 2013 г. ; попытку государственного переворота в июле 2017 г. ; и последующее крупномасштабное отстранение должностных лиц и ученых, которые, как утверждалось, имели «связи с Гюленом». Причинно-следственная связь между событиями, связанными с ЕРА, и сдержанной позицией Японии в отношении очевидного ухудшения

политической ситуации в Турции, по мнению Хигасино, требует дальнейшего детального анализа. Он также предполагает, что Япония была менее мотивирована для того, чтобы «проблематизировать турецкую политику, в то время как переговоры по ЕРА шли успешно»⁴⁴⁰.

Тем не менее и японские и турецкие эксперты подчеркивают, что внешнеполитические интересы и стратегические политические цели Японии и Турции не пересекаются и не сталкиваются ни в каких областях, вызывающих серьезную озабоченность⁴⁴¹, однако требуются усилия по налаживанию прочного и конструктивного политического диалога между ними по глобальным вопросам⁴⁴². В то время как Турция, по мнению российского аналитика Д. Б. Графова, «является одним из самых неустойчивых партнеров США»⁴⁴³, а турецко-американские отношения находятся сейчас на самом низком уровне за всю их историю, неизменным остается тот факт, что ядром внешней политики Японии является американо-японский альянс и сохраняющееся влияние США на принятие ключевых решений в определении внешнеполитического курса Японии. При этом в течение многих лет Токио активно стремился к партнерству с другими странами, чтобы расширить масштабы и потенциал внешней политики Японии. В этом контексте Турция часто упоминается как один из наиболее перспективных кандидатов на такое партнерство, особенно с учетом ее глубоких знаний и опыта в работе на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. В этом отношении обе страны связывают перспективы расширения политических и экономических связей в контексте провозглашенной МИД Турции в августе 2019 г. инициативы «Новая Азия», которая преследует четыре цели: 1) улучшение межгосударственных отношений, 2) расширение торгового потенциала частного сектора, 3) укрепление академического сотрудничества и 4) развитие взаимодействия между обществами. Очевидно, что сотрудничество двух стран в таких регионах, как Ближний Восток, Центральная Азия и Африка приведет к более тесным стратегическим связям между ними.

По некоторым направлениям двусторонних отношений обе стороны имеют немало объективных предпосылок для их развития на взаимовыгодных началах. Это, в первую очередь, относится к сфере экономических и научно-технических связей, которые в последние годы значительно расширились (вопросы экономического сотрудничества между двумя странами подробно рассматриваются в следующем разделе).

Дальнейшее развитие экономического сотрудничества между Японией и Турцией в XXI в.

Экономические отношения между Японией и Турцией достигли более высокого уровня в начале XXI в. Ранее названный План по развитию отношений между двумя странами в XXI в., создавал предпосылки для развития двусторонних экономических отношений, которые в этот период стали более многочисленными и значительными в денежном выражении.

При этом турецкие политические и деловые круги во главу угла ставили следующие соображения: необходимость увеличения объема взаимной торговли, что давало Турции важный рынок сбыта и расширяло импорт высококачественной японской продукции; привлечение японских кредитов и прямых инвестиций, современных технологий, что позволяет стимулировать развитие экономики и повышение качества продукции; создание совместных турецко-японских предприятий, в том числе и для деятельности в третьих странах.

Что касается интересов Японии в двустороннем сотрудничестве, то на первый план, как и во внешнеэкономических отношениях с другими странами, выступают торгово-экономические интересы, которые усиливаются географической близостью Турции к Европе и ближневосточным рынкам. Основная привлекательность Турции для торговли и инвестиций и их составляющих, по мнению представителей Федерации экономических организаций Японии «Кэйданрэн», заключается в следующем: наличие многочисленной и молодой рабочей силы; неуклонно растущее население в 81 млн человек с сопутствующим рынком потребителей, обладающим быстро растущей покупательной способностью; близость к рынку ЕС и возможность снижения тарифов в рамках Таможенного союза ЕС-Турция; близость к районам с потенциалом для высокого роста в регионе БВСА и Центральной Азии. Стоимость рабочей силы в Японии намного выше, трудоспособное население сокращается и в среднем значительно старше, чем в Турции, а Японии не хватает близости к развивающимся рынкам, к которым Турция имеет свободный доступ. Кроме того, по мнению японской стороны, Турция обладает растущим рынком и значительными потенциальными возможностями в связи с возможным в будущем присоединением к ЕС в качестве полноправного члена и высоким уровнем развития экономических и политических отношений с исламскими странами⁴⁴⁴.

Вместе с тем японские предприниматели выделяли ряд трудностей, сдерживающих развитие отношений между двумя странами. Япония была крайне осторожна в отношении крупных инвестиционных проектов в Турции. Один из бывших руководителей «Кэйданрэн» Миоси М. так суммировал эти факторы: «В Турции недостаточно развита базовая инфраструктура — имеются трудности с энергетикой, транспортом, связью, финансово-кредитная система не обладает требуемой гибкостью, процентные ставки чересчур велики. Основное значение в плане поощрений капиталовложений в Турции придается слабо развитым районам, а японские фирмы предпочитают делать капиталовложения в крупных городах: Стамбуле и Измире»⁴⁴⁵. По его мнению, негативным фактором является также длительная транспортировка морем сельскохозяйственной продукции (45 дней), что затрудняет ее перевозку, попытки же осуществить эти перевозки через другие страны оказались безуспешными⁴⁴⁶.

Другим важным фактором, повлиявшим на невысокий уровень японских инвестиций в турецкую экономику, была определенная политическая нестабильность в Турции, что было вызвано достаточно сложными внутривнутриполитическими процессами внутри страны до военного переворота 1980 г. Вместе с тем начавшийся период стабилизации, эффективное проведение правительством Озала комплексной внешнеэкономической политики, включавшей расширение экспорта и подрядных работ, привел к деидеологизации международных экономических отношений страны, стал существенным фактором, способствовавшим активизации экономических отношений между двумя странами.

Именно в этот период экономические отношения между двумя странами улучшились, и в 1980–1990 гг. Япония стала крупнейшим торговым партнером Турции. Японские фирмы в этот период также осуществили значительные инвестиции в турецкую экономику. Турецкие исследователи подчеркивают, что «Япония-старейший партнер Турции в Азии, и отношения между двумя странами всегда были тесными. По мере экономического развития Японии в послевоенный период и особенно после того, как Турция начала либерализацию своей экономики в 1980-х годах, экономические отношения между двумя странами процветали»⁴⁴⁷.

Важным событием в двусторонних отношениях стало сооружение с помощью Японии нового моста через Босфор в Стамбуле. Его завершение летом 1988 г. стало, по мнению ряда представителей японских деловых кругов, воплощением «выдающейся японской технологии

и турецко-японской дружбы»⁴⁴⁸. Мост Фатих был построен консорциумом японских, итальянских и турецких фирм на шесть месяцев раньше запланированного срока. Его стоимость составила 551 млн долл., которые предоставили в основном японские банки под низкие проценты⁴⁴⁹. Генеральный директор проекта моста Уэда М., возглавлявший одну из трех японских компаний, занятых в его сооружении, подчеркивал, что «выгоды от моста неоспоримы. Соединение с его помощью двух континентов поможет разгрузить транспортную систему Стамбула, создать обводную кольцевую дорогу для грузового транспорта, курсирующего между Европой и Азией, что будет способствовать еще большему экономическому развитию Турции»⁴⁵⁰.

Другим примером крупного проекта в Турции с участием японского капитала явилось открытие в 2013 г. тоннеля «Мармарай» под проливом Босфор (соединившим азиатскую часть Стамбула с европейской), где была применена японская рельсовая система. Подрядчиком этого крупномасштабного проекта выступил японо-турецкий консорциум TGN, состоявший из японской компании Tansei и турецких Nurol и Gama. Стоимость проекта составила 4,5 млрд долл., значительная часть из которых была предоставлена банком Japan Bank for International Cooperation (JBIC)⁴⁵¹. По мнению Дж. Бёркшира Миллера, американского исследователя японской внешней политики, сотрудника центра стратегических и международных исследований Тихоокеанского форума, «проект “Мармарай” явился примером использования Японией “мягкой силы” на Ближнем Востоке, который способствовал усилению ее роли в вопросах международной безопасности (наряду с ее “антипиратской” миссией в Аденском заливе)»⁴⁵². Среди других совместных проектов следует назвать строительство моста Золотой Рог, проекты водоснабжения Стамбула и Анкары, строительство плотины Хасан Угурлу и плотины Алтынкая.

Следует подчеркнуть, что в настоящий момент динамика экономических отношений двух стран положительная, несмотря на пандемические ограничения: в 2021 г. объем двусторонней торговли вырос по сравнению с 2020 г.

В 2021 г. объем торговли между двумя странами достиг более 4 млрд долл. Японский экспорт в Турцию составил более 3,9 млрд долл., а турецкий экспорт в Японию — всего 435 млн долл. А общая доля турецкого экспорта в общем импорте Японии составляет всего 0,06%⁴⁵³. Вместе с тем, начиная с 2011 г., японский экспорт демонстрируют неуклонное снижение (табл. 7).

Таблица 7

Двусторонние экономические отношения

(млн долл. США)

	Годы				
	2017	2018	2019	2020	2021
Экспорт в Японию	412	480	491	434	435
Импорт из Японии	4. 282	4. 125	3. 520	3. 585	3. 955
Объем	4. 694	4. 604	4. 011	4. 019	4. 390
Баланс	–3. 870	–3. 645	–3. 030	–3. 152	–3. 520

Источник: URL: www.mofa.go.jp/files/000004160.pdf; TÜİK.

Торговый баланс между Японией и Турцией характерен для торговли Японии с другими странами. Турция сохраняет отрицательное сальдо в торговле с Японией. Цифры демонстрируют плюсовой баланс в

пользу Японии, что соответствует проводимой экспортно-ориентированной политике страны. Основные статьи экспорта из Японии — это коммуникационное оборудование, автомобили, продукция машиностроения, железо и сталь, двигатели, химическое и оптическое оборудование, ядерные реакторы и котлы, транспортные средства, электрическое, электронное оборудование; оптические и фотоприборы, медицинские аппараты и приборы и т. д.

Из Турции ввозилась в Японию в основном следующая продукция: рыба, морепродукты, листья табака, обработанные продукты питания, крупы, мука, крахмал, молочные продукты, эфирные масла, хромированная сталь, ковровые изделия, изделия из стекла.

Япония, как известно, предъявляет более высокие требования к импортируемой продукции. Как отмечают турецкие специалисты, «чтобы экспортировать в Японию яблоки, они должны быть совершенны с точки зрения вкуса, запаха, вида и упаковки»⁴⁵⁴. В этом отношении Япония предпочитает импортировать товары из близлежащих стран, таких как Китай и страны АСЕАН. Кроме того, для турецких экспортеров невыгодно проходить долговременный и затратный процесс стандартизации, сертификации и т. п. При этом особые трудности представляет собой контроль сельскохозяйственной продукции до ее импорта в Японию с точки зрения применения химикатов. Помимо существования специальных квот в отношении пищевых продуктов, японская таможня проводит

тщательный контроль импортируемой продукции. Президент Турции Р. Эрдоган на встрече турецко-японских бизнесменов, организованной Советом по внешнеполитическим связям Турции и Японской федерацией экономических организаций в Токио 1 июля 2019 г., отметил:

«Мы рады, что на нашем рынке есть японская продукция. В то время как японская промышленная продукция может свободно поступать на турецкий рынок, наша сельскохозяйственная продукция высокого качества находится под режимом тарифов и сталкивается с другими проблемами, отличными от тарифов»⁴⁵⁵.

Турция, как известно, традиционно является сельскохозяйственной страной, где сельскохозяйственный сектор обеспечивает четверть занятости и почти 10% ВВП страны. Турция является седьмым по величине производителем в мире широкого спектра зерновых, фруктов и овощей, масличных семян и чая. Животноводство и рыболовство являются основными подсекторами. В целом, Турция является самодостаточной в сельскохозяйственном отношении страной, что делает сельское хозяйство очевидной и важной областью для взаимной выгоды обеих стран. Япония же является крупнейшим нетто-импортером сельскохозяйственной продукции в мире по причине относительно небольшой доли обрабатываемых земель в стране. Кроме того, из-за демографического старения населения страны ощущается нехватка сельскохозяйственных рабочих, а японские фермы не являются промышленно развитыми и остаются небольшими по мировым стандартам. По тем же причинам, вызванным высоким потреблением морских продуктов на душу населения, Япония также является крупнейшим нетто-импортером морских и рыбных продуктов, несмотря на то что Япония — островная страна и обладает непосредственной близостью и доступом к океану. Продовольственная самодостаточность является серьезной проблемой для населения Японии и приоритетом государственной политики. По мнению Скотта Моррисона, профессора японского университета Акита, «обе стороны отмечают возможность того, что сельское хозяйство может стать основой для стратегической программы, учитывая деликатный вопрос о поставках продовольствия (особенно для японской стороны)»⁴⁵⁶.

Кроме того, новым фактором, повлиявшим на сокращение объема японо-турецкой торговли, явилось увеличение доли Китая и Южной Кореи в общем объеме торговли Турции, главным образом, в ущерб торговым отношениям с Японией⁴⁵⁷. Это касалось торговли готовой продукцией

и торговли промышленным сырьем и материалами. По мнению специалистов, «торговые отношения Турции с тремя азиатскими “тяжеловесами” неизбежно вызовут изменения в отношениях между этими странами и Турцией в ближайшем будущем»⁴⁵⁸.

При этом следует отметить, что до 2000 г. главным азиатским торговым партнером Турции была Япония, за которой следовали Корея и Китай. После 2002 г. торговля Турции с Китаем резко возросла, в то время как торговля с Кореей и Японией зафиксировала лишь незначительный рост. По состоянию на 2012 г., на каждый 1 доллар товаров, которыми Турция торговала с Китаем, ее торговля с Кореей и Японией составляла 25 центов и 17 центов соответственно⁴⁵⁹. Это, однако, не означает, что Турция развивает отношения с Китаем в ущерб своим отношениям с Кореей и Японией или что наблюдается общее ухудшение отношений Турции с этими двумя странами. Несмотря на то что Китай стал главным экономическим партнером Турции, между двумя странами сохраняются политические проблемы, в то время как отношения Турции с Японией и Кореей в значительной степени политически беспроблемны.

Многие исследователи отмечают, что поскольку Китай присоединился к Всемирной торговой организации (ВТО) в ноябре 2001 г., став важным азиатским экономическим партнером Турции, объем торговли между Японией и Турцией значительно сократился в последние годы⁴⁶⁰.

Как отмечает Скотт Моррисон, «определенная степень государственного интереса в расширении экономического сотрудничества между двумя странами существует уже более трех десятилетий»⁴⁶¹. Японская федерация экономических организаций «Кэйданрен» и Совет по внешнеэкономическим связям Турции (DEIK) объединили усилия для создания Совместного Японско-турецкого экономического комитета (JTC) в 1983 году. JTC является наиболее заметным и влиятельным организатором Соглашения об экономическом партнерстве (ЕРА) между Японией и Турцией. Участники JTC, состоящие из представителей правительства, частного сектора и научных кругов, встречались более тридцати раз с момента создания организации. Они заключили несколько соглашений и приняли ряд законодательных актов. В 1992 г. JTC содействовал заключению «Соглашения между Японией и Турецкой Республикой о взаимном поощрении и защите инвестиций». Соглашение, вступившее в силу в 1993 г., содействовало защите инвестиционных активов и представляло взаимовыгодный режим коммерческой деятельности. В 1993 г. JTC способствовал заключению налогового соглашения, известного как

«Соглашение между Японией и Турецкой Республикой об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы», которое вступило в силу в 1994 г. Этот договор явился обычным соглашением, в котором не проводилось различия между двусторонними отношениями между двумя странами или характером их торговых отношений с другими странами, но, тем не менее, он явился предпосылкой для более тесных экономических отношений и основой для двустороннего стратегического сотрудничества.

Федерация экономических организаций Японии «Кэйданрэн» также стремится к расширению и диверсификации двусторонних экономических связей и созданию равных условий для японских компаний по сравнению с другими иностранными инвесторами в Турции, а также созданию «деловой среды, которая ведет к бесперебойной и эффективной корпоративной деятельности». Кроме того, в федерации подчеркивают важность снижения или отмены тарифов на японские промышленные товары, смягчения и упрощения процедур и требований, предъявляемых к разрешениям на работу, а также укрепления прав интеллектуальной собственности⁴⁶².

В связи с этим важное значение приобретают переговоры между Турцией и Японией о подписании соглашения о свободной торговле. Подобные соглашения подписываются для устранения или сокращения торговых барьеров. Турция, как известно, входит в Таможенный союз Европейского сообщества с 1996 г. и не может единолично заключить соглашение о свободной торговле с третьими странами.

Переговоры Японии с ЕС по этому вопросу начались в 2014 г., но до 2017 г. продвигались очень медленно. Япония является седьмым по величине экспортным рынком ЕС, а Европа является третьим по важности торговым партнером Японии⁴⁶³. В июле 2017 г. Европейский союз и Япония договорились о широком соглашении по свободной торговле, в соответствии с которыми будут устранены тарифы на торговлю многими товарами и услугами. Это снизит цены для потребителей и повысит продажи для экспортеров. Соглашение устранил правила, препятствующие торговле, например, избавит от получения разрешения на каждый вид экспортируемого вида фруктов. ЕС будет экспортировать в Японию товары на 58 млрд евро и услуги на 29 млрд евро. В свою очередь, Япония будет экспортировать в ЕС товары на 66,7 млрд евро и услуги на 16 млрд евро⁴⁶⁴. 17 июля 2018 г. в Кантэе — резиденции премьер-мини-

стра Абэ Синдзо — было подписано соглашение о свободной торговле с ЕС, вступившее в силу 1 февраля 2019 г.⁴⁶⁵.

Официальные переговоры между Японией и Турцией об аналогичном соглашении начались в декабре 2014 г. и шли параллельно с переговорами с ЕС и активно продолжаются в рамках переговоров о ЗСТ (зоны свободной торговли). По состоянию на январь 2021 г. было проведено 17 раундов переговоров (в 2020 г. никаких переговоров не проводилось).

По мнению бывшего министра экономики Турции З. Чаглаяна, «существующий объем торговли между двумя государствами не отображает реального потенциала экономики двух стран». Он также заявил, что японские компании могли бы получить массу преимуществ, осуществляя инвестиции в экономику Турции. Подчеркивая заинтересованность Турции в том, что японские компании будут более эффективно использовать систему стимулирования в Турции, он отметил: «Я хотел бы сказать, что мы действительно заинтересованы в активной деятельности турецко-японской группы по разработке соглашения о свободной торговле»⁴⁶⁶.

В «Декларации о стратегическом партнерстве» 2013 г. нашло отражение намерение двух сторон продолжить переговоры о подписании соглашения о свободной торговле. Япония, как ожидается, может получить определенные преимущества от этого соглашения, рассматривая Турцию как центр для будущих поставок на рынки Кавказа, Ближнего и Среднего Востока, Африки и Европы. В этом отношении важное значение приобретает использование молодой рабочей силы Турции, т. к. сама Япония не может войти на рынки этих стран.

При этом обе стороны выражали обеспокоенность в связи с тем, что вступление в силу соглашения о свободной торговле между Японией и ЕС позволит японским товарам автоматически поступать в Турцию беспрепятственно через рынки ЕС благодаря членству Турции в Таможенном союзе ЕС. Как отметил министр экономики Турции Н. Зейбекчи, «страны, которые подписывают сделки с ЕС, автоматически получают право доступа на рынок Турции»⁴⁶⁷. В связи с этим возникает необходимость скорейшего завершения переговоров о соглашении о свободной торговле между Японией и Турцией. Ожидается, что соглашение о свободной торговле принесет выгоды для Японии и Турции в ближайшие годы после его заключения⁴⁶⁸. По мнению заместителя министра экономики, торговли и промышленности Японии Мацусита Т., «между двумя странами должно быть подписано соглашение о свободной торговле, чтобы укрепить двусторонние отношения. Япония нуждается в молодом поколении

Турции. Обе страны могут объединить свои усилия и способствовать сотрудничеству стран мира. Географическое расстояние в настоящее время может соединить нации посредством торговли»⁴⁶⁹.

До подписания двустороннего соглашения о свободной торговле Япония и Турция в 2018 г. подписали рамочное соглашение об экономическом партнерстве.

Отмечается определенный рост количества японских компаний, зарегистрированных в Турции. Так, если в 2014 г. 183 японские компании действовали в Турции, то по состоянию на 2021 г. их количество возросло до 257, в то время как в Японии действовали только 5 турецких компаний. В Японии также есть много ресторанов и небольших предприятий, которыми управляют турецкие граждане. Японские компании в Турции действуют в следующих секторах: строительство, автомобилестроение, машиностроение и электротовары.

Продолжая работать в этих областях, японский бизнес в Турции в настоящее время расширяется в банковском, страховом, медиа- и продовольственном секторах. Недавним примером японских инвестиций в Турцию явилось решение компании Sumitomo Rubber Industries инвестировать около 500 млн долл. в строительство завода по производству шин в провинции Чанкыры близ Анкары. Sumitomo стремится поставлять шины на рынки Ближнего Востока, Африки и Европы с соответствующим сокращением времени выполнения заказов и транспортных расходов⁴⁷⁰.

Японские компании выходили на турецкий рынок путем создания совместных предприятий с местными партнерами, их производственные мощности находятся в Турции, и они экспортируют большую часть их продукции в третьи страны, в частности в ЕС, благодаря Таможенному союзу. Это позволяет компаниям в Турции наладить свой экспорт на европейские рынки, включая страны Центральной и Восточной Европы, в Россию и Израиль, не встречая тарифных барьеров. Таким образом, хотя Турция и испытывает торговый дефицит с Японией с точки зрения непосредственной торговли, японские инвестиции в совместные турецко-японские предприятия косвенно содействуют расширению турецкого экспорта продукции совместных турецко-японских предприятий в зарубежные страны. По мнению турецких специалистов, «хотя цифровые данные по японо-турецкой торговле и являются важными, японские технологии и ноу-хау значат больше для Турции в долгосрочной перспективе»⁴⁷¹.

Тем не менее необходимо отметить, что замедление темпов экономического обмена между двумя странами сказывается и на инвестициях. Такие японские компании, как Toyota, Honda, Isuzu, Bridgestone, Mitsui, Sumitomo и Marubeni, зарекомендовали себя на турецком рынке с 1987 г. С конца 90-х гг. прошлого столетия и в начале 2000-х гг. поток инвестиционного капитала из Японии в Турцию потерял свой темп. Одной из причин этого явились неблагоприятные экономические условия, переживаемые Японией. Другая причина заключается в недостаточно привлекательных и выгодных условиях бизнес-среды в Турции. В докладе Японо-Турецкого делового совета 2012 г. отмечалось, что «Турция не достигла соответствующего уровня экономической и политической стабильности, прозрачности, качества продукции, инфраструктуры, наряду с сложными бюрократическими процедурами»⁴⁷².

С другой стороны, в этом докладе подчеркивалось, что «японские инвестиции в экономику Турции являются наиболее важным аспектом экономических и торговых отношений между Турцией и Японией, так как деятельность японских компаний в их соответствующих областях в Турции имеет значение не только с точки зрения самих инвестиций, но и с точки зрения их влияния на торговые отношения между двумя странами, на разнообразии продуктов и товаров, являющихся предметом торговли»⁴⁷³.

Несмотря на это, привлекает особое внимание существенная неуравновешенность между Турцией и Японией в области экономического сотрудничества. Так, например, отмечается односторонность инвестиций, т. е. осуществление всех финансовых потоков происходит только с японской стороны. Турция не имеет прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Японию, и очень сложно найти турецкие фирмы, осуществляющие бизнес-проекты в Японии. Это, в некоторой степени, объясняется объективными причинами: для иностранных фирм, желающих работать на японском рынке, существуют ограничения, связанные с культурными традициями, образом жизни, предпочтениями японских потребителей. Кроме того, стоимость создания предприятия в Японии (включая стоимость рабочей силы, рабочие места, налоги и т. п.) очень высокая.

Турецкая сторона постоянно подчеркивает необходимость привлечения дополнительных инвестиций из Японии. Так, президент Турции Эрдоган, выступая на встрече, организованной японской федерацией экономических организаций «Кэйданрен», подчеркнул актуальность переговоров между двумя странами о новых инвестиционных проектах, приведя пример разницы между инвестициями Японии в Турцию

и другие страны. По его словам, японские инвестиции в турецкую экономику в последние 10 лет составили 3 млрд долл., что является недостаточным, учитывая тот факт, что прямые инвестиции Японии в Китай достигают 73 млрд долл., а ее общий объем инвестиций по всему миру оценивается в 965 млрд долл.⁴⁷⁴.

Ограниченный уровень японских инвестиций в Турции являются предметом озабоченности не только для Турции. В 2017 г. министерство экономики, торговли и промышленности Японии (METI) объявило о заинтересованности правительства в зарубежных инвестициях как одного из приоритетных направлений политики Японии. Министерством были выделены три основные «столпа» «Новой стратегии роста Японии» (New Growth Strategy of Japan): 1) поддержание конкурентоспособности японской промышленности за счет активной политики в области инвестиций и занятости, 2) увеличение зарубежных инвестиций японских компаний в целях роста акций японских компаний на зарубежных рынках и 3) стимулирование международных деловых операций посредством политики стабилизации поставок электроэнергии, снижения ставки корпоративного налога, посредством обеспечения поддержки инвестиций в Японии, а также посредством соглашений об экономическом партнерстве⁴⁷⁵. По мнению профессора университета Кабир Хаса в Стамбуле К. Али Аккемика, «именно Турция предлагает возможности для реализации этих ожиданий правительства Японии»⁴⁷⁶. Как заявил министр экономики Турции Н. Зейбекчи, «Турция является страной, которая имеет наилучшие в мире возможности для японских фирм»⁴⁷⁷. По его мнению, «японские фирмы будут зарабатывать больше в Турции по сравнению с другими странами, принимая во внимание 81 млн населения страны, а также тот факт, что турецкий рынок не ограничивается только географическими пределами своей страны, а находится в центре Африки, Ближнего Востока, Центральной Азии, Кавказа и Балкан, что предоставляет широкие возможности для японских партнеров в качестве рынков сбыта»⁴⁷⁸.

Многие японские компании инвестировали в Турцию не только для внутреннего турецкого рынка, но и для других рынков, таких как ЕС, Ближний Восток, Африка и Евразия.

Одним из недавних примеров японских инвестиций в Турцию является завод по производству кондиционеров компании Mitsubishi в Эрейской провинции Маниса, который не только производит кондиционеры для продажи на турецком рынке, но и экспортирует их в страны региона.

С 1990 г. в Турции функционирует компания Toyota Turkey, которая является лидером турецкого экспорта и самым крупным предприятием в Турции, экспортирующим более 80% своей продукции в более чем 100 стран. При этом компания обеспечивает 20% производства автомобилей в Европе. По своим производственным показателям Toyota Turkey в 2015 г. вышла на 3-е место в Европе⁴⁷⁹. Несмотря на ограничения, связанные с пандемией COVID-19, завод продолжал работать на полную мощность.

В настоящее время кроме таких крупнейших японских компаний, как Toyota, Isudzu и Honda, в Турции работает большое количество японских фирм в области энергетической и химической промышленности.

В банковском и финансовом секторе Mizuho Corporate Bank Ltd. всентябре 2012 г. подписал соглашение о партнерстве с Akbank TAS, вторым по величине кредитором Турции по рыночной капитализации; в соответствии с соглашением два банка будут совместно обслуживать японские компании, инвестирующие в Турцию⁴⁸⁰. Конкурент Mizuho и крупнейший японский банк Bank Tokyo-Mitsubishi UFJ инвестировал 303 млн долл. США в создание местной дочерней компании и запуск операций в Турции в 2013 г. До получения банковской лицензии в декабре 2013 г.⁴⁸¹ Bank Tokyo-Mitsubishi UFJ имел представительство только в Турции, присутствие которого насчитывало 26 лет. Кроме того, продажи облигаций, номинированных в турецких лирах, японским инвестором, известными в Японии как облигации Uridashi, с начала 2013 г. выросли в цене до 2,7 млрд долл. США, превысив рекордные 2 млрд долл. США, привлеченные в 2011 году⁴⁸².

В декабре 2010 г. министерство экономики, торговли и промышленности Японии (METI) и министерство энергетики и природных ресурсов Турции (MENR) заключили Меморандум о сотрудничестве (МОС) для «развития ядерной энергетической программы» в Турции. Соглашение, действующее в течение пяти лет и подлежащее продлению по взаимному согласию, предназначено для содействия «подготовке, планированию и содействию развитию ядерной энергетики, переработке отходов и технологическому развитию», развитию людских ресурсов и инфраструктуры в соответствии с руководящими указаниями и стандартами Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ)⁴⁸³. В Декларации о стратегическом партнерстве 2013 г. стороны выразили удовлетворение в связи с заключением этого соглашения о сотрудничестве в использовании ядерной энергии в мирных целях, а также соглашения о сотрудничестве в строительстве атомных станций в Турции.

В первую очередь, это относилось к сотрудничеству в конструкции атомной станции в Синопе с первоначальной стоимостью в 22 млрд долл. и с мощностью 4500 МВт, на месте строительства которой были начаты геодезические и сейсмические исследования при участии японской компании Mitsubishi Heavy Industries. В консорциум по реализации проекта АЭС «Синоп», наряду с турецкой государственной энергокомпанией Elektrik Uretim AS (EUAS), входили японские МНН и Itochu Corp., а также французские AREVA и Engie. На получение данного контракта претендовали и компании из Китая, Республики Корея, Канады.

Как отметил премьер-министр Японии Абэ после подписания Декларации, «достижение договоренности по Синопской АЭС имеет большую значимость для Японии, которая, получив эксклюзивное право на строительство АЭС в Турции, несет определенную ответственность за аварию на АЭС “Фукусима” и в то же время стремится содействовать развитию ядерной энергетики в других странах»⁴⁸⁴. Хотя Абэ особо подчеркивал, что Япония считает своим долгом поделиться с остальным миром уроками, извлеченными из трагедии Фукусимы, а также способствовать безопасному использованию мирного атома, данный проект вызвал серьезную критику как в самой Японии, так и за ее пределами. В первую очередь, это было связано с тем, что Анкара запросила разрешение на обогащение урана и получение плутония. Данное условие было включено в соглашение несмотря на то, что это создавало возможность получения Турцией материалов, пригодных для создания ядерного оружия. Кроме того, была и опасность строительства АЭС в сейсмически неблагоприятном районе Турции. Правительство Абэ, осознавая серьезность рисков, было намерено поддержать с помощью этого проекта японское энергомашиностроение, пытавшееся адаптироваться к реалиям постфукусимской эпохи. Многие специалисты указывали на то, что Токио намеревался продемонстрировать свои сильные позиции в нише экспорта комплексных решений (в инфраструктуре, ядерной и углеродной энергетике, переработке отходов), где наблюдается рост конкуренции со стороны Пекина⁴⁸⁵. Токио и Анкара также договорились о подготовке турецкого персонала для АЭС и об открытии в Синопе турецко-японского технологического университета.

Инициатором прекращения сотрудничества в этом проекте стала японская сторона. Еще в 2018 г. появилась информация о намерении возглавляемого японцами консорциума выйти из проекта. В частности, в апреле 2018 г. издание Nikkei сообщило, что Itochu выйдет из проекта,

в то время как МНІ и другие инвесторы продолжают технико-экономическое обоснование до лета 2018 г.⁴⁸⁶. Остальные члены японского консорциума отказались от проекта в декабре 2018 г. после того, как не смогли достичь соглашения с правительством Турции об условиях финансирования⁴⁸⁷. Консорциум Atmea поднял стоимость Синопского атомного проекта до 44 млрд. долл. (т. е. двукратный рост стоимости проекта). У турецкой стороны таких денег не было. В качестве причины были указаны новые, более строгие стандарты безопасности, введенные из-за катастрофы на Фукусиме, а также падение стоимости турецкой лиры. При этом специалистами отмечалось, что даже при наличии недостающей суммы в 12,5 млрд долл., строительство Синопской АЭС вообще никогда не окупилось бы.

В 2020 г. Турция заявила, что может провести переговоры с другими возможными поставщиками⁴⁸⁸. Однако, по мнению аналитиков, здесь нельзя исключать и наличие политической составляющей — Токио стала беспокоить прогрессирующая непредсказуемость своего стратегического партнера, а также его все более заметное развитие связей с Пекином.

Что касается позиции Турции по этому вопросу, то следует привести заявление министра энергетики Турции о прекращении сотрудничества с Японией по проекту Синопской АЭС, который, по его мнению, мог бы стать «визитной карточкой» вышеупомянутого стратегического партнерства Японии и Турции. В частности, Фатих Донмез заявил, что Турция пересматривает оценку своего основного партнера для второй АЭС, которая будет построена в черноморской провинции Синоп. Он сообщил агентству Anadolu, что график и цены на атомную электростанцию в Синопе не оправдали ожиданий министерства после результатов технико-экономических обоснований, проведенных Mitsubishi Heavy Industries (МНІ). «Мы договорились с японской стороной не продолжать наше сотрудничество по этому вопросу», — сказал Денмез, добавив, что Турция может провести переговоры с другими поставщиками для строительства станции⁴⁸⁹. Этот отказ Анкары, кстати, спровоцировал эффект домино, что привело к тому, что Mitsubishi Heavy Industries ушла из международного рынка ядерной энергетики.

Этот несостоявшийся проект АЭС на Черноморском побережье Турции в Синопе в определенной мере помог российско-турецкому атомному сотрудничеству в строительстве АЭС «Аккую», которое базируется на модели СЭП (build-own-operate, строительство–эксплуатация–передача) что позволяет инициатору проекта возместить свои

инвестиционные и эксплуатационные расходы, что отличало этот проект от проекта в Синопе.

В рамках декларации о стратегическом партнерстве в ходе визита в Турцию японского премьер-министра Абэ в 2013 г. стороны договорились о сотрудничестве в области проектов в оборонной промышленности. Так японская компания Mitsubishi планировала создание совместного предприятия для производства моторов для танков, что полностью должно было снять существующие в Японии ограничения в отношении экспорта вооружения. Министр обороны Турции И. Ыылмаз в своем интервью японской газете "*Nihon Keizai*" 30 декабря 2013 г. следующим образом охарактеризовал перспективы турецко-японского сотрудничества в области обороны: «Мы создаем с Mitsubishi группу по созданию моторов для танков и комплектующих и планируем производство нового поколения танков

"Altay"⁴⁹⁰». (Разработка танков проходила совместно с Ю. Кореей.) В перспективе Турция была намерена наладить с японскими компаниями производство моторов для вертолетов, беспилотников и инфракрасных датчиков, а также энергоустановок для подводных лодок и кораблей⁴⁹¹.

Однако в 2014 г. министерство обороны Турции прекратило переговоры с японской компанией Mitsubishi Heavy Industries относительно совместной разработки двигателя для перспективного основного боевого танка Altay. Поводом для прекращения переговоров стал действующий в Японии запрет на военный экспорт. По словам руководителя Секретариата оборонной промышленности (SSM) Турции Мурада Байяра, сделка снята с повестки, но стороны договорились о военно-техническом сотрудничестве по другим направлениям⁴⁹².

Здесь следует пояснить причину этого несостоявшегося проекта Токио и Анкары в такой чувствительной для японского общества сфере, как военно-техническое сотрудничество. Когда в 2011 г. правительство Ноды Ёсихико под давлением Вашингтона и национального ОПК объявило о смягчении существовавшего на протяжении десятилетий запрета экспорта продукции военного назначения, в Турции, не имеющей в силу ряда политических причин доступа к западным военным технологиям, начали рассматривать Токио как перспективного партнера в сфере ВТС. Турцию особенно заинтересовали японские наработки в сфере танковых двигателей. Обсуждение возможной кооперации в этой области способствовало расширению контактов внешнеполитических и оборонных ведомств двух стран, в том числе и на высоком уровне.

В мае 2014 г. президент Р. Эрдоган предложил вернувшемуся к тому времени в кресло премьера и приехавшему с визитом в Турцию Абэ Синдзо создать на ее территории совместное предприятие TUSAS Engine Industries и МНН по разработке и выпуску двигателя для перспективного турецкого танка Altay. Новые возможности для подобной кооперации открылись после политического решения Абэ об отказе Японии от строгих самоограничений в сфере военного экспорта, о котором было объявлено уже в апреле 2014 г. Однако уже в феврале 2015 г., после визита Абэ в Турцию, стало известно об окончательном отказе сторон от дальнейшего обсуждения данного вопроса. В качестве основной причины указывалось на заявленную Анкарой возможность экспорта перспективного танка Altay в Пакистан и Азербайджан, что противоречило и новым подходам Токио к экспортному контролю, так как попытки поддержать национальный ОПК за счет сотрудничества с Турцией могло нанести существенный вред собственным национальным интересам.

В то же время, учитывая подписание соглашения о стратегическом партнерстве между Турцией и Японией, существует большая вероятность дальнейшего участия Японии в области расширения экспорта технологий в оборонной области, в частности, речь идет об участии Японии в тендере в отношении создания противовоздушной системы для баллистических ракет в Турции.

Существует большой потенциал для кооперации между Турцией и Японией в сфере авиации и аэрокосмической индустрии. Япония продвигает во всем регионе свою космическую программу, в которой особое внимание уделяется запускам спутников для секторов технологий и безопасности. Так, запуск с космической станции Байконур на орбиту 15 февраля 2014 г. созданных в Японии компанией Mitsubishi Electric спутников связи Türsat 4A и Türksat 4B для спутникового оператора Türksat AS расширил коммуникационные возможности связи Турции в 3 раза и создал возможности для трансляций телевизионных передач по большому периметру Европы, Азии, Ближнего Востока, Африки. Спутник Türksat 4A стал важной вехой в этом отношении, поскольку он был произведен японской компанией с участием турецких инженеров, прошедших обучение в Японии. Турецкие власти заявили, что Türksat 4A — это «не только проект покупки спутников, но и проект, который позволяет Турции построить свой собственный спутник и открывает путь для Турции и Японии для установления стратегического партнерства в космической политике»⁴⁹³.

В то же время китайскими специалистами отмечается возможность использования Türksat 4B для управления турецкими боевыми дронами⁴⁹⁴. Принимая во внимание реально существующую военную угрозу стране со стороны Ирана, Турция в 2013 г. анонсировала переговоры с китайской China Precision Machinery Import-Export Corp. о содействии в создании собственной, автономной от НАТО, системы ПРО. В Японии, которая совместно с США занимается разработками в сфере ПРО, пришли к выводу, что любые контакты между Турцией и Китаем в военной области, даже при получении соответствующих гарантий от Анкары, несут в себе слишком высокие риски, связанные с утечкой чувствительных технологий⁴⁹⁵. В тоже время в дальнейшем ожидается запуск и эксплуатация спутника Türksat 5A.

В качестве положительного примера сотрудничества между частными секторами Турции и Японии можно привести достижение договоренности о партнерстве между крупной японской текстильной компанией Maribeni и одним из крупнейших экспортёров текстиля Турции — компанией Saide Tekstil. Также успешно продвигаются проекты в фармацевтике. Фармацевтическая компания Takeda, крупнейшая в Японии и 15-я в мире, начала продажи лекарственных препаратов и наладила маркетинг в Турции, где фармацевтический рынок быстро развивается (в отличие от перенасыщенного европейского рынка) и становится для Японии ключевым развивающимся рынком.

Крайне актуальным вопросом экономического сотрудничества между двумя странами является сотрудничество в предотвращении стихийных бедствий, в частности, землетрясений. По мнению Хигасино А., эксперта японского университета Цукубы, взаимная помощь двух стран во время серьезных бедствий является «катализатором укрепления отношений между ними»⁴⁹⁶. В марте 2011 г. Турция оказала чрезвычайную помощь во время Великого землетрясения в Восточной Японии. В связи с этим Министерство иностранных дел Японии создало специальную веб-страницу, на которой была представлена деятельность турецкой спасательной команды, которая была направлена в префектуру Мияги сразу после землетрясения. На веб-сайте подчеркивалось, что из всех международных команд именно турецкая оставалась в пострадавшем районе в течение самого длительного периода времени (почти три недели). Аналогичным образом Япония оказала чрезвычайную помощь Турции в 1999 г., когда страна пострадала от сильных землетрясений в Измите. Япония тогда стала одним из немногих государств, предоставивших

Турции экономическую и техническую помощь. Японское правительство направило в Турцию команды служб спасения, а также предоставило в дар 500 сборных домов и в рамках японской помощи выделило в общей сложности 1 млн долл., 600 тыс. из которых составили закупки лекарств, медицинского оборудования, палаток, одеял⁴⁹⁷. В 2011 г. после разрушительного землетрясения в турецкой провинции Ван Япония направила 400 тыс. долл. в рамках оказания чрезвычайной помощи, а японский Красный Крест передал 3 000 наборов медицинских инструментов.

В декабре 2018 г. между Японией и Турцией было подписано «Соглашение о сотрудничестве по уменьшению ущерба от стихийных бедствий», которое определило следующие основные направления:

- 1) проект по развитию потенциала в области разработки основного плана городского развития, учитывающего риски;
- 2) японо-турецкий диалог о сотрудничестве в области борьбы со стихийными бедствиями;
- 3) пилотный проект по сейсмоусилению существующих зданий при содействии японских технологий;
- 4) поддержка (система обмена информацией о стихийных бедствиях с помощью L-Alert) для организации крупномасштабного сбора/передачи данных во время стихийных бедствий;
- 5) разработка систем раннего предупреждения;
- 6) разработка модели системы поддержки принятия решений в случае стихийных бедствий;
- 7) проект по предотвращению схода лавин;
- 8) проект по обмену опытом между обществами, устойчивыми к стихийным бедствиям.

Также следует отметить важное значение Соглашения о техническом сотрудничестве между Турцией и Японией, подписанного в октябре 2020 г. в Анкаре, которое расширяет возможности двустороннего сотрудничества между турецким агентством по сотрудничеству и координации ТКА и японским агентством международного сотрудничества ЈСА. Соглашение предусматривает техническое сотрудничество двух стран в комплексных проектах, таких как меры по ликвидации последствий стихийных бедствий, создание турецко-японского научно-технического университета, помощь сирийским беженцам и поддержка третьих стран в сотрудничестве между ТКА и ЈСА.

Рассматривая вопросы двустороннего сотрудничества, нельзя не упомянуть о таком важном инструменте японской внешней политики, как

официальная помощь развитию (ОПР), который традиционно использовалась в качестве одного из инструментов повышения эффективности «мягкой силы» государства. Первоначально японская экономическая поддержка оказывалась преимущественно азиатским странам для выплаты военных контрибуций. Можно утверждать, что японские принципы оказания помощи, ее размеры и основные страны-реципиенты существенно видоизменились на протяжении более 60 лет осуществления данной политики. В настоящее время Япония занимает 4-е место в мире по объемам ОПР, которые составляют 10 млрд долл. в год, и остается одним из самых крупных доноров в мире⁴⁹⁸. Несмотря на то что доля Азии остается самой крупной среди всех направлений японской ОПР, повышенное внимание теперь уделяется другим регионам. В рейтинге стран-получателей ОПР от правительства Японии Турция занимает 6-е место⁴⁹⁹.

В соответствии с положениями Комитета содействия развитию (КСР), ОПР Японии осуществляется в форме грантов и кредитов и в форме подписки на капитал и взносов в международные организации.

В 2014 г. Япония предоставила Турции кредиты на сумму 652,1 млрд иен, гранты — на сумму 3,639 млрд иен, объем технического содействия составил 46,512 млрд иен⁵⁰⁰.

В «Голубой книге по вопросам внешней политики» Японии за 2014 г. приводятся три фактора, влияющие на оказание помощи Турции. Во-первых,

Япония высоко ценит «вклад Турции в региональную стабильность, которая проводит сдержанную и реалистичную внешнюю политику, развивая отношения с Западом и поддерживая дружественные отношения с новыми независимыми государствами Восточной Европы»⁵⁰¹. Во-вторых, «Япония отмечает потребность Турции в помощи вследствие большой численности населения»⁵⁰². В-третьих, «для Японии Турция имеет важное значение благодаря ее геополитическому положению на пересечении Азии, Среднего Востока и Европы»⁵⁰³. По заявлению премьер-министра Японии

Абэ во время его визита в Турцию в 2015 г., «Япония пересмотрела программу предоставления иеновых кредитов, так чтобы даже страны с относительно высоким ВВП, как Турция, могли пользоваться японскими инновациями и технологиями»⁵⁰⁴.

В целом японо-турецкое экономическое сотрудничество можно считать достаточно эффективным. Развивая инфраструктуру Турции и расширяя доступ к новым технологиям, Япония способствует развитию

широких секторов турецкой экономики и ее диверсификации. Создание совместных японо-турецких предприятий привлекает новые технологии и менеджмент, повышая конкурентоспособность турецких компаний.

Взаимодействие Японии и Турции в экономических проектах в Центральной Азии

Наряду с традиционными формами двусторонних отношений между Японией и Турцией обращает на себя внимание сравнительно новое направление двустороннего сотрудничества, а именно взаимодействие двух стран в бывших советских республиках Центральной Азии, где

в этом направлении уже были достигнуты положительные результаты. Как заявил бывший министр экономики Турции З. Чаглаян, «важен не только экспорт грузов между двумя государствами. Что действительно имеет значение, так это расширение взаимных инвестиционных связей и использование турецких и японских возможностей в области ведения бизнеса в развивающихся странах»⁵⁰⁵.

В этом контексте следует отметить наметившиеся очертания укрепляющегося сотрудничества Турции и Японии в Центральной Азии, разделение ответственности с Анкарой в продвижении сотрудничества Токио в регионе Центральной Азии, где Токио стремится укрепить свои позиции, используя турецкий опыт.

Масштабные изменения стратегического положения бывших среднеазиатских республик, их места в глобальной мировой политике произошли после распада Советского Союза. Центральная Азия превратилась в самостоятельную геополитическую единицу, которая стала объектом пристального внимания и зоной пересечения интересов ведущих мировых держав: России, США и Китая. Увеличение числа участников международных отношений привело к возможности усилить свое влияние в данном регионе.

Одной из стран, проявивших заметную активность в Центральной Азии, явилась Япония, которая в настоящее время обладает достаточным экономическим, финансовым и техническим потенциалом для решения стратегических задач в регионе. Политика Японии в Центральной Азии отражает ее заинтересованность в разведке и перспективной разработке природных ресурсов, обеспечения безопасных путей их доставки на мировой рынок, а также в содействии демократизации центральноазиатских государств⁵⁰⁶.

Турция, как известно, стала первым государством, признавшим независимость центральноазиатских стран, которые были близки ей с точки зрения исторической и религиозной традиций, в этническом и языковом отношении⁵⁰⁷. В первые годы независимости центральноазиатские государства контактировали с внешним миром через Турцию, при содействии которой произошло включение тюркских республик в состав региональных экономических и политических организаций: ОБСЕ, Организацию экономического сотрудничества, Черноморское экономическое сотрудничество, Организацию исламских конференций. Турция сыграла важную роль в присоединении республик Центральной Азии к программе НАТО «Партнерство ради мира». Анкара также способствовала проникновению в эти государства международных финансовых организаций (МВФ, Всемирный банк, Азиатский банк развития)⁵⁰⁸.

Турции удалось обозначить свое присутствие в тюркоязычных государствах и заметно усилить экономические и культурные связи с ними. Однако, по мнению аналитиков, надежды на то, что Турция станет их главным политическим и экономическим партнером, не оправдались⁵⁰⁹. Как отмечает российский исследователь Ю. Кудряшова, среди основных причин этого является «отсутствие общих границ, российское присутствие в регионе, нежелание лидеров новых независимых государств попасть в зависимость от кого бы то ни было»⁵¹⁰.

По мнению известного турколога Е. И. Уразовой, «оказываемая Турцией помощь тюркоязычным республикам при всей ее значимости была недостаточной на начальном этапе. Лишь в ограниченной степени она смягчала остроту проблем, накопившихся в странах региона, и нуждавшихся в срочном решении после обретения независимости. Это стало очевидным, когда, преодолев спад первых лет, молодые республики приступили к восстановлению экономического роста и их потребности в финансовых, в первую очередь валютных, ресурсах, необходимых для выполнения намеченных проектов, многократно возросли»⁵¹¹.

Необходимо отметить в этой связи, что в рамках стратегического партнерства между Японией и Турцией обеим странам было выгодно использовать гуманитарную сферу влияния Анкары на Центрально-Азиатские государства. В этом отношении западные и японские СМИ отмечали, «что у японского премьер-министра С. Абэ и президента Турции Р. Эрдогана весьма хорошие личные отношения, на основании чего Япония могла бы оказать Турции содействие в реализации проекта “тюркского мира”, который находит поддержку со стороны США»⁵¹².

Турки и жители Центральной Азии турецкого происхождения близки друг к другу с точки зрения языка и культуры. Турецкие компании, активизировавшиеся на среднеазиатском рынке после развала СССР в основном в строительстве, знают, как вести переговоры с местными властями, у них отработанные схемы поставок строительных материалов и привлечения рабочих.

С 2000 г. Токио и Анкара проводят периодические консультации по вопросам стабильности и развития Центральной Азии, Ближнего Востока и Кавказа. По мнению профессора Тэцудзи Танака, «объединение усилий Анкары и Токио в Центральной Азии может способствовать продвижению сотрудничества Токио с регионом и разделению ответственности с Анкарой»⁵¹³.

Турция пытается использовать заинтересованность и потребность тюркоязычных стран и разбросанных по всему миру турецких и тюркских общин во взаимопомощи, взаимопонимании и поддержке для укрепления своего влияния. В то же время Турция, в свою очередь, испытывая потребность в японских технологиях, также содействует повышению влияния Японии в государствах Центральной Азии. Япония активно реализует бизнес-проекты и лоббирование в странах региона главным образом с участием турецких предприятий. В 2014–2015 гг. в регионе возник ряд японо-турецких и более широких консорциумов в сфере инфраструктуры, энергетики, химической промышленности, значительная часть которых реализуется на территории Туркменистана, Казахстана, Узбекистана. Взаимодополняющий характер этих проектов заключался в том, что японская сторона обычно отвечает за финансирование и в ряде случаев предоставляет технологии, а турецкие компании выступают как субподрядчики.

Следует отметить, что в осуществлении японо-турецких проектов в Центральной Азии в этом направлении уже были достигнуты положительные результаты. Так, например, Туркменистан стал представлять большой интерес для Японии, т. к. обладает, с японской точки зрения, чрезвычайно важным достоинством — наличием широкой прослойки турецких граждан, которые хорошо разбираются в местных особенностях, что может способствовать укреплению статуса Японии в Центральной Азии. При этом немаловажным фактором является то, что многие их проживающих в Туркменистане турок имеют двойное гражданство.

В этой связи характерен пример турецкой группы компаний *Calyk*, осуществлявшей строительство крупнейшего в Центральной Азии

завода по переработке хлопка. *Calyk* оказала посредническое содействие в обеспечении благоприятных результатов в деле реализации импортных поставок оборудования и комплектующих деталей японского производства, предназначенных для переработки хлопка⁵¹⁴. Были построены высокорентабельные текстильные предприятия, оснащенные передовыми высокоэффективными технологиями европейских стран и Японии с законченным технологическим циклом от переработки хлопка-волокна до выпуска готовой продукции: хлопчатобумажной пряжи, различных видов хлопчатобумажных, махровых и джинсовых тканей и изделий из них, трикотажного полотна, трикотажных изделий, сатина, поплина, постельных принадлежностей и другой продукции, которая раньше не производилась в Туркменистане. На этих предприятиях используется самое современное технологическое оборудование в том числе и японских фирм, таких как: *Muratec*, *Tsudakoma*, *Howa*, *Monar*, *Juki*. Сотрудничество с зарубежными компаниями и крупными финансовыми структурами, такими как Европейский банк реконструкции и развития и EXIM Bank Японии, способствует внедрению в отрасли самых передовых и высокоэффективных технологий, обеспечивающих выпуск высококачественной и конкурентоспособной на мировом рынке продукции⁵¹⁵.

В 2014 г. японо-турецкий консорциум, в который входят компании *Kawasaki Heavy Industries* (Япония) и *Renaissance Turkmen* (Турция), начали строительство газохимического комплекса по переработке природного газа в Овадандепе (Красный холм) под Ашхабадом. Завод был введен в эксплуатацию в июне 2019 г. Важное значение этого комплекса объясняется, прежде всего, тем, что экономика Туркменистана, которая в значительной степени зависит от экспорта природного газа (который ограничен возможностями трубопроводной системы страны), приобрела комплекс, оснащенный новейшими технологиями от датской компании *Haldor Topso*, что повысит экспортный потенциал Туркменистана за счет производства высококачественной и экологичной продукции. Ежегодно будет перерабатываться 1,785 млрд кубометров природного газа и производиться 600 тыс. тонн высококачественного бензина марки А-92, соответствующего самым высоким экологическим требованиям по стандарту Евро-5⁵¹⁶. Общая стоимость проекта составила 1 млрд 700 млн долл. США, и он был осуществлен за счет инвестиций японской стороны и средств государственного концерна «Туркменгаз»⁵¹⁷.

На предприятии по производству газобензина впервые в мировой практике осуществилась в больших объемах «перегонка» природного газа

в жидкое топливо — бензин, в связи с чем экспертами Книги рекордов Гиннесса предприятию был вручен сертификат «Первого в мире завода по производству бензина из природного газа»⁵¹⁸. Первые 60 тонн произведенного на заводе бензина на фурах и поезде были отправлены в качестве гуманитарной помощи в соседний Афганистан. При этом следует отметить, что японская компания *Kawasaki Heavy Industries*, которая была выбрана в качестве генподрядчика проекта, также консультирует госконцерн «Туркменгаз» по вопросам управления заводом. Подписанное сторонами соглашение дает право госконцерну «Туркменгаз» заключать контракт с японской компанией на оказание услуг для квалифицированного управления предприятием⁵¹⁹.

Еще один важный проект стартовал в августе 2014 года. По контракту, заключенному с государственным концерном «Туркменхимия», консорциум компаний *Mitsubishi Corporation* (Япония) и *Gap İnşaat* (Турция) участвовали в строительстве завода по производству карбамида в городе Гарабогаз Балканского веляята, который был введен в эксплуатацию в июне 2018 г. Мощность предприятия составила 1 млн 155 тыс. тонн продукции в год⁵²⁰, предназначенной для экспорта продукции морем. Стоимость строительства составила 1,57 млрд долл. Площадь участка составила 60 гектар, где разместился склад по выпуску 10 тыс. тонн жидкого аммиака, два склада для карбамида по 50 тыс. тонн каждый, сам цех по его производству, фасовке и погрузке, системы водо- и газоснабжения, водоочистки и другая инфраструктура. Продукцию получают из природного газа, который добывается в ближайших месторождениях на заливе Кара-Богаз-Гол. Это ценный источник сульфата натрия (единственный в мире центр его промышленной добычи), а также глауберовой соли и другой химической и вспомогательной продукции, которой богат берег залива. Этот проект является, в основном, экспортным. В ходе его реализации предполагается поставлять за рубеж две трети добываемой продукции. Для этого в городе Гарабогазе заново отстроили одноименный порт. По данным справочных источников, в республике для экспорта также планируется открытие нового автомобильного моста через залив на дорожном участке «Туркменбаши-Гарабогаз-Казахстан»⁵²¹.

В 2014 г. японо-турецкий консорциум в составе японской *Mitsui Engineering & Shipbuilding Co. Ltd* и турецкой *we Tijaret Ronisans Turkmen Insaat Sanayi Anonim Sirketi* начал проектирование и строительство «под ключ» в г. Туркменабат в Лебапской области Туркменистана нового цеха по производству серной кислоты мощностью 500 тыс. тонн

в год. Туркменабатский химический завод является единственной производственной базой в стране для получения ценного удобрения — аммонийного суперфосфата, который полностью обеспечит сельское хозяйство Туркменистана, а также часть продукции будет экспортироваться⁵²². Комплекс был введен в эксплуатацию в июле 2016 г. и оснащен оборудованием и техникой из Японии, Германии, Турции, Китая. Технологический процесс автоматизирован и осуществляется с соблюдением всех стандартов экологической безопасности и защиты окружающей среды. Приборы и компьютеры, цеховая лаборатория обеспечивают полный контроль и анализ качества поступающего сырья⁵²³. Перспективность и рентабельность нового производства обуславливаются тем, что эта продукция является важнейшим и необходимым компонентом в производстве минеральных фосфорных удобрений. Проектная мощность его позволяет не только полностью удовлетворить внутренние потребности страны в высококачественной серной кислоте, но и поставлять значительную часть продукции на экспорт. Специалисты завода ожидают значительный рост потребности в серной кислоте в ближайшие годы и на самом Туркменабатском химическом предприятии. В планах развития отрасли намечено строительство нового комплекса по производству высококачественных концентрированных фосфорных удобрений мощностью 300 тысяч тонн продукции в год⁵²⁴.

На территории Туркменистана также действует японо-турецкий консорциум, включающий в себя такие компании, как *JGC Corporation*, *Itochu*, *Chiyoda* и *Sojitz*, а также турецкие *Calyk Holding* и *Ronesans Endustri Tesisleri*. Основная задача консорциума направлена на освоение газового месторождения Галкыныш, представляющего собой важный элемент энергетической магистрали Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия (проект ТАПИ). 13 ноября 2015 г. в г. Мары на юго-востоке Туркменистана (недалеко от газового месторождения Галкыныш, которое находится на втором месте в мире по запасам природного газа) прошла церемония начала строительства газопровода. Японские компании JGC и Chiyoda планировали вложить в этот проект более 1 трлн иен (10 млрд долл.)⁵²⁵. Лидером консорциума является компания «Туркменгаз». По мнению японской газеты *Nihon Keizai*, «японо-турецкая коалиция планирует изменить структуру экспорта энергоресурсов из Центральной Азии, которая стремится снизить свою зависимость от России и Китая»⁵²⁶. Ежегодно по трубопроводу должно проходить 33 млрд кубометров газа. В этой связи интересен комментарий

аналитиков: «Технологии и организация будут японскими, а вот строить и поддерживать контакты по этому поводу с непростыми туркменскими партнерами будут две крупные турецкие корпорации. Именно такой формат в Токио сейчас считают оптимальным — мы можем финансировать и предоставлять самые современные производственные комплексы. А отвечать за работу в котловане, за контроль за рабочими и работами будут турки, искушенные в тонких делах региона»⁵²⁷. В этой связи многие исследователи отмечают «следование двум характерным для Японии подходам к региону. С одной стороны, Токио снижает свои риски за счет действий в рамках международного консорциума, причем сотрудничая с Турцией как своего рода “лоцманом” — одной из немногих стран, имеющих относительно привилегированные отношения с Туркменистаном. С другой стороны, акцент делается прежде всего на выгоде для японского частного сектора»⁵²⁸. Строительство газопровода, протяженность которого составляет около 1814 км, планировалось завершить к концу 2019 г., однако, несмотря на то, что на сегодняшний день строительство туркменского участка газопровода закончено, он по-прежнему вызывает сомнения с точки зрения обеспечения безопасности, в частности из-за нестабильной обстановки в Афганистане и разногласий между Индией и Пакистаном, и сроки его ввода в эксплуатацию в очередной раз подверглись пролонгации. При этом следует принять во внимание, что, по мнению российского специалиста Шохрата Кадырова, «ТАПИ является в известной степени ловушкой для Туркменистана. В том смысле, что реализация ТАПИ будет происходить под американским прикрытием»⁵²⁹.

В октябре 2018 г. состоялась торжественная церемония открытия полимерного завода в поселке Киянлы. Крупнейший в регионе газохимический комплекс возведён по заказу Госконцерна *Türkmengaz* корейскими компаниями *LG International Corporation* и *Hyundai Engineering Co., Ltd*, турецкой *Çalyk Holding*, которые являются давними партнерами Туркменистана в реализации крупных инфраструктурных проектов, а также японской компании *TOYO Engineering Corporation*, для которой полимерный завод в Киянлы стал первой масштабной стройкой в Туркменистане. Данный проект, общей стоимостью более 3 млрд 400 млн долл. США, был удостоен специальной награды организации ТХФ (Великобритания) как один из десяти лучших проектов Европы и Евразии 2014 года, финансируемых экспортно-кредитными агентствами. Общая сумма кредитных соглашений, подписанных Государственным банком внешнеэкономической деятельности Туркменистана с Японским

банком для международного сотрудничества (JBIC), Экспортно-импортным банком Кореи и Синдикатом участвующих финансовых институтов Японии, Германии, Франции, Кореи, Китая, Италии, Австрии и Швейцарии по финансированию данного проекта, составляет свыше 2,5 млрд долл. США⁵³⁰.

Японско-турецкий тандем в Центральной Азии не ограничивается исключительно Туркменистаном. С октября 2016 г. международный консорциум в составе японских *Mitsubishi Corporation* и *Mitsubishi Hitachi Power Systems Ltd* и турецкой *Calyk Holding* вели строительство Туракурганской ТЭС в Наманганской области на востоке Узбекистана. Общая стоимость данного проекта составила порядка 1,1 млрд долл. и его финансирование осуществлялось за счет предоставленного Японским агентством по международному развитию (JICA) кредита на сумму 704 млн. долл., займа Фонда развития и реконструкции Узбекистана в размере 300 млн долл., а также собственных средств «Узбекэнерго». В ноябре 2016 г. правительство Узбекистана подписало кредитное соглашение с JICA, согласно которому Японское агентство выделило льготный долгосрочный кредит на строительство двух энергоблоков Туракурганской ТЭС. Сумма займа составила 704 млн долл., срок действия — 40 лет, включая десятилетний льготный период, со ставкой 0,3% годовых⁵³¹. Данный проект предусматривает строительство новой тепловой электростанции с двумя современными и эффективными парогазовыми установками общей мощностью 900 МВт. Партнером консорциума по строительству ряда компонентов выступила турецкая *Calyk Enerji Sanayi ve Ticaret AS*. Стоимость контракта не разглашается. В октябре 2016 г. стало известно, что *Mitsubishi Corporation* выиграла тендер «Узбекэнерго» по выбору генерального подрядчика по проекту строительства двух парогазовых установок (ПГУ) мощностью по 450 МВт на ТЭС. В ноябре 2019 г. был запущен первый блок Туракурганской ТЭС, в 2020 г. после испытаний второй блок также начал производить электричество. Сегодня Туракурганская ТЭС работает на полную мощность, производит в среднем 915–920 мВт электроэнергии. Это примерно 45–50% (2000–2500 мВт) от среднего потребления области долины и 9–10% от потребления республики⁵³².

Вторым контрактом с участием международного консорциума в составе японских компаний *Mitsubishi Corporation* и *Mitsubishi Hitachi Power Systems Ltd.*, а также турецкой *Calyk Enerji Sanayi ve Ticaret AS* явился контракт с «Узбекэнерго» на модернизацию Навоийской ТЭС.

Проект общей стоимостью около 550 миллионов долларов предусматривает строительство под ключ одного блока ПГУ комбинированного цикла мощностью 450 МВт. Парогазовая установка последнего поколения введена в эксплуатацию в энергосистему республики накануне 2020 г.⁵³³. Одной из особенностей этого проекта является то, что на конденсаторе паровой турбины впервые в местной практике вместо водяного применено воздушное охлаждение, что, с точки зрения дефицита воды в условиях орошаемого земледелия в республике, явилось экономически эффективным. Новые производственные мощности существенно повысили надежность бесперебойного обеспечения электроэнергией промышленных предприятий, бизнес-структур, жилищной, социальной и бытовой инфраструктур населенных пунктов региона. На третьем этапе модернизации, рассчитанном на период 2019–2023 гг., предполагается расширение станции, строительство третьей и четвертой парогазовых установок. До 2025 г. в Узбекистане планируется построить еще ряд современных парогазовых установок. Это, в свою очередь, требует подготовки свыше тысячи высококвалифицированных специалистов. Ранее на базе Навоийской ТЭС был организован учебный центр по подготовке специалистов для работы с парогазовой установкой при финансовом содействии Японского агентства по международному сотрудничеству — JICA. В нем уже прошли подготовку 166 специалистов⁵³⁴.

Несмотря на масштаб участия японских и турецких фирм в строительстве крупнейших объектов в странах региона, они подчас сталкиваются с нехваткой средств на местах на их обслуживание. Примером тому явилось строительство сейсмостойкого подвесного моста через Иртыш в городе Семей в Казахстане. Проект был предложен японской компанией *Ishikawadzima-Harima Heavy Industries Co Ltd. (IHI)* с участием турецкой компании *Alarko Alsim*. Согласно контракту от 24 января 1998 г. проект должен был быть закончен в течение 42 месяцев и финансировался в соответствии с договором о займе, подписанным между Республикой Казахстан и ОЕС (Фондом международного экономического сотрудничества) правительства Японии. В проект также вошли создание и реконструкция подъездных путей. 6 полос автомобильного движения при длине основного пролета 750 метров и общей длине 1 086 метров позволили разгрузить как старый мост, так и трассы внутри страны, и международные трассы, в том числе российскую трассу Омск — Новосибирск. Этот мост был экономически рентабелен благодаря короткому периоду строительства. Однако в течение

семнадцати лет после постройки гигантский мост, не имевший аналогов в мире, не обслуживался, что привело к значительному ухудшению дорожного покрытия, созданного по уникальной технологии. Мост состоял на скромном городском бюджете, средств которого едва хватало на мелкий ремонт и уборку. Полноценное обслуживание стратегически важного объекта, являющегося к тому же архитектурной достопримечательностью Семипалатинска, к сожалению, не проводилось. Лишь протест японской стороны по поводу подобного отношения к сложному инженерному объекту, а также визит делегации из JBIC привел к выделению средств, но малый размер бюджета города не позволяет проводить его полноценное обслуживание⁵³⁵.

В июне 2005 г. японо-турецкий консорциум (*Dubai Rapid Link — DURL*), в который входят японские корпорации *Mitsubishi*, *Obayashi* и *Kajima*, а также турецкая *Yapı Merkezi*, выиграл по тендеру ряд контрактов на строительство Дубайского метро на общую сумму 12 млрд дирхамов. Дубайское метро, управляемое автоматически из единого диспетчерского центра, после завершения строительства, стало самой протяженной сетью в мире⁵³⁶.

Японо-турецким консорциумом и туркменскими специалистами подготовлен план строительства новых промышленных предприятий, где на основе передовых технологий по переработке природного газа будет налажено производство полипропилена, полиэтилена, каустической соды, поливинилхлорида, акрилового волокна, бензина, дизельного топлива, керосина и другой газохимической продукции — в общей сложности, 17 наименований. В целом в Туркменистане намечено строительство 10 объектов, в их числе крупные газоперерабатывающие комплексы в поселке Киянлы Балканского вейлата, в Дашогузском вейлате, на Туркменбашином комплексе нефтеперерабатывающих заводов, в рамках третьей очереди обустройства газового месторождения «Галкыныш»⁵³⁷.

Среди новых японо-турецких проектов, в частности, в Туркменистане, следует назвать рамочное соглашение между Государственным концерном “*Türkmenhimiýa*” и группой компаний *Mitsubishi Corporation* (Япония) и *Gap İnşaat Yatırım ve Dış Ticaret Anonim Şirketi* (Турция) о сотрудничестве в разработке проекта строительства в Туркменистане нового завода по производству аммиака и карбамида; меморандум между Государственным концерном “*Türkmengaz*” и группой компаний *Kawasaki Heavy Industries Ltd.* (Япония) и *Sojitz Corporation* (Япония)

о проектировании и строительстве второго комплекса завода по производству бензина посредством переработки газа. Среди других подписанных документов — соглашение между государственным концерном *Türkmenhimiya* и консорциумом компаний *Sojitz Corporation*, *TTCL Public Company Ltd.*, *Rönesans Endüstri Tesisleri İnşaat Sanayi ve Ticaret Anonim Şirketi* о договорной основе проектирования и строительства на Туркменабатском химическом заводе цеха по производству концентрированных фосфорных удобрений с полной готовностью.

Все вышеуказанные примеры говорят о том, что Япония намерена сотрудничать с Турцией в Центральной Азии, проводя активную и динамичную политику в этом регионе, тем самым все сильнее вовлекаясь в мировые интеграционные процессы. Япония не может не учитывать усиления экономического влияния Китая в рамках ШОС, а также усиления позиций России в экономической и военной сферах.

По мнению ряда экспертов, геополитическая борьба с Россией и Китаем является главным интересом Японии в регионе, где она стремится укрепить свои экономические позиции за счет центральноазиатских рынков⁵³⁸. В этой связи необходимо иметь в виду, что более активная и динамичная политика Токио в этом регионе поможет занять Японии подобающее место среди других держав.

Экономическое сотрудничество Японии и Турции в Центральной Азии во многом обусловлено тем, что во внешней политике стран Центральной Азии наметились новые тенденции, которые определяются тремя основными факторами: новым пониманием идентичности каждой из республик и ее роли в мире, стремлением к нормализации отношений с другими странами и усилением их позиций в соседних регионах.

В этом отношении стратегическое партнерство между Японией и Турцией и их взаимодействие в Центральной Азии может стать примером «нового» развития геополитической ситуации в регионе, предполагающей многополярный подход в международных отношениях.

При этом необходимо учитывать тот факт, что Япония стремится использовать все имеющиеся методы для укрепления своего положения в Центрально-Азиатском регионе, который имеет устойчивый и постоянно возрастающий интерес для развитой экономики страны. Используя фактор культурно-исторической близости тюркских народов, Япония прилагает усилия к укреплению и развитию многоплановых отношений с республиками Центральной Азии. Вместе с тем японские компании трезво оценивают свои перспективы в Центральной Азии и не пытаются

занять монопольную позицию, охотно вступая в консорциумы и альянсы с фирмами из других стран, в частности, из Турции.

Очевидно, что торгово-экономические связи между Японией и Турцией будут и дальше развиваться, особенно после заключения соглашения о свободной торговле. И Япония, и Турция признают, что двустороннее экономическое сотрудничество между двумя странами имеет огромный потенциал, который, однако, в настоящее время остается не в полной мере реализованным. Следует подчеркнуть, что Турция рассматривается Японией как один из геополитических лидеров Ближнего Востока, поэтому расширение сотрудничества между странами рассматривается Токио как возможность повышения политического веса страны в регионе.

Глава V

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ЯПОНИИ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ» СИЛЫ

Как уже отмечалось выше, продолжающаяся эволюция японо-турецких отношений была отмечена периодами активизации, застоя и оживления. Для каждого из них были свойственны как свои специфические особенности внутреннего и международного положения, так и факторы, определяющие общую обстановку в мире. Однако можно с уверенностью утверждать, что культурные связи между двумя странами неизменно отличались стабильностью и взаимной заинтересованностью, что было ярко подтверждено при рассмотрении исторических аспектов японо-турецких отношений.

Культурная или публичная дипломатия является важным инструментом проецирования «мягкой силы». В Японии эти два понятия тесно связаны, в материалах МИД они обозначены как публично-культурная дипломатия (кохо бунка гайко). По наблюдению профессора Кондо Сэйити, японцы по своему характеру склонны представлять свою систему ценностей, которая является ресурсом «мягкой силы», скорее опосредованно, через артистическое самовыражение или творчество, чем напрямую в форме слов и идей. Поэтому культурная дипломатия имеет особое значение для понимания политики «мягкой силы» Японии⁵³⁹.

Одним из наиболее успешных и наглядных примеров использования Японией инструментария «мягкой силы» является официальная помощь развитию.

Официальная помощь развитию (ОПР) традиционно использовалась в качестве одного из инструментов повышения эффективности «мягкой силы» государства. Первоначально японская экономическая поддержка оказывалась преимущественно азиатским странам для выплаты военных

контрибуций. Можно утверждать, что японские принципы оказания помощи, ее размеры и основные страны-реципиенты существенно видоизменились на протяжении более 60 лет осуществления данной политики. В настоящее время Япония занимает 4-е место в мире по объемам ОПР, которые составляют 10 млрд долл. в год, и остается одним из самых крупных доноров в мире⁵⁴⁰. Несмотря на то что доля Азии продолжает оставаться самой крупной среди всех направлений японской ОПР, повышенное внимание теперь уделяется другим регионам. В соответствии с положениями Комитета содействия развитию (КСР), ОПР Японии осуществляется в форме грантов и кредитов, и в форме подписки на капитал и взносов в международные организации. В рейтинге стран-получателей ОПР от правительства Японии Турция занимает 4-е место⁵⁴¹.

В ежегодном списке стран-лидеров по критерию «мягкой силы», составленном Лондонским PR-агентством Portland, Япония занимает 7 место⁵⁴².

Основными критериями «мягкой силы» является способность влиять на другие страны не финансовыми механизмами и военными средствами, а культурными и гражданскими ценностями. Итоговый индекс Portland включает в себя две части. Объективная часть — это общие показатели, включающие бизнес-климат, культуру, информатизацию, государственное управление, внешнюю политику и образование. Субъективная часть изучается в ходе опросов общественного мнения, когда респондентов просят оценить кухню, приветливость граждан по отношению к туристам, технологию, товары роскоши, а также свое доверие к поведению страны на международной арене, желание граждан посетить страну по работе или учебе, вклад этого государства в мировую культуру⁵⁴³.

Из этого следует, что «мягкая сила» государства состоит из его привлекательности, которая, прежде всего, основывается на трех видах ресурсов: культуре (насколько она является привлекательной для других государств), политических ценностях (в той мере, насколько государство соответствует им), а также внешней политике (когда она является легитимной и основана на моральном авторитете)⁵⁴⁴.

Япония — страна, отказавшаяся из-за конституционных ограничений от применения военной силы в решении международных споров, а также редко прибегавшая к экономическим методам принуждения (санкциям), в большой степени опирается на «мягкую силу», включающую в себя традиционную и современную культуру, модели ведения бизнеса, инновации и некоторые другие аспекты.

Основные направления культурной дипломатии включают в себя распространение информации о Японии, ознакомление с традиционной и современной культурой, меры по популяризации японского языка, организация обменов, а также сотрудничество с международными организациями в области культуры.

Эти направления стали основой для реализации Японией политики мягкой силы, направленной на формирование благоприятного имиджа в регионе Ближнего Востока с тем, чтобы обеспечить реализацию своих внешнеполитических инициатив и создавать условия для продвижения экономических интересов.

Япония, стремившаяся играть значительную роль в международном культурном сотрудничестве в 1997 г. выдвинула «Евразийскую дипломатию Хасимото Рютаро»*, где основной акцент был сделан на исторические и культурные связи с Японией, что, в свою очередь, привело к принятию «Программы действий дипломатии Шелкового пути Обути Кэйдзо»** в 1998 г. Несмотря на то что эти инициативы имели ярко выраженный пропагандистский характер, они основывались на «общности народов, в частности, Японии и Турции», что, по мнению многих аналитиков, проявляется в культурных традициях восточных людей, схожих социальных и семейных ценностях⁵⁴⁵. Опираясь на эту общность, Япония стремится развивать наиболее привлекательные аспекты своего имиджа. Одной из его составляющих долгое время считалась послевоенная модель развития, сущность которой выразил бывший министр иностранных дел Асо Таро: «Мир и счастье через экономическое процветание и демократию». Согласно опросам населения в Турции, именно у Японии сформировался самый позитивный имидж из всех «помогающих этому региону стран»⁵⁴⁶. Как отметил заместитель министра национальной обороны Турции Альпаслан Каваклыоглу на мероприятии, посвященном укреплению двусторонних отношений между Турцией и Японией в посольстве Японии 20 декабря 2019 г., «если провести опрос в Турции на тему самой любимой страны и нации, то в первых строчках будет Япония и японцы»⁵⁴⁷. По мнению российского аналитика Ю. Сигова, «японцы здесь ни с кем не соревнуются, никому не переходят дорогу, а делают свое дело так, как им видится правильным, — отбрасывая всяческие политические и иные «наносные» составляющие подобного взаимодействия»⁵⁴⁸.

* Премьер-министр Японии в 1996–1998 гг.

** Премьер-министр Японии в 1998–2000 гг.

Применение японской «мягкой силы» в Турции имеет некоторые отличительные особенности. Турецкий исследователь Мехмет Озкан (Бахадир Пехливантурк) отмечает, что Турция имеет наиболее развитые отношения в Восточной Азии именно с Японией⁵⁴⁹. При этом он подчеркивает своего рода «романтический» дискурс, свойственный описанию исторических событий, связанных с взаимным оказанием помощи, солидарностью и поддержкой, а также чувством сострадания обоих народов, которое они испытали во время природных катаклизмов. Общность двух народов, по его мнению, проявляется в культурных традициях, схожих социальных и семейных ценностях⁵⁵⁰. В Турции высоко оценили действия Японии, предоставившей Турции широкомасштабную экономическую и техническую помощь⁵⁵¹ в связи с землетрясениями 1999 г. и 2011 г.

Привлекательность Японии в Турции также заключается в ее статусе лидера в сфере инновационного развития. И Япония, и Турция неоднократно подчеркивали, что японские технологии и турецкая квалифицированная рабочая сила дополняют друг друга⁵⁵². В Турции действует центр информационных технологий, где обсуждаются перспективы двустороннего сотрудничества и изучается интерес турецкой стороны к японским инновациям.

«Век дружбы» между Японией и Турцией

Одними из традиционных форм двухстороннего культурного сотрудничества на протяжении более вековых отношений между странами можно назвать организацию гастролей, выставок, фестивалей в стране-партнере, а также дни или недели национальных культур обычно в форме симметричных обменов мероприятиями, на протяжении которых происходит ряд культурных и художественных событий.

Формы культурного взаимодействия между Японией и Турцией в целом можно подразделить на проекты, осуществляемые на правительственном уровне, и неправительственные проекты, которые реализуются общественными структурами. Обычно крупные культурные события приурочены к визитам официальных лиц и политических деятелей двух стран. В частности, в 1988 г. во время визита принца Микаса Томохито и его супруги принцессы Нобуко в Турцию была проведена «неделя японской культуры» в Анкаре, включившая в себя 15 мероприятий. Этот визит послужил началом ежегодных разнообразных культурных

программ в Турции с целью ознакомления жителей страны с культурой и традициями Японии. В присутствии президента Турции Демиреля, принца и принцессы Микаса был открыт Культурный Центр турецко-японского фонда в Анкаре, который стал не только базой для культурных обменов, но и способствовал проведению различных программ обмена между двумя странами в других областях сотрудничества. В этой связи следует отметить, что с 1980 г. различные мероприятия, проводимые как в Японии, так и в Турции, положили начало объявленному «веку дружбы» между двумя странами.

В 1985 г. турецкая сторона организовала в г. Цукава Международную выставку, в том же году в Японии была проведена выставка, посвященная развитию цивилизации в Турции. В 1988 г. в различных городах и префектурах Японии демонстрировались сокровища из турецкого дворца Топкапы.

Говоря об экспорте японской культуры, необходимо отметить роль Японского Фонда, отвечающего за развитие международного культурного обмена Японии с 1972 г. В 2003 г. фонд получил статус административной организации, независимой от МИД Японии, при этом 82% бюджета которого приходится на государственные субсидии от министерства иностранных дел Японии⁵⁵³. В мае 1998 г. в Анкаре был открыт турецко-японский культурный центр, который возглавил турецкий профессор Т. Садиктар. На церемонии его открытия присутствовали тогдашний президент Турции Т. Демирель и японский принц Микаса. Под эгидой центра регулярно проводятся различные культурные мероприятия. Одновременно с этим центр функционирует и как площадка для разного рода двусторонних обменов. В этом направлении большую работу проводят посольства Японии и Турции, которые участвуют в информационно-просветительской работе, в реализации учебных и культурных программ и мероприятий.

Как уже упоминалось ранее, в апреле 2000 г. был принят план сотрудничества под названием «японо-турецкий план совместных действий», в соответствии с которым Япония и Турция намерены развивать свою деятельность в том числе в культурной сфере. Обе стороны приняли обязательства усилить контакты на государственном уровне между Министерством туризма Турции и Министерством транспорта Японии.

В 2003 г. в Японии прошел «год Турции», в ходе которого в различных японских городах было проведено более 100 мероприятий: выставки, концерты, фольклорные выступления. В 2010 г. в Турции прошел «год

Японии» под лозунгом «Турция и Япония как никогда близки». Среди основных 189 мероприятий, охвативших города Измир, Мерсин, Анкару, Шафранболу, Каман и др., следует отметить неделю японских фильмов. демонстрации японских кимоно и концерты японских барабанщиков. По мнению обеих сторон, эти мероприятия продемонстрировали необходимость развития культурного сотрудничества и обмена делегациями разного уровня в целях укрепления стратегического партнерства⁵⁵⁴.

2014 и 2015 годы были ознаменованы двумя памятным датами в турецко-японских отношениях, которые широко отмечались в двух странах.

В 2014 г. исполнилось 90 лет со дня установления дипломатических отношений между Японией и Турцией. В 2015 г. в двух странах отмечали 125-летие трагического события: кораблекрушения фрегата Османской империи «Эртугрул», направленного в 1890 г. Султаном Абдулхамидом II в Японию, и спасения 60 турецких моряков, доставленных на родину японскими судами. По заявлению бывшего премьер-министра Турции А. Давутоглу, «этот исторический факт очень дорог для Турции и отражает искренность отношений между нашими народами»⁵⁵⁵. В связи с этим между двумя странами в 2013 г. была достигнута договоренность о создании совместного фильма, посвященного трагедии и отношениям между ними после этого события. В декабре 2015 г. совместный фильм «Кораблекрушение 1890» («Эртугрул-1890» — в турецком варианте), режиссером которого явился Танака Мицутоси, вышел на экраны двух стран и с успехом демонстрировался в 309 кинотеатрах Японии и 300 кинотеатрах Турции.

В этой связи также необходимо отметить, что на премьеру фильма в культурном центре «Зорлу» в Стамбуле был приглашен экипаж самолета компании Turkish Airlines ТНУ, действия которого вызвали чувство благодарности у японского народа: в 1985 г. во время ирано-иракской войны 215 японских граждан долгое время не могли выехать из Тегерана и подвергались риску из-за сильных авиаударов со стороны Ирака, в то время как японское правительство не смогло принять быстрое решение об отправке самолета для спасения своих граждан (тогда при эвакуации из зоны конфликта остальные страны, отказывая в помощи японским гражданам, отдавали предпочтение жителям собственных стран). Правительство Турции приняло чрезвычайное решение направить самолет Turkish Airlines в Тегеран, экипаж которого взял их на борт и доставил в Японию, тем самым, по мнению А. Давутоглу, «вернув долг японскому народу»⁵⁵⁶. Это вызвало огромный резонанс в Японии,

укрепив имидж Турции как одного из самых надежных друзей Японии. В январе 2004 г. японская телевещательная компания NHK подготовила трансляцию документальной программы («Проект-Х»), в которой рассказывалось об этом событии, а в 2006 г. экипаж турецкого самолета был награжден по указу премьер-министра Японии Коидзуми Дзюнъитиро.

В этой связи следует упомянуть и публикацию в Японии в 2003 г. детской книги, посвященной вышеуказанным событиям, основной акцент в которой был сделан на доброте и верности турецкого народа. Книга была рекомендована для чтения в 5 и 6 классах начальной школы Японии. Вслед за этим в Японии был организован конкурс среди учеников на лучшую рецензию на эту книгу. По мнению японского исследователя Хигасино из университета Цукуба «влияние книги все еще очень велико, т. к. история дружественных отношений между Японией и Турцией, хорошо известная взрослому населению страны, будет широко изучаться и молодым поколением»⁵⁵⁷.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что культурная дипломатия, безусловно, играет одну из ключевых ролей в сближении Японии и Турции, в улучшении взаимопонимания, поддержании эмоциональной близости, особенно, учитывая чувствительные для обеих стран исторические события.

Речь идет как об огромном пласте традиционной культуры, так и об активном продвижении современной молодежной культуры. По мнению японского исследователя Э. Исикава, «японская поп-культура, которая в настоящее время завоевывает весь мир, притягательна и для турецкого народа»⁵⁵⁸.

По мнению российского исследователя С. В. Чугрова, «Япония успешно эксплуатирует образ “особенной и непревзойденной страны”, подернутый флером загадочности и неповторимой привлекательности. Удивительные пейзажи, живописные праздники, интереснейшие традиции — все это стало своего рода визитной карточкой японской “мягкой силы”, привлекающей иностранцев к изучению японского языка и культуры»⁵⁵⁹. В Турции регулярно проводятся мероприятия, посвященные Японии, причем не только в столице, но и других городах Турции.

Образовательные программы

Особое внимание японское правительство уделяет образовательным программам, направленным как на молодежь, так и на специалистов. В настоящее время считается, что любая прогрессивная страна, которая

хочет идти в ногу со временем, должна обеспокоиться глобализацией своего образования, а также развитием международной мобильности студентов. В мае 2014 г. между Японией и Турцией была достигнута договоренность о создании совместного научно-технологического университета в Стамбуле, где планируется обучение студентов турецкому и японскому языкам, основам культурного наследия обеих стран. Одновременно развиваются межуниверситетские связи. Например, японские университеты Хосэй, Васэда и др. реализуют программы студенческих обменов с ведущими учебными заведениями Турции.

В этой связи необходимо упомянуть «Программу развития международных связей путем приглашения молодежи зарубежных стран» (Japan Exchange and Teaching Program — JET), которой японское правительство придает важное значение с точки зрения изменения имиджа Японии за рубежом и нового «открытия» страны для мира. Программа JET является важным инструментом «мягкой силы» Японии, поскольку она способствует формированию единого сообщества выпускников, которые «в должной мере прониклись культурой, ценностями и идеалами Японии и могут действовать в ее интересах в будущем»⁵⁶⁰.

Важным элементом этой работы являются меры по популяризации японского языка. Первые курсы японского языка открылись в Турции в 1976 г. при содействии стамбульского отделения Турецко-Японской Женской Ассоциации. И только через 10 лет на университетском уровне первые программы по изучению японского языка были приняты на факультете письма Университета Анкары, а затем распространились и на другие университеты страны. Осуществление некоторых языковых программ происходит через посольство Японии в Анкаре, а также через японо-турецкий культурный центр Японского Фонда, учрежденного соглашением между правительством Турции и Японским агентством международного сотрудничества (ЯАМС). Основные мероприятия центра включают в себя бизнес-курсы, обучение японскому языку, содействие информационному и культурному обмену. Центр играет важную роль в распространении японского языка наряду с факультетами в университетах Анкары, Чанаккале и др., где изучается японский язык и литература. На Турцию приходится самое большое число изучающих японский язык на Ближнем Востоке. Немаловажную роль играет тот факт, что турецкий и японский языки имеют много схожего в грамматическом синтаксисе, что значительно облегчает изучение японского языка турками гражданами. Многие японские исследователи отмечают необходимость

увеличения инвестирования в образовательные программы в Турции со стороны Японии т. к. «это приведет к эффективному наращиванию «мягкой силы» Японии»⁵⁶¹.

В рамках программы «Глобал 30» (Global 30), объединяющей 13 японских ведущих университетов и выбранных японским правительством, были созданы новые условия для общения между студентами из Японии и других стран. Эта программа носит «новаторский» для японской образовательной системы характер и предполагает следующие положения. Во-первых, отсутствие необходимости владения японским языком для поступления в японские университеты. Программа позволяет иностранцам подавать заявления на обучение, находясь при этом за пределами Японии. При необходимости прохождения интервью предполагается возможность его проведения посредством видеоконференции. Во-вторых, «погружение в Японию», что предполагает ознакомление студентов с японским языком и культурой, а также получение академической степени по выбранной специальности. В-третьих, предусматривается поддержка иностранных студентов в предоставлении жилья, персональных консультаций в карьерном центре, визовой поддержки и т. д.⁵⁶².

По мнению специалистов, в сфере культурных контактов, проходящих на уровне общественности и частной инициативы, можно с уверенностью сказать, что Япония демонстрирует более системный и планомерный подход, чем Турция.

Достигнуты определенные успехи в развитии культурно-гуманитарного сотрудничества между Японией и Турцией: регулярно проходят памятные мероприятия, посвященные гибели моряков фрегата «Эртугрула»; проводятся фотовыставки и фестивали на различные темы; регулярными стали конкурсы рисования манги; активно развивается сотрудничество в академической сфере; проводятся специальные лекции; налажены связи с профессорско-преподавательским составом из японских вузов, что позволяет привлекать ученых для участия в мероприятиях.

Большой интерес в двух странах вызвал турецко-японский симпозиум по суфизму, проходивший в Турции в университете Ускюдар в октябре 2016 г. Целью симпозиума было не только укрепление дружеских отношений между двумя странами, но и, по мнению его организаторов, «демонстрация позиций обеих стран в отношении терроризма, который не имеет ничего общего с религией, а исламофобия — беспочвенна»⁵⁶³. Симпозиум положил начало большому проекту по обмену культурным

опытом между Турцией и Японией под названием «Мост между двумя Востоками; образовательная программа по культуре суфизма». Проект направлен на создание рабочих мест для молодых ученых двух стран и предусматривает приезд специалистов из Японии из университета Киото и других японских университетов, которые в течение 6 недель будут находиться в Стамбуле с целью обмена исследовательским опытом³⁶⁴. Японским ученым и исследователям предоставляется возможность пройти курсы обучения по истории Османской империи, палеографии, а также курсы изучения коллекций манускриптов.

В сфере науки и образования также происходит динамичный обмен. В частности, одним из примеров сотрудничества между научными и академическими кругами является плодотворные совместные археологические исследования. На протяжении более 30 лет в Турции продолжается работа японских археологов в районе Каман-Калехоюк, участвующих в проекте по созданию археологического музея. Предыстория этого проекта такова. В 1979 году японским принцем Микаса в городе Митака, близ Токио, был основан Ближневосточный культурный центр Японии (БКЦЯ). А в 1998 году открылся японский институт археологии Анатолии как филиал БКЦЯ. Расположился институт в небольшом турецком поселке Чегырган, в окрестностях Камана. Местоположение его не случайно — неподалеку от этой деревни находится городище Каман-Калехоюк, исследованием которого в основном и занимается институт. С 1985 года БКЦЯ начал систематическое исследование этого городища. Первый комок земли из городища перевернул сам принц Микаса, тем самым положив начало раскопкам, которые не прекращаются по сей день. В состав японского института археологии Анатолии кроме парка также входят городище Каман-Калехоюк и археологическим музеем, строительство которого было завершено в 2008-м году при помощи министерства иностранных дел Японии.

Перспективным проектом турецко-японского культурного сотрудничества явились раскопки в Турции на территории археологических памятников Гобеклитепе и Карахантепе, которые в 2018 г. были зарегистрированы в качестве объекта Всемирного наследия. Турецкие власти запросили участие японской команды экспертов в раскопках, куда входят ученые из японского Технологического института Тиба, Токийского университета и других институтов, зарекомендовавших себя благодаря положительному послужному списку в области археологии и технологических знаний.

В ноябре 2021 г. японская газета “*Asahi Shimbun*” сообщила о достигнутом соглашении между японской и турецкой сторонами о присоединении японской исследовательской группы к проекту раскопок на территории вышеназванных археологических памятников⁵⁶⁵. Радиоуглеродное датирование показало, что строительство этих сооружений началось 12 000 лет назад, что делает их на 7 000 лет старше Великих пирамид Гизы в Египте. Таким образом, эти памятники являются древнейшими в мире культовыми сооружениями, что, в свою очередь, поднимает новые вопросы о расцвете цивилизации. Ожидается также, что японские эксперты исследуют историческое место Аянрал, расположенное примерно в 30 км к западу от Гобеклитепе, которое, по мнению археологов, могло быть поселением рабочих, строивших храмы.

Японскую экспедицию возглавляет Мацуи Таканори, президент Технологического института Тиба, специализирующийся на сравнительной планетологии. Нисиаки Йосихиро, эксперт по доисторической археологии, возглавляющий Университетский музей Токийского университета, руководит изучением археологических раскопок. Команда японских исследователей планирует использовать новейшие технологии геофизических исследований, чтобы точно определить, когда и как были построены храмы из массивных резных камней в Гобеклитепе и Карахантепе, в дополнение к их размерам. Предполагается проведение геофизической разведки на этих объектах, используя магнетизм и радиолокационное оборудование для изучения останков, захороненных в земле.

По мнению директора Японского института анатolianской археологии при Ближневосточном культурном центре в Японии Омуры Сатихиро, проводившему переговоры с турецкими властями по этому проекту, «ожидается, что раскопки исследуют фундаментальный вопрос о том, как началась цивилизация»⁵⁶⁶.

За последнее десятилетие Япония наработала значительный потенциал культурной дипломатии в Турции. Популярность японской культуры и спорта, успешная деятельность культурного центра, активные гуманитарные обмены свидетельствуют об интересе турецкого населения к Японии как технологически развитой страны, лидера в решении некоторых глобальных проблем, модели экономического развития. Если рассматривать японскую культурную дипломатию в долгосрочной перспективе, то, имея в виду, что она подкрепляется факторами взаимной заинтересованности, можно сделать вывод о ее эффективности.

По заявлению бывшего премьер-министра Турции Ахмета Давутоглу, «между двумя странами нет конфликтных интересов, и отношения между ними носят взаимодополняющий характер. Все, что имеет Япония, представляет интерес для Турции, и что бы ни имела Турция, является ценным для Японии»⁵⁶⁷. Посол Японии в Турции Миядзама Акио по этому же поводу выразился более эмоционально: «Япония и Турция географически далеки друг от друга, но наши сердца близки. Мы — два государства, одно сердце»⁵⁶⁸.

Согласно опросу общественного мнения, проведенному в Турции МИД Японии в 2012 г., 83,2% жителей страны ответили, что отношения между Японией и Турцией носят дружественный характер или почти дружественный»⁵⁶⁹. Этому способствует развитие взаимного туризма, обмен телевизионными программами между различными телеканалами через Японский фонд и Турецкую радиотелевизионную корпорацию. В Японии же общественный имидж Турции как одной из самых про-японских стран в мире значительно усилил психологическую привязанность японского народа к этой стране.

Увеличивается доля частных инициатив в таких мероприятиях, как проведение выставок, семинаров, взаимных контактов. В 2006 г. было образовано Общество японо-турецкого диалога, которое способствует культурному и другим видам обмена между странами. Обе страны поддерживают сотрудничество в сфере сохранения культурного наследия в рамках программ ЮНЕСКО. Развиваются частные контакты отдельных граждан обеих стран. По мнению Эрсина Ариоглу, председателя турецкой компании *Yapi Merkezi*, «все это способствует новому прочному долгосрочному двустороннему сотрудничеству между Японией и Турцией. Подобное сотрудничество вносит позитивный вклад в мировую цивилизацию, мир и безопасность в Азии, Евразии. Обе страны должны двигаться в достижении этих целей, что включает в себя основные составные части отношений между людьми, между нациями. Это также объясняет отсутствие спорных вопросов в японо-турецких отношениях»⁵⁷⁰.

Нельзя не отметить и деятельность одного их проводников «мягкой силы» Турецкой Республики в Японии — Центра имени Ю. Эмре, открытого Фондом Юнуса Эмре (назван в честь турецкого литератора и общественного деятеля), созданного 5 мая 2007 г. по инициативе президента Турецкой Республики А. Гюля. Центр занимается организацией научных семинаров и симпозиумов среди туркологов и тюркологов со всего мира. Фонд Юнуса Эмре уделяет особое внимание изучению турецкого языка.

В связи с этим премьер-министр Турции Р. Т. Эрдоган, отмечая растущую роль Турции в мире и важность изучения турецкого языка, подчеркнул, что «турецкий язык — это язык науки, искусства и литературы. Турецкий язык — это язык Юнуса Эмре»⁵⁷¹. Фонд Юнуса Эмре предоставляет стипендии для обучения на летних курсах турецкого языка. В рамках стипендиальной программы иностранным студентам совершенно бесплатно предоставляется проживание, обучение турецкому языку и участие в социальных и культурных мероприятиях, расходы на экскурсии по стране. Турецкая сторона также покрывает расходы, связанные с проездом до места учёбы, а также предоставляет ежемесячное пособие на карманные расходы. Таким образом, участники таких программ не несут никаких материальных расходов, что, безусловно, делает такие программы весьма привлекательными среди иностранных студентов⁵⁷².

* * *

Сравнительно новой характерной особенностью применения культурной дипломатии как инструмента «мягкой силы» со стороны Японии явилось сотрудничество Японии и Турции в бывших советских республиках Центральной Азии, где Токио стремится укрепить свои позиции, используя турецкий опыт. В этом отношении западные и японские СМИ отмечают, что «у руководителей двух стран весьма хорошие личные отношения, на основании чего Япония могла бы оказать Турции содействие в реализации проекта «тюркского мира», который находит поддержку со стороны США»⁵⁷³. В 2007 г. была создана Ассоциация дружбы между Японией, Турцией и Центральной Азией, осуществлявшая проекты в сфере образования с финансированием из Японского фонда. По мнению российского исследователя А. Ю. Садыковой, в сфере культурных контактов, проходящих на уровне общественности и частной инициативы, можно с уверенностью сказать, что Япония демонстрирует более системный и планомерный подход, чем Турция, хотя и в подходе к культурным мероприятиям на государственном уровне различий нет⁵⁷⁴.

Принимая во внимание тот факт, что политическая роль Турции на международной арене в последнее время значительно возросла, Япония, заявляя «о стремлении установить с Турцией беспроигрышные отношения»⁵⁷⁵, определяет ее в качестве важного стратегического партнера в Восточном Средиземноморье, регионе Черного моря, а также на Ближнем Востоке. Как заявил председатель японо-турецкого экономического комитета «Кэйданрен» Умэда С., Япония «рассматривает Турцию

как стартовую площадку»⁵⁷⁶. В этой связи можно привести мнение министра туризма и культуры Турции Нумана Куртулмуша: «У нас много общего с Японией, наши точки взгляда совпадают практически во всем, а наши народы относятся дружелюбно друг к другу, проявляя любовь и уважение»⁵⁷⁷. Для дальнейшего укрепления отношений с Турцией и повышения своего политического статуса на Ближнем Востоке неотъемлемой задачей японской внешней политики является формирование позитивного имиджа страны.

Одним из вариантов наращивания японской «мягкой силы» мог бы стать путь развития тех направлений, в которых Япония успела себя зарекомендовать. Для Японии было бы логично выбрать направления своей «международной специализации» и начать с повышения своего влияния в этих областях. Япония обладает огромным научным и техническим потенциалом, поэтому целесообразно было бы направить больше усилий на совершенствование ее научно-технической дипломатии. Обеспечение лидерских позиций Японии в мировой научно-исследовательской области могло бы способствовать росту ее политического влияния.

Таким образом, можно сделать вывод, что в реализации внешнеполитической стратегии Японии в отношении Турции придается особая роль развитию культурных связей между двумя странами как постоянному и самым результативному компоненту общения между народами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог исследуемой темы, следует подчеркнуть основные характеристики стратегического партнерства между Японией и Турцией в XXI в. Турция входит в число немногих стран, с которыми Япония подписала «Совместную декларацию о стратегическом партнерстве». Подобный статус межгосударственных отношений, определенный в 2013 г., отражает высокую степень разностороннего сотрудничества между двумя странами и, соответственно, определяет их взаимные обязательства, исходя из широкого круга своих взаимодополняющих национальных интересов.

Исторический фактор, являясь одним из самых конструктивных в развитии двусторонних отношений, всегда влиял на них, оставаясь «краеугольным камнем» отношений между Японией и Турцией. Тема исторического прошлого и исторической памяти всегда привлекала и, по всей видимости, будет по-прежнему привлекать к себе внимание исследователей как в Японии, так и в Турции.

Анализ факторов, способствующих и препятствующих развитию двусторонних отношений между двумя странами, свидетельствует о поступательном развитии интереса Токио и Анкары в двустороннем взаимодействии по многим направлениям.

С конца 90-х гг. XX в. Турция становится для Японии все более важным экономическим партнером, и этот процесс напрямую не связан с политическими предпочтениями Токио. Увеличение роли Турции во внешней политике Японии является долгосрочным, постепенным и неуклонным. Реальной движущей силой здесь является Япония, укрепляющая свое присутствие в планах Турции.

Значительное число японских компаний, имеющих многолетний опыт предпринимательства на турецком рынке, проявляют большой интерес в развитии связей с Турцией и расширении своей активности в стране. Целенаправленная политика Токио в отношении развития отношений

с Анкарой привела к заметному расширению экономических контактов с Турцией.

В этом отношении крупные совместные проекты, такие как Мармарийский туннель в Стамбуле, строительство мостов через Босфор, явились примерами того, как Япония делает упор на использование мягкой силы на Ближнем Востоке в дополнение к своей возросшей роли в вопросах международной безопасности. Эти проекты были важны для Японии по нескольким причинам. Во-первых, инвестиции JBIC перевешивали любые вклады европейских банков. А во-вторых, названные проекты обеспечили определенную степень символизма в качестве связующего звена с Азией.

Приток японских инвестиций помог продвинуть вперед совместное исследование Японии и Турции по изучению двустороннего соглашения о свободной торговле (ЗСТ). Кроме того, между двумя странами ведутся переговоры по договору о новом экономическом партнерстве между Японией и Турцией, который должен сократить торговый дисбаланс и привести к соглашению о привлечении большего объема торговли и инвестиций для обеих сторон.

Турция, в свою очередь, заинтересована в японских инвестициях, технологиях и инновациях, в участии японского капитала в энергетических проектах, создании совместных предприятий с продукцией с высокой добавленной стоимостью.

Наконец, на политической арене в области безопасности Япония предложила свою кандидатуру в качестве своего рода посредника между Ираном и «пятеркой + 1». Стремление Токио расширить свое влияние в регионе по этим вопросам выгодно Турции, которая заинтересована в участии других стран, помимо США, в стабилизации положения на Ближнем Востоке.

Большой потенциал для обеих сторон представляет провозглашение МИД Турции (при министре иностранных дел Турции Чавушоглу) в августе 2019 г. инициативы «Новая Азия». С 2014 г. Турция смогла особенно заметно увеличить свое влияние в Азии, которое кристаллизировалось в новой стратегии Турции, направленной на усиление связей с Азией.

По мнению японской стороны, «хотя Турция определенно опоздала», ей следует больше взаимодействовать с Азиатско-Тихоокеанским регионом для его дальнейшего развития. Принимая во внимание тот факт, что Европа остается самым важным торговым партнером Турции, как

традиционно, так и исторически, Токио считает, что «Анкаре стоит задуматься о смещении экономической тяжести мира в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона <...> Проникнуть на азиатский рынок непросто, потому что он уже хорошо развит <...> Но для дальнейшего развития Турции, чтобы сохранить динамизм, ей необходимо больше взаимодействовать с Азией: Японией, Индией, АСЕАН, Кореей»⁵⁷⁸. Высоко оценив новую азиатскую политику Турции, которая только начала охватывать этот регион, Япония называет перспективным совместное взаимодействие двух стран в этом направлении⁵⁷⁹. В этом отношении японо-турецкое взаимодействие, в частности в странах Центральной Азии, имеет для Японии прямую выгоду с точки зрения проникновения японского бизнеса в страны региона.

Однако нельзя отрицать и тот факт, что, по мнению ряда аналитиков, «проект политической и военной консолидации тюркских народов России и Центральной Азии, проводимый в жизнь Анкарой при системной финансовой поддержке со стороны Японии, «может создать дугу нестабильности для России»⁵⁸⁰. Так, например, как отмечает политолог Каринэ Геворгян, «тандем Токио и Анкары активно «работает» по Украине. Так, например, Украина уже получила гарантии Токио по масштабным проектам, связанным с энергетической сферой, где исполнителями выступают турецкие строительные компании, а 30%-ное финансовое авансирование обеспечивает японская сторона. «Освоение» Грузии турецкой стороной также имеет скрытую японскую финансовую составляющую. (Интересно отметить, что если в вопросе Аджарии турецкий фактор явлен открыто, то распространение исламистских ячеек этнических уйгуров в районах коммуникаций, близких к Северному Кавказу, идёт тайно. Есть основания полагать, что и в этом процессе японские интересы канализированы через финансовую подпитку соответствующих структур в Турции»⁵⁸¹. По мнению автора, «аналитики МИД Японии опираются на концепцию стратегического сотрудничества с Турцией, считая ее самым надежным проводником интересов Страны восходящего солнца в ближневосточном регионе, а потому считают нелишним способствовать продвижению в её интересах проектов “Большого Кавказа” и Турана. Цель проста: ослабление России с последующей деструкцией помогает создавать условия для возвращения “северных территорий”»⁵⁸². При этом автор отмечает, что японо-турецкие проекты умело используют тему политической активности США и Британии на постсоветском пространстве, исходя из того, что «во-первых, это удобно для прикрытия

собственной деятельности, что, безусловно, не отменяет важности американского и британского факторов. Во-вторых, позволяет самостоятельно накопить козырей для торга с доминантом, настоящим и будущим»⁵⁸³.

Определенное влияние на развитие экономических связей между Японией и Турцией оказывает сложное экономическое положение в Турции, связанное с последовательным ослаблением турецкой лиры примерно с середины 2017 г. Этому способствовали периодические конфликты с западными партнерами, включая Соединенные Штаты, сокращение валютных резервов и рост долга, а также осложнившаяся обстановка в мире в связи с пандемией. В конце 2021 г. Турция пережила крайне необычный валютный кризис. Тогда нацвалюта Турции потеряла 70% своей стоимости по отношению к доллару с начала года и снизилась более чем на 40% по сравнению с началом сентября того же года. Произошедшее ознаменовало рекордное месячное падение лиры.

Неординарность случившегося, как отмечают турецкие эксперты, заключается в том, что обвал стоимости лиры не был вызван проблемами с основными экономическими показателями страны, как это происходило в прошлом. Среди причин нынешнего кризиса, помимо «традиционных» — взрывного роста инфляции и зависимости от импорта, — экономисты называют финансирование амбициозных «строек века», в том числе и японо-турецких, а также резкое увеличение расходов на оборону. А это, в свою очередь, может негативно отразиться на продвижении совместных японо-турецких проектах.

При анализе современного состояния и перспектив японо-турецких отношений главный вопрос — какую роль объективно они играют в Азии и в мире в целом, служит ли стратегическое партнерство между ними стабилизирующим фактором международной обстановки?

Обе страны пользуются сильнейшим влиянием как на региональном, так и на мировом уровне, обе стали важнейшими опорами выстроенной США в послевоенный период мировой системы альянсов. Если бы две столь крупные державы совместно выступали по ключевым проблемам, это имело бы важное политическое значение. Как пишет американский журнал *“National Review”*, «выбор этих двух стран будет значить очень много еще и для США, которым будет крайне сложно сохранять свое влияние как на Ближнем, так и на Дальнем Востоке, не имея близких рабочих отношений с обеими странами»⁵⁸⁴.

Японо-турецкие отношения, которые характеризовались разной степенью взаимной заинтересованности и взаимозависимости, в их совре-

менном состоянии, на наш взгляд, можно назвать стабилизирующим фактором в сложной международной обстановке. Взаимопонимание двух стран по даже относительно небольшим проблемам, касающимся Азии или других регионов, стремление найти точки соприкосновения для политического диалога — важны и полезны для смягчения и ликвидации очагов острых конфликтов в Азии, что отвечает национальным интересам обеих стран. Стратегическое партнерство между Японией и Турцией может стать примером «нового» развития геополитической ситуации в Азии, предполагающей многополярный подход в международных отношениях, который дает возможность обеим странам повысить их политический вес на международной арене.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Friedman George*. The Next 100 Years. A Forecast for the 21st Century. N-Y, London, 2009. P. 170.
- ² Ibid.
- ³ Ibid. P. 159.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Ibid. P. 8.
- ⁷ *Singer Kurt*. Mirror, Sword and Jewel — The Geometry of Japanese Life. Fourth printing. Kodansha Int. Ltd., 1985.
- ⁸ *Орешкова С. Ф.* Османская империя: очерки истории. М.: ИВ РАН, 2019.
- ⁹ *Reischauer Edwin O., Fairbank John K.* East Asia. The Great Tradition. Boston—Tokyo, 1968. P. 456.
- ¹⁰ *Кутаков Л. Н.* Россия и Япония. М.: Наука, 1988. С. 204.
- ¹¹ *Nagaba Hiroshi*. Japan and Turkey. Historical Process for Diplomatic Relations. 1997. URL: <https://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/01/HIROSHI-NAGABA.pdf>.
- ¹² *Takahasi Tadahisa*. Turk-Japon Munasebetlerine Kisa biz Bakis 1871–1945.
- ¹³ *Misava Nobuo*. Relations between Japan and the Ottoman Empire in the 19th Century. Tokyo, 2003.
- ¹⁴ *Misava Nobuo* The Beginning of the Japanese Language Education in the Ottoman Empire. Istambul, 2013. URL: <https://nisantasi.academia.edu/AssociateProfGoknurAkcadag>.
- ¹⁵ *Beasley W. G.* The Modern History of Japan. N-Y, London, 1986. P. 170.
- ¹⁶ *Nimet Akdes Kurat*. Turkey and Russia. Ankara, 1970. P. 133.
- ¹⁷ *Chisho Naito*. Niti-to Kosho-shi. 1977. P. 19.
- ¹⁸ *Куреев Н. Г.* История Турции XX век. М.: ИВ РАН, 2007. С. 154–157.
- ¹⁹ *Bayur Hikmet*. The History of Turkish Revolution. 1940–1967.
- ²⁰ *Olca Osman*. Towards the Sevres Treaty. Ankara, 1981.
- ²¹ *Shaw Stanford J.* History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. 1976.
- ²² *Meray Seha L.* The Lausanne Peace Conference, Minutes and Documents. 2001.
- ²³ *Takahasi Tadahisa*. Turk-Japon Munasebetlerine Kisa biz Bakis 1871–1945.
- ²⁴ *Yamada Torajiro*. Toruko Gokan (Обзор Турции).

- ²⁵ *Murakami Hyoe*. Japan. The Years of Trial 1919–1952. Kodansha International, 1983.
- ²⁶ *Ataev Turkkaya*. Turkish Foreign Policy 1939–1945. Ankara University, 1965.
- ²⁷ *ArikUmut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. A Special Partnership. 1991.
- ²⁸ Ibid. P. 311.
- ²⁹ *Akcadag Goknur*. Is a Turkish-Japanese Trade Agreement Imminent? URL: <http://www.trdefence.com/2010/12/19is-a-turkish-japanese-trade-agreement-imminent/>; URL:<http://www.trdefence.com/?=3176>.
- ³⁰ *Morimoto Abubakr*. Islam in Japan. Tokyo, 1980.
- ³¹ *Свистунова И. А.* Новая политика Турции в отношении стран Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 5.
- ³² *Иванова И. И.* Турецко-японское партнерство // Турция, Современные проблемы экономики и политики. М.: ИВ РАН, 1997.
- ³³ *Зиновьева И. Г.* Турецко-японские отношения на современном этапе // Восточный альманах. Вып. II. 2018.
- ³⁴ *Свистунова И. А.* Новая политика Турции в отношении стран Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея). С. 73.
- ³⁵ *Colakoglu Selcuk*. Turkey's East Asian Policy: from Security Concerns to Trade Partnerships. 2014.
- ³⁶ *Akcadag Goknur*. Is a Turkish-Japanese Trade Agreement Imminent?
- ³⁷ *Pehivanturk Bahadir*. Turkish-Japanese Relations: Turning Romanticism into Rationality // International Journal. 2012. Vol. 67. Issue 1.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ *Esenbel Selcuk*. Rising Sun and the Turk Crescent: Perspectives on the History of Japanese-Turkish Relations. Istanbul, 2003.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ Japan-Turkey Dialogue on Global Affairs. Center for Middle Eastern Strategic Studies (ORSAM). Report № 207. March 2017.
- ⁴² Ibid. P. 194–195.
- ⁴³ The Roots of the Japanese Policy against the Middle East and Islam. ACRI Research Paper Series 17. Reconsideration on 100 Anniversary of Paris Conference (1919) at the International Symposium (June 22–23, 2019), Toyo University / Ed. by Nobuo Misava.
- ⁴⁴ *Yamagami Shingo*. Japan is Back // Japan-Turkey Dialogue on Global Affairs. Center for Middle Eastern Strategic Studies (ORSAM). Report № 207, March 2017. P. 31.
- ⁴⁵ Турция и Япония в поисках нового Большого Брата. URL: <https://ktovkurse.com/politika/turtsiya-i-yaponiya-v-poiskah-novogo-bolshogo-brata>.
- ⁴⁶ Там же.

- ⁴⁷ *Acharya Amitav*. The End of American World Order. Cambridge, Polity Press, 2014.
- ⁴⁸ *Pehlivanurk Bahadir*. Turkey-Japan: Dialogue on Global Affairs // Perceptions. Vol. XXI. № 1. Spring 2016. P. 9.
- ⁴⁹ *Kurt Singer*. Mirror, Sword and Jewel — The Geometry of Japanese Life / Fourth printing. Kodansha Int. Ltd., 1985. P. 122. Цит. по: *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations / Second Edition. 1991. P. 3.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ Ibid. P. 4.
- ⁵² Турки-огузы, подарившие Востоку язык. <https://history-thema.com/tyurki-oguzu-podarivshie-vostoku-yazyk/>; *Emel Esin*. A History of Pre-Islamic and Early Islamic Turkish Culture. Istanbul, 1980. Note 1/10.
- ⁵³ Ibid.
- ⁵⁴ *Reischauer Edwin O*. Japan, the Story of a Nation. Third Edition. English Printing, 1987. Charles E. Tuttle Co. Pp. 9-10.
- ⁵⁵ *Reischauer Edwin O., Fairbank John K*. East Asia. The Great Tradition. Houghton-Mifflin Company. Boston. Charles E. Tuttle Co.; Tokyo. Fifth Printing, 1968. P. 456.
- ⁵⁶ Ibid. P. 459.
- ⁵⁷ *Sevim Trkeli*. Map of Japan. Turkish Historical Society Press. Ankara. 1985. P. 2.
- ⁵⁸ Ibid. Pp. 5, 6.
- ⁵⁹ Подробно см.: *Ahmad F*. Ottoman perceptions of the capitulations 1800–1914 // Journal of Islamic studies. 2000. Vol. 11. Issue 1. Pp. 1–20.
- ⁶⁰ Ibid.
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² Ibid.
- ⁶³ История Японии. Т. 1. С древнейших времен до 1868 г. / Отв. ред. А. Е. Жуков. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. С. 612–616.
- ⁶⁴ Там же. С. 616.
- ⁶⁵ Там же. С. 614–615.
- ⁶⁶ *Beasley W. G*. The Modern History of Japan / Third Printing. Charles E. Tuttle Company, 1986. P. 113.
- ⁶⁷ История Японии. Т. 2. 1868–1998 / Отв. ред. А. Е. Жуков. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. С. 4.
- ⁶⁸ Там же. С. 27.
- ⁶⁹ *Кутаков Л. Н*. Россия и Япония. М.: Наука, 1988. С. 204.
- ⁷⁰ *Arik Umut*. A Century of Turkish- Japanese Relations. Second edition. Ankara, 1991. P. 17.
- ⁷¹ Ibid. P. 18.
- ⁷² *Naito Chishu*. Niti-to Kosho-shi. Tokyo, 1931. P. 15, quoted by *Tadahisa Tatahashi*. Turk-Japon Munasebetlerine Kisa bir Bakis. P. 128. Цит. по *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations / Second Edirion. 1991. P. 18.

- ⁷³ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. Second Edition. 1991. P. 19.
- ⁷⁴ Ibid. Pp. 19–21.
- ⁷⁵ Ibid. P. 22.
- ⁷⁶ *Naito Chishu*. Niti-to Kosho-shi. Цит. по Umut Arik. A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 18.
- ⁷⁷ *Кутаков Л. Н.* Россия и Япония. М.: Наука, 1988. С. 203.
- ⁷⁸ *Naito Chishu*. Niti-to Kosho-shi. Цит. по Arik Umut. A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 22.
- ⁷⁹ Ibid.
- ⁸⁰ *Said Pasa*. Hatiratim. Istambul. 1328 (Rumi – 1912), p. 37. Цит. по Arik Umut. A Century of Turkish-Japanese Relations. Second Edition, p. 24.
- ⁸¹ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. Second Edition. P. 25.
- ⁸² Ibid.
- ⁸³ Tokyo Nichi-Nichi Simbun. 23. 11. 1887. (Мэйдзи 20). Цит. по Arik Umut. A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 26.
- ⁸⁴ Абдулхамид II // История Турции / История и антропология. URL: <https://istorja.ru/forums/topic/801-abdul-hamid-ii/> (дата обращения: 10. 05. 2021).
- ⁸⁵ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 31.
- ⁸⁶ Ibid. P. 27.
- ⁸⁷ Подробно об этом см.: *Абидулин А. М.* Путешествие как форма имперской пропаганды // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 3. С. 27.
- ⁸⁸ *Tadashi Takahashi*. Turk-Japon Munasebetlerine Kisa bir Bakis (Краткий обзор турецко-японских отношений 1871–1945). Ankara, 1978. P. 131.
- ⁸⁹ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 32.
- ⁹⁰ *Абидулин А. М.* Путешествие как форма имперской пропаганды. С. 29.
- ⁹¹ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 33.
- ⁹² Ibid. P. 34.
- ⁹³ Ibid. P. 29.
- ⁹⁴ Ibid.
- ⁹⁵ Ibid.
- ⁹⁶ Ibid. P. 30
- ⁹⁷ Ibid. P. 31.
- ⁹⁸ Ibid.
- ⁹⁹ Ibid.
- ¹⁰⁰ Ibid. P. 32.
- ¹⁰¹ Ibid. P. 33.
- ¹⁰² Ibid.
- ¹⁰³ Ibid.
- ¹⁰⁴ *Tadashi Takahashi*. Turk-Japon Munasebetlerine Kisa bir Bakis. P. 132.
- ¹⁰⁵ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 34.

- ¹⁰⁶ *Murakami N.* Эртуруру госо нандзикэн кара 125 нэн (125 лет трагедии крушения «Эртугрула») [in Japanese]. URL: <https://www.nippon.com/ja/behind/100127/> (accessed: 10.05.2021).
- ¹⁰⁷ *Arik Umut.* A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 34.
- ¹⁰⁸ Ibid.
- ¹⁰⁹ Ibid. P. 25.
- ¹¹⁰ Ibid. P. 28.
- ¹¹¹ *Misawa Nobuo.* Relations between Japan and the Ottoman Empire in the 19th Century // AJAMES (Annals of Japan Association for Middle East Studies). № 18–2. P. 9.
- ¹¹² *Murakami N.* Эртуруру госо нандзикэн кара 125 нэн (125 лет трагедии крушения «Эртугрула») (in Japanese). URL: <https://www.nippon.com/ja/behind/100127/> (accessed 10.05.2021).
- ¹¹³ Ibid.
- ¹¹⁴ *Misawa Nobuo.* Relations between Japan and the Ottoman Empire in the 19th Century. P. 51.
- ¹¹⁵ *Tadashi Takahashi.* Turk-Japon Munasebetlerine Kisa bir Bakis (Краткий обзор турецко-японских отношений 1871-1945). Ankara, 1978. P. 133.
- ¹¹⁶ *Arik Umut.* A Century of Turkish-Japanese Relations. Second Edition. P. 40.
- ¹¹⁷ Ibid.
- ¹¹⁸ Ibid. P. 41.
- ¹¹⁹ Ibid.
- ¹²⁰ *Абидулин А. М.* Путешествие как форма имперской пропаганды // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015, № 3. С. 31.
- ¹²¹ Anadolu Post. 25. 12. 2015.
- ¹²² *Misawa Nobuo, Goknur Akcadag.* The First Japanese Muslim, Shotaro Noda (1868–1904) // AJAMES (Japan Association for Middle East Studies). 2007. No. 23–1; *Misawa Nobuo.* The Beginning of the Japanese Language Education in the Ottoman Empire. Osmanlı Araştırmaları 1 // The Journal of Ottoman Studies, XLI. 2013. Pp. 253–278; *Misawa Nobuo.* The First Japanese who Resided in the Ottoman Empire. Tokyo: Hitotsubashi University, 2012.
- ¹²³ *Misawa Nobuo.* The First Japanese who Resided in the Ottoman Empire. Tokyo: Hitotsubashi University, 2012. P. 54.
- ¹²⁴ Ibid. P. 55.
- ¹²⁵ Ibid.
- ¹²⁶ *Misawa Nobuo.* The official report of the Captain Tanaka, preserved in Kôbunbikô of the Japanese Naval Ministry // The Journal of Ottoman Studies. P. 259.
- ¹²⁷ *Misawa Nobuo.* The First Japanese Muslim, Shotaro Noda. P. 94.
- ¹²⁸ *Misawa Nobuo.* “Jiji Shinpô”, no. 3029, May 24, 1891 / The Beginning of the Japanese Language Education in the Ottoman Empire. P. 257.

- ¹²⁹ Ibid. P. 258.
- ¹³⁰ Ibid. P. 258–259.
- ¹³¹ *Misawa Nobuo*. The Beginning of the Japanese Language Education in the Ottoman Empire. P. 259.
- ¹³² Ibid. P. 261.
- ¹³³ Ibid. P. 262.
- ¹³⁴ *Misawa Nobuo*. “Jiji Shinpô”, no. 3253, January 31, 1892 / The Beginning of the Japanese Language Education in the Ottoman Empire. P. 262.
- ¹³⁵ *Misawa Nobuo*. The Beginning of the Japanese Language Education in the Ottoman Empire. Osmanlı Araştırmaları 1. The Journal of Ottoman Studies, XLI. 2013. P. 266. İmaizumi, Ichibyô(=Shfitarô): Ichibyô Zatsuwa (in Japanese), Tokyo: Seishi-dôm, 1901.
- ¹³⁶ *Misawa Nobuo*. “Jiji Shinpô”, no. 3317-3318, April 15-16, 1892 / The Beginning of the Japanese Language Education in the Ottoman Empire. P. 266.
- ¹³⁷ *Misawa Nobuo*, *Goknur Akcadag*. The First Japanese Muslim, Shotaro Noda (1868-1904). AJAMES (Japan Association for Middle East Studies). 2007. № 23–16. P. 95–96.
- ¹³⁸ Basbakanlink Oamani Orsivi (BOA) (Османский архив премьер-министра), 72/21. Yıldız Perakende Askeri Maruzat (Y. PRK. ASK.). Подробнее об этом см. *Misawa Nobuo*, *Akçadağ, Gökner*. The First Japanese Muslim, Shotaro Noda (1868-1904). P. 85–109.
- ¹³⁹ *Misawa Nobuo*. The First Japanese Muslim, Shotaro Noda (1868–1904). P. 95
- ¹⁴⁰ Ibid.
- ¹⁴¹ *Misawa Nobuo*. The First Japanese who Resided in the Ottoman Empire. P. 54.
- ¹⁴² *Misawa Nobuo*. The Origin of the Commercial Relationship between Japan and the Ottoman Empire: the Tactics of Young Torajiro Yamada, as a “Student Merchant” // The Bulletin of the Faculty of Sociology. Toyo University, 2007. № 45–1. Pp. 69, 86.
- ¹⁴³ *Misawa Nobuo*. The First Japanese who Resided in the Ottoman Empire. P. 54.
- ¹⁴⁴ Ibid. P. 62.
- ¹⁴⁵ *Deguchi Tomoyuki*. Rohan Koda & Torajiro Yamada / Modern Japanese Literature. 2006. № 74. Pp. 77–91.
- ¹⁴⁶ Ibid.
- ¹⁴⁷ *Misawa Nobuo*. The First Japanese Muslim, Shotaro Noda (1868-1904). P. 96.
- ¹⁴⁸ Basbakanlink Osmani Arsivi. Y. PRK. AZJ. 21/116/; *Misawa Nobuo*. The First Japanese Muslim, Shotaro Noda (1868-1904). P. 96.
- ¹⁴⁹ *Misawa Nobuo*. The First Japanese Muslim, Shotaro Noda (1868-1904). P. 96.
- ¹⁵⁰ Ibidem, p. 97.
- ¹⁵¹ Ibid.

- ¹⁵² *Inaba Chiharu*. "The question of the Bosphorus and Dardanelles during the Russo-Japanese War" // *The Rising Sun and the Thrkish Crescent: new perspectives on the history of Japanese Turkish rekations / Selcuk Esenbel, Inaba Chiharu (eds.)*. Istanbul: Bogazici University Press, 2003. Pp. 122–144.
- ¹⁵³ Ibid.
- ¹⁵⁴ *Arik Umut*. *A Century of Turkish-Japanese Relations*. 1991. P. 42.
- ¹⁵⁵ *Naito Choshi*. *Nichi-To Kosho-shi*. Tokyo. 1931. Pp. 41–42. Цит. по *Arik Umut*. *A Century of Turkish-Japanese Relations*. 1991. P. 42.
- ¹⁵⁶ *Arik Umut*. *A Century of Turkish-Japanese Relations*. P. 43.
- ¹⁵⁷ Ibid.
- ¹⁵⁸ Ibid.
- ¹⁵⁹ Ibid. P. 44.
- ¹⁶⁰ Ibid. P. 45.
- ¹⁶¹ *Said Pasa*. *Hatiratim (Memoires)*. Istambul 1328 (1912). Цит. по *Arik Umut*. *A Century of Turkish-Japanese Relations*. P. 46.
- ¹⁶² Подробно об этом см. *Непомнин О. Е.* История Китая: Эпоха Цин. XVII — начало XX века. Москва, «Восточная литература» РАН, 2005. ISBN 5-02-018400-4
- ¹⁶³ Там же.
- ¹⁶⁴ Подробно об этом. см. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917, М., 1952.
- ¹⁶⁵ *Arik Umut*. *A Century of Turkish-Japanese Relations*. P. 48.
- ¹⁶⁶ *Basbakanlink Osmani Arsivi (BOA), Y. PRKAZI*. 39/99 / *Misawa Nobuo*. *Verification for the Achievements of a Japanese Merchant in Istanbul: Personal History of Torajiro Yamada*. Institute of Asian, African, and Middle Eastern Studies, Sophia University. 2017. P. 28.
- ¹⁶⁷ *Ali Bey*. *Penses et Souvenirs de l'Ex-Sultan Abdulhamid*, Paris et Neuchatel. 1905. Pp. 108–119. Цит. по *Arik Umut*. *A Century of Turkish-Japanese Relations*. P. 49.
- ¹⁶⁸ *Arik Umut*. *A Century of Turkish-Japanese Relations*. P. 49.
- ¹⁶⁹ Подр. см. *Дейноров Э.* «История Японии», М.: АСТ, 2011. С. 517–601. ISBN 978-5-17-073714-7
- ¹⁷⁰ *Орлов А. С., Георгиева Н. Г., Георгиев В. А.* Исторический словарь. 2-е изд. М., 2012. С. 16.
- ¹⁷¹ Там же.
- ¹⁷² Document № 36527, Consultation Bureau of the Foreign Office of the Sublime Port. Цит. по *Arik Umut*. *A Century of Turkish-Japanese Relations*. 1991. P. 50.
- ¹⁷³ История Японии. Т. 2, 1868–1998 / Отв. ред. А. Е. Жуков. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. С. 38.
- ¹⁷⁴ Записка по поводу отправления на Дальний Восток судов русского Черноморского флота. СПб., 1904. URL: <http://alternatiwa.org.ru/warships1905.htm>.

- 175 Там же.
- 176 История Японии. Т. 2, 1868-1998. С. 39.
- 177 *Nimet Akdes Kurat*. Turkey and Russia. Ankara, 1970. P. 133.
- 178 Ibid.
- 179 *Ibrahim Halil*. Memoires. Istanbul, 1960. P. 112
- 180 *Naito Choshi*. Nichi-To Kosho-shi. Tokyo. 1931. Цит. по *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 51.
- 181 *Selcuk Esenbel*. Japan, Turkey and the World of Islam. Istabul, 2011. P. 148.
- 182 *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 52.
- 183 *Selcuk Esenbel*. Japan, Turkey and the World of Islam. P. 149.
- 184 *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 52.
- 185 Ibid.
- 186 Ibid.
- 187 Ibid. P. 53.
- 188 *Selcuk Esenbel*. Japan, Turkey and the World of Islam. P. 149.
- 189 *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 53.
- 190 *Mehmet Kaplan*. The Principles of Turkism. Istanbul, 1976. Pp. 60–61.
- 191 *Morimoto Abu Bakr*. Islam in Japan: its Past, Present & Future. Tokyo, 1980. P. 20.
- 192 *Beasley W. G.* The Modern History of Japan. Third Printing. Charles E. Tuttle Company, 1986. P. 172.
- 193 *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 55.
- 194 Ibid. P. 56.
- 195 Ibid.
- 196 *Naito Chisu, Nitto Koshoshi*. 1931. P. 57. Цит. По *Arik Umut*, A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 56.
- 197 Ibid. P. 59.
- 198 Ibid. P. 60.
- 199 Ibid.
- 200 Ibid.
- 201 *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. 1991. P. 62.
- 202 Ibid. P. 63.
- 203 Ibid.
- 204 *Beasley W. G.* The Modern History of Japan. N-Y; London, 1986. P. 201.
- 205 *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. 1991. P. 63.
- 206 Подробно см. История Японии. Т. 2, 1868–1998. С. 51–53.
- 207 Там же.
- 208 Там же.
- 209 Там же.
- 210 Дипломатический словарь / Гл. ред. А. Я. Вышинский, С. А. Лозовский. М., 1948.

- ²¹¹ Там же.
- ²¹² Подробно см. *Н. Г. Киреев*. История Турции XX век. М.: ИВ РАН, 2007. С. 97–99.
- ²¹³ Там же. С. 98.
- ²¹⁴ Там же. С. 100.
- ²¹⁵ Там же. С. 107–112.
- ²¹⁶ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 67.
- ²¹⁷ Stanford J. Shaw and Ezel Kural Shaw. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey, Vol. II, p. 329.
- ²¹⁸ *Киреев Н. Г.* История Турции XX век. С. 109–112.
- ²¹⁹ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 67.
- ²²⁰ *Hikmet Bayur*. The History of the Turkish Revolution. Ankara, 1991. P. 233.
- ²²¹ История Японии. Т. 2, 1868–1998 / Отв. ред. А. Е. Жуков. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. С. 52.
- ²²² Там же.
- ²²³ Там же.
- ²²⁴ *Osman Olcay*. Towards the Sevres Treaty. Ankara, 1981. P. 44.
- ²²⁵ История Японии. Т. 2, 1868–1998. С. 53.
- ²²⁶ *Киреев Н. Г.* История Турции XX век. С. 131.
- ²²⁷ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 64.
- ²²⁸ Ibid.
- ²²⁹ Ibid.
- ²³⁰ Ibid. P. 65.
- ²³¹ *Osman Olcay*. Towards the Sevres Treaty. P. 275.
- ²³² Ibid. Pp. 315–316.
- ²³³ Ibid. P. 381.
- ²³⁴ Ibid. P. 390.
- ²³⁵ Ibid. P. 423.
- ²³⁶ Ibid. Foreword XLIII.
- ²³⁷ Севрский мирный договор. Описание. Стороны подписания. История и интересные факты. URL: <https://fb.ru/article/351768/sevrskiy-mirnyi-dogovor-opisanie-storon-yi-podpisaniya-istoriya-i-interesnyie-faktyi>.
- ²³⁸ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 67.
- ²³⁹ *Shaw Stanford J., Shaw Enzel Kyril*. The History of the Ottoman Empire. Cambridge University Press, 1976–1977. Vol. II. P. 340.
- ²⁴⁰ См. Лондонская конференция 1921 г., Франко-турецкое соглашение 1921 г.
- ²⁴¹ *Seha L. Meray*. The Lausanne Peace Conference. Minutes and Documents.
- ²⁴² *Киреев Н. Г.* История Турции XX век. С. 155.
- ²⁴³ Там же. С. 153–154.
- ²⁴⁴ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations.

- ²⁴⁵ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations.
- ²⁴⁶ *Seha L. Meray*. The Lausanne Peace Conference. Minutes and Documents. Цит. по *Arik Umut*. P. 68.
- ²⁴⁷ *Seha L. Meray*. The Lausanne Peace Conference. Minutes and Documents. Foreward by Inonu. P. VI. Цит. по *Umut Arik*. P. 69.
- ²⁴⁸ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 69.
- ²⁴⁹ Ibid. P. 69.
- ²⁵⁰ Ibid. P. 70.
- ²⁵¹ *Seha L. Meray*. The Lausanne Peace Conference. Minutes and Documents. P. 174. Цит. по *Arik Umut*.
- ²⁵² *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 70.
- ²⁵³ Конвенция, касающаяся проливов. URL: https://www.lib.byu.edu/index.php/Straits_Treaty.
- ²⁵⁴ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 71.
- ²⁵⁵ Ibid.
- ²⁵⁶ Ibid.
- ²⁵⁷ Ibid. P. 72.
- ²⁵⁸ Ibid. P. 50.
- ²⁵⁹ *Seha L. Meray*. The Lausanne Peace Conference. Minutes and Documents. Vol. I. P. 48.
- ²⁶⁰ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. P. 73.
- ²⁶¹ Ibid. P. 74.
- ²⁶² Ibid.
- ²⁶³ Ibid.
- ²⁶⁴ Ibid. P. 76.
- ²⁶⁵ Ibid.
- ²⁶⁶ *Hyoe Murakami*. Japan, The Years of Trial 1919–52, Kodansha International, 1983. P. 26.
- ²⁶⁷ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese relations. P. 78.
- ²⁶⁸ Ibid.
- ²⁶⁹ Ibid. P. 81.
- ²⁷⁰ Ibid.
- ²⁷¹ У Османской империи был Стамбул, у Турции есть Анкара, что будет завтра? URL: https://news.rambler.ru/middleeast/34977242/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.
- ²⁷² Почему Турция сделала Анкару столицей вместо Стамбула. URL: <https://www.russianturkiye.com/pochemu-turtsia-sdelala-ankaru-stolitsey-vmesto-stambula/>.
- ²⁷³ *Higashi Nagaba*. Japan and Turkey Historical Process for Diplomatic Relations. P. 7. URL: <https://yandex.ru/search/?text=hiroshi+nagaba.+Japan+and+Turkey+Historical+Process+for+Diplomatic+Relations&lr=213&clid=2270453&win=453>.

- ²⁷⁴ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese relations. P. 86.
- ²⁷⁵ Ibid. P. 87.
- ²⁷⁶ Ibid.
- ²⁷⁷ Ibid.
- ²⁷⁸ Ibid.
- ²⁷⁹ Ibid.
- ²⁸⁰ *Hiroshi Nagaba*. Japan and Turkey Historical Process for Diplomatic Relations. P. 8.
- ²⁸¹ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese relations. P. 115.
- ²⁸² Ibid. P. 95.
- ²⁸³ Ibid.
- ²⁸⁴ Ibid. P. 96.
- ²⁸⁵ Ibid. P. 100.
- ²⁸⁶ Ibid. P. 106.
- ²⁸⁷ *Милеев Д. А.* Отношения Японии и Германии в XX веке: сложные поиски *modus vivendi*. М.: ИВ РАН, 2017. С. 75.
- ²⁸⁸ *Hyoe Murakami*. Japan, The Years of Trial 1919–52, Kodansha International, 1983. P. 55.
- ²⁸⁹ Поробнее см. *Купеев Н. Г.* История Турции. XX век. С. 225.
- ²⁹⁰ *Seha L. Meray*. International Law. Ajans-Turk. Ankara, 1959. Vol. 1. Pp. 330–335. Цит. по *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese relations. P. 115.
- ²⁹¹ 50 Years in Turkish Foreign Policy, Montreux and Pre-War Years 1935–1939. Turkish Ministry of Foreign Affairs. P. 56. Цит. по *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese relations. P. 117.
- ²⁹² Ibid.
- ²⁹³ Ibid. P. 114.
- ²⁹⁴ Поробнее см. *Купеев Н. Г.* История Турции. XX век. С. 225–227.
- ²⁹⁵ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. Revised 2nd Edition. Ankara. P. 115.
- ²⁹⁶ Первый камень дружбы: татаро-башкирская эмиграция в Японии. URL: <https://zen.yandex.ru/media/vatnikstan/pervyi-kamen-drujby-tatarobashkirskaja-emigraciia-v-iaponii-5e99632e3cc2370606bc5cfb>; *Ямицкова Я.* Татаро-башкирская эмиграция в Восточной Азии. <https://posredi.ru/tataro-bashkirskaya-emigraciya-v-vostochnoj-azii.html>.
- ²⁹⁷ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. Revised 2nd Edition. P. 108.
- ²⁹⁸ Подробно об этом см. Как Энвер-паша пытался создать всемирную тюркскую империю. URL: <https://topwar.ru/149794-kak-jenver-pasha-pytalsja-sozdat-vsemirnuju-tjurkskuju-imperiju.html>.
- ²⁹⁹ *Shaw Stanford J., Shaw Enzel Kyril*. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. P. 355.

- ³⁰⁰ Усманова Л. Р. В далеком китайском Харбине до сих пор стоит мечеть в честь принятия ислама Волжской Булгарией. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/38101>.
- ³⁰¹ *Abubakr Morimoto*. Islam in Japan. Its Past, Present and Future. Tokyo. 1980. P. 21.
- ³⁰² Подробно об этом см. Юнусова А. Б. «Великий имам Дальнего Востока» Мухаммед-Габдулхай Курбангалиев // Вестник Евразии. 2001. № 4. С. 89–90.
- ³⁰³ Первый камень дружбы: татаро-башкирская эмиграция в Японии. URL: <https://zen.yandex.ru/media/vatnikstan/pervyi-kamen-drujby-tatarobashkirskaiia-emigraciia-v-iaponii-5e99632e3cc2370606bc5cfb>.
- ³⁰⁴ Юнусова А. Б. «Великий имам Дальнего Востока» Мухаммед-Габдулхай Курбангалиев. С. 89.
- ³⁰⁵ Там же. С. 110.
- ³⁰⁶ Юнусова А. Б. Ислам и общность урало-алтайских народов во взглядах Мухаммед-Габдулхая Курбангалиева. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islam-i-obschnost-uralo-altayskih-narodov-vo-vzglyadah-muhammed-gabdulhaya-kurbangalieva/viewer>.
- ³⁰⁷ Юнусова А. Б. Татаро-башкирская эмиграция на Дальнем Востоке: мусульманский фактор социальной адаптации и сохранения этнокультурной идентичности. URL: https://www.academia.edu/18560193/татаро_башкирская_эмиграция_на_дальнем_востоке_мусульманский_фактор_социальной_адаптации_и_сохранения_этнокультурной_идентичности (дата обращения: 20. 03. 2020).
- ³⁰⁸ Там же.
- ³⁰⁹ Там же.
- ³¹⁰ Юнусова А. Б. «Великий имам Дальнего Востока» Мухаммед-Габдулхай Курбангалиев. С. 84.
- ³¹¹ Юнусова А. Б. Татаро-башкирская эмиграция на Дальнем Востоке: мусульманский фактор социальной адаптации сохранения этнокультурной идентичности.
- ³¹² *Abubakr Morimoto*. Islam in Japan. Its Past, Present and Future. P. 123.
- ³¹³ *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. Revised 2nd Edition. P. 108.
- ³¹⁴ Азнабаев Булат. Башкирский имам в Японии в 20–30-е годы XX в. URL: https://ufaved.info/articles/istprogulki/bashkirskiy_imam_v_yaponii_v_20_30_e_gody_xx_v/ (дата обращения: 20. 03. 2020).
- ³¹⁵ Там же.
- ³¹⁶ Там же.
- ³¹⁷ Первый имам Японии — татарин из Сибири, мечтавший о союзе всех тюркских народов мира. URL: <https://www.turantoday.com/2013/11/abd-ur-rashid-ibrahim.html> (дата обращения: 05. 10. 2019).
- ³¹⁸ Там же.

- 319 *Усманова Л.* Он выступал как просветитель, преследующий цели пробуждения мусульман Азии. URL: <https://echovek.ru/ru/article/l-usmanova-vystupal-kak-prosvetitel-presleduyushchiy-celi-probuzhdeniya-musulman-azii-r> (дата обращения: 20.03.2020).
- 320 Великий Татарский Миссионер, или как Япония приняла Ислам. URL: <https://golosislama.com/news.php?id=17477> (дата обращения: 05.10.2019).
- 321 Там же.
- 322 Там же.
- 323 Там же.
- 324 Там же.
- 325 Первый камень дружбы: татаро-башкирская эмиграция в Японии. URL: <https://zen.yandex.ru/media/vatnikstan/pervyi-kamen-drujby-tatarobashkirskaiia-emigraciia-viaponii-5e99632e3cc2370606bc5cfb>.
- 326 Мечеть в Кобе — мечеть, построенная татарскими эмигрантами в Японии. URL: https://pikabu.ru/story/mechet_v_kobe_mechet_postroennaya_tatarskimi_yemigrantami_v_yaponii_6287022 (дата обращения: 05.10.2019).
- 327 Гаяз Исхаки «Кто он? Кто он, кто нашу нацию взрастил?». URL: <https://greylib.align.ru/387/gayaz-isxaki-kto-on-kto-on-kto-nashu-naciyu-vzrastil.html> (дата обращения: 15.02.2020).
- 328 *Бикбов Рустам.* Японский след. URL: <https://rbvekpros.livejournal.com/8378.html> (дата обращения: 15.02.2020).
- 329 Письмо Г. Исхаки министру иностранных дел Японии (Публикация и перевод Риммы Садыковой) // Гасырлар авызы — Эхо веков. 2001. №3–4. С. 78–80.
- 330 Там же.
- 331 *Адутов Р.* В стране самураев: татарская диаспора и мусульманские школы Японии / Minbar. Islamic Studies. 2009. № 2 (4). С. 47–48.
- 332 *Усманова Л. Р.* Окубо Кодзи: основатель тюрко-исламоведческих исследований и друг тюрко-татарской эмиграции в Японии // Электронный архив Казанского федерального университета. С. 60. URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/viewer?file=150945;rjphch2018_257_260.pdf&sequence=-1&isAllowed=y (дата обращения: 20.10.2020).
- 333 *Misawa Nobuo.* Koji Okubo and Tatar Exiles in Interwar Japan: Biographical Sketch of His Commitment // Abdurresit Ibrahim ve zamani (Абдулрахим Ибрагим и его время): Türkiye ve Japonya Arasında Orta Avrasya (Евразия между Турцией и Японией) / Отв. ред. Prof. Dr. A. Merthan Dundar. Ankara, 2018. P. 59.
- 334 *Усманова Л. Р.* Окубо Кодзи: основатель тюрко-исламоведческих исследований и друг тюрко-татарской эмиграции в Японии. С. 60.
- 335 Там же.

- ³³⁶ Усманова Л. Р. Первая мечеть в Японии построена татарскими эмигрантами. http://ru-jp.org/usmanova_01.htm (дата обращения 20.11.2021).
- ³³⁷ *Misawa Nobuo. Koji Okubo and Tatar Exiles in Interwar Japan: Biographical Sketch of His Commitment.* P. 66.
- ³³⁸ Волго-Уральский регион в имперском пространстве: XVIII – XX вв. URL: https://www.academia.edu/23789863/Volgo_Uralskii_region_v_imperskom_prostranstve_XVIII_XX_vv_Moscow_Vostochnaia_Literatura_2011 (дата обращения 20.10.2021).
- ³³⁹ Первый камень дружбы: татаро-башкирская эмиграция в Японии. URL: <https://zen.yandex.ru/media/vatnikstan/pervyi-kamen-drujby-tatarobashkirskai-emigraciia-v-iaponii-5e99632e3cc2370606bc5cfb>.
- ³⁴⁰ Юнусова А. Б. «Великий имам Дальнего Востока» Мухаммед-Габдулхай Курбангалиев. С. 89–90.
- ³⁴¹ Татары в Японии: Коран иероглифами, руководство аэропортом и роли в «Годзилле». URL: <https://realnoevremya.ru/articles/29149>.
- ³⁴² Там же.
- ³⁴³ Краткая история Tokyo Camii и Турецкого культурного центра. 2010-09-07 URL: <http://www.tokyocamii.org> (дата обращения: 30. 10. 2021).
- ³⁴⁴ Там же.
- ³⁴⁵ *Тадаси Цумура.* Курды Японии часто находятся в подвешенном состоянии, несмотря на значительную общину / The Japan Times Online (дата обращения: 05.05.2021).
- ³⁴⁶ Turks and Kurds Clash in Japan Over Turkey Elections. URL: <http://www.aljazeera.com/news/2015/10/turks-kurds-clash-japan-turkey-elections-151025194639100.html>.
- ³⁴⁷ *Купеев Н. Г.* История Турции XX век. С. 240.
- ³⁴⁸ *Shaw Stanford J., Shaw Enzel Kyril.* History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. P. 398.
- ³⁴⁹ *Такусио Хамтори.* Япония в войне 1941–1945 г. СПб., 2003. С. 253.
- ³⁵⁰ *Arik Umut.* A Century of Turkish-Japanese Relations. Revised 2nd Edition. P. 124.
- ³⁵¹ Ibid. P. 125.
- ³⁵² Ibid. P. 125.
- ³⁵³ Ibid. P. 127.
- ³⁵⁴ Ibid.
- ³⁵⁵ *Arik Umut.* A Century of Turkish-Japanese Relations. Revised 2nd Edition. P. 127.
- ³⁵⁶ Ibid.
- ³⁵⁷ Влияние Второй мировой войны на внешнюю политику Турции. URL: <https://inosmi.ru/world/20130223/206214145.html>; Как менялась политика Турции в ходе Второй мировой войны. URL: <http://milli-firka.org/как-менялась-политика-турции-в-ходе-второй-мировой-войны/>.

- 358 История Японии. Т. 2, 1868–1998. С. 96.
- 359 Киреев Н. Г. История Турции XX век. С. 289.
- 360 Киреев Н. Г. История Турции XX век. С. 272.
- 361 Там же. С. 273–274.
- 362 Там же.
- 363 Rene Albrecht Carrie. A Diplomatic History of Europe. Harper & Row, 1973. P. 630.
- 364 История Японии. Т. 2, 1868–1998. С. 107.
- 365 Там же. С. 103.
- 366 Подробно об этом см. Крупянко М. И., Арешидзе Л. Г. СССР на Сан-Францисской мирной конференции: поучительные уроки национальной истории // Великая победа. Том IX. М.: Университет МГИМО, 2011.
- 367 Там же.
- 368 Сборник документов и материалов по Японии 1951–1954. М.: Министерство иностранных дел СССР, 1954. С. 90.
- 369 Там же.
- 370 Там же.
- 371 Arik Umut. A Century of Turkish-Japanese Relations. Revised 2nd Edition. P. 136.
- 372 Сборник документов и материалов по Японии 1951–1954. С. 93–94.
- 373 История Японии. Т. 2, 1868–1998. С. 108.
- 374 Киреев Н. Г. История Турции XX век. С. 297.
- 375 Arik Umut. A Century of Turkish-Japanese Relations. Revised 2nd Edition. P. 151.
- 376 Mainichi Shimbun. 21.04.1958.
- 377 Ibid.
- 378 Ibid.
- 379 Ibid.
- 380 Ibid.
- 381 Arik Umut. A Century of Turkish-Japanese Relations. 2nd Edition. Pp. 204–205.
- 382 Ibid. P. 184.
- 383 Umut Arik. A Century of Turkish-Japanese Relations. 2nd Edition. P. 164.
- 384 Cumhuriyet Daily. 11.04.1963.
- 385 Umut Arik. A Century of Turkish-Japanese Relations. 2nd Edition. P. 184.
- 386 Arik Umut. A Century of Turkish-Japanese Relations. 2nd Edition. P. 231.
- 387 Ibid. P. 196.
- 388 Ibid. P. 193.
- 389 Ibid. P. 193.
- 390 Ibid.
- 391 Ibid. P. 194.
- 392 UNFICYP United Nations Peacekeeping Force in Cyprus. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/mission/unficy>.

- 393 *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. 2nd Edition. P. 196.
- 394 *Arik Umut*. A Century of Turkish-Japanese Relations. 2nd Edition. P. 231.
- 395 *Ibid*. P. 189.
- 396 *Umut Arik*. A Century of Turkish-Japanese Relations. 2nd Edition. P. 196.
- 397 Mainichi Shimbun. 28.02.1970.
- 398 Mainichi Shimbun. 20.11.1970.
- 399 Mainichi Shimbun. 28.11.1971.
- 400 Briefing. 15.08.1983.
- 401 *Ibid*.
- 402 *Selcuk Esenbel*. Turkey's Changing Foreign Policy Stance: Getting Closer to Asia? URL: <https://www.mei.edu/publications/turkeys-changing-foreign-policy-stance-getting-closer-asia>.
- 403 The Middle east Economic Digest. 21.05.1986. P. 86.
- 404 Economic report. Ankara, 1987. P. 223.
- 405 *Selçuk Colakoglu*. Turkey's East Asian Policy: From Security Concerns to Trade Partnerships // Perceptions, Winter 2012. Volume XVII. Number 4. Pp. 129–158.
- 406 *Ibid*.
- 407 Подробнее об этом см. Мир больше пяти. URL: <https://russian.rt.com/world/article/918878-erdogan-reforma-sovet-bezopasnosti-oon>; Япония и Совет Безопасности ООН. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-i-sovet-bezopasnosti-oon-ambitsii-tokio-poubavilis/>.
- 408 Milliet. 27.11.1987.
- 409 Japan-Turkey Relations. Ministry of Foreign Relations of Japan. URL: http://www.mofa.go.jp/region/middle_turkey/index.ytml.
- 410 *Seluk Colakoglu*. Turkey's East Asian Policy: from Security Concerns to Trade Partnership. Perceprions, Journal of International Affairs. Winter 2012. Vol. XVII. Number 1. P. 145
- 411 *Ibid*. P. 134.
- 412 Japon Büyükelçi: Japonya İsrail'e Kızgın (Посол Японии: Япония возмущается действиями Израиля) / Hürriyet. 02.06.2010.
- 413 Joint Declaration on the Establishment of Strategic Partnership between Japan and the Republic of Turkey. URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000004160.pdf>.
- 414 Joint Declaration on the Establishment of Strategic Partnership between Japan and the Republic of Turkey.
- 415 Подробно об этом см. *Иванова И. И.* Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016). М., 2017. С. 383.
- 416 Asahi Shimbun. 08.10.2015.
- 417 Цит. по Asahi Shimbun. 23.11.2015.
- 418 Турецкие бизнесмены потеряли веру в российское правительство. URL: <http://vz.ru/economy/2015/12/2/781512.html>.

- ⁴¹⁹ Countries unite to resist the Turkish operation in Syria // NBC News. 11.10.2019.
- ⁴²⁰ Министры иностранных дел Турции и Японии обсудили двусторонние связи, сотрудничество. URL: <https://www.yenisafak.com/en/news/turkish-japanese-foreign-ministers-discuss-bilateral-ties-cooperation>.
- ⁴²¹ The Diplomatic Blue Book of Japan 2021. Т. 2021. Р. 154. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2021/pdf/en_index.html.
- ⁴²² КНДР запустила в сторону Японского моря баллистическую ракету. URL: https://polit.ru/news/2022/03/05/North_Korea/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.
- ⁴²³ Министры иностранных дел Турции и Японии обсудили двусторонние связи, сотрудничество. <https://www.yenisafak.com/en/news/turkish-japanese-foreign-ministers-discuss-bilateral-ties-cooperation-3587293>
- ⁴²⁴ Парамонов . Самая «прояпонская» страна смотрит в сторону Пекина. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/samaya-proyaponskaya-strana-smotrit-v-storonu-pekina/>
- ⁴²⁵ Там же.
- ⁴²⁶ Там же.
- ⁴²⁷ Там же.
- ⁴²⁸ *Hammond Kelly*. Turkey and Japan are Old Friends. Can They Foster New Beginnings? URL: <https://newlinesmag.com/essays/turkey-and-japan-are-old-friends-can-they-foster-new-beginnings>.
- ⁴²⁹ В Японии выстраивают отношения с курдской иммигрантской общиной. URL: <https://riataza.com/2021/01/02/v-yaponii-vystraivayut-otnosheniya-s-kurdskoj-immigrantskoj-obshhinoj-iz-turczii/>.
- ⁴³⁰ Есть ли японцы в Турции? URL: <https://celebrity.fm/ru/are-there-japanese-people-in-turkey>.
- ⁴³¹ Посол Японии вызван в МИД Турции в связи с политикой о трудовой миграции. URL: <https://mk-turkey.ru/politics/2019/01/31/mot-posol-yaponii-vyzvan-v-mid.html>.
- ⁴³² Турция удовлетворена решением Японии по закону о трудовой миграции // ТАСС. 02.04.2019. URL: https://tass.ru/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru.
- ⁴³³ *Kelly Hammond*. Turkey and Japan are Old Friends. Can They Foster New Beginnings? URL: <https://newlinesmag.com/essays/turkey-and-japan-are-old-friends-can-they-foster-new-beginnings>.
- ⁴³⁴ U. S. welcomes Japan troops for Iraq. URL: https://www.upi.com/Top_News/2003/12/09/USwelcomes-Japan-troops-for-Iraq/45811070990105/?u3L=1.
- ⁴³⁵ Relations between Turkey and Japan. URL: <http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-japan.en.mfa>; URL: <http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-china.en.mfa>.

- ⁴³⁶ Ibid.
- ⁴³⁷ *Guriev S., Treisman D.* The newdictators rule by velvet fist // New York Times. 24.05.2015.
- ⁴³⁸ *Naito M.* Isuramu kara Europe wo miru: shakai no shinso de nani ga okiteirunoka (Взгляд на Европу со стороны ислама: что происходит под поверхностью общества?). Chuko-shinsho, 2020.
- ⁴³⁹ *Atsuko Higashino.* Relations between the EU, Turkey and Japan: dissonances in the strategic triangle. URL: <https://f1000research.com/articles/10-171>.
- ⁴⁴⁰ Ibid.
- ⁴⁴¹ *Atsuko Higashino.* Relations between the EU, Turkey and Japan: dissonances in the strategic triangle URL: <https://f1000research.com/articles/10-171>.
- ⁴⁴² Ibid.
- ⁴⁴³ *Графов Д. Б.* Лоббирование интересов Турции в США при администрации Д. Трампа // Восточная аналитика. М.: ИВ РАН, 2020. Выпуск 4. С. 156.
- ⁴⁴⁴ The Middle East. 01.02.1984. P. 24
- ⁴⁴⁵ Цит. по Milliet. 27.11.1988.
- ⁴⁴⁶ Turkish Daily News. 21.11.1988.
- ⁴⁴⁷ *Selcuk Esenbel.* Turkey's Changing Foreign Policy Stance: Getting Closer to Asia? URL: <https://www.mei.edu/publications/turkeys-changing-foreign-policy-stance-getting-closer-asia>.
- ⁴⁴⁸ Turkish Daily News. 02–03.07.1988.
- ⁴⁴⁹ Ibid.
- ⁴⁵⁰ Turkish Daily News, 20–21.08.1988.
- ⁴⁵¹ Асахи симбун. 30.10.2013.
- ⁴⁵² Цит. по *Bekrshire J. Miller.* Japan's Strategic Push with Turkey // The Diplomat. 18.03.2014.
- ⁴⁵³ Region Middle East. Turkey. URL: http://www.mofa.go.jp/region/middle_t/turkey/data.html.
- ⁴⁵⁴ Turkiye-Japonia iliskeleri (Отношения между Турцией и Японией). URL: www.bilgesam.jrg/incele/88turkiye-japonia-iliskeleri.
- ⁴⁵⁵ Turkey-Japan economic cooperation more important in times of trade protectionism. URL: <https://www.dailysabah.com/business/2019/07/02/turkey-japan-economic-cooperation-more-important-in-times-of-trade-protectionism>.
- ⁴⁵⁶ *Morrison Scott.* Japan and Turkey: The Contours and Current Status of an Economic Partnership / Free trade Agreement / Insight Turkey. Spring 2014. Volume 16. № 2. P. 192.
- ⁴⁵⁷ ORSAM. Japan — Turkey Dialogue on Global Affairs. Report № 207, March 2017, p. 51.
- ⁴⁵⁸ *K. Ali Akkemik.* Is Turkey Turning Its Face Away from Japan to China and Korea? Evidence from Trade Relations. URL: http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2016/11/perceptions_Spring2016145-62.pdf. P. 58

- ⁴⁵⁹ Tukey's changing foreign policy stance: getting closer Asia. URL: <https://www.mei.edu/publications/turkeys-changing-foreign-policy-stance-getting-closer-asia>.
- ⁴⁶⁰ ORSAM. Japan — Turkey Dialogue on Global Affairs. Report № 207, March 2017. P. 46-49.
- ⁴⁶¹ *Morrison Scott*. Japan and Turkey: The Contours and Current Status of an Economic Partnership. P. 187.
- ⁴⁶² Ibid. P. 188.
- ⁴⁶³ Торговое соглашение между ЕС и Японией: основные моменты. URL: <http://fdlx.com/business-world/94146-torgovoe-soglashenie-mezhdu-es-i-yaponiej-osnovnye-momenty.html>.
- ⁴⁶⁴ Ibid.
- ⁴⁶⁵ Соглашение о свободной торговле между ЕС и Японией в цифрах и фактах. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6067664>.
- ⁴⁶⁶ Турция хочет установить зоны свободной торговли с Японией. URL: https://www.unitrade.su/novosti/turtsiya_khochet_ustanovit_zonu_svobodnoy_torgovli_s_yaponiey.html.
- ⁴⁶⁷ Turkey's Economy Minister Seeks Japan Trade Pact This Year. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Turkey-s-economy-minister-seeks-japan-trade-pact-this-year>.
- ⁴⁶⁸ Ibid.
- ⁴⁶⁹ Japan and Turkey eyeing more business with each other. URL: <https://asiatimes.com/2015/12/japan-and-turkey-eyeing-more-business-with-each-other/>.
- ⁴⁷⁰ *Emre Peker*. Japanese Investors Target Turkey // Wall Street Journal. 14.10.2012. URL: <http://online.wsj.com/news/articles/SB10000872396390444549204578019883120608180>.
- ⁴⁷¹ Türkiye Japonia is konseyleri (Турецко-японский деловой совет) // Japonya Ülke Bülteni (Бюллетень по Японии). March 2012. URL: <https://www.deik.org.tr/turkiye-asya-pasifik-is-konseyleri-turkiye-japonya-is-konseyi?pm=28>.
- ⁴⁷² Ibid.
- ⁴⁷³ Ibid.
- ⁴⁷⁴ *Абдуллаев Р.* Турция рассчитывает на рост японских инвестиций. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/турция-рассчитывает-на-рост-японских-инвестиций/1519913>.
- ⁴⁷⁵ ORSAM. Japan — Turkey Dialogue on Global Affairs. Report № 207. March 2017. P. 54.
- ⁴⁷⁶ *K. Ali Akkemik*. Is Turkey turning its face away from Japan to China and Korea? P. 58.
- ⁴⁷⁷ Turkey has best opportunities for Japanese firms. URL: <https://thefrontierpost.com/turkey-best-opportunities-japanese-firms/>.

- ⁴⁷⁸ Turkey's Economy Minister Seeks Japan Trade Pact This Year. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Turkey-s-economy-minister-seeks-japan-trade-pact-this-year>.
- ⁴⁷⁹ Hurriyet. 08.07.2014.
- ⁴⁸⁰ *Sibel Akbay*. Akbank, Mizuho to Cooperate in Commercial, Investment Banking // Bloomberg News. 03.09.2012. URL: <http://www.bloomberg.com/news/2012-09-03/akbank-mizuho-to-cooperate-in-commercial-investment-banking.html>.
- ⁴⁸¹ The Republic of Turkey Prime Ministry Investment Support and Promotion Agency. Bank of Tokyo-Mitsubishi granted Turkish banking license". 24.12.2012. URL: <http://www.invest.gov.tr/en-US/infocenter/news/Pages/241212-btmu-granted-turkish-banking-license.aspx>.
- ⁴⁸² *Emre Peker*. Japanese Investors Target Turkey / Wall Street Journal. 14.10.2012. URL: <http://online.wsj.com/news/articles/SB10000872396390444549204578019883120608180>.
- ⁴⁸³ Japan's Ministry of Economy, Trade and Industry. URL: http://www.meti.go.jp/english/press/data/20101224_01.html.
- ⁴⁸⁴ Asahi Shimbun. 05.05.2013.
- ⁴⁸⁵ *Парамонов О.* Самая «прояпонская» страна смотрит в сторону Пекина. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/samaya-proyaponskaya-strana-smotrit-v-storonu-pekina/>.
- ⁴⁸⁶ *Eiki Hayashi*. Itochu pulls out of nuclear plant project. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Companies/Itochu-pulls-out-of-nuclear-plant-project-in-Turkey>.
- ⁴⁸⁷ *Takashi Tsuji*. Japan to scrap Turkey nuclear project. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Japan-to-scrap-Turkey-nuclear-project>.
- ⁴⁸⁸ Turkey looks to cancel Japan Sinop project. URL: <https://www.neimagazine.com/news/newsturkey-looks-to-cancel-japan-sinop-project-7653758>.
- ⁴⁸⁹ Ibid.
- ⁴⁹⁰ Nihon Keizai Shimbun. 30.12.2013.
- ⁴⁹¹ Ibid.
- ⁴⁹² Japan and Turkey scrap talks on tank engine supply deal. URL: <http://www.4-traders.com/MITSUBISHI-HEAVY-INDUSTRI-6491254/news/Japan-Turkey-scrap-talks-on-tank-engine-supply-deal-18019138>.
- ⁴⁹³ Japan and Turkey eyeing more business with each other. URL: <https://asiatimes.com/2015/12/japan-and-turkey-eyeing-more-business-with-each-other/>.
- ⁴⁹⁴ *Парамонов О.* Самая «прояпонская» страна смотрит в сторону Пекина.
- ⁴⁹⁵ Ibid.
- ⁴⁹⁶ Relations between the EU, Turkey and Japan: dissonances in the strategic triangle. URL: <https://f1000research.com/articles/10-171>.
- ⁴⁹⁷ *Atsuko Higashino*. Relations between the EU, Turkey and Japan: dissonances in the strategic triangle. URL: <http://www.tr.emb.-japan.go.jp/T.02/01html>.

- 498 Official Development Assistance. Preliminary ODA 2015 flows and trends since 1960. URL: <http://www2.compareyourcountry.org/oda?cr=oecd&lg=en>.
- 499 OECD Development Co-operation report 2012. URL: http://www.oecd.org/dac/japan_DCR2012_21jan13_Part13.pdf.
- 500 Japan-Turkey Relations (Basic Data). 03.06.2016. URL: http://www.mofa.go.jp/region/middle_e/turkey/index.html.
- 501 Ibid.
- 502 Ibid.
- 503 Ibid.
- 504 Prime Minister Abe's Visit to Turkey. URL: http://www.mofa.go.jp/region/middle_e/turkey/2015.
- 505 Турция хочет установить зону свободной торговли с Японией. URL: https://www.unitrade.su/novosti/turtsiya_khochet_ustanovit_zonu_svobodnoy_torgovli_s_yaponiey.html.
- 506 Подробнее об этом см. Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. М. 2010; *Малышева Д. Б.* Центральноазиатский узел мировой политики М. ИМЭМО РАН. 2010; *Michael T. Klare.* Rising Powers. Shrinking Planet: The New Geopolitics of Energy. Henry Holt&Company Inc., 2008.
- 507 *Уразова Е. И.* Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. М. ИВ РАН, 2012, с. 17.
- 508 Там же, с. 18.
- 509 *Кудряшова Ю.* Взаимодействие Турции со странами Центральной Азии. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1257485520>.
- 510 Там же.
- 511 *Уразова Е. И.* Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. С. 23.
- 512 Сотрудничество Токио и Анкары в Центральной Азии. URL: <https://stanradar.com/news/full/42239-sotrudnichestvo-tokio-i-ankary-v-tsentralnoj-azii-vremena-bolshih-nadezhd-proshli>.
- 513 Япония и Центральная Азия: «тихое» партнерство с привлечением внерегиональных игроков. lnykh-igrok <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-i-tsentralnaya-aziya-tikhoe-partnerstvo-s-privlecheniem-vneregionalnih-igrokov/>
- 514 *Накадзима Такахару.* Значение Турменистана в центральноазиатском направлении политики Японии. Взгляд из Японии. Eurasia 21 Research Institute. 27. 2.2012. URL: <http://www.jbic.go.jp/en/about/press/2009/0319-01/index.html>.
- 515 Туркменистан — текстильная держава. URL: <http://www.cotton.ru/cgi-bin/vestnik/article.pl?id=25960>.
- 516 Началось строительство нового туркмено-японо-турецкого ГХК. URL: http://www/e-plastic.ru/news/nachalos-stroitelstvo-novogo-turkmeno-yapono-tureckogo-gkhk_9230.htm.

- ⁵¹⁷ ГХК в Овадандепе по производству бензина из газа введут в эксплуатацию в декабре 2018 г. (Туркменистан). URL: <https://chem.ru/news/14192-ghk-v-ovadandepo-po-proizvodstvu-benzina-iz-gaza-vvedut-v-ekspluataciyu-v-dekabre-2018-g-turkmenistan.html>.
- ⁵¹⁸ В Туркмении заработал первый в мире завод по производству бензина из газа. URL: <https://oilcapital.ru/news/downstream/01-07-2019/v-turkmenii-zarabotal-pervyy-v-mire-zavod-po-proizvodstvu-benzina-iz-gaza>.
- ⁵¹⁹ Управлять туркменским заводом поможет Kawasaki. URL: <https://oilcapital.ru/news/upstream/22-01-2020/upravlyat-turkmenskim-zavodom-pomozhet-kawasaki>.
- ⁵²⁰ В Туркменистане заработал крупный карбамидный завод. URL: <https://rosng.ru/post/v-turkmenistane-zarabotal-krupnyy-karbamidnyy-zavod>.
- ⁵²¹ Там же.
- ⁵²² Японо-турецкий консорциум строит объект химпромышленности в Туркменистане. URL: <https://www.trend.az/business/economy/2227424.html>.
- ⁵²³ Г. Бердымухамедов ввел в эксплуатацию комплекс по производству серной кислоты и электростанцию в Лебапском велаяте Туркменистана. URL: <https://neftegaz.ru/news/neftechim/218687-g-berdymukhamedov-vvel-v-ekspluatatsiyu-kompleks-po-proizvodstvu-sernoy-kisloty-i-elektrostantsiyu-v/>.
- ⁵²⁴ Там же.
- ⁵²⁵ Япония и Центральная Азия: «тихое» партнерство с привлечением внерегиональных игроков. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-i-tsentralnaya-aziya-tikhoe-partnerstvo-s-privlecheniem-vneregionalnikh-igrokov>.
- ⁵²⁶ Ibid.
- ⁵²⁷ Головин. В. Японо-турецкий альянс. URL: <https://szona.org/yapono-turetskij-alyans/index.html>.
- ⁵²⁸ Япония и Центральная Азия: «тихое» партнерство с привлечением внерегиональных игроков.
- ⁵²⁹ Туркмению ожидают те же проблемы, что и Казахстан? URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/01/25/turkmeniju-ozhidaut-te-zhe-problemy-chto-i-kazakhstan-55396.html>.
- ⁵³⁰ Туркменистан и Япония обсудили новые проекты сотрудничества. URL: <https://turkmenportal.com/blog/16174/turkmenistan-i-yaponiya-obsudili-novye-proekty-sotrudnichestva>.
- ⁵³¹ В Наманганской области запустили Туракурганскую ТЭС. URL: <https://fergana.media/news/109642/>.
- ⁵³² Там же.
- ⁵³³ Навоийская ТЭС: высокий эффект модернизации. URL: <https://yuz.uz/ru/news/navoiyskaya-tes-vsokiy-effekt-modernizatsii>.

- ⁵³⁴ Завершен первый этап пуска современной парогазовой установки на Навоийской ТЭС. URL: <https://kun.uz/ru/news/2018/12/30/zavershen-pervyy-etap-puska-sovremennoy-parogazovoy-ustanovki-na-navoiyskoy-tes>.
- ⁵³⁵ Подвесной мост в Семее оказался бесхозным. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1833953>; URL: <https://semey.city/novost-dnya/2013/10/24/podvesnoj-most-v-semey-okazalsya-beskhoznym/>.
- ⁵³⁶ Японо-турецкий консорциум получил контракт на строительство второй очереди метро в Дубае (ОАЭ). URL: <http://www.votpusk.ru/news.asp?msg=72580>.
- ⁵³⁷ В Туркменистане строится крупный завод по производству бензина из природного газа. URL: <https://turkmenportal.com/blog/7782>.
- ⁵³⁸ Перспективы сотрудничества Японии и стран Центральной Азии. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/24926-perspektivy-sotrudnichestva-japonii-i-stran-tsentralnoj-azii.html>.
- ⁵³⁹ S. Kondo. Wielding soft power: the key stages of transmission and reception // Soft power superpowers. Cultural and national assets of Japan and the United States. New York. 2008. P. 194.
- ⁵⁴⁰ Official Development Assistance. Preliminary ODA 2015 flows and trends since 1960. URL: <http://www2.compareyourcountry.org/oda?cr=oecd&lg=en>.
- ⁵⁴¹ Japan's ODA to Turkey. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/oda/page_000011.html#turkey.
- ⁵⁴² The Soft Power 30.2016. URL: <http://softpower30.portland-communications.com>.
- ⁵⁴³ Ibid.
- ⁵⁴⁴ Ibid.
- ⁵⁴⁵ Ibid.
- ⁵⁴⁶ Сигов Ю. «Японский путь» для Центральной Азии. Деловая газета, № 16 (1140). 28.04.2015.
- ⁵⁴⁷ Турция и Япония на постсоветском пространстве: вызовы для России. URL: <https://regnum.ru/news/3449795.html>.
- ⁵⁴⁸ Сигов Ю. «Японский путь» для Центральной Азии.
- ⁵⁴⁹ Pehlivanurk B. Turkish-Japanese Relations: Turning Romanticism into Rationality — International Journal. December 1, 2015. Vol. 67. Issue 1.
- ⁵⁵⁰ Ibid.
- ⁵⁵¹ Японо-турецкие отношения. Архивы. URL: www.tr.emb-japan.go.jp/T.02/01.html.
- ⁵⁵² Marmaray Marks Warm Turkey-Japan Ties: Abe. Daily News. 28.10.2013.
- ⁵⁵³ 2013–2014 Preparatory Action ‘Culture in the EU’s External Relations’. Japan Country Report. URL: http://ec.europa.eu/culture/policy/international-cooperation/documents/country-reports/japan_en.pdf.
- ⁵⁵⁴ Joint Declaration on the Establishment of Strategic Partnership between Japan and the Republic of Turkey 2013. URL: www.mofa.go.jp/files/000004160.pdf.

- ⁵⁵⁵ Anadolu Post. 25.12.2015.
- ⁵⁵⁶ Ibid.
- ⁵⁵⁷ Turkey-Japan Relations: Images and Reality. URL: <http://foreignpolicynews.org/2014/11/18/turkey-japan-relations-images-reality/>.
- ⁵⁵⁸ A New Dimension in Japanese Public Diplomacy. www.tokyofoundation.org/en/articles/2008/a-new-dimension-in-japanese-public-diplomacy
- ⁵⁵⁹ С. В. Чугров. «Мягкая сила» Японии: китайское направление // Япония в поисках новой глобальной роли. М. 2014. С. 141.
- ⁵⁶⁰ Программа обмена и обучения (JET Programme). URL: <http://www.ru.embjapan.go.jp/education/jet2015>.
- ⁵⁶¹ A New Dimension in Japanese Public Diplomacy. URL: www.tokyofoundation.org/en/articles/2008/a-new-dimension-in-japanese-public-diplomacy.
- ⁵⁶² Global 30 Project- Establishing University Network for Internalisation. URL: <http://www.global30.t.u-tokyo.ac.jp/>
- ⁵⁶³ Турция и Япония скрепят дружбу суфизмом. URL: <https://senseisekai.livejournal.com/5306496.html>.
- ⁵⁶⁴ Turkey, Japan to join Hands for Sufism Project. URL: <https://www.dailysabah.com/life/2016/10/25/turkey-japan-to-join-hands-for-sufism-project-1477334042>.
- ⁵⁶⁵ Yasuji Nagai. Japanese team to excavate 12,000-year-old sites in Turkey. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/14487942>.
- ⁵⁶⁶ Ibid.
- ⁵⁶⁷ Sinan Tavşan and Akihiro Sano. Japan's First Priority' on New government's Agenda // Interview with Turkish PM. Nikkei Asian Review. 13.11.2015.
- ⁵⁶⁸ Serkan Demirtaş. Turkey, Japan 'two states, one heart'. URL: <https://www.hurriyet-dailynews.com/turkey-japan-two-states-one-heart-japanese-envoy-159249>.
- ⁵⁶⁹ Japan-Turkey Relations (Basic Data). URL: www.mofa.go.jp/middle_e/turkey/2016.
- ⁵⁷⁰ Ersin Arioglu. Brief Thoughts on a Moving Japan-Turkey Relations. URL: <http://www.arioglu.net/bildiriler/brief%20thoughtsonamovingjapan-turkeyrelations>.
- ⁵⁷¹ 2021 — год Юнуса Эмре и турецкого языка. URL: <https://www.trtrussian.com/mnenie/2021-god-yunusa-emre-i-tureckogo-yazyka-5859108>.
- ⁵⁷² Подробно об этом см. Аватков В. А., Бадранов А. III. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России // Право и управление. XXI. 2013. № 2(27). С. 5–11.
- ⁵⁷³ Суна Лу. Визит президента Турции в Японию и турецко-японские отношения. URL: <https://inosmi.ru/20080609/241894.html>; Аналитика. URL: <http://365info.kz/category/analytics/>.
- ⁵⁷⁴ А. Ю. Садыкова. Взаимодействие Японии, Турции и Татарстана в XX веке и татарская диаспора <http://globkazan.narod.ru/2003/a10.htm>
- ⁵⁷⁵ Асахи симбун. 28.10.2013.

- ⁵⁷⁶ Цит. по: *Akcadag Goknur*. “Is a Turkish-Japanese trade agreement imminent?” URL: <http://www.trdefence.com/?p=3176>.
- ⁵⁷⁷ Япония и Турция идут на сближение. URL: <https://www.ataberkestate.com/news-Yaponiya-i-Turtsiya-idut-na-sblijeniye-yaponskiy-festival-v-Ankare>.
- ⁵⁷⁸ Турция, Япония «два государства, одно сердце»: японский посланник. URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/turkey-japan-two-states-one-heart-japanese-envoy-159249>.
- ⁵⁷⁹ Там же.
- ⁵⁸⁰ Турция и Япония на постсоветском пространстве: вызовы для России. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3449795.html>.
- ⁵⁸¹ Там же.
- ⁵⁸² Там же.
- ⁵⁸³ Там же.
- ⁵⁸⁴ National Review. 05.10.2010.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Документы и материалы

Договор о проливах. Архив документов Первой мировой войны. URL: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Straits_Treaty.

Записка по поводу отправления на Дальний Восток судов русского Черноморского флота. СПб., 1904. URL: <http://alternatiwa.org.ru/warships1905.htm>.

Сборник документов и материалов по Японии 1951–1954. Москва: Министерство иностранных дел СССР, 1954

Севрский мирный договор. Описание. Стороны подписания. История и интересные факты. URL: <https://fb.ru/article/351768/sevrskiy-mirnyi-dogov-or-opisanie-storonyi-podpisaniya-istoriya-i-interesnyie-faktyi>.

Соглашение о свободной торговле между ЕС и Японией в цифрах и фактах. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6067664>.

The Diplomatic Blue Book of Japan, 2021. P. 154. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2021/pdf/en_index.html.

Japan's Ministry of Economy, Trade and Industry. URL: http://www.meti.go.jp/english/press/data/20101224_01.html.

Japan-Turkey Relations (Basic Data), June 3, 2016. URL: www.mofa.go.jp/region/middle_e/turkey/index.html.

Joint Declaration on the Establishment of Strategic Partnership between Japan and the Republic of Turkey. URL: www.mofa.go.jp/files/000004160.pdf.

Relations between Turkey and Japan. URL: <http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-japan.en.mfa>, URL: <http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-china.en.mfa>.

Turkiye-Japonia ilişkileri (Отношения между Турцией и Японией). URL: www.bilgesam.jrg/incele/88turkiye-japonia-iliskeleri.

OECD Development Co-operation report 2012. URL: http://www.oecd.org/dac/japan_DCR2012_21jan13_Part13.pdf.

ORSAM. Japan — Turkey Dialogue on Global Affairs. Report № 207, March 2017.

Policy/EconomyReport/. URL: <http://www.meti.go.jp/en/policy/economy/growth/report20100618.pdf>.

Prime Minister Abe's Visit to Turkey. URL: www.mofa.go.jp/region/middle_e/turkey/2015.

Ibrahim Halil. Memoires. Istanbul, 1960.

Литература

Дейноров Э. История Японии. — М.: АСТ, 2011. С. 517–601.

Иванова И. И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016). — М, 2017.

История Японии в 2 томах / Отв. ред. А. Е. Жуков. — М.: ИВ РАН, 1998.

Киреев Н. Е. История Турции XX век. — М.: ИВ РАН, 2007.

Крупяно М. И., Арешидзе Л. Г. СССР на Сан-Францисской мирной конференции: поучительные уроки национальной истории // Великая победа. — М.: Университет МГИМО, 2011. — Том IX.

Кутаков Л. Н. Россия и Япония. — М.: Наука, 1988.

Мальшиева Д. Б. Центральнoазиатский узел мировой политики. — М.: ИМЭМО РАН, 2010.

Милеев Д. А. Отношения Японии и Германии в XX веке: сложные поиски *modus vivendi*. — М.: ИВ РАН, 2017.

Непомнин О. Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII — начало XX века. — М.: «Восточная литература» РАН, 2005.

Орешкова С. Ф. Османская империя: очерки истории. — М.: ИВ РАН, 2019.

Орлов А. С., Георгиева Н. Г., Георгиев В. А. Исторический словарь. — 2-е изд. — М., 2012.

Свистунова И. А. Новая политика Турции в отношении стран Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) // Проблемы национальной стратегии. — 2015. — № 5.

Такусиро Хаттори. Япония в войне 1941–1945 г. — СПб., 2003.

Уразова Е. И. Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. — М.: ИВ РАН, 2012.

Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. — М, 2010.

Юнусова А. «Великий имам Дальнего Востока» Мухаммед-Габдулхай Курбангалиев // Вестник Евразии. — 2001. — № 4.

Amitav Acharya. The End of American World Order. — Cambridge: Polity Press, 2014.

Arik Umur. A Century of Turkish-Japanese Relations. — Second Edition. — Ankara, 1991.

Bayur Hikmet. The History of the Turkish Revolution. — Ankara, 1991.

Beasley W. G. The Modern History of Japan. Third Printing. — Charles E. Tuttle Company, 1986.

Albrecht-Carrie Rene. A Diplomatic History of Europe. — Harper & Row, 1973.

Esenbel Selçuk, Inaba Chiharu. The Rising Sun and the Turkish Crescent: new perspectives on the history of Japanese Turkish relations. — Istanbul: Bogazici University Press, 2003.

Esenbel Selçuk. Japan, Turkey and the World of Islam. — Istanbul. 2011.

Friedman George. The Next 100 Years. A Forecast for the 21st Century. — N-Y; London, 2009.

Kaplan Mehmet. The Principles of Turkism. — Istanbul, 1976.

Klare Michael T. Rising Powers. Shrinking Planet: The New Geopolitics of Energy. — Henry Holt & Company Inc., 2008.

Kurat Nimet Akdes. Turkey and Russia. — Ankara, 1970.

Morimoto Abu Bakr. Islam in Japan: its Past, Present & Future. — Tokyo, 1980.

Murakami Hyoe. Japan, The Years of Trial 1919–52. — Kodansha International, 1983.

Misawa Nobuo. Relations between Japan and the Ottoman Empire in the 19th Century // AJAMES (Annals of Japan Association for Middle East Studies). — № 18.

Misawa Nobuo, Goknur Akcadag. The First Japanese Muslim, Shotaro Noda (1868–1904) // AJAMES (Japan Association for Middle East Studies). — 2007. — № 23–1.

Misawa Nobuo. The Origin of the Commercial Relationship between Japan and the Ottoman Empire: the Tactics of Young Torajiro YAMADA, as a “Student Merchant” // The Bulletin of the Faculty of Sociology. — Toyo University, 2007. — № 45–1.

Misawa Nobuo. The Beginning of the Japanese Language Education in the Ottoman Empire. *Osmanlı Araştırmaları // The Journal of Ottoman Studies*. — 2013. — № XLI. — P. 253–278.

Misawa Nobuo. The First Japanese who Resided in the Ottoman Empire. — Tokyo: Hitotsubashi University, 2012.

Olçay Osman. Towards the Sevres Treaty. — Ankara, 1981.

Reischauer Edwin O., Fairbank John K. East Asia. The Great Tradition. — Boston–Tokyo, 1968.

Reischauer Edwin O. Japan, the Story of a Nation. Third Edition. — English Printing, Charles E. Tuttle Co., 1987.

Singer Kurt. Mirror, Sword and Jewel — The Geometry of Japanese Life. — Fourth printing. — Kodansha Int. Ltd., 1985.

Shaw Stanford J., Shaw Ezel Kural. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. — Vol. II.

Sevim Trkeli. Map of Japan. — Ankara: Turkish Historical Society Press, 1985.

Colakoglu Selcuk. Turkey's East Asian Policy: from Security Concerns to Trade Partnerships. — 2014.

Tadashi Takahashi. Turk-Japan Munasebetlerine Kisa bir Bakis (Краткий обзор турецко-японских отношений 1871–1945). — Ankara. 1978.

Deguchi Tomoyuki. Rohan Koda & Torajiro Yamada / Modern Japanese Literature. — 2006. — № 74.

Turkkaya Ataev. Turkish Foreign Policy 1939–1945. — Ankara University, 1965.

Naito M.: Isuramu kara Europe wo miru: shakai no shinso de nani ga okiteiru-noka (Взгляд на Европу со стороны ислама: что происходит под поверхностью общества). — Chuko-shinsho, 2020.

Об авторе

Ледовская Ольга Андреевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН. Окончила МГИМО МИД СССР и аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Автор научных работ по проблемам внешней политики Японии в Центральной Азии, на Южном Кавказе, на Ближнем Востоке и др.

Научное издание

Ледовская О. А.

**Япония и Турция: долгий путь
к взаимовыгодному партнерству в XXI веке**

Корректор *Е. Н. Комарова*
Верстальщик *А. Б. Дунаева*
Оформитель *П. А. Трошина*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 29.11.2022. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 18,25. Уч.-изд. л. 16,1. Тираж 500 экз. Зак. № 3676

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4
Тел.: (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru